

Мир приключений

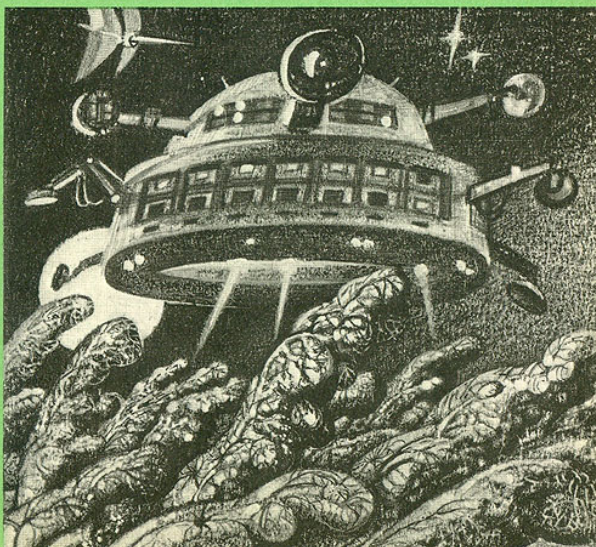
Станислав ЛЕМ

Солярис

Непобедимый

Звёздные дневники

Ийона Тихого

Аннотация

В настоящий сборник вошли романы известного польского фантаста Станислава Лема «Солярис», «Непобедимый», посвященные проблемам встречи человека с различными формами жизни и разума на далеких планетах; а также «Звездные дневники Ийона Тихого» – сатирические вариации на космические темы и фантастические сюжеты.

СОЛЯРИС

ПРИБЫТИЕ

В девятнадцать ноль-ноль бортового времени я спустился по металлическим ступенькам внутрь контейнера. В нем было ровно столько места, чтобы поднять локти. Я вставил наконечник шланга в штуцер, выступающий из стены, скафандр раздулся, и я не мог больше сделать ни малейшего движения. Я стоял, вернее сидел, в воздушном ложе, составляя единое целое с металлической скорлупой.

Подняв глаза, я увидел сквозь выпуклое стекло стены колодца и выше лицо склонившегося над ним Моддарда. Потом лицо исчезло и стало темно – это наверху закрыли тяжелый предохранительный конус. Послышался восьмикратно повторенный свист электромоторов, которые дотягивали болты, потом писк воздуха в амортизаторах. Глаза привыкали к темноте. Я уже видел зеленоватый контур универсального указателя.

– Готов, Кельвин? – раздалось в наушниках.

– Готов, Моддард, – ответил я.

– Не беспокойся ни о чем. Станция тебя примет, – сказал он. – Счастливого пути!

Ответить я не успел – что-то наверху заскрежетало, и контейнер вздрогнул. Инстинктивно я напряг мышцы. Но больше ничего не случилось.

– Когда старт? – спросил я и услышал шум, как будто зернышки мельчайшего песка сыпались на мембрану.

– Уже летишь, Кельвин. Будь здоров! – ответил близкий голос Моддарда.

Прежде чем я как следует это осознал, прямо против моего лица открылась широкая щель, через которую я увидел звезды. Напрасно я пытался отыскать Альфу Водолея, к которой улета­л «Прометей». Эта область Галактики была мне совершенно неизвестна. В узком окошке мелькала искрящаяся пыль. Я понял, что нахожусь в верхних слоях атмосферы. Неподвижный, обложенный пневматическими подушками, я мог смотреть только перед собой. Я летел и летел, совершенно этого не ощущая, только чувствовал, как постепенно мое тело коварно охватывает жара. Смотровое окно наполнял красный свет. Я слышал тяжелые удары собственного пульса, лицо горело, шею щекотала прохладная струя от климатизатора. Я пожалел, что мне не удалось увидеть «Прометей» – когда автоматы открыли смотровое окно, он, наверное, был уже за пределами видимости.

Контейнер взревел раз, другой, потом его корпус начал вибрировать. Эта нестерпимая дрожь прошла сквозь все изолирующие оболочки, сквозь воздушные подушки и проникла в глубину моего тела. Зеленоватый контур указателя размазался. Я не ощущал страха. Не для того же я летел в такую даль, чтобы погибнуть у самой цели.

– Станция Солярис, – произнес я. – Станция Солярис. Станция Солярис! Сделайте что-нибудь. Кажется, я теряю стабилизацию. Станция Солярис, я Кельвин. Прием.

Я прозевал важный момент появления планеты. Она распростерлась, огромная, плоская; по размеру полос на ее поверхности я сориентировался, что нахожусь еще далеко. А точнее, высоко, потому что миновал уже ту невидимую границу, после которой расстояние до небесного тела ста-

новится высотой. Я падал и чувствовал это теперь, даже закрыв глаза.

Подождав несколько секунд, я повторил вызов. И снова не получил ответа. В наушниках залпами повторялся треск атмосферных разрядов. Их фоном был шум, глубокий и низкий. Казалось, это был голос самой планеты. Оранжевое небо в смотровом окне заплывало бельмом. Стекло потемнело. Я инстинктивно сжался, насколько позволили пневматические бандажи, но в следующую секунду понял, что это тучи. Они лавиной неслись вверх. Я продолжал планировать, то ослепляемый солнцем, то в тени. Контейнер вращался вокруг вертикальной оси, и огромный, как будто распухший, солнечный диск равномерно проплывал мимо моего лица, появляясь с левой и уходя в правую сторону. Внезапно сквозь шумы и треск прямо в ухо ворвался далекий голос.

– Станция Солярис – Кельвину, Станция Солярис – Кельвину. Все в порядке. Вы под контролем Станции. Станция Солярис – Кельвину. Приготовиться к посадке в момент нуль. Внимание, начинаем. Двести пятьдесят, двести сорок девять, двести сорок восемь...

Отдельные слова падали, как горошины, четко отделяясь друг от друга; похоже, что говорил автомат. Странно. Обычно, когда прибывает кто-нибудь новый, да еще с Земли, все, кто может, бегут на посадочную площадку.

Однако времени для размышлений не было. Огромное кольцо, очерченное вокруг меня солнцем, вдруг встало на дыбы вместе с равниной, летящей мне навстречу. Потом крен изменился в другую сторону. Я болтался, как груз огромного маятника. На встающей стеной поверхности

планеты, исчерченной грязно-лиловыми и бурыми полосами, я увидел, борясь с головокружением, бело-зеленые шахматные квадратики – опознавательный знак Станции. В это момент от верха контейнера с треском оторвался длинный ошейник кольцевого парашюта, который громко зашелестел. В этом звуке было что-то невыразимо земное – первый, после стольких месяцев, шум настоящего ветра.

Дальнейшее происходило очень быстро. До сих пор я только знал, что падаю. Теперь я это увидел. Бело-зеленое шахматное поле стремительно росло. Уже было видно, что оно нарисовано на удлинённом, китовидном серебристо-блестящем корпусе с выступающими по бокам иглами радарных установок, с рядами более темных оконных проемов, что этот металлический гигант не лежит на поверхности планеты, а висит над ней, волоча по чернильно-черному фону свою тень – эллиптическое пятно еще более глубокой черноты. Одновременно я заметил подернутые фиолетовой дымкой лениво перекатывающиеся волны океана, Затем тучи ушли высоко вверх, охваченные по краям ослепительным пурпуром, небо между ними было далекое и плоское, буро-оранжевое. В смотровом окне заискрился ртутным блеском волнующийся до самом дымного горизонта океан, тросы и кольца парашюта мгновенно отделились и полетели над волнами, уносимые ветром, а контейнер начал мягко раскачиваться особыми свободными движениями, как это бывает обычно в искусственном силовом поле и рухнул вниз. Последнее, что я увидел, были огромные решетчатые катапульты и два возносящихся, наверное, на высоту нескольких этажей, ажурных зеркала радиотелескопов.

Что-то остановило контейнер, раздался пронзительный скрежет стали, упруго ударившейся о сталь, что-то открылось подо мной, и с продолжительным пыхтящим вздохом металлическая скорлупа, в которой я торчал выпрямившись, закончила свое стовосьмидесятикилометровое путешествие.

– Станция Солярис. Ноль-ноль. Посадка окончена. Конеч, – услышал я мертвый голос контрольного автомата.

Обеими руками (я чувствовал неясное давление на грудь, а внутренности ощущались как ненужный груз) я взялся за рукоятки и выключил контакты. Появилась зеленая надпись – «Земля», стенки контейнера разошлись, пневматическое ложе легонько подтолкнуло меня в спину, и, чтобы не упасть, я вынужден был сделать шаг вперед.

С тихим шипением, похожим на разочарованный вздох, воздух покинул оболочку скафандра. Я был свободен.

Я стоял под огромной серебристой воронкой. По стенам спускались пучки цветных труб, исчезая в круглых колодцах. Вентиляционные шахты урчали, втягивая остатки ядовитой атмосферы планеты, которая вторглась сюда во время посадки. Пустая, как лопнувший кокон, сигара контейнера стояла на дне врезанной в стальной холм чаши. Его наружная обшивка обгорела и стала грязновато-коричневой. Я сделал несколько шагов по маленькому наклонному спуску. Дальше металл был покрыт слоем шероховатого пластика. В тех местах, где обычно проходили тележки подъемников ракет, пластик вытерся и сквозь него проступала голая сталь.

Компрессоры вентиляторов умолкли, наступила пол-

ная тишина. Я осмотрелся, немного беспомощно, ожидая появления какого-нибудь человека, но никто не приходил. Только неоновая стрела показывала на бесшумнодвигающийся ленточный транспортер. Я встал на его площадку.

Свод зала изящной параболой падал вниз, переходя в трубу коридора. В его нишах возвышались груды баллонов для сжатых газов, контейнеров, кольцевых парашютов, ящиков – все было свалено в беспорядке, как попало. Это меня удивило. Транспортер кончился у округлого расширенного коридора. Здесь господствовал еще больший беспорядок. Из-под груды жестяных банок растекалась лужа маслянистой жидкости. Неприятный сильный запах наполнял воздух. В разные стороны шли следы ботинок, четко отпечатавшихся в этой жидкости. Между жестянками, как бы выметенными из кабин, валялись витки белой телеграфной ленты, мятые листы бумаги и мусор. И снова загорелся зеленый указатель, направляя меня к средней двери. За ней был коридор, такой узкий, что в нем едва ли смогли бы разойтись два человека. Свет падал из выходящих в небо окон с чечевицеобразными стеклами. Еще одна дверь, выкрашенная в белые и зеленые квадратики. Она была приоткрыта. Я вошел внутрь.

Полукруглая кабина имела одно большое панорамное окно. В нем горело затянутое дымкой небо. Внизу безмолвно перекатывались бурые холмы волн. В стенках было много открытых шкафчиков. Их наполняли инструменты, книги, склянки с засохшим осадком, запыленные термосы. На грязном полу стояло пять или шесть механических подвижных столиков, между ними несколько кресел, бесформенных, так как из них был выпущен воздух. Толь-

ко одно было надуту. В нем сидел маленький изнуренный человек с лицом, обожженным солнцем. Кожа клочьями слезала у него с носа и щек. Я узнал его. Это был Снаут, заместитель Гибаряна, кибернетик. В свое время он напечатал несколько совершенно оригинальных статей в соляристическом альманахе. Раньше я его не видел. На нем была рубашка-сетка, сквозь ячейки которой торчали седые волосы, росшие на плоской груди, и когда-то белые, запачканные на коленях, сожженные реактивами полотняные штаны с многочисленными карманами. В руке он держал пластмассовую грушу, из каких пьют на космических кораблях, лишенных искусственной гравитации. Он посмотрел на меня, как бы пораженный ослепительным светом. Груша выпала из его ослабевших пальцев и запрыгала по полу, как мячик. Из нее вылилось немного прозрачной жидкости. Постепенно вся кровь отхлынула от его лица. Я был слишком поражен, чтобы что-нибудь сказать, и эта безмолвная сцена продолжалась до тех пор, пока мне каким-то непонятным способом не передался его страх.

Я сделал шаг. Он скорчился в кресле.

— Снаут, — прошептал я.

Он вздрогнул, как будто его ударили. Глядя на меня с неопишемым отвращением, прохрипел:

— Не знаю тебя, не знаю тебя, чего ты хочешь? . .

Разлитая жидкость быстро испарялась. Я почувствовал запах алкоголя. Он пил? Был пьян? Но почему он так боялся? Я все еще стоял посреди кабины. Ноги у меня обмякли, а уши были как будто заткнуты ватой. Давление пола под ногами я воспринимал как что-то не совсем надежное. За выгнутом стеклом окна мерно колебался океан.

Снаут не спускал с меня налитых кровью глаз. Страх уходил с его лица, но не исчезло с него невыразимое отращение.

– Что с тобой?. . сказал он тихо. – Ага. Будешь заботиться, да? Но почему обо мне? Я тебя не знаю.

– Где Гибарян? – спросил я.

На секунду Снаут потерял дыхание. Его глаза снова стали стеклянными. В них вспыхнула какая-то искра и тотчас угасла.

– Ги... Гиба... – пролепетал он. – Нет!!!

Он затрясся в беззвучном идиотском смехе и затих.

– Ты пришел к Гибаряну? – Это было сказано почти спокойно. – К Гибаряну? Что ты хочешь с ним делать?

Он смотрел на меня так, как будто я перестал быть для него опасным. В его словах, а еще больше в тоне было что то ненавидяще-оскорбительное.

– Что ты городишь?. . – пробормотал я, ошарашенный. – Где он?

Он остоленел:

– Ты не знаешь?. .

«Он пьян, – подумал я, – пьян до невменяемости». Меня охватил растущий гнев. Мне, конечно, нужно было уйти, но мое терпение лопнуло.

– Приди в себя, – прикрикнул я. – Откуда я могу это знать, если только что прилетел! Что с тобой делается, Снаут?!!

У него отвалилась челюсть. Он снова на мгновение задохнулся. Быстрый блеск появился в его глазах. Трясущимися руками он вцепился в ручки кресла и с трудом, так что затрещали суставы, встал.

– Что? – сказал он, трезвея на глазах. – Прилетел? Откуда прилетел?

– С Земли, – ответил я зло. – Может, ты слышал о ней? Похоже, что нет!

– С Зе... Великое небо!. Так ты – Кельвин?

– Да. Что ты так смотришь? Что в этом удивительного?

– Ничего, – ответил он, быстро моргая глазами. – Ничего.

Он потер лоб.

– Извини меня, Кельвин. Это так, знаешь, просто от внезапности. Не ожидал.

– Как не ожидал? Ведь вы получили сообщение несколько месяцев назад, а Моддард радировал еще раз сегодня с борта «Прометея»...

– Да. Да... Конечно, только, видишь ли, здесь у нас некоторый... беспорядок...

– Вижу, – сказал я сухо. – Трудно этого не видеть.

Снаут обошел вокруг меня, осматривая мой скафандр, самый обычный скафандр на свете с упряжью проводов и кабелей на груди. Несколько раз откашлялся. Потрогал свой костистый нос.

– Может, хочешь принять ванну?.. Это тебя освежит. Голубые двери на противоположной стороне.

– Спасибо. Я знаю планировку Станции.

– Может, ты голоден?

– Нет. Где Гибарян?

Он подошел к окну, будто не слышал моего вопроса. Со спины он выглядел значительно старше. Коротко остриженные волосы были седыми, шея, сожженная солнцем, иссечена морщинами, глубокими, как шрамы. За окном

поблескивали огромные хребты волн, как будто океан застывал. Когда смотришь туда, появляется впечатление, что Станция движется немного боком, как бы соскальзывая с невидимого основания. Потом она возвращалась в нормальное положение и снова, лениво наклоняясь, шла в другую сторону. Но это, очевидно, был обман зрения. Хлопья слизистой пены цвета крови собирались в провалах между волнами. Через мгновение я почувствовал тошноту.

– Слушай... – неожиданно начал Снаут. – Пока только я... – Он обернулся. Нервно потер руки. – Тебе придется довольствоваться моим обществом. Пока. Называй меня Хорек. Ты знаешь меня только по фото, но это ничего, меня так все называют. Боюсь, что тут ничего не поделаешь.

– Где Гибарян? – упрямо спросил я.

Он заморгал.

– Мне очень жаль, что я тебя так принял. Это... не только моя вина. Совсем забыл, тут столько произошло, знаешь...

– Да брось, все в порядке, – ответил я. – Оставь это. Так что же все-таки с Гибаряном? Его нет на Станции? Он куда-нибудь улетел?

– Нет, – ответил Снаут, глядя в угол, заставленный катушками кабеля. – Он никуда не полетел. И не полетит. Потому что он...

– Что? – спросил я. У меня снова как будто заложило уши, и я стал хуже слышать. – Что ты хочешь сказать? Где он?

– Ты уже знаешь, – сказал Снаут совершенно другим тоном.

Он холодно смотрел мне в глаза. По коже у меня побежали мурашки. Может быть, Снаут и был пьян, но он знал, что говорит.

— Но ведь не произошло же? .

— Произошло.

— Несчастный случай?

Он кивнул. Он не только поддакивал, но одновременно изучал мою реакцию.

— Когда?

— Сегодня утром.

Удивительное дело, я не почувствовал потрясения. Весь этот обмен односложными вопросами и ответами успокоил меня, пожалуй, своей деловитостью. Мне казалось, что я уже понимаю поведение Снаута.

— Как это случилось?

— Устраивайся, разбери вещи и возвращайся сюда... Ну, скажем, через час.

Мгновение я колебался.

— Хорошо.

— Обожди, — сказал Снаут, когда я повернулся к дверям. Он смотрел на меня как-то по-особенному. Видно было, что он никак не может выдать из себя то, что хочет сказать.

— Нас было трое, и теперь с тобой снова трое. Ты знаешь Сарториуса?

— Так же, как тебя. По фотографии.

— Он в лаборатории, наверху, и не думаю, чтобы он вышел оттуда до ночи, но... во всяком случае ты его узнаешь. Если увидишь кого-нибудь другого, понимаешь, не меня и не Сарториуса, понимаешь, то...

– То что?

Мне казалось, что я все вижу во сне. На фоне черных волн, кроваво поблескивающих под низким солнцем, он сидел в кресле с опущенной головой и смотрел в угол смотанного кабеля.

– То... Не делай ничего.

– Кого я могу увидеть? Привидение?! – взорвался я.

– Понимаю. Думаешь, я сошел с ума. Еще нет. Не могу тебе сказать по-другому пока... В конце концов, может, ничего и не случится. Во всяком случае помни. Я тебя предостерегаю.

– От чего? О чем ты говоришь?

– Владей собой, – он упрямо говорил свое. – Поступай так, как будто... Будь готов ко всему. Это невозможно, я знаю. Но ты попробуй. Это единственный выход. Другого я не знаю.

– Но что я увижу? – Я, наверное, крикнул это. Я едва удерживался, чтобы не схватить Снаута за плечи и не встряхнуть его как следует, чтобы он не сидел вот так, уставившись в угол, с измученным, обожженным солнцем лицом, с видимым усилием выдавливая из себя по одному слову.

– Не знаю. В некотором смысле это зависит от тебя.

– Галлюцинации?

– Нет. Это реально. Не... нападай. Помни.

– Что ты говоришь?! – Я не узнавал своего голоса.

– Мы не на Земле.

– Политерии?.. Но ведь это совершенно не похоже на людей!

Я не знал, как вырвать его из этого кошмара, откуда он, казалось, вычитывал бессмыслицу, леденящую кровь.

– Именно оттого это так страшно, – сказал он тихо. –
Помни – будь начеку!

– Что случилось с Гибаряном?

Он не отвечал.

– Что делает Сарториус?

– Приходи через час.

Я отвернулся и вышел. Отворяя двери, взглянул на Снаута еще раз. Он сидел согнувшись, закрыв лицо руками. Только теперь я увидел, что костяшки пальцев у него покрыты запекшейся кровью.

СОЛЯРИСТЫ

Круглый коридор был пуст. Мгновение я постоял перед закрытой дверью, прислушиваясь. Стены, наверно, были тонкими, снаружи проникал плач ветра. На двери, немного наискось, висел небрежно прикрепленный прямоугольный кусок пластыря с карандашной надписью «Человек». Неразборчиво нацарапанное слово вызвало у меня желание вернуться к Снауту, но я понял, что это невозможно.

Нелепое предостережение все еще звучало в ушах. Тихо, как будто бессознательно скрываясь от невидимого наблюдателя, я вернулся в круглое помещение с пятью дверями. На трех из них висели таблички: «Д-р Гибарян», «Д-р Снаут», «Д-р Сарториус». На четвертой таблички не было. Поколебавшись, я нажал ручку. Пока дверь медленно открывалась, у меня появилось граничащее с уверенностью ощущение, что в комнате кто-то есть. Я вошел внутрь.

В комнате никого не было. Выпуклое окно глядело в океан, который жирно блестел под солнцем, как будто с волн стекало красное масло. Пурпурный отблеск наполнял комнату, похожую на корабельную каюту. У одной ее стены стояли полки с книгами, между ними прикрепленная вертикально кровать в карданной подвеске. Между ними в никелированных рамках фотоснимки планеты. В металлических захватах торчали колбы и пробирки, заткнутые ватой. Под окном в два ряда стояли эмалированные ящики с инструментами. В углах комнаты – краны, вытяжной шкаф, холодильные установки, на полу стоял микроскоп, для него уже не было места на большом столе у окна.

Я обернулся и увидел около входной двери достигающий потолка шкаф с открытыми дверцами. В нем были комбинезоны, рабочие и защитные халаты, на полках – белье, между голенищами противорадиационных сапог поблескивали алюминиевые баллоны для переносных кислородных аппаратов. Два аппарата с масками висели на поручне поднятой кровати. Везде тот же кое-как упорядоченный хаос.

Я втянул воздух и почувствовал слабый запах химических реактивов. Машинально поискал глазами вентиляционные решетки. Прикрепленные к ним полоски бумаги легонько колебались, показывая, что компрессоры работают, поддерживая нормальный обмен воздуха. Я перенес книги, аппараты и инструменты с двух кресел в углы, распищал все это как попало, и вокруг постели, между шкафом и полками, образовалось относительно пустое пространство. Потом подтянул вешалку, чтобы повесить на нее скафандр, и уже взялся за замки-«молнии», но тут же их от-

пустил. Я никак не мог решиться снять скафандр, как будто от этого стал бы незащищенным. Еще раз я окинул взглядом комнату. Дверь была плотно закрыта, но замка в ней не было, и после недолгого колебания я припер ее двумя самыми тяжелыми ящиками.

Забаррикадившись так, я освободился от своей тяжелой скрипящей оболочки. Узкое зеркало на внутренней поверхности шкафа отражало часть комнаты. Углом глаза я заметил какое-то движение, вскочил, но тут же понял, что это мое собственное отражение. Комбинезон под скафандром пропотел. Я сбросил его и толкнул шкаф. Он отъехал в сторону, и в нише за ним заблестели стены миниатюрной ванной комнаты. На полу под душем лежал довольно большой плоский ящик, который я с трудом втащил в комнату. Когда я ставил его на пол, крышка отскочила, как на пружине, и я увидел отделения, набитые странными предметами. Ящик был полон страшно изуродованных инструментов из темного металла, немного похожих на те, которые лежали в шкафах. Все они никуда не годились, бесформенные, скрученные, оплавленные. Словно вынесенные из пожара. Самым удивительным было то, что повреждения такого же характера были даже на керамитовых, то есть практически не плавящихся рукоятках. Ни в одной лабораторной печи нельзя было получить температуру, при которой бы они плавились, разве что внутри атомного котла. Из кармана моего скафандра я достал портативный дозиметр, но черный зуммер молчал, когда я приблизил его к обломкам.

На мне были только купальные трусы и рубашка-сетка. Я скинул их на пол и пошел под душ. Вода принесла об-

легчение. Я изгибался под потоками твердых горячих струй, массировал тело, фыркал и делал все это как-то преувеличенно, как будто хотел вытравить из себя эту жуткую, наполненную подозрениями неуверенность, охватившую Станцию.

В шкафу я нашел легкий тренировочный костюм, который можно было носить под скафандром, переложил в карман все свое скромное имущество. Между листами блокнота я нащупал что-то твердое, это был каким-то чудом попавший сюда ключ от моего земного жилья. Я повертел его в руках, не зная, что с ним делать, потом положил на стол. Мне пришло в голову, что неплохо бы иметь какое-нибудь оружие. Универсальный перочинный нож был мало пригоден для этого, но ничего другого у меня не было, и я еще не дошел до такого состояния, чтобы искать какой-нибудь ядерный излучатель или что-нибудь в этом роде. Я уселся на металлический стульчик, который стоял посередине пустого пространства, в отдалении от всех вещей. Мне хотелось побыть одному. С удовольствием я отметил, что имею еще полчаса времени. Стрелки на двадцатичетырехчасовом циферблате показывали семь. Солнце заходило. Семь часов местного времени, значит, двадцать часов на борту «Прометея». На экранах Моддарда Солярис, наверно, уже уменьшился до размеров искорки и ничем не отличался от звезд. Но какое я имею отношение к «Прометею»? Я закрыл глаза. Царила полная тишина, только в ванной капли воды тихо падали на кафель.

Гибарян мертв. Если я хорошо понял Снаута, с момента его смерти прошло всего несколько часов.

Что сделали с его телом? Похоронили? Правда, здесь,

на Солярисе, этого сделать нельзя. Я обдумывал это некоторое время, будто судьба мертвого была так уж важна. Поняв бессмысленность подобных размышлений, я встал и начал ходить по комнате, поддавая носком беспорядочно разбросанные книги. Потом поднял с пола фляжку из темного стекла, такую легкую, как будто она была сделана из бумаги. Посмотрел сквозь нее в окно, в мрачно пламенеющие, затянутые грязным туманом последние лучи заката. Что со мной? Почему я занимаюсь какими-то глупостями, какой-то ненужной ерундой?

Я вздрогнул – зажегся свет. Очевидно, фотоэлементы отреагировали на наступающие сумерки. Я был полон ожидания, напряжение нарастало до такой степени, что я уже не мог чувствовать за собой пустое пространство. С этим нужно было кончать.

Я придвинул кресло к полкам, взял хорошо известный мне второй том старой монографии Хьюга и Эгла «История Соляриса» и начал ее перелистывать, подперев толстый жесткий переплет коленом.

Солярис был открыт почти за сто лет до того, как я родился. Планета обращается вокруг двух солнц – красного и голубого. В течение сорока с лишним лет к ней не приближался ни один космический корабль. В то время теория Гамова-Шепли о невозможности зарождения жизни на планетах двойных звезд не вызывала сомнений. Орбиты таких планет непрерывно изменяются из-за непостоянства сил притяжения, вызванного взаимным обращением двух солнц.

Возникающие изменения гравитационного поля сокращают или растягивают орбиту планеты, и зародыши

жизни, если они возникнут, будут уничтожены испепеляющим жаром или космическим холодом. Эти изменения происходят регулярно через несколько миллионов лет, то есть в астрономическом или биологическом масштабе за очень короткие промежутки времени, так как эволюция требует сотен миллионов, если не миллиардов лет.

Солярис, по предварительным подсчетам, должен был за пятьсот тысяч лет приблизиться на расстояние половины астрономической единицы к своему красному солнцу, а еще через миллион лет упасть в его раскаленную бездну. Однако уже через несколько лет выяснилось, что орбита планеты не подвергается ожидаемым изменениям, как будто она была постоянной, такой же постоянной, как орбиты планет нашей Солнечной системы.

Были повторены, на этот раз с максимально возможной точностью, наблюдения и вычисления, которые лишь подтвердили, что уже было известно: Солярис имеет *постоянную* орбиту. И если до этого Солярис был всего-навсего одной из нескольких сотен ежегодно открываемых планет, которым в статистических сборниках уделялось по несколько строчек, описывающих элементы их движения, то теперь он немедленно перешел в ранг небесного тела, достойного самого пристального внимания.

Через четыре года после этого открытия планету облетела экспедиция Оттеншельда, который изучал Солярис с «Лаокоона» и двух вспомогательных космолетов. Эта экспедиция носила характер предварительной разведки, тем более что высадиться на планету она не могла. Ученые запустили большое количество автоматических спутников-наблюдателей на экваториальные и полярные орбиты.

Главным заданием для спутников было измерение гравитационных потенциалов. Кроме того, были исследованы океан, почти целиком покрывающий планету, и немногочисленные возвышающиеся над его поверхностью плоскогорья. Их общая площадь оказалась меньше, чем территория Европы, хотя Солярис имел диаметр на двадцать процентов больше земного. Эти лоскутки скалистой и пустынной суши, разбросанные как попало, скопились главным образом в южном полушарии. Был также определен состав атмосферы, лишенной кислорода, и произведены чрезвычайно точные измерения плотности планеты, альбедо и других астрономических показателей. Как и предполагалось, не было найдено никаких следов жизни ни на жалких клочках суши, ни в океане.

В течение дальнейших десяти лет Солярис, теперь уже находящийся в центре внимания всех наблюдателей этого района, демонстрировал поразительную тенденцию к сохранению своей, вне всяких сомнений, гравитационно нестабильной орбиты. Некоторое время дело пахло скандалом, так как вину за такие результаты наблюдений пытались возложить (в заботах о благе науки) то на определенных людей, то на вычислительные машины, которыми они пользовались.

Отсутствие средств задержало отправку специальной соляристической экспедиции еще на три года, вплоть до того момента, когда Шеннон, укомплектовавший команду, получил от института три космических корабля тоннажа «С» космодромного класса. За полтора года до прибытия экспедиции, которая вылетела с Альфы Водолея, другая исследовательская группа по поручению Института выве-

ла на околосоляристическую орбиту автоматический сателлоид «Луна-247». Этот сателлоид после трех последовательных реконструкций, отделенных друг от друга десятками лет, работает до сегодняшнего дня. Данные, которые он собрал, окончательно подтвердили выводы экспедиции Оттеншельда об активном характере движения океана.

Один космолет Шеннона остался на дальней орбите, два других после предварительных приготовлений сели на скалистом клочке суши, который занимает около тысячи квадратных километров у южного полюса планеты. Работа экспедиции закончилась через восемнадцать месяцев и прошла очень успешно, за исключением одного несчастного случая, вызванного неисправностью аппаратуры. Однако ученые экспедиции раскололись на два враждующих лагеря. Предметом спора стал океан. На основании анализов он был признан органической материей (назвать его живым еще никто не решался). Но если биологи видели в нем организм весьма примитивный, что-то вроде одной чудовищно разросшейся жидкой клетки (они называли ее «пребиологическая формация»), которая окружила всю планету студенистой оболочкой, местами глубиной в несколько миль, то астрономы и физики утверждали, что это должна быть чрезвычайно высокоорганизованная структура, которая сложностью своего строения превосходит земные организмы, коль скоро она в состоянии активно влиять на форму планетной орбиты. Никакой иной причины, объясняющей стабилизацию Соляриса, открыто не было. Кроме того, планетофизики установили связь между определенными процессами, происходящими в плазмен-

ном океане, и локальными колебаниями гравитационного потенциала, которые зависели от «видоизменений океанической материи».

Таким образом, физики, а не биологи выдвинули парадоксальную формулировку «плазменная машина», имея в виду существо, в нашем понимании, возможно, и неживое, но способное к целенаправленным действиям в астрономическом масштабе.

В этом споре, который, как вихрь, втянул в течение нескольких недель все выдающиеся авторитеты, доктрина Гамова-Шепли пошатнулась впервые за восемьдесят лет.

Некоторое время ее еще пытались защищать, утверждая, что океан ничего общего с жизнью не имеет, что он даже не является образованием пара- или пребиологическим, а всего лишь геологической формацией, по всей вероятности, необычной, но способной лишь к стабилизации орбиты Соляриса посредством изменения силы тяжести: при этом ссылались на закон Ле Шателье.

Наперекор консерватизму появлялись другие гипотезы (например, одна из наиболее разработанных, гипотеза Чивита-Витты). Согласно этим гипотезам океан является результатом диалектического развития: от своего первоначального состояния, от праокеана – раствора слабо реагирующих химических веществ он сумел под влиянием внешних условий (то есть угрожающих его существованию изменений орбиты), минуя все земные ступени развития, минуя образование одно- и многоклеточных организмов, эволюцию растений и животных, перепрыгнуть сразу в стадию «гомеостатического» океана. Иначе говоря, – он не приспособливался, как земные организмы, в течение

сотен миллионов лет к условиям среды, чтобы только через такое длительное время дать начало разумной расе, но стал хозяином среды сразу же.

Это было весьма оригинально, но никто не знал, как студенистый сироп может стабилизировать орбиту небесного тела. Уже давно были известны гравитаторы – установки, создающие искусственные силовые и гравитационные поля. Но никто не представлял себе, каким образом какое-то бесформенное желе может добиться результата, который в гравитаторах достигался с помощью сложных ядерных реакций и высоких температур. В газетах, которые, к удовольствию читателей и негодованию ученых, захлебывались тогда нелепейшими вымыслами на тему «тайны Соляриса», например, писали, что планетарный океан является... дальним родственником земных электрических угрей.

Как показали исследования, океан действовал совсем не по тому принципу, который использовался в наших гравитаторах (впрочем, это было невозможно). Он непосредственно моделировал метрику пространства-времени, что приводило, скажем, к отклонениям в изменении времени на одном и том же меридиане планеты. Следовательно, океан не только представлял себе, но и мог (чего нельзя сказать о нас) использовать выводы теории Эйнштейна-Бови.

Когда это стало известно, в научном мире возникла одна из сильнейших бурь нашего столетия. Самые почетные, повсеместно признанные непоколебимыми теории рассыпались в пыль, а научной литературе появились совершенно еретические статьи, альтернатива же «гениальный океан» или «гравитационное желе» распалила умы.

Все это происходило за много лет до моего рождения. Когда я ходил в школу, Солярис в связи с установленными позднее фактами был признан планетой, которая наделена жизнью, но имеет только одного жителя.

Второй том Хьюга и Эгла, который я перелистывал совершенно машинально, начинался с систематики, столь же оригинальной, сколь и забавной, Классификационная таблица представляла в порядке очереди: тип – Политерия, класс – Метаморфа, отряд – Синциталия. Будто мы знали бог весть сколько экземпляров этого вида, тогда как на самом деле существовал лишь один, правда, весом в семнадцать триллионов тонн.

Под пальцами у меня шелестели цветные диаграммы, чертежи, анализы, спектрограммы. Чем больше углублялся я в потрепанный фолиант, тем больше математических формул мелькало на мелованных страницах. Можно было подумать, что наши сведения об этом представителе класса Метаморфа, который лежал скрытый темнотой ночи в нескольких метрах под стальным днищем станции, являются исчерпывающими.

Я с треском поставил увесистый том на полку и взял следующий. Он делился на две части. Первая была посвящена изложению экспериментальных протоколов бесчисленных опытов, целью которых было установление контакта с океаном. Это установление контакта служило источником бесконечных анекдотов, насмешек и острот в мои студенческие годы. Средневековая схоластика казалась прозрачной, сверкающей истиной по сравнению с теми джунглями, которые породила эта проблема.

Первые попытки установления контакта были пред-

приняты при помощи специальных электронных аппаратов, трансформирующих импульсы, посылаемые в обе стороны, причем океан принимал активное участие в работе этих аппаратов. Но все это делалось в полной темноте. Что значило – принимал участие? Океан модифицировал некоторые элементы погруженных в него установок, в результате чего записанные ритмы импульсов изменялись, регистрирующие приборы фиксировали множество сигналов, похожих на обрывки гигантских выкладок высшего анализа. Но что все это значило? Может быть, это были сведения о мгновенном состоянии возбуждения океана? Может быть, переложенные на неведомый электронный язык отражения земных истин этого океана? Может быть, его произведения искусства? Может быть, импульсы, вызывающие появление его гигантских образований, возникают где-нибудь в тысяче миль от исследователя? Кто мог знать это, коль скоро не удалось получить дважды одинаковой реакции на один и тот же сигнал! Если один раз ответом был целый взрыв импульсов, чуть не уничтоживший аппараты, а другой – глухое молчание! Если ни одно исследование невозможно было повторить!

Все время казалось, что мы стоим на шаг от расшифровки непрерывно увеличивающегося моря записей; специально для этого строились электронные мозги с такой способностью перерабатывать информацию, какой не требовала до сих пор ни одна проблема. Действительно, были достигнуты определенные результаты. Океан – источник электрических, магнитных, гравитационных импульсов – говорил как бы языком математики; некоторые типы его электрических разрядов можно было классифицировать,

пользуясь наиболее абстрактными методами земного анализа, теории множеств, удалось выделить гомологи структур, известных из того раздела физики, который занимается выяснением взаимосвязи энергии и материи, конечных и бесконечных величин, частиц и полей. Все это склоняло ученых к выводу, что перед ними мыслящее существо, что-то вроде гигантски разросшегося, покрывшего целую планету протоплазменного моря-мозга, которое тратит время на неестественные по своему размаху теоретические исследования сути всего существующего, а то, что выхватывают наши аппараты, составляет лишь оборванные, случайно подслушанные обрывки этого, продолжающегося вечно в глубинах океана, перерастающего всякую возможность нашего понимания, гигантского монолога.

Одни расценивали такие гипотезы как выражение пренебрежения к человеческим возможностям, как преклонение перед чем-то, чего мы еще не понимаем, но что можно понять как воскрешение старой доктрины «*ignoramus et ignorabimus*¹». Другие считали, что это вредные и бесплодные небылицы, что в гипотезах математиков проявляется мифология нашего времени, видящая в гигантском мозге – безразлично, электронном или плазменном – наивысшую цель существования– итог бытия.

Другие еще... но исследователей и теорий были легионы. Впрочем, кроме «установления контакта» существовали и другие проблемы... Были отрасли соляристики, в которых специализация зашла так далеко, особенно на протяжении последней четверти столетия, что солярист-

---

¹ Не знаем и не узнаем (лат.)

кибернетик почти не мог понять соляриста-симметриадолога. «Как можете вы понять океан, если уже не в состоянии понять друг друга?» – спросил однажды шутливо Вейбек, который был в мои студенческие годы директором Института. В этой шутке было много правды.

Все же океан не случайно был отнесен к классу Метаморфа. Его волнистая поверхность могла давать начало самым различным, ни на что земное не похожим формам, причем цель – приспособительная, познавательная или какая-либо иная – этих иногда весьма бурных извержений плазменной массы была полнейшей загадкой.

Поставив тяжелый том на место, я подумал, что наши сведения о Солярисе, наполняющие библиотеки, являются бесполезным балластом и кладбищем фактов и что мы топчемся на том же самом месте, где начали их нагромождать семьдесят восемь лет назад. Точнее, ситуация была гораздо хуже, потому что труд всех этих лет оказался напрасным.

То, что мы знали наверняка, относилось только к области отрицания. Океан не пользовался механизмами и не строил их, хотя в определенных обстоятельствах, возможно, был способен к этому. Так, он размножал части некоторых погруженных в него аппаратов, но делал это только в первый и второй годы исследовательских работ, а затем игнорировал все наши настойчиво возобновляемые попытки, как будто утратил всякий интерес к нашим аппаратным устройствам (а следовательно, и к ним самим). Океан не обладал – я продолжаю перечисление наших «негативных сведений» – никакой нервной системой, ни клетками, ни структурами, напоминающими белок; не все-

гда реагировал на раздражения, даже наимоощнейшие (так, например, он полностью игнорировал катастрофу вспомогательной ракеты второй экспедиции Гезе, которая рухнула с высоты трехсот километров на поверхность планеты, уничтожив взрывом своих атомных двигателей плазму в радиусе двух километров).

Постепенно в научных кругах «операция Солярис» начала звучать как «операция проигранная», особенно в сферах научной администрации Института, где в последние годы все чаще раздавались голоса, требующие прекращения дотаций на дальнейшие исследования. О полной ликвидации станции до сих пор никто говорить не осмеливался, это было бы слишком явным признанием поражения. Впрочем, некоторые в частных беседах говорили, что все, что нам нужно, это наиболее «почетное» устранение от «аферы Солярис».

Для многих, однако, особенно молодых, «афера» эта постепенно становилась чем-то вроде пробного камня собственной ценности. «В сущности, – говорили они, – речь идет о ставке гораздо большей, чем изучение соляристической цивилизации, речь идет о нас самих, о границе человеческого познания».

В течение некоторого времени было популярно мнение (усердно распространяемое ежедневной прессой), что *мыслящий Океан*, который омывает весь Солярис, является гигантским мозгом, перегнавшим нашу цивилизацию в своем развитии на миллионы лет, что это какой-то «космический йог», мудрец, олицетворение всезнания, который уже давно понял бесполезность всякой деятельности и поэтому сохраняет (по отношению к нам) категорическое молчание.

Это была просто неправда, потому что живой океан действовал, и еще как, только в соответствии с иными, чем людские, представлениями, не строя ни городов, ни мостов, ни летательных машин, не пробуя также победить пространство или перешагнуть его (в чем некоторые защитники превосходства человека любой ценой усматривали бесценный для нас козырь), но занимаясь зато тысячекратными преобразованиями – «онтологической автометаморфозой», – чего-чего, а ученых терминов хватало на страницах соляристических трудов.

С другой стороны, у человека, упорно вчитывающегося во всевозможные солярианы, создавалось впечатление, что перед ним обломки интеллектуальных конструкций, возможно гениальных, перемешанные без всякой системы с плодами полного, граничащего с сумасшествием идиотизма. Отсюда выросла как антитеза концепции об «океане-йоге» мысль об «океане-дебиле». Эти гипотезы подняли из гроба и оживили одну из старейших философских проблем – взаимоотношения материи и духа, сознания. Необходима была большая смелость, чтобы первому – как это сделал дю Хаарт – приписать океану сознание. Эта проблема, поспешно признанная метафизической, тлела на дне всех дискуссий и споров. Возможно ли мышление без сознания? Можно ли возникающие в океане процессы называть мышлением? Гору – очень большим камнем? Планету – огромной горой? Можно пользоваться этими названиями, но новая величина выводит на сцену новые закономерности и новые явления.

Проблема Соляриса стала квадратурой круга нашего времени. Каждый самостоятельный мыслитель старался

внести в сокровищницу соляристики свой вклад: множились теории, гласящие, что перед нами продукт дегенерации, регресса, который наступил после минувшей фазы «интеллектуального великолепия» океана, что океан в самом деле новообразование, которое, зародившись в телах древних обитателей планеты, уничтожило и поглотило их, сплавливая остатки в структуру вечно живущего, самоомолаживающегося сверхклеточного организма.

...В белом, похожем на земной, свете ламп я снял со стола аппараты и книги и разложил на пластмассовой крышке карту Соляриса. Живой океан имел свои отмели и глубочайшие впадины, а его острова были покрыты налетом выветрившихся пород, свидетельствующих о том, что когда-то острова были океанским дном. Возможно, океан регулировал появление и исчезновение скальных формаций, погруженных в его лоно. Опять полная темнота. Я смотрел на огромное, раскрашенное разными оттенками фиолетового и голубого цветов полушарие на карте, испытывая, не знаю уж который раз в жизни, изумление, такое же потрясающее, как то, первое, которое я ощутил, когда еще мальчишкой впервые услышал в школе о существовании Соляриса.

Не знаю почему, но все, что меня окружало, – тайна смерти Гибаряна, даже неизвестное мне будущее, – все казалось сейчас неважным, и я не думал об этом, погруженный в удивительную карту.

Отдельные области живой планеты носили имена исследовавших их ученых. Я рассматривал омывающее экваториальные архипелаги море Гексалла, когда почувствовал чей-то взгляд.

Я еще стоял над картой, парализованный страхом, но уже не видел ее. Дверь была прямо против меня; она была приперта ящиками и придвинутым к ним шкафчиком. «Это какой-нибудь автомат», – подумал я, хотя ни одного автомата перед этим в комнате не было и он не мог войти незаметно для меня. Кожа на шее и спине стала горячей ощущение тяжелого, неподвижного взгляда становилось невыносимым. Не отдавая себе в этом отчета, инстинктивно втягивая голову в плечи, я все сильнее опирался на стол, который начал медленно ползти по полу. От этого движения я пришел в себя. Я стремительно обернулся.

Позади никого не было. Только зияло чернотой большое полукруглое окно. Но странное ощущение не исчезало. Эта темнота смотрела на меня, бесформенная, огромная, безглазая, не имеющая границ. Ее не освещала ни одна звезда. Я задернул шторы. Я не был на Станции еще и часа, но уже начинал понимать, почему у ее обитателей появилась мания преследования. Инстинктивно я связывал это со смертью Гибаряна. Я знал его и думал до сих пор, что ничто не могло бы помутить его разум. Теперь эта уверенность исчезла.

Я стоял посреди комнаты у стола. Дыхание успокоилось и я чувствовал, как испаряется пот, выступивший у меня на лбу. О чем это я только что думал? Ах да, об автоматах. Странно, что я не встретил ни одного из них ни в коридоре, ни в комнатах. Куда они все подевались? Единственный, с которым я столкнулся, да и то на расстоянии, принадлежал к системе обслуживания ракетодрома. А другие? .

Я посмотрел на часы. Пора идти к Снауту.

Коридор был освещен слабо. Я прошел две двери и остановился у той, на которой виднелось имя Гибаряна. Я нажал ручку. У меня не было намерения заходить туда, но ручка поддалась, дверь приоткрылась, щель мгновение была черной, потом в комнате вспыхнул яркий свет. Теперь меня мог увидеть каждый, кто шел по коридору. Я быстро юркнул в комнату, бесшумно, но с силой захлопнул за собой дверь и сразу же обернулся.

Я стоял, касаясь спиной двери. Комната была больше той... моей. Панорамное окно на три четверти было закрыто несомненно привезенной с Земли, не относящейся к снаряжению Станции занавеской в мелкие голубые и розовые цветочки. Вдоль стен тянулись библиотечные полки и стеллажи, покрытые серебристо-зеленой эмалью. Содержимое их, беспорядочно вываленное на пол, громоздилось между креслами. Прямо передо мной, загораживая проход, валялись два стула, наполовину зарытые в кучу журналов, высыпавшихся из разорвавшихся папок. Растерзанные книги были залиты жидкостями из разбитых колб и бутылок такими толстыми стенками, что было непонятно, каким образом они разбились, даже если упали на пол с большой высоты. Под окном лежало перевернутое бюро с разбитой рабочей лампой на выдвижном кронштейне; рядом валялась табуретка, две ножки которой были всажены в наполовину выдвинутые ящики бюро. Пол был покрыт слоем карточек, исписанных листков и других бумаг. Я узнал почерк Гибаряна и наклонился. Поднимая листки, я увидел, что моя рука отбрасывает две тени.

Я обернулся. Розовая занавеска пылала, как будто подожженная сверху, четкая полоса, голубого огня стреми-

тельно расширялась. Я отдернул занавеску, и в глаза ударило пламя гигантского пожара, который занимал треть горизонта. Волны длинных густых теней стремительно неслись к Станции. Это был рассвет. Станция находилась в зоне, где после часовой ночи на небо всходило второе, голубое солнце планеты.

Автоматический выключатель погасил лампы, и я вернулся к разбросанным бумагам. Перебирая их, я наткнулся на краткий план опыта, который должен был состояться три недели назад. Гибарян собирался подвергнуть плазму действию очень жесткого рентгеновского излучения. По тексту я понял, что план предназначен для Сарториуса, который должен был провести эксперимент, — у меня в руках была копия.

Белые листы бумаги начинали меня раздражать. День, который наступил, был не таким, как прежний. Под оранжевым небом остывающего солнца чернильный океан с кровавыми отблесками почти всегда покрывала грязно-розовая мгла, которая объединяла в одно целое тучи и волны. Теперь все это исчезло. Даже профильтрованный розовой тканью занавески свет пылал, как горелка мощной кварцевой лампы. Загар моих рук казался в нем почти серым. Вся комната изменилась, все, что имело красный оттенок, побронзовело и поблекло, все белые, зеленые, желтые предметы, наоборот, стали резче и, казалось, излучали собственный свет. Я закрыл глаза и на ощупь прошел в ванную. Там на полочке нашел темные очки и только теперь, надев их, мог продолжать чтение.

Это были протоколы проведенных исследований. Из них я узнал, что океан был подвергнут облучению в тече-

ние четырех дней в пункте, находящемся на тысячу четыреста миль северо-восточнее теперешнего положения Станции. Это меня поразило, так как использование рентгеновского излучения было запрещено конвенцией ООН в связи с его вредным действием. И я был совершенно уверен, что никто не обращался на Землю с просьбой разрешить подобные эксперименты.

Становилось жарко. Комната, пылающая белым и голубым, выглядела неестественной. Но вот послышался скрежет, и снаружи на окно напоззли герметические заслонки. Стало темно, затем зажегся электрический свет, показавшийся мне удивительно бледным.

Однако жара не уходила. Пожалуй, она даже увеличилась, хотя холодильники Станции, судя по гудению климатизаторов, работали на полную мощность.

Вдруг я услышал звук шагов. Кто-то шел по коридору. В два прыжка я оказался у двери. Шаги замедлились. Тот, кто шел, остановился у дверей. Ручка тихонько повернулась. Не раздумывая, инстинктивно, я схватил и задержал. Нажим не усиливался, но и не ослабевал. Тот, с другой стороны, старался делать все так же бесшумно, как я. Некоторое время мы оба держали ручку. Потом я почувствовал, что она ослабла, и услышал легкий шелест – тот уходил. Я постоял еще, прислушиваясь, но было тихо.

ГОСТИ

Я поспешно сложил вчетверо и спрятал в карман записи Гибаряна. Осторожно подошел к шкафу и заглянул внутрь. Одежда была скомкана и втиснута в один угол, как

будто в шкафу кто-то прятался. Из кучи бумаг, сваленных внизу, выглядывал уголок конверта. Я взял его. Письмо было адресовано мне. У меня вдруг пересохло горло.

С большим трудом я заставил себя разорвать конверт и достать из него маленький листок бумаги.

Своим четким и очень мелким почерком Гибарян написал: «Соляристический ежегодник, т. I, прилож., а также особ. мн. Мессенджера о ф.; „Малый апокриф”²“ Равинцера».

И все, ни одного слова больше. Записка носила след спешки. Было ли это какое-нибудь важное сообщение? Когда он ее написал? Нужно как можно скорее идти в библиотеку. Приложение к первому соляристическому ежегоднику было мне известно, точнее, я знал о его существовании, но никогда не видел; оно представляло чисто исторический интерес. Однако ни о Равинцере, ни о его «Малом Апокрифе» я никогда не слышал.

Что делать?

Я уже опаздывал на четверть часа. Подойдя к двери, еще раз оглядел комнату и только теперь заметил прикрепленную к стене складную кровать, которую заслоняла развернутая карта Соляриса. За картой что-то висело. Это был карманный магнитофон в футляре. Я вынул аппарат, футляр повесил на место, а магнитофон сунул в карман, убедившись по счетчику, что лента использована до конца.

Еще секунду постоял у двери с закрытыми глазами,

---

² Апокрифы (греч. *арокгупhos* – тайный, сокровенный) – произведения иудейской и раннехристианской литературы, не включенные в библейский канон.

напряженно вслушиваясь в тишину. Ни звука. Я осторожно отворил дверь. Коридор показался мне чертовой бездной. Я снял темные очки и увидел слабый свет потолочных ламп. Закрыв за собой дверь, я пошел налево, к радиостанции.

Круглая камера, от которой, как спицы колеса, расходились во все стороны коридоры, была уже совсем близко, когда, минуя какой-то узкий боковой проход, ведущий, как мне показалось, к ванным, я увидел большую, неясную, почти сливающуюся с полумраком фигуру.

Я замер. Из глубины коридора не спеша, по-утиному покачиваясь, шла огромная негритянка. Я увидел блеск ее белков и почти одновременно услышал мягкое шлепанье босых ног. На ней не было ничего, кроме желтой, блестящей, как будто сплетенной из соломы, юбки. Она прошла мимо меня на расстоянии метра, даже не посмотрев в мою сторону, покачивая слоновьими бедрами, похожая на гигантские скульптуры каменного века, которые можно увидеть в антропологических музеях. Там, где коридор поворачивал, негритянка остановилась и открыла дверь кабины Гибаряна. На мгновение она очутилась в полосе яркого света, падавшего из кабины, потом дверь закрылась, и я остался один. Правой рукой я вцепился и кисть левой и стиснул ее так, что хрустнули кости; бессмысленно огляделся вокруг. Что случилось? Что это было? Внезапно, как будто меня ударили, я вспомнил предостережение Снаута. Что все это могло значить? Кто была эта черная Афродита? Откуда она взялась?

Я сделал шаг, только один шаг и сторону кабины Гибаряна.

ряна и остановился. Я слишком хорошо знал, что не войду туда.

Не знаю, долго ли я простоял так, опершись о охлаждающий металл стены. Станцию наполняла тишина, и лишь монотонно шумели компрессоры климатических установок.

Я похлопал себя по щеке и медленно пошел на радиостанцию, взявшись за ручку двери, услышал резкий голос Снаута:

– Кто там?

– Это я, Кельвин.

Снаут сидел за столом между кучей алюминиевых коробок и пультов передатчика и прямо из банки ел мясные консервы. Не знаю, почему он выбрал для жилья радиостанцию. Я тупо стоял у двери, глядя на его мерно жующие челюсти, и вдруг почувствовал, что, очень голоден. Подойдя к полке, я взял из стопки тарелок наименее грязную и уселся напротив него.

Некоторое время мы ели молча, потом Снаут встал, вынул из стенного шкафа термос и налил в чашки горячий бульон. Ставя термос на пол – на столе уже не было места, – он спросил:

– Видел Сарториуса?

– Нет. А где он?

– Наверху.

Наверху была лаборатория. Мы продолжали есть молча, только скрежетали опустошаемые банки. На радиостанции царила ночь. Окно было тщательно завешено изнутри, под потолком горели четыре круглых светильника. Их отражения дрожали в пластмассовом корпусе передатчика.

Я посмотрел на Снаута. На нем был черный простой довольно потрепанный свитер. Натянувшаяся на скулах кожа вся в красных прожилках.

– С тобой что-нибудь случилось? – спросил Снаут.

– Нет. А что со мной могло случиться?

– Ты весь мокрый.

Я вытер рукой лоб и почувствовал, что буквально обливаюсь потом. Это была реакция. Снаут смотрел на меня изучающе. Сказать ему? Хотелось бы, чтобы он мне больше доверял. Кто с кем здесь играет и в какую игру?

– Жарко, – сказал я. – Мне казалось, что климатические установки работают у вас лучше.

– Скоро все придет в норму. Ты уверен, что это только от жары? – Он поднял на меня глаза.

Я сделал вид, что не замечаю этого.

– Что собираешься делать? – прямо спросил Снаут, когда мы кончили есть.

Он свалил всю посуду и пустые банки в умывальник и вернулся в свое кресло.

– Присоединяюсь к вам. У вас есть какой-нибудь план исследований? Какой-нибудь новый стимулятор, рентген или что-нибудь в этом роде. А?

– Рентген? – брови Снаута поднялись. – Где ты об этом слышал?

– Не помню... Мне кто-то говорил, Может быть, на «Прометее». А что? Уже применяете?

– Я не знаю подробностей. Это была идея Гибаряна. Он начал с Сарториусом... Но откуда ты можешь об этом знать?

Я пожал плечами:

– Не знаешь подробностей? Ты ведь должен был в этом участвовать, это входит в твои... – Я не кончил и замолчал.

Шум климатизаторов утих, температура держалась на сносном уровне.

Снаут встал, подошел к пульту управления и начал для чего-то поворачивать ручки. Это было бессмысленно, главный выключатель находился в нулевом положении. Немного погодя он, даже не повернувшись ко мне, заметил:

– Нужно будет выполнить все формальности в связи с этим...

– Да?

Он обернулся и с бешенством взглянул на меня. Не могу сказать, что умышленно старался вывести его из равновесия. Ничего не понимая в игре, которая здесь велась, я стремился держаться сдержанно. Его острый кадык ходил над черным воротником свитера.

– Ты был у Гибаряна, – сказал вдруг Снаут.

Это не был вопрос. Подняв брови, я спокойно смотрел ему в лицо.

– Был в его комнате, – повторил он.

Я сделал движение головой, как бы говоря: «Предположим, Ну и что?» Пусть он говорит дальше.

– Кто там был?

Он знал о ней!!!

– Никто. А кто там мог быть? – спросил я.

– Почему же ты меня не впустил?

Я усмехнулся:

– Испугался. Ты сам меня предостерегал, и, когда

ручка повернулась, я инстинктивно задержал ее. Почему ты не сказал, что это ты? Я бы тебя впустил.

– Я думал, что это Сарториус, – сказал он неуверенно,

– Ну и что?

– Что ты думаешь об этом... о том, что произошло? – ответил он вопросом на вопрос.

Я заколебался.

– Ты должен знать больше, чем я. Где он?

– В холодильнике, – ответил Снаут тотчас же. – Мы перенесли его сразу же... утром... жара...

– Где вы его нашли?

– В шкафу.

– В шкафу? Он был уже мертвым?

– Сердце еще билось, но дыхания не было. Это была агония.

– Пробовали его спасти?

– Нет.

– Почему?

Снаут помедлил.

– Не успели. Умер прежде, чем мы его уложили.

– Он стоял в шкафу? Между комбинезонами?

– Да.

Снаут подошел к маленькому бюро, стоявшему в углу, взял лежавший на нем лист бумаги и положил его передо мной.

– Я написал такой предварительный протокол. Это даже хорошо, что ты осмотрел его комнату. Причина смерти... укол смертельной дозы перносталя. Так тут написано...

Я пробежал глазами короткий текст.

– Самоубийство... – повторил я тихо. – А причина?

– Нервное расстройство... депрессия... или как это еще называется. Ты знаешь об этом лучше, чем я.

– Я знаю только то, что вижу сам, – ответил я и посмотрел на него снизу.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он спокойно.

– Гибарян сделал себе укол перносталя и спрятался в шкаф. Так? Если так, то это не депрессия, не расстройство, а острый психоз. Паранойя... Ему, наверное, казалось, что он что-нибудь видит... – говорил я все медленнее, глядя ему в глаза.

Он отошел от меня к пульту передатчика и снова начал крутить ручки.

– Тут твоя подпись, – заметил я после недолгого молчания. – А Сарториус?

– Он в лаборатории. Я уже говорил. Не появляется. Думаю...

– Что?

– Что он заперся.

– Заперся? О, заперся! Вот как! Может быть, забаррикадировался?

– Возможно.

– Снаут... На станции кто-нибудь есть?

– Ты видел?

Он смотрел на меня, слегка наклонившись.

– Ты предостерегал меня. От чего? Это галлюцинация?

– Что ты видел?

– Это человек, да?

Снаут молчал. Он отвернулся к стене, как будто не хо-

тел, чтобы я видел его лицо, и барабанил пальцами по металлической перегородке. Я посмотрел на его руки. На них уже не было следов крови. Вдруг меня осенило.

— Эта особа реальна, — сказал я тихо, почти шепотом, как бы открывая тайну, которую могли подслушать. — Да? До нее можно дотронуться. Можно ее ранить... Последний раз ты видел ее сегодня.

— Откуда ты знаешь?

Он не повернулся. Стоял у самой стены, касаясь ее грудью.

— Перед тем как я прилетел? Совсем незадолго?..

Снаут сжался как от удара. Я увидел его безумные глаза.

— Ты?! — выкрикнул он. — Кто ТЫ такой?

Казалось, он сейчас бросится на меня. Этого я не ожидал. Все шло кувырком. Он не верил, что я тот, за кого себя выдаю. Что это могло значить? Снаут смотрел на меня с ужасом. Что это, психоз? Отравление? Все было возможно. Но ведь я видел ее, эту фигуру... Может быть, и я сам тоже...

— Кто это был?

Эти слова успокоили его. Некоторое время он смотрел на меня испытующе, как будто еще не доверял мне. Прежде чем он открыл рот, я понял, что попытка неудачна и что он не ответит мне.

Снаут медленно сел в кресло и стиснул голову руками.

— Что здесь происходит?.. — сказал он тихо. — Горячка...

— Кто это был? — снова спросил я.

— Если ты не знаешь... — буркнул он.

– То что?

– Ничего.

– Снаут, – сказал я, – мы достаточно далеко от дома. Давай в открытую. И так все запутано.

– Чего ты хочешь?

– Чтобы ты сказал, кого видел.

– А ты?.. – спросил он подозрительно.

– Хитришь? Сказать тебе, и ты скажешь мне. Можешь не беспокоиться. Я тебя не буду считать сумасшедшим, знаю...

– Сумасшедшим! О господи! – Он попытался засмеяться. – Но ведь ты же ничего, совсем ничего... Это было бы избавлением... Если бы он хоть на секунду поверил, что это сумасшествие, он бы не сделал этого, он бы жил...

– Значит, то, что написано в протоколе о нервном расстройстве, – ложь?

– Конечно.

– Почему же ты написал неправду?

– Почему? – повторил он.

Наступило молчание. Снова я был в тупике и ничего не понимал. А мне уже казалось, что я убедил его и мы вместе атакуем эту тайну, Почему, почему он не хотел говорить?!

– Где автоматы? – спросил я.

– На складах. Мы закрыли их все, кроме тех, которые обслуживают полеты.

– Почему?

Он снова не ответил.

– Не скажешь?

– Не могу.

В этом было что-то, чего я никак не мог ухватить. Может быть, пойти наверх к Сарториусу? Вдруг я вспомнил записку и подумал, что сейчас это самое главное.

– Как ты себе представляешь дальнейшую работу в таких условиях?

Снаут пожал плечами:

– Какое это имеет значение?

– Ах, так? И что ты намерен делать?

Он молчал. В тишине было слышно шлепанье босых ног. Среди никелированных и пластмассовых аппаратов высоких шкафов с электронной аппаратурой, точнейших приборов эта шлепающая разболтанная походка казалась дикой шуткой не совсем нормального человека. Шаги приближались. Я стал напряженно всматриваться в Снаута. Он прислушивался, зажмурив глаза, но совсем не выглядел испуганным. Значит, он боялся *не ее*?!

– Откуда она взялась? – спросил я.

Снаут молчал.

– Не хочешь сказать?

– Не знаю.

– Ладно.

Шаги удалились и затихли.

– Ты мне не веришь? – спросил Снаут. – Даю слово, что не знаю.

Я молча отворил шкаф со скафандрами и начал раздвигать их тяжелые пустые оболочки. Как я и ожидал, в глубине на крюках висели газовые пистолеты, которыми пользуются для передвижения и состоянии невесомости. Как оружие они стоили немного, но выбора не было. Лучше такое, чем ничего. Я проверил зарядное устройство и перекинул через плечо ремень футляра.

Снаут внимательно следил за мной. Когда я регулировал длину ремня, он язвительно усмехнулся, показав желтые зубы.

– Счастливой охоты!

– Спасибо за все, – ответил я, идя к двери.

Он вскочил со стула.

– Кельвин.

Я посмотрел на него. Усмешки уже не было. Не знаю видел ли я когда-нибудь такое измученное лицо.

– Кельвин, это не... Я... правда не могу, – с трудом проговорил он.

Я ждал, что он скажет еще что-нибудь, но он только шевелил губами, как будто старался выдавить из себя слова.

Я молча повернулся и вышел.

САРТОРИУС

Коридор был пуст. Сначала он шел прямо, потом поворачивал направо. Я никогда не был на Станции, но во время предварительной тренировки шесть недель жил в точной ее копии, находящейся в Институте на Земле. Я знал, куда ведет лесенка с алюминиевыми ступеньками.

В библиотеке было темно. На ощупь я нашел выключатель. Когда я отыскал в картотеке первый том Соляристического ежегодника вместе с приложением и нажал кнопку, загорелась красная лампочка. Проверил в регистраторе – книга находилась у Гибаряна, так же как и другая – этот «Малый Апокриф». Я погасил свет и вернулся вниз. Я боялся войти в его кабину: она могла туда вернуться.

Некоторое время я стоял у двери, потом, стиснув зубы, превозмог страх и вошел.

В освещенной комнате никого не было. Я начал перебирать книги, лежавшие на полу у окна, потом подошел к шкафу и закрыл его. Я не мог смотреть на эту пустоту между комбинезонами.

Под окном приложения не было. Я методично перекладывал книгу за книгой и, наконец, добравшись до последней пачки, лежавшей между кроватью и шкафом, обнаружил нужный том.

Я надеялся найти в нем какую-нибудь пометку, и действительно, в именном указателе лежала закладка. Красным карандашом на ней было записано имя, которое мне ничего не говорило: Андре Бертон. В книге оно встречалось дважды. Сначала я отыскал первое упоминание о нем и узнал, что Бертон был резервным пилотом на корабле Шеннона. Следующее упоминание было на сто с лишним страниц дальше.

Первое время высадки экспедиция действовала чрезвычайно осторожно, однако, когда через шестнадцать дней выяснилось, что плазменный океан не только не проявляет никаких признаков агрессивности, но отступает перед каждым приближающимся к его поверхности предметом и всячески избегает непосредственного контакта с какими-либо аппаратами и людьми. Шеннон и его заместитель Тимолис отменили некоторые правила безопасности, так как это страшно затрудняло и замедляло проведение работ.

Экспедиции была разбита на маленькие группы по два-три человека, которые проводили полеты над океаном на

расстоянии иногда в несколько сотен миль. Использувавшиеся раньше в качестве защиты излучатели, окружавшие территорию работ, были стянуты на Базу. Первые четыре дня после этих изменений прошли без всяких происшествий, если не считать случавшихся время от времени поломок кислородной аппаратуры скафандров, так как выходные клапаны оказались очень чувствительными к коррозирующему действию ядовитой атмосферы. В связи с этим их приходилось заменять почти ежедневно.

На пятый день, или на двадцать первый, если считать от момента высадки, двое ученых, Каруччи и Фехнер (первый был радиобиологом, а второй – физиком), проводили исследовательский полет над океаном в небольшом двухместном аэромобиле. Это был не летательный аппарат, а глиссер, передвигающийся на подушке сжатого воздуха.

Когда через шесть часов они не вернулись, Тимолис, который руководил Базой в отсутствие Шеннона, объявил тревогу и выслал всех свободных людей на поиски.

По несчастному стечению обстоятельств радиосвязь в этот день примерно через час после вылета исследовательских групп перестала действовать. Причиной было большое пятно на красном солнце, излучавшее мощные корпускулярные потоки, достигавшие верхних слоев атмосферы. Действовали только ультракоротковолновые аппараты, которые позволяли поддерживать связь на расстоянии около двухсот километров. В довершение всего перед заходом солнца спустился туман, и поиски пришлось прекратить.

И только когда спасательные группы уже возвраща-

лись на Базу, одна из них на расстоянии ста тридцати километров от берега наткнулась на аэромобиль. Двигатель работал, и совершенно исправная машина висела над волнами. В прозрачной кабине находился только Каруччи. Он был без сознания.

Аэромобиль был доставлен на Базу, и Каруччи поручили заботам медиков. В тот же вечер он пришел в себя. О судьбе Фехнера Каруччи ничего не мог сказать. Помнил только, что, когда они уже решили возвращаться, он почувствовал удушье. Дыхательный клапан заклинился, и внутрь скафандра при каждом вдохе проникала небольшая порция ядовитых газов.

Фехнер, пытаясь исправить его аппарат, вынужден был отстегнуть ремни и встать. Это было последнее, что помнил Каруччи. Возможный ход событий, по мнению специалистов, был таким. Исправляя аппарат Каруччи, Фехнер открыл верх кабины, вероятно, потому, что под низким куполом он не мог свободно двигаться. Это было допустимо, так как кабины таких машин не были герметичными и только защищали от непосредственного воздействия атмосферы и ветра. Во время этих манипуляций мог испортиться аппарат Фехнера, и ученый, потеряв сознание, выбрался через открытый купол из машины и свалился вниз.

Такова истории первой жертвы океана. Поиски тела – в скафандре оно должно было плавать на поверхности океана – не дали результатов. Впрочем, возможно, оно и плавало. Тщательно прочесать тысячу квадратных километров почти постоянно покрытой лохмотьями тумана волнистой пустыни было просто невозможно.

До сумерек – я возвращаюсь к предшествующим событиям – вернулись все спасательные аппараты, за исключением большого грузового вертолета, на котором вылетел Бертон.

Он показался над Базой примерно через час после наступления темноты, когда о нем уже начали серьезно беспокоиться. Бертон находился в состоянии нервного шока. Он выбрался из вертолета только для того, чтобы кинуться бежать. Когда его поймали, он кричал и плакал. Для мужчины, имеющего за плечами семнадцать лет космических полетов, иногда в тяжелейших условиях, это было поразительно. Врачи решили, что он отравился.

Через два дня Бертон, который, даже вернувшись к кажущемуся равновесию, не хотел ни на минуту выйти из главной ракеты экспедиции, ни даже подойти к окну, из которого открывался вид на океан, заявил, что хочет подать рапорт о своем полете. Он настаивал на этом, утверждая, что речь идет о деле чрезвычайной важности.

Его рапорт был рассмотрен советом экспедиции, признан созданием большого воображения человека, отравленного газами атмосферы, и как таковой помещен не в историю экспедиции, а в историю болезни Бертона. На этом все и закончилось.

Вот все, что было в приложении. Я понял, что существо дела составлял, очевидно, сам рапорт Бертона о событии, которое привело этого пилота к нервному потрясению. Я снова начал перекладывать книги, но «Малого Апокрифа» обнаружить не удалось. Я очень устал и поэтому, отложив дальнейшие поиски до утра, вышел из кабины.

На ступеньках алюминиевой лесенки лежали пятна

света, падающего сверху. Значит, Сарториус все еще работал. Так поздно! Я подумал, что должен с ним встретиться.

Наверху было немного теплее. В широком низком коридоре дул слабый ветерок. Полоски бумаги бесстрастно шелестели над вентиляционными отверстиями. Двери главной лаборатории представляли собой толстую плиту шероховатого стекла, вставленного в металлическую раму. Изнутри, стекло было заслонено чем-то темным. Свет пробивался только сквозь узкие окна под самым потолком. Я нажал ручку, но, как и ожидал, дверь не поддавалась. Внутри царила тишина, и лишь время от времени слышался какой-то слабый писк. Я постучал – никакого ответа.

– Сарториус! – крикнул я. – Доктор Сарториус! Это я, новичок, – Кельвин! Мне нужно с вами увидаться, прошу вас, откройте!

Слабый шорох, словно кто-то ступал по мятой бумаге, и снова тишина.

– Это я – Кельвин! Вы ведь обо мне слышали! Я прилетел два часа назад на «Прометее»! – кричал я, приблизив губы к щели между дверным косяком и металлической рамой. – Доктор Сарториус! Тут никого нет, только я! Откройте!

Молчание. Потом слабый шум. Несколько раз что-то лязгнуло, как будто кто-то укладывал металлические инструменты, на металлический поднос. И вдруг... Я остолбенел. Раздался звук мелких шажков, будто бегал ребенок. Частый, поспешный топот маленьких ножек. Может... может быть, кто-нибудь имитировал его, очень ловко ударяя пальцами по пустой, хорошо резонирующей коробке.

– Доктор Сарториус! – заревел я. – Вы откроете или нет?!

Никакого ответа, только снова детская трусца и одновременно несколько быстрых, плохо слышных размашистых шагов. Похоже было, что человек шел на цыпочках. Но если он шел, то не мог одновременно имитировать детские шаги? «А впрочем, какое мне до этого дело?» – подумал я и, уже не сдерживая бешенства, которое начинало охватывать меня, заорал:

– Доктор Сарториус!!! Я не для того летел сюда шестнадцать месяцев, чтобы посмотреть, как вы разыгрываете комедию! Считаю до десяти. Потом высажу дверь!!!

Я очень сомневался, что мне это удастся. Струя газового пистолета не слишком сильна, но я был полон решимости выполнить свою угрозу тем или иным способом. Хотя бы пришлось отправиться на поиски взрывчатки, которая наверняка имелась на складе в достаточном количестве. Я сказал себе, что не должен уступать, что не могу играть этими сумасшедшими картами, которые вкладывала мне в руки ситуация.

Послышался такой звук, словно кто-то с кем-то боролся или что-то толкал, занавеска внутри отодвинулась примерно на полметра, гибкая тень упала на матовую, как бы покрытую инеем плиту двери, и немного хриплый, дискант сказал:

– Я открою, но вы должны обещать, что не войдете внутрь.

– Тогда зачем вы хотите открыть? – крикнул я.

– *Я выйду* к вам.

– Хорошо. Обещаю.

Послышался легкий треск поворачиваемого в замке ключа, потом темная фигура, заслонившая половину двери, старательно задернула занавеску и проделала целую серию каких-то непонятных движений. Мне показалось, что я услышал треск передвигаемого деревянного столика, наконец дверь немного приоткрылась, и Сарториус протиснулся в коридор.

Он стоял передо мной, заслоняя собой дверь, очень высокий, худой, казалось, его тело под кремовым трикотажным комбинезоном состоит из одних только костей. Шея была повязана черным платком, на плече висел сложенный вдвое прожженный реактивами лабораторный халат. Чрезвычайно узкую голову он держал немного набок. Почти половину лица закрывали изогнутые черные очки, так что глаз его не было видно. У него была длинная нижняя челюсть, синеватые губы и огромные, как будто отмороженные, потому что они тоже были синеватыми, уши. Он был небрит. С локтей на шнурках свисали перчатки из красной резины. Так мы стояли некоторое время, глядя друг на друга с неприкрытой неприязнью. Остатки его волос (он выглядел так, будто сам стригся машинкой под ежик) были свинцового цвета, щетина на лице – совсем седая. Лоб такой же загорелый, как у Снаута, но загар кончался примерно на середине лба четкой горизонтальной линией. Очевидно, на солнце он постоянно носил какую-то шапочку.

– Слушаю, – сказал он наконец.

Мне показалось, что он не столько ждет, когда я заговорю, сколько напряженно вслушивается в пространство за собой, все сильнее прижимаясь спиной к стеклянной

плите. Некоторое время я не находил, что сказать, чтобы не брякнуть глупость.

– Меня зовут Кельвин... вы должны были обо мне слышать, – начал я. – Я работаю, то есть... работал с Гибаряном...

Его худое лицо, все в вертикальных морщинках – так, должно быть, выглядел Дон Кихот, – ничего не выражало. Черная изогнутая пластина нацеленных на меня очков страшно мешала мне говорить.

– Я узнал, что Гибарян... что его нет. – У меня перехватило голос.

– Да. Слушаю!

Это прозвучало нетерпеливо.

– Он покончил с собой?. . Кто нашел тело, вы или Снаут?

– Почему вы обращаетесь с этим ко мне? Разве доктор Снаут вам не рассказал?. .

– Я хотел услышать, что вы можете рассказать об этом...

– Вы психолог, доктор Кельвин?

– Да. А что?

– Ученый?

– Ну да. Но какая связь...

– А я думал, что вы сыщик или полицейский. Сейчас без двадцати три, а вы вместо того, чтобы постараться включиться в ход работ, ведущихся на Станции, что было бы по крайней мере понятно, кроме наглой попытки ворваться в лабораторию еще и допрашиваете меня, как будто я на подозрении.

Я сдержался, и от этого усилия пот выступил у меня на лбу.

– Вы на подозрении, Сарториус! – произнес я сдавленным голосом.

Я хотел досадить ему любой ценой и поэтому с остервенением добавил:

– И вы об этом прекрасно знаете!

– Если вы, Кельвин, не возьмете свои слова обратно и не извинитесь передо мной, я подам на вас жалобу в радиосводке!

– За что я должен извиниться? За что? Вместо того чтобы меня встретить, вместо того чтобы честно посвятить меня в то, что здесь происходит, вы запираетесь в лаборатории!!! Вы что, окончательно сошли с ума?! Кто вы такой – ученый или жалкий трус?! Что? Может быть, вы ответите?!

Не помню, что я еще кричал. Его лицо даже не дрогнуло. Только по бледной пористой коже скатывались крупные капли пота. Вдруг я понял: он вовсе не слушает меня! Обоими руками, спрятанными за спиной, он изо всех сил держал дверь, которая немного дрожала, словно кто-то напирал на нее с другой стороны.

– Уходите... – простонал он странным плаксивым голосом. – Уходите... умоляю! Идите, идите вниз, я приду, приду, сделаю все, что хотите, только уходите!!!

В его голосе была такая мука, что я, совершенно потерявшись, машинально поднял руки, желая помочь ему держать дверь, которая уже поддавалась, но он издал ужасный крик, как будто я замахнулся на него ножом. Я начал пятиться назад, а он все кричал фальцетом:

– Иди! Иди! – И снова: – Иду! Уже иду! Уже иду!!! Нет! Нет!!!

Он приоткрыл дверь и бросился внутрь. Мне показалось, что на высоте его груди мелькнуло что-то золотистое, какой-то сверкающий диск. Из лаборатории теперь доносился глухой шум, занавеска отлетела в сторону, огромная высокая тень мелькнула на стеклянном экране, занавеска вернулась на место, и больше ничего не было видно. Что там происходило? Я услышал топот, шальная гонка оборвалась пронзительным скрежетом бьющемся стекла, и я услышал залиvistый детский смех.

У меня дрожали ноги, я растерянно осматривался. Стало тихо. Я сел на низкий пластмассовый подоконник и сидел наверное, с четверть часа, сам не знаю, то ли ожидая чего-то, то ли просто вымотанный до предела, так что мне даже не хотелось встать.

Где-то высоко послышался резкий скрип, и одновременно вокруг стало светлее.

С моего места была видна только часть круглого коридора, который опоясывал лабораторию. Это помещение находилось на самом верху Станции, непосредственно под верхней плитой панциря. Наружные стены здесь были вогнутые и наклонные, с похожими на бойницы окнами, расположенными через каждые несколько метров. Наружные заслонки ушли вверх. Голубой день кончился. Сквозь толстые стекла ворвался ослепляющий блеск. Каждая никелированная планка, каждая дверная ручка запылала, как маленькое солнце. Дверь в лабораторию — эта большая плита шершавого стекла — засверкала, как жерло топки. Я смотрел на свои посеревшие в этом призрачном свете сложенные на коленях руки. В правой был газовый пистолет. Понятия не имею, когда выхватил его из футляра. Я

положил его обратно. Я уже знал, что мне не поможет даже атомная пушка — что ею можно сделать? Разнести дверь? Ворваться в лабораторию?

Я встал. Погружающийся в океан, похожий на водородный взрыв, диск послал мне вдогонку горизонтальный пучок почти материальных лучей. Когда они тронули мою щеку (я уже спускался по лестнице вниз), я почувствовал прикосновение раскаленного клейма.

Спустившись до половины лестницы, я передумал, вернулся наверх и обошел лабораторию вокруг. Как я уже говорил, коридор окружал ее. Пройдя шагов сто, я очутился на другой стороне у совершенно такой же стеклянной двери. Я даже не пробовал ее открыть.

Я искал какое-нибудь окошко в пластиковой стене, хотя бы какую-нибудь щель. Мысль о том, чтобы подсмотреть за Сарториусом, не казалась мне низкой. Я хотел закончить со всеми догадками и узнать правду, хотя совершенно не представлял себе, как удастся ее понять.

Мне пришло в голову, что лабораторные помещения освещаются через окна, находящиеся в верхнем панцире, и что если я выберусь наружу, то, возможно, сумею заглянуть сквозь них в лабораторию. Для этого я должен был спуститься вниз за скафандром и кислородным аппаратом. Я стоял у лестницы, раздумывая, стоит ли игра свеч. Вероятнее всего, стекла в верхних окнах матовые. Но что мне оставалось делать? Я спустился на средний этаж. Надо было пройти мимо радиостанции. Ее дверь была распахнута настежь. Снаут сидел в кресле так же, как я его оставил. Он спал, но, услышав звук моих шагов, вздрогнул и открыл глаза.

– Алло, Кельвин! – окликнул он меня хрипло.

Я молчал.

– Ну что? Узнал что-нибудь? – спросил он.

– Да, – ответил я, помедлив. – Он не один.

Снаут скривил губы:

– Скажите пожалуйста. Это уже что-то. Так, говоришь, у него *гости*?

– Не понимаю, почему вы не хотите мне сказать, что это такое, – нехотя проговорил я. – Ведь, оставаясь тут, я все равно рано или поздно все узнаю. Зачем же эти тайны?

– Поймешь, когда к тебе самому придут гости, – ответил Снаут.

Казалось, он ждет чего-то и не очень хочет продолжать беседу.

– Куда идешь? – бросил он, когда я повернулся.

Я не ответил.

Ракетодром был в таком же состоянии, в каком я его оставил. На возвышении стоял открытый настежь мой обожженный контейнер. Я подошел к стойкам со скафандрами, и вдруг у меня пропало всякое желание путешествовать наружу. Я повернулся и по крутой лесенке спустился вниз, туда, где были склады.

Узкий коридор был загроможден баллонами и поставленными один на другой ящиками. Стены его отливали синевой ничем не покрытого металла. Еще несколько десятков шагов – и под потолком показались подернутые белым инеем трубы холодильной аппаратуры. Я пошел дальше, ориентируясь по ним. Сквозь прикрытую толстым пластмассовым щитком муфту они проходили в герметически закрытое помещение. Когда я открыл тяжелую,

толщиной в две ладони дверь с резиновой кромкой, меня охватил пронизывающий до костей холод. Я задрожал. Из чащи заснеженных змеевиков свисали ледяные сосульки. Здесь тоже стояли покрытые слоем снега ящики, коробки, полки у стен были завалены банками и упакованными в прозрачный пластик желтоватыми глыбами какого-то жира.

В глубине бочкообразный свод понижался. Там висела толстая искрящаяся от ледяных игл занавеска. Я отодвинул ее край. На возвышении из алюминиевых решеток покоился покрытый серой тканью большой продолговатый предмет. Я поднял край полотна и увидел искаженное лицо Гибаряна. Черные волосы с седой полоской надо лбом гладко прилегали к черепу. Кадык торчал высоко, переламявая линию шеи. Высохшие глаза смотрели прямо в потолок, в углу одного глаза собралась мутная капля замерзшей воды. Холод пронизывал меня, я с трудом заставил себя не стучать зубами. Не выпуская савана, я другой рукой прикоснулся, к его щеке. Ощущение было такое, будто я дотронулся до мерзлого полена. Кожа была шершавой от щетины, которая покрывала ее черными точками. Выражение неизмеримого, презрительного терпения застыло в изгибе губ. Опуская край ткани, я заметил, что по другую сторону тела из складок высовывается несколько черных, продолговатых бусинок или зерен фасоли. Я замер.

Это были пальцы голых ступней, которые я видел со стороны подошвы, яйцеобразные подушечки пальцев были слегка раздвинуты. Под мятым краем савана лежала негритянка.

Она лежала лицом вниз, как бы погруженная в глубокий сон. Дюйм за дюймом я стягивал толстую ткань. Голова, покрытая волосами, собранными в маленькие сине-ватые пучки, лежала на сгибе черной массивной руки. Лоснящаяся кожа спины натянулась на бугорках позвонков. Ни малейшее движение не оживляло огромное тело. Еще раз я посмотрел на босые подошвы ее ног, и вдруг меня поразила одна удивительная деталь; они не были ни сплющены, ни сбиты той тяжестью, которую должны были носить, на них даже не ороговела кожа от хождения босиком, она была такой же тонкой, как на руках или плечах.

Я проверил это впечатление прикосновением, которое далось мне гораздо труднее, чем прикосновение к мертвому телу. И тут произошло невероятное: лежащее на двадцатиградусном морозе тело было живым, оно шевелилось. Негритянка подтянула ногу, словно собака, которую взяли за лапу.

«Она здесь замерзнет», – подумал я. Но ее тело было спокойно и не слишком холодно. Я еще чувствовал кончиками пальцев мягкое прикосновение. Я попятился за занавеску, опустил ее и вернулся в коридор. Мне показалось, что в нем дьявольски жарко. Лестница привела меня снова в зал ракетодрома. Я уселся на свернутый кольцевой парашют и обхватил голову руками. Я не знал, что со мной происходит. Я был совершенно разбит, мысли сползали в какую-то пропасть – потеря сознания, смерть казались мне невыразимой, недоступной милостью.

Мне незачем было идти к Снауту или к Сарториусу, я не представлял себе, чтобы кто-нибудь мог сложить и единое целое то, что я до сих пор пережил, видел, до чего

дотронулся собственными руками. Единственным спасением, бегством, объяснением был диагноз – сумасшествие. Да, я, должно быть, сошел с ума сразу же после посадки. Океан подействовал на мой мозг – я переживал галлюцинацию за галлюцинацией, а если это так, то незачем растрачивать силы на бесполезные попытки распутать не существующие в действительности загадки, нужно искать медицинскую помощь, вызвать по радио «Прометей» или какой-нибудь другой звездолет, дать сигналы «SOS»...

Тут случилось то, чем я никак не ожидал: мысль о том, что я сошел с ума, успокоила меня.

Я даже слишком хорошо понял слова Снаута – если допустить, что вообще существовал какой-то Снаут и что я с ним когда-либо разговаривал. Ведь галлюцинации могли начаться гораздо раньше. Кто знает, не нахожусь ли я еще на борту «Прометея», пораженный внезапным припадком мозгового заболевания; возможно все, что я пережил было созданием моего возбужденного мозга? Однако если я был болен, то мог выздороветь, а это давало мне по крайней мере надежду на спасение, которой я никак не мог увидеть в перепутанных кошмарах Соляриса, длящихся всего несколько часов.

Необходимо было, следовательно, провести прежде всего какой-то логично продуманный эксперимент над самим собой – *experimentum crucis*, – который показал бы мне, действительно ли я свихнулся и являюсь жертвой бредовых видений или же, несмотря на их полную абсурдность и неправдоподобность, мои переживания реальны.

Так я размышлял, присматриваясь к металлическому кронштейну, который поддерживал несущую конструк-

цию ракетодрома. Это была выступающая из стены, выложенная выпуклыми плитами стальная мачта, окрашенная в салатовый цвет; в нескольких местах, на высоте примерно метра, краска облупилась, наверное, ее ободрали проезжающие здесь тележки. Я дотронулся до стали, погрел ее немножко ладонью, постучал в завальцованный край предохранительной плиты: может ли бред достигать такой степени реальности? Может, ответил я сам себе; как-никак это была моя специальность, в этом я разбирался.

А возможно ли придумать этот ключевой эксперимент? Сначала мне казалось, что нет, ибо мой больной мозг (если, конечно, он больной) будет создавать любые иллюзии, какие я от него потребую. Ведь не только при болезни, но и в самом обычном сне случается, что мы разговариваем с неизвестными нам наяву людьми, задаем этим снящимся образам вопросы и слышим их ответы; причем, хотя эти люди являются в действительности лишь плодом нашей собственной психики, как-то выделенные временно ее псевдосамостоятельными частями, мы не знаем, какие слова они произнесут, до тех пор, пока они (в этом сне) не обратятся к нам. А ведь на самом деле эти слова являются той же самой обособленной частью нашего собственного разума, и поэтому мы должны были бы их знать уже в тот момент, когда сами их придумали, чтобы вложить в уста фиктивного образа. Что бы я, таким образом, ни задумал, ни осуществил, я всегда мог себе сказать, что поступил так, как поступают во сне. И Снаут, и Сартриус могли вовсе не существовать в действительности, поэтому задавать им какие бы то ни было вопросы было бессмысленно.

Я подумал, что мог принять какое-нибудь лекарство, какое-нибудь сильнодействующее средство, например, пентил или другой препарат, который вызывает галлюцинации или цветовые видения. Появление этих феноменов доказало бы, что то, что я воспринимаю, существует на самом деле и является частью материальной, окружающей меня действительности. Но и это – продолжал я думать – не было бы нужным ключевым экспериментом, поскольку я знал, как средство (которое я сам должен был выбрать) должно действовать, а значит, могло случиться, что как прием этого лекарства, так и вызванный им эффект будут одинаково созданием моего воображения.

Мне уже казалось, что, попав в это сумасшедшее кольцо, я не сумею из него выбраться – ведь нельзя мыслить иначе, чем мозгом, нельзя выбраться из самого себя, чтобы проверить нормальность происходящих в организме процессов, – когда вдруг меня осенила мысль, столь же простая, сколь удачная.

Я вскочил и помчался прямо на радиостанцию. Она была пуста. Мимоходом я бросил взгляд на стенные электрические часы. Было около четырех часов ночи, условной ночи Станции, снаружи царил красный рассвет... Я быстро включил аппаратуру радиосвязи и, ожидая, пока нагреются лампы, еще раз мысленно повторил каждый этап эксперимента.

Я не помнил, каким сигналом вызывается автоматическая станция обращавшегося вокруг Соляриса сателлоида, но нашел его на таблице, висящей над главным пультом. Дал вызов азбукой Морзе и через восемь секунд получил ответ. Сателлоид, а точнее его электронный мозг отозвал-

ся ритмично повторяющимися импульсами. Тогда я потребовал, чтобы он сообщил с точностью до пятого десятичного знака, какие меридианы звездного купола Галактики он пересекает на расстоянии двадцати двух угловых секунд, обращаясь вокруг Соляриса. Потом я сел и стал ждать ответа. Он пришел через десять минут. Я оторвал бумажную ленту с отпечатанным на ней результатом и, спрятав ее в ящик (я старался не бросить на нее даже одного взгляда), принес из большие карты неба, логарифмические таблицы, справочник суточного движения спутника и еще несколько книг, после чего начал искать ответ на этот же самый вопрос. Почти час ушел у меня на составление уравнений. Не помню, когда последний раз мне пришлось столько считать. Наверное, еще в студенческие годы на экзамене по практической астрономии.

Вычисления я проводил на большом калькуляторе Станции. Мои рассуждения были примерно такими. По картам неба я получу цифры, не точно совпадающие с данными, сообщенными сателлоидом. Не точно, потому что сателлоид подвержен очень сложным пертурбациям, вызванным влиянием гравитационных сил Соляриса, его обоих, кружащих друг около друга солнц, а также локальных изменений притяжения, создаваемых океаном. Когда у меня будет два ряда цифр: полученных от сателлоида и вычисленных теоретически, я внесу в мои вычисления поправки. Тогда обе группы результатов должны, совпасть до четвертого знака после запятой. Расхождения будут только в пятом знаке, они отразят неучтенное воздействие океана.

Если даже цифры, сообщенные сателлоидом, не суще-

ствуют в действительности, а являются плодом моего воображения, все равно они не смогут совпасть с другим рядом – вычисленных данных. Мозг мой может быть больным, но ни при каких условиях он не в состоянии произвести вычисления, выполненные большим калькулятором станции, так как на это потребовалось бы много месяцев. А следовательно, если цифры совпадут, значит, большой калькулятор Станции на самом деле существует и я пользовался им в действительности, а не в бреду.

У меня дрожали руки, когда я вынимал из ящика бумажную телеграфную ленту и расправлял ее рядом с другой, более широкой, из калькулятора. Оба ряда цифр, как я и предполагал, совпадали до четвертого знака. Расхождение появилось только в пятом. Я спрятал все бумаги в ящик. Итак, калькулятор существовал независимо от меня. Из этого следовала реальность Станции и всего, что на ней происходило.

Я уже хотел закрыть ящик, как заметил, что его наполняет целая пачка листков, покрытых нетерпеливыми подсчетами. Я вынул пачку и с первого взгляда понял, что кто-то проводил уже эксперимент, похожий на мой, с той только разницей, что вместо данных, касающихся звездной сферы, потребовал от сателлоида измерений альбедо Соляриса на расстоянии сорока секунд.

Я не был сумасшедшим. Последний лучик надежды угас. Я выключил передатчик, выпил остатки бульона из термоса и пошел спать.

ХАРИ

Все расчеты я делал с каким-то молчаливым остервенением, и только оно удерживало меня на ногах. Я настолько отупел от усталости, что даже не сумел разложить кровать в кабине и, вместо того чтобы освободить верхние зажимы, потянул за поручень, и постель свалилась на меня. Наконец я ее опустил, бросил одежду и белье прямо на пол и полуживой упал на подушку, даже не поправив ее.

Я заснул при свете, не помню когда. Открыв глаза, я решил, что спал всего несколько минут. Комната была наполнена угрюмым красным сиянием. Мне было холодно и хорошо. Напротив кровати, под окном, кто-то сидел в кресле, освещенный красным солнцем. Это была Хари. В белом платье, босая, темные волосы зачесаны назад, тонкий материал натягивается на груди, загорелые до локтей руки опущены. Хари неподвижно смотрела на меня из-под своих черных ресниц. Я разглядывал ее долго и в общем спокойно. Моей первой мыслью было: «Как хорошо, что это такой сон, когда знаешь, что тебе все снится». И все-таки мне хотелось, чтобы она исчезла. Я закрыл глаза и заставил себя хотеть этого очень сильно, но, когда посмотрел, она по-прежнему сидела передо мной. Губы она сложила по-своему, будто собиралась свистнуть, но в глазах не было улыбки. Я припомнил все, что думал о снах накануне вечером, перед тем как лечь спать. Хари выглядела точно так же, как тогда, когда я видел ее в последний раз живой, а ведь тогда ей было девятнадцать. Сейчас ей было бы двадцать девять, но, естественно, ничего не изме-

нилось – мертвые остаются молодыми. Она смотрела на меня все теми же всему удивляющимися глазами. «Кинуть в нее чем-нибудь», – подумал я, но, хотя это был только сон, не решился.

– Бедная девочка. Пришла меня навестить, да? – сказал я, и немного испугался, потому что мой голос прозвучал так правдиво, а комната и Хари – все выглядело так реально, как только можно себе представить.

Какой пластичный сон, мало того, что он цветной, я вдобавок вижу тут на полу многие вещи, которых вчера, ложась спать, даже не заметил. «Когда проснусь, – решил я, – нужно будет проверить, действительно ли они здесь лежат или созданы сном, как Хари...»

– И долго ты намерена так сидеть? – спросил я и заметил, что говорю очень тихо, словно боюсь, что меня услышат. Как будто можно подслушать, что происходит во сне.

В это время солнце уже немного поднялось. «Ну вот, – подумал я, – отлично. Я ложился, когда был красный день, затем должен был быть голубой и только потом второй красный. Поскольку я не мог без перерыва спать пятнадцать часов, то это наверняка сон».

Успокоенный, я внимательно присмотрелся к Хари. Она была освещена сзади. Луч, проходящий через щель в занавеси, золотил бархатный пушок на ее левой щеке, а от ресниц на лицо падала длинная тень. Она была прелестна. «Скажите, пожалуйста, – пришла мне в голову мысль, – какой я скрупулезный даже по ту сторону реальности. И движение солнца отмечаю, и то, что у нее ямочка там, где ни у кого нет, ниже уголка удивленных губ». И все же мне

хотелось, чтобы все это кончилось.

Пора заняться работой. Я сжал виски, стараясь проснуться, когда неожиданно услышал скрип. Я тотчас открыл глаза.

Хари сидела рядом со мной на кровати и внимательно смотрела на меня. Я улыбнулся ей, и она тоже улыбнулась и наклонилась надо мной. Первый поцелуй был легким, как будто мы были детьми. Я целовал ее долго. «Разве можно так пользоваться сном?» – подумал я. Но ведь ей даже не может изменить память, потому что она мне снится. Она сама. Никогда со мной такого не случалось...

Мы лежали навзничь и по-прежнему ничего не говорили. Когда она поднимала лицо, мне становились видны маленькие ноздри, которые всегда были барометром ее настроения. Кончиками пальцев я потрогал ее уши – мочки порозовели от поцелуев. Не знаю, от этого ли мне стало так беспокойно; я все еще говорил себе, что это только сон, но сердце у меня сжалось.

Я напрягся, чтобы вскочить с постели, но приготовился к неудаче – во сне очень часто мы не можем управлять собственным телом. Скорее я рассчитывал проснуться от этом напряжения, но не проснулся, а просто сел на кровати, спустив ноги на пол. «Ничего не поделаешь, пусть снится до конца», – сдался я, но хорошее настроение исчезло окончательно. Я боялся.

– Чего ты хочешь? – Голос звучал хрипло, и мне пришлось откашляться.

Машинально я начал искать ногами туфли, но сразу же вспомнил, что здесь нет никаких туфель, и так ушиб палец, что вскрикнул. «Ну, теперь будет конец», – решил я с

удовлетворением.

Но ничего не произошло. Хари отодвинулась, когда я сел. Плечами она оперлась о спинку кровати. Платье ее чуть-чуть подрагивало под левой грудью в такт биению сердца. Она смотрела на меня со спокойным интересом. Я подумал, что лучше всего принять душ, но сразу же сообразил, что душ, который снится, не может разбудить.

– Откуда ты взялась?

Она подняла мою руку и стала подбрасывать ее знакомым движением.

– Не знаю. Это плохо?

И голос был тот же, низкий... и рассеянный тон. Она всегда говорила так, будто мысли ее заняты чем-то другим.

– Тебя... кто-нибудь видел?

– Не знаю. Я просто пришла. Разве это важно, Крис?

Хари все еще играла моей рукой, но ее лицо больше в этом не участвовало. Она нахмурилась.

– Хари? .

– Что, милый?

– Откуда ты узнала, где я?

Это ее озадачило,

– Понятия не имею. Смешно, да? Ты спал, когда я вошла, и не проснулся. Мне не хотелось тебя будить, потому что ты злюка. Злюка и зануда. – В такт своим словам она энергично подбрасывала мою ладонь.

– Ты была внизу?

– Была. Я убежала оттуда. Там холодно.

Она опустила мою руку. Укладываясь на бок, тряхнула головой, чтобы все волосы били на одной стороне, и по-

смотрела на меня с той полуулыбкой, которая много лет назад перестала меня дразнить только тогда, когда я понял, что люблю ее.

– Но ведь... Хари... ведь... – больше мне ничего не удалось из себя выдать.

Я наклонился над ней и приподнял короткий рукав платья. Над похожей на цветок меткой прививки оспы краснел маленький след укола. Хотя я ожидал этого (так как все еще инстинктивно пытался найти обрывки логики в невозможном), мне стало не по себе. Я дотронулся пальцами до ранки, которая снилась мне годами, так что я просыпался со стоном на растерзанной постели, всегда в одной и той же позе – скорчившись так, как лежала она, когда я нашел ее уже холодной. Наверное, во сне я пытался сделать то же, что она, как будто хотел вымолить прощение или быть вместе с ней в те последние минуты, когда она уже почувствовала действие укола и должна была испугаться. Она боялась даже обычной царапины, совершенно не выносила ни боли, ни вида крови и, вот теперь сделала такую страшную вещь, оставив пять слов на открытке, адресованной мне. Открытка была у меня в бумагах, я носил ее при себе постоянно, замусоленную, рвущуюся на сгибах, и не имел мужества с ней расстаться, тысячу раз возвращаясь к моменту, когда она ее писала, и к тому, что она тогда должна была чувствовать. Я уговаривал себя, что она хотела сделать это в шутку и напугать меня и только доза случайно оказалась слишком большой. Друзья убеждали меня, что все было именно так или что это было мгновенное решение, вызванное депрессией, внезапной депрессией. Они ведь не знали того, что я ска-

зал ей пять дней назад и, чтобы задеть ее еще больше, стал собирать вещи. А она, когда я упаковывался, спросила очень спокойно: «Ты знаешь, что это значит?..» Я сделал вид, что не понимаю, хотя отлично знал. Я считал ее трусихой и сказал ей об этом, а теперь она лежала поперек кровати и смотрела на меня внимательно, как будто не знала, что я ее убил.

Комната была красной от солнца, волосы Хари блестели, она смотрела на свое плечо, а когда я опустил руку, положила на мою ладонь холодную гладкую щеку.

– Хари, – прохрипел я. – Это невозможно.

– Перестань!

Ее глаза были закрыты, я видел, как дрожали веки.

– Где мы, Хари?

– У нас.

– Где это?

Один глаз на миг открылся и закрылся снова. Она пощекотала ресницами мою ладонь.

– Крис, мне хорошо!

Я сидел над ней не шевелясь. Потом поднял голову и увидел в зеркале над умывальником часть кровати, растрепанные волосы Хари и свои голые колени. Я подвинул ногой один из тех, наполовину расплавленных инструментов, которые валялись на полу, взял его свободной рукой, приставил к коже над тем местом, где розовел полукруглый симметричный шрам, и воткнул в тело. Боль была резкой. Я смотрел на большие капли крови, которые скатывались по бедру и тихо падали на пол.

Все было напрасно. Ужасные мысли, которые бродили у меня в голове, становились все отчетливее. Я больше не говорил себе: «Это сон», теперь я думал: «Нужно защи-

щаться».

Я посмотрел на ее босые ноги, потом потянулся к ним, Осторожно дотронулся до розовой пятки и провел пальцем по подошве. Она была нежной, как у новорожденного.

Я уже наверняка знал, что это не Хари, и был почти уверен, что сама она об этом не знает.

Босая нога шевелилась в моей ладони, темные губы Хари набухли от беззвучного смеха.

– Перестань... – шепнула она.

Я мягко освободил руку и встал. Поспешно одеваясь, увидел, как она села на кровати и стала, улыбаясь, глядеть на меня.

– Где твои вещи? – спросил я и тотчас пожалел об этом.

– Мои вещи?

– Что, у тебя только это платье?

Теперь это была уже игра. Я умышленно старался говорить небрежно, обыденно, как будто мы вообще никогда не расставались. Она встала и знакомым мне легким и сильным движением провела рукой по юбке, чтобы разгладить ее.

Мои слова ее заинтересовали, но она ничего не сказала, только обвела комнату взглядом, который первый раз был реальным, ищущим, и повернулась ко мне с удивлением.

– Не знаю, – сказала беспомощно. – Может быть, в шкафу? – добавила она, приоткрыв дверцы.

– Нет, там только комбинезоны, – ответил я, подошел к умывальнику, взял электробритву и начал бриться, стараясь при этом не становиться спиной к девушке, кем бы

она ни была.

Она ходила по кабине, заглядывала во все углы, посматрела в окно, наконец подошла ко мне.

– Крис, у меня такое ощущение, как будто что-то случилось.

Она остановилась. Я ждал с выключенной бритвой в руке.

– Как будто что-то забыла... как будто очень многое забыла. Знаю... помню только себя... и... и... ничего больше.

Я слушал ее, стараясь владеть своим лицом.

– Я была... больна?

– Ну, можно это назвать и так. Да, некоторое время ты была немного больна.

– Ага. Это, наверное, потому.

Она слегка повеселела. Не могу рассказать, что я чувствовал. Когда она молчала, сидела, улыбалась, впечатление, что я вижу перед собой Хари, было сильнее, чем со-
сущая меня тревога. Потом опять мне казалось, что это какая-то упрощенная Хари, сведенная к нескольким характерным обращениям, жестам, движениям. Она подошла ко мне совсем близко, уперла сжатие кулаки мне в грудь и спросила:

– Как у нас с тобой? Хорошо или плохо?

– Как нельзя лучше!

Она слегка улыбнулась.

– Когда ты так говоришь, скорее плохо.

– С чего ты это взяла... Хари... дорогая... я должен сейчас уйти, – проговорил я поспешно. – Подожди меня, хорошо? А может быть, ты голодна? – добавил я, потому

что сам чувствовал все усиливающийся голод.

– Голодна? Нет.

Она тряхнула головой.

– Я должна ждать тебя? Долго?

– Часик, – начал я, но она прервала.

– Пойду с тобой.

Это была уже совсем другая Хари: та не навязывалась. Никогда.

– Детка, это невозможно.

Она смотрела на меня снизу, потом неожиданно взяла меня за руку.

Я начал гладить ее упругое, теплое плечо. Внезапно я вдруг понял, что ласкаю Хари. Мое тело узнавало, хотело ее, меня тянуло к ней, несмотря на разум, логику и испуг.

Стараясь любой ценой сохранить спокойствие, я повторил:

– Хари, это невозможно. Ты должна остаться здесь.

– Нет.

– Почему?

– Н-не знаю.

Она осмотрелась и снова подняла на меня глаза.

– Не могу... – сказала она совсем тихо.

– Но почему?!

– Не знаю. Не могу. Мне кажется... Мне кажется...

Она настойчиво искала в себе ответ, а когда нашла, то он был для нее откровением.

– Мне кажется, что я должна тебя все время видеть.

В интонации этих слов было что-то встревожившее меня. И, наверное, поэтому я сделал то, чего совсем не собирался делать. Глядя ей в глаза, я начал выгибать ее руки

за спину. Это движение, сначала не совсем решительное, становилось осмысленным, у меня появилась цель. Я уже искал глазами что-нибудь, чем мог бы ее связать.

Ее локти, вывернутые назад, слегка стукнулись друг о друга и одновременно напряглись с силой, которая сделала мою попытку бессмысленной. Я боролся, может быть, секунду. Даже атлет, перегнувшись назад, как Хари, едва касаясь ногами пола, не сумел бы освободиться. Но она с лицом, не принимавшим во всем этом никакого участия, со слабой, неуверенной улыбкой разорвала мой захват, освободилась и опустила руки.

Ее глаза смотрели на меня с тем же спокойным интересом, что и в самом начале, когда я проснулся. Как будто она не обратила внимания на мое отчаянное усилие, вызванное приступом паники. Она стояла неподвижно и словно чего-то ждала – одновременно равнодушная, сосредоточенная и чуточку всем этим удивленная.

У меня опустились руки. Я оставил ее на середине комнаты и пошел к полке возле умывальника. Я почувствовал, что попал в ужасную западню, и искал выхода, перебирая все более беспощадные способы. Если бы меня кто-нибудь спросил, что со мной происходит и что все это значит, я не смог бы выдать из себя ни слова. Но я уже уяснил себе – то, что делается на Станции со всеми нами составляет единое целое, страшное и непонятное. Однако в тот момент я думал только о том, как убежать.

Не глядя, я чувствовал на себе взгляд Хари. Над полкой в стене находилась маленькая аптечка. Я бегом просмотрел ее содержимое, отыскал банку со снотворным и, бросил в стакан четыре таблетки – максимальную дозу. Я

даже не очень скрывал свои манипуляции от Хари. Трудно сказать почему. Просто не задумывался над этим. Я налил в стакан горячей воды, подождал, пока таблетки растворятся, и подошел к Хари, все еще стоящей посреди комнаты.

– Сердишься? – спросила она тихо.

– Нет. Выпей это.

Не знаю, почему я решил, что она меня послушается. Действительно, она молча взяла стакан из моих рук и залпом выпила снотворное. Я поставил пустой стакан на столик, уселся в углу между шкафом и книжной полкой. Хари медленно подошла ко мне и уселась на полу около кресла, подобрав под себя ноги так, как она делала не один раз, и таким же хорошо знакомым мне движением отбросила назад волосы. Хотя я уже совершенно не верил в то, что это она, каждый раз, когда я узнавал ее в этих маленьких привычках, что-то хватало меня за горло. Это было непонятно и страшно, а самым страшным было то, что я и сам должен был поступать фальшиво, делая вид, что принимаю ее за Хари.

Но ведь она сама считала себя Хари и в ее поведении не было никакого коварства. Я не знаю, как дошел до такой мысли, но был в этом уверен, если я еще вообще мог быть в чем-нибудь уверен.

Я сидел, а девушка оперлась плечом о мои колени, ее волосы щекотали мою руку, мы оба почти не двигались. Раза два я незаметно посмотрел на часы. Прошло полчаса – снотворное должно было подействовать. Хари что-то тихонько пробормотала.

– Что ты говоришь? – спросил я, но она не ответила.

Я решил, что это признак нарастающей сонливости, хотя, честно говоря, в глубине души сомневался, что лекарство подействует. Почему? И на этот вопрос не было ответа. Скорее всего потому, что моя хитрость была слишком примитивна.

Понемногу ее голова склонилась на мое колено, темные волосы закрыли ее лицо. Она дышала мерно, как спящий человек. Я наклонился, чтобы перенести ее на кровать. Вдруг она, не открывая глаз, схватила меня за волосы и разразилась громким смехом.

Я остолбенел, а она просто заходилась от смеха. Сощутив глаза, она следила за мной с наивной и хитрой миной.

Я сидел неестественно неподвижно, ошалевший и беспомощный, а Хари, насмеявшись, прижалась лицом к моей руке и затихла.

– Почему ты смеешься? – спросил я деревянным голосом.

То же выражение немного тревожного внимания появилось на ее лице. Я видел, что она хочет быть честной. Она потрогала пальцем свой маленький нос и сказала, наконец, вздохнув:

– Сама не знаю.

В этом прозвучало непритворное удивление.

– Я веду себя как идиотка, да? – начала она. – Мне ни с того ни с сего как-то... Но ты тоже хорош: сидишь надутый как... как Пелвис...

– Как кто? – переспросил я. Мне показалось, что я ослышался.

– Как Пелвис, ну, ты ведь знаешь, тот, толстый.

Уж Хари-то, вне всякого сомнения, не могла ни знать Пелвиса, ни даже слышать о нем от меня по той простой причине, что он вернулся из своей экспедиции только через три года после ее смерти. Я тоже не был с ним знаком до этого и не знал, что, председательствуя на собраниях Института, он имеет обычай затягивать заседание до бесконечности. Собственно говоря, его имя было Пелле Виллис, из этого и образовалось сокращенное прозвище, также неизвестное до его возвращения.

Хари оперлась локтями о мои колени и смотрела мне в глаза. Я взял ее за кисти и медленно провел руками вверх к плечам, так что мои пальцы почти сомкнулись вокруг ее пульсирующей шеи. В конце концов это могла быть и ласка, и, судя по ее взгляду, она так к этому и отнеслась. В действительности я просто хотел убедиться в том, что у нее обыкновенное, теплое, человеческое тело и что под мышцами, находятся кости. Глядя в ее спокойные глаза, я почувствовал острое желание быстро стиснуть пальцы.

Я уже почти сделал это, когда вдруг вспомнил окровавленные руки Снаута, и отпустил ее.

— Как ты смотришь... — сказала Хари спокойно.

У меня так колотилось сердце, что я был не в состоянии отвечать. На мгновение я закрыл глаза.

И вдруг у меня родился целый план действий, от начала до конца, со всеми деталями. Не теряя ни минуты, я встал с кресла.

— Мне пора идти, Хари, — сказал я, — и если ты уж так хочешь, то пойдем со мной.

— Хорошо.

Она вскочила.

– Почему ты босая? – спросил я, подходя к шкафу и выбирая среди разноцветных комбинезонов два – для себя и для нее.

– Не знаю... наверное, куда-нибудь закинула туфли, – сказала она неуверенно.

Я пропустил это мимо ушей.

– В платье ты не сможешь этого надеть, придется тебе его снять.

– Комбинезон? А зачем? – поинтересовалась она, сразу же начиная стягивать с себя платье. Но тут выяснилась удивительная вещь. Платье нельзя было снять, у него не было никакой застежки, ни молнии, ни крючков, ничего. Красные пуговицы посередине были только украшением. Хари смущенно улыбнулась. Сделав вид, что это самая обычная вещь на свете, я поднятым с пола похожим на скальпель инструментом разрезал платье на спине, в том месте, где кончалось декольте. Теперь она могла снять платье через голову. Комбинезон был немного великоват...

– Полетим?. . И ты тоже? – допытывалась она, когда мы оба уже одетыми покидали комнату. Я только кивнул головой. Я ужасно боялся, что мы встретим Снаута, но коридор, ведущий на взлетную площадку, был пуст, а двери радиостанции, мимо которой нам пришлось пройти, закрыты.

Хари следила за тем, как я на небольшой электрической тележке выкатил из среднего бокса на свободный путь ракету. Я поочередно проверил исправность микро-реактора, дистанционное управление рулей и дюз, потом вместе со стартовой тележкой перекатил ракету на круг-

лую плоскость стартового диска под центральной воронкой купола, предварительно убрав оттуда мой пустой контейнер.

Это была небольшая ракета для поддержания связи между Станцией и сателлоидом, которая использовалась для перевозки грузов, а не людей. Люди летали в ней только в исключительных случаях, так как ее нельзя было открыть изнутри. Именно это и составляло часть моего плана. Я не собирался на самом деле запустить ракету, но делал все так, как будто по-настоящему готовил ее к старту. Хари, которая столько раз была моей спутницей в путешествиях, немного разбиралась в этом. Я еще раз проверил внутри состояние кислородной аппаратуры и климатической установки, привел все в действие и, когда после включения главной цепи загорелись сигнальные лампочки, вылез из тесной кабины и указал на нее Хари, которая стояла у лесенки:

– Забирайся.

– А ты?

– Я за тобой. Мне нужно будет закрыть за нами люк.

Я был уверен, что она не заметит моей хитрости. Когда она забралась по лесенке в кабину, я сразу же всунул голову внутрь, спросил, удобно ли она расположилась, и, услышав глухое сдавленное «да», откачнулся назад и с размаху захлопнул люк. Двумя движениями я вбил обе задвижки до упора и приготовленным ключом начал доворачивать пять болтов, торчащих в углублениях обшивки.

Заостренная сигара стояла вертикально, как будто действительно должна была через мгновение уйти в пространство. Я знал: с той, которая заперта внутри, не слу-

чится ничего плохого. В ракете было достаточно кислорода и даже немножко продовольствия. В конце концов я все не собирался держать ее там до бесконечности.

Я стремился любой ценой добыть хотя бы пару часов свободы, чтобы составить планы на будущее и наладить контакт со Снаутом. Теперь уже на равных правах.

Затянув предпоследний болт, я почувствовал, что металлические стойки, в которых торчала ракета, подвешенная только на трех небольших выступях, слегка дрожат, но подумал, что это я сам, изо всех сил орудя большим ключом, нечаянно раскачал стальную глыбу.

Однако когда я отошел на несколько шагов, то увидел такое, что не хотел бы увидеть еще раз.

Ракета ходила ходуном, подбрасываемая сериями падающих изнутри ударов, и каких ударов! Если бы место черноволосой стройной девушки занял стальной автомат, даже он, наверное, не сумел бы ввергнуть *восемьтонную* массу в эту конвульсивную дрожь.

Отражения ламп в полированной поверхности ракеты переливались и плясали. Я, правда, не слышал никаких ударов, внутри ракеты было совершенно тихо. Только широко расставленные опоры конструкции, в которой висела ракета, утратили четкость рисунка, они вибрировали, как струны. Частота колебаний была такой, что я испугался за целостность обшивки. Трясущимися руками я затянул последний болт, отшвырнул ключ и соскочил с лесенки. Медленно пятясь задом, я видел, как шпильки амортизаторов, рассчитанных только на постоянное давление, пляшут в своих гнездах. Мне показалось, что бронированная оболочка теряет свой однородный монолитный блеск. Как

сумасшедший подскочил я к пульту дистанционного управления, обеими руками толкнул вверх рычаги запуска реактора и связи. И тогда из репродуктора вырвался не то визг, не то свист, совершенно непохожий на человеческий голос, но, несмотря на это, я разобрал в нем повторяющееся, воющее: «Крис! Крис!!!»

Не могу сказать, что я слышал это отчетливо. Кровь лилась с моих ободранных рук, я хаотично, в бешеном темпе стремился запустить ракету. Желтоватый отсвет упал на стены. Со стартовой площадки под воронкой клубами взлетела пыль, ее сменил сноп искр, и все звуки покрыв высокий протяжный гул. Ракета поднялась на трех языках пламени, которые сразу же слились в одну огненную колонну и вырвались сквозь воронку выбрасывателя. Заслонки тотчас же закрылись, автоматически включившиеся компрессоры начали продувать свежим воздухом помещение, в котором клубился едкий дым.

Всего этого я не замечал. Опершись руками о пульт, еще чувствуя на лице огонь, со взъерошенными, обгоревшими волосами, я судорожно хватал ртом воздух, полный гари и характерного запаха ионизации. Хотя в момент старта я инстинктивно закрыл глаза, пламя все же ослепило меня. Некоторое время я видел только черные, красные и золотые круги. Понемногу это прошло. Дым и пыль уходили, втягиваясь в протяжно воющие вентиляционные трубы.

Первое, что я увидел, был зеленый экран локатора. Я начал искать ракету, маневрируя поисковой антенной. Когда и ее наконец поймал, она уже проскочила атмосферу. Еще никогда в жизни я не запускал ракет таким сумас-

сшедшим слепым способом, не имея понятия, ни какое ей дать ускорение, ни вообще куда ее направить. Я подумал, что проще всего вывести ее на кольцевую орбиту вокруг Соляриса, на высоте порядка тысячи километров. Тогда я смогу выключить двигатели: они работали слишком долго, и я не был уверен, что в результате не произойдет катастрофа. Тысячекилометровая орбита была, как я убедился по таблице, стационарной. Правда, она тоже ничего не гарантировала, просто это был единственный выход из положения, который я видел.

У меня не хватило смелости включить репродуктор, который я выключил сразу же после старта. Я сделал бы все, что угодно, лишь бы не услышать снова этот ужасный голос, в котором уже не было ничего человеческого. Все сомнения – это я мог себе сказать – были уничтожены, и сквозь мнимое лицо Хари начало проглядывать другое, настоящее, перед которым альтернатива помешательства действительно казалась освобождением.

Было около часа, когда я покинул ракетодром.

«МАЛЫЙ АПОКРИФ»

Кожа на лице и руках у меня была обожжена. Я вспомнил, что когда искал снотворное для Хари (сейчас я бы посмеялся над своей наивностью, если бы только мог), то заметил в аптечке баночку мази от ожогов, и отправился к себе. Я открыл двери и в красном свете заката увидел, что в кресле, возле которого перед этим расположилась Хари, кто-то сидит. Страх парализовал меня, я рванулся назад, чтобы спастись бегством. Это продолжалось какую-то до-

лю секунды. Сидящий поднял голову. Я узнал Снаута. Положив ногу на ногу, повернувшись ко мне спиной, он листал какие-то бумаги. Большая пачка их лежала рядом на столике. Увидев меня, Снаут отложил все бумаги и некоторое время хмуро рассматривал меня поверх спущенных на кончик носа очков.

Я молча подошел к умывальнику, вынул из аптечки полужидкую мазь и начал смазывать ею наиболее обожженные места на лбу и щеках. К счастью, лицо опухло не очень. Несколько больших пузырей на виске и щеке я проткнул стерильной иглой для уколов и выдавил из них жидкость. Потом прилепил два куска влажной марли. Все это время Снаут внимательно следил за мной. Я не обращал на него внимания. Наконец я закончил процедуру (а лицо у меня горело все сильнее) и уселся в другое кресло. Сначала мне пришлось снять с него платье Хари. Это было совсем обычное платье, если не считать отсутствующей застёжки.

Снаут, сложив руки на остром колене, критически следил за моими действиями.

– Ну что, поговорим? – спросил он, подождав, пока я сяду.

Я не ответил, прижимая кусок марли, который начал сползать со щеки.

– Были «гости», ведь так, Крис?

– Да, – ответил я тихо. У меня не было ни малейшего желания поддерживать такой тон.

– И тебе удалось избавиться? Ну-ну, здорово ты за это взялся.

Он дотронулся до все еще шелушащегося лба, на кото-

ром уже показались розовые пятна молодой кожи. Я одурело смотрел на них. Почему до сих пор этот так называемый загар Снаута и Сарториуса не заставил меня задуматься? Я считал, что это от солнца, – а ведь на Солярисе никто не загорает.

– Но хоть начал-то ты скромно? – сказал Снаут, не обращая внимания на то, что я весь вспыхнул от осенившей меня догадки. – Разные наркотики, яды, приемы вольной борьбы, а?

– Чего ты хочешь? Можем разговаривать на равных правах. Если ты собираешься паясничать, лучше уходи.

– Иногда приходится быть паяцем и не желая этого, – сказал он и поднял на меня прищуренные глаза. – Не будешь же ты меня убеждать, что не попробовал веревки или молотка? А чернильницей, случайно, не бросался, как Лютер? Нет? Э, – поморщился он, – да ты парень что надо. Даже умывальник цел. Голову разбить вообще не пробовал, в комнате полный порядок. Значит, раз-два – засадил, выстрелил, и готово? – Снаут взглянул на часы и закончил: – Какие-нибудь два, а может, и три часа у нас теперь есть.

Он посмотрел на меня с неприятной усмешкой и вдруг спросил:

– Значит, говоришь, что считаешь меня свиньей?

– Законченной свиньей, – подтвердил я резко.

– Так. А ты *поверил* бы мне, если бы я сказал? Поверил бы хоть одному слову?

Я молчал.

– С Гибаряном это случилось с первым, – протянул он все с той же искусственной улыбкой. – Он закрылся в своей кабине и разговаривал только сквозь дверь. А мы... до-

гадываешься, что мы решили?

Я знал, но предпочитал молчать.

– Ну ясно. Решили, что он помешался. Кое-что он нам рассказал через дверь, но не все. Может быть, ты даже догадываешься, почему он скрывал, кто у него был? Ведь ты уже знаешь: каждому свое. Но это был настоящий ученый. Он требовал, чтобы мы дали ему шанс.

– Какой шанс в принципе вы могли ему дать?

– Ну, я думаю, он пробовал это как-то классифицировать, как-то договориться, что-то решить. Знаешь, что он делал? Наверное, знаешь?

– Эти вычисления, – сказал я. – В ящике. На радиостанции. Это он?

– Да. Но тогда я об этом ничего не знал.

– Как долго это продолжалось?

– «Гости»? С неделю. Разговоры через дверь. Но что там делалось... Мы думали, у него галлюцинации, моторное возбуждение. Я давал ему скополамин.

– Как это... ему?

– Вот так. Он брал, но не для себя. Экспериментировал. Так все и шло.

– А вы?..

– Мы? На третий день решили добраться до него, выломать дверь, если иначе не удастся. Мы честно хотели его вылечить.

– Ах... значит, поэтому! – вырвалось у меня.

– Да.

– И там... в том шкафу...

– Да, мой милый. Да. Он не знал, что в то время нас тоже навелили «гости». Мы уже не могли им заниматься. Но он не знал об этом. Теперь... теперь уже есть некото-

рый опыт.

Он произнес это так тихо, что последнее слово я скорее угадал, чем услышал.

– Погоди, я не понимаю, – сказал я. – Как же так? Ведь вы должны были слышать. Ты сам сказал, что вы подслушивали. Вы должны были слышать два голоса, а не один...

– Нет. Только его голос, а если даже и были там непонятные звуки, то сам понимаешь, что все мы приписывали этому...

– Только его? Но... почему же?

– Не знаю. Правда, у меня есть на этот счет одна теория. Но думаю, не следует с ней торопиться, тем более что всего она не объясняет. Вот так. Но ты должен был увидеть что-то еще вчера, иначе принял бы нас обоих за сумасшедших.

– Я думал, что сам свихнулся.

– Ах, так? И никого не видел?

– Видел.

– Кого?

Его гримаса уже не походила на улыбку. Я долго смотрел на него, прежде чем ответить.

– Ту... черную...

Он ничего не сказал, но вся его скорчившаяся, подавшаяся вперед фигура немного обмякла.

– Мог все-таки меня предупредить, – начал я уже менее уверенно.

– Я ведь тебя предупредил.

– Каким способом?

– Единственно возможным. Пойми, я не знал, кто это

будет. Этого никто не знал, этого нельзя было знать...

– Слушай, Снаут, я хочу тебя спросить. Ты знаешь это... уже некоторое время. Та... то... что с ней будет?

– Тебя интересует, вернется ли она?

– Да.

– Вернется и не вернется.

– Что это значит?

– Вернется такая же, как в начале... первого визита. Попросту не будет ничего знать, точнее, будет себя вести так, будто всего, что ты сделал, чтобы от нее избавиться, никогда не было. Если не вынудит ее к этому ситуация, не будет агрессивной.

– Какая ситуация?

– Это зависит от обстоятельств...

– Снаут!

– Что тебя интересует?

– Мы не можем позволить роскошь таиться друг от друга.

– Это не роскошь, – прервал он сухо. – Кельвин, мне кажется, что ты все еще не понимаешь... или постой! – У него заблестели глаза. – Ты можешь рассказать, кто это был?!

Я проглотил слюну и опустил голову. Мне не хотелось смотреть на него. Лучше бы это был кто-нибудь другой, не он. Но выбора не было. Кусок марли отклеился и упал мне на руку. Я вздрогнул от скользкого прикосновения.

– Женщина, которая... – Я не кончил. – Она убила себя. Сделала себе... укол...

Снаут ждал.

– Самоубийство? – спросил он, видя, что я молчу.

– Да.

– Это все?

Я молчал.

– Это не может быть всем...

Я быстро повернул голову. Он на меня не смотрел.

– Откуда ты знаешь?

Он не ответил.

– Хорошо, – сказал я, облизнув губы. – Мы поссорились. Собственно... Я ей сказал, знаешь, как говорят со зла... Забрал вещи и ушел. Она дала мне понять... не сказала прямо... но если с кем-нибудь прожил годы, то это и не нужно... Я был уверен, что это только слова... что она испугается это сделать и... так ей и сказал. На другой день я вспомнил, что оставил в шкафу... яды. Она знала о них. Они были нужны, я принес их из лаборатории и объяснил ей тогда, как они действуют. Я испугался и хотел пойти к ней, но потом подумал, что это будет выглядеть, будто я принял ее слова всерьез, и... оставил все как было. На третий день я все-таки пошел, это не давало мне покоя. Но... когда пришел, она уже была мертвой.

– Ах ты, святая невинность...

Это меня взорвало. Но, посмотрев на Снауга, я понял, что он вовсе не издевается. Я увидел его как будто в первый раз. У него было серое лицо, в глубоких морщинах которого спряталась невыразимая усталость. Он выглядел, как тяжело больной человек.

– Зачем ты так говоришь? – спросил я удивительно несмело.

– Потому что эта история трагична. Нет, нет, – добавил он быстро, увидев мое движение, – ты все еще не по-

нимаешь. Конечно, ты можешь это очень тяжело переживать, даже считать себя убийцей, но... это не самое страшное.

– Что ты говоришь! – заметил я язвительно.

– Утешаешься тем, что мне не веришь. То, что случилось, наверно, страшно, но еще страшнее то, что... не случилось. Никогда.

– Не понимаю, – проговорил я неуверенно. – Правда, ничего не понимаю.

Снаут кивнул.

– Нормальный человек... Что это такое – нормальный человек? Тот, кто никогда не сделал ничего мерзкого. Так, но наверняка ли он об этом никогда не подумал? А может быть, даже не подумал, а в нем что-то подумало, появилось, десять или тридцать лет назад, может, защитился от этого, и забыл, и не боялся, так как знал, что никогда этого не осуществит. Ну, а теперь вообрази себе, что неожиданно, среди бела дня, среди других людей, встречаешь это, воплощенное в кровь и плоть, прикованное к тебе, неис требимое, что тогда? Что будет тогда?

Я молчал.

– Станция, – сказал он тихо. – Тогда будет Станция Солярис.

– Но... что же это может быть? – спросил я нерешительно. – Ведь ни ты, ни Сарториус не убийцы.

– Но ты же психолог, Кельвин! – прервал он нетерпеливо. – У кого не было когда-нибудь такого сна? Бреда? Подумай о... о фетишисте, который влюбился, ну, скажем, в лоскут грязного белья, который, рискуя шкурой, добывает мольбой и угрозами этот свой драгоценный омерзительный

тельный лоскут... Это, должно быть, забавно, а? Который одновременно стыдится предмета своего вождения и сходит по нему с ума, и готов отдать за него жизнь, поднявшись, быть может, до чувств Ромео к Джульетте. Такие вещи бывают. Известно ведь, что существуют вещи... ситуации... такие, что никто не отважится их реализовать вне своих мыслей... в какой-то один момент ошеломления, упадка, сумасшествия, называй это как хочешь. После этого слово становится делом. Это все.

– Это... все, – повторил я бессмысленно деревянным голосом. В голове у меня шумело. – Но Станция? При чем здесь Станция?

– Ты что, притворяешься? – буркнул Снаут. Он смотрел на меня испытующе. – Ведь я все время говорю о Солярисе, – только о Солярисе и ни о чем ином. Не моя вина, если это так сильно отличается от того, чего ты ожидал. Впрочем, ты пережил достаточно, чтобы по крайней мере выслушать меня до конца. Мы отправляемся в космос приготовленные ко всему, то есть к одиночеству, борьбе, страданиям и смерти. Из скромности мы не говорим этого вслух, но думаем про себя, что мы великолепны. А на самом деле, на самом деле это не все и наша готовность оказывается недостаточной. Мы вовсе не хотим завоевывать космос, хотим только расширить Землю до его границ. Одни планеты пустынные, как Сахара, другие покрыты льдом, как полюс, или жарки, как бразильские джунгли. Мы гуманны, благородны, мы не хотим покорять другие расы, хотим только передать им наши ценности и взамен принять их наследство. Мы считаем себя рыцарями святого Контакта. Это вторая ложь. Не ищем никого, кроме лю-

дей. Не нужно нам других миров. Нам нужно зеркало. Мы не знаем, что делать с иными мирами. Достаточно одного этого, и он-то нас уже угнетает. Мы хотим найти собственный, идеализированный образ, это должны быть миры с цивилизацией более совершенной, чем наша. В других надеемся найти изображение нашего примитивного прошлого, в то же время по ту сторону есть что-то, чего мы не принимаем, от чего защищаемся. А ведь мы принесли с Земли не только дистиллят добродетели, героический монумент Человека! Прилетели сюда такие, какие есть в действительности, и когда другая сторона показывает нам эту действительность – не можем с этим примириться.

– Но что же это? – спросил я, терпеливо его выслушав.

– То, чего мы хотели: *контакт* с иной цивилизацией. Мы имеем его, этот контакт. Увеличенная, как под микроскопом, наша собственная чудовищная безобразность. Наше шутовство и позор!!! – Его голос дрожал от ярости.

– Значит, ты считаешь, что это... океан? Что это он? Но зачем? Сейчас совсем неважен механизм, но для чего? Ты серьезно думаешь, что он хочет с нами развлечься? Или наказать нас? Это ведь всего-навсего примитивная демонология. Планета, захваченная очень большим дьяволом, который для удовлетворения своего дьявольского чувства юмора подсовывает членам научной экспедиции любовниц. Ты ведь сам не веришь в этот законченный идиотизм.

– Этот дьявол вовсе не такой глупый, – пробурчал он сквозь зубы.

Я изумленно посмотрел на него. Мне пришло в голову, что в конце концов его нервы могли не выдержать, даже

если всего, что происходило на Станции, нельзя было объяснить сумасшествием. «Реактивный психоз?..» — мелькнула у меня мысль, когда он начал почти беззвучно смеяться.

— Ставишь мне диагноз? Не торопись. По сути дела ты испытал это в такой безобидной форме, что просто ничего не знаешь!

— Ага. Дьявол сжалился надо мной, — бросил я. Разговор начал мне надоедать.

— Чего ты, собственно, хочешь? Чтобы я рассказал тебе, какие планы строят против нас икс-биллионов частиц метаморфной плазмы? Может быть, никаких.

— Как это никаких? — спросил я, ошеломленный.

Снаут опять усмехнулся.

— Ты должен знать, что наука занимается только тем, *как* что-то делается, а не тем, *почему* это делается. Как? Ну, началось это через восемь или девять дней после того эксперимента с рентгеном. Может быть, океан ответил на излучение каким-либо другим излучением, может быть, прозондировал им наши мозги и извлек из них какие-то изолированные островки психики.

— Островки психики?

Это меня заинтересовало.

— Ну да, процессы, оторванные от всех остальных, замкнутые на себя, подавленные, приглушенные, какие-то воспоминания, очажки памяти. Он воспринял их как рецепт или план какой-то конструкции... Ты ведь знаешь, как похожи друг на друга асимметричные кристаллы хромосом и тех нуклеиновых соединений цереброцидов, которые составляют основу процессов запоминания... Ведь

наследственная плазма – плазма «запоминающая». Таким образом, океан извлек это из нас, зафиксировал, а потом... ты знаешь, что было потом. Но *для чего* это было сделано? Ба! Во всяком случае не для того, чтобы нас уничтожить. Это он мог сделать гораздо проще. Вообще при такой технологической свободе он может, собственно говоря, все. Например, посылать нам двойников.

– А! – воскликнул я. – Поэтому ты испугался в первый вечер, когда я пришел?

– Да. Возможно. А откуда ты знаешь, что я и вправду тот добрый старый Хорек, который прилетел сюда два года назад...

Снаут начал тихо смеяться, как будто мое ошеломление доставило ему бог знает какое удовольствие, но сразу же перестал.

– Нет, нет, – буркнул он. – И без того достаточно... Может, различий и больше, но я знаю только одно: нас с тобой можно убить.

– А их нет?

– Не советую тебе пробовать. Жуткое зрелище!

– Ничем?

– Не знаю. Во всяком случае ни ядом, ни ножом, ни веревкой...

– Атомной пушкой?

– Ты бы попробовал?

– Не знаю. Если быть уверенным, что это не люди...

– А если в некотором смысле да? Субъективно они люди. Они совершенно не отдают себе отчета в своем... происхождении. Ты, очевидно, это заметил?

– Да. Ну и... как это происходит?

– Регенерируют с необыкновенной скоростью. С невозможной скоростью, прямо на глазах, говорю тебе, и снова начинают поступать так... так...

– Как что?

– Как наше представление о них, те записи в памяти по которым...

– Да. Это правда, – подтвердил я, не обращая внимания на то, что мазь стекает с моих обожженных щек и капает на руки.

– А Гибарян знал?.. – спросил я быстро.

Он посмотрел на меня внимательно:

– Знал ли он то, что мы?

– Да.

– Почти наверняка.

– Откуда ты знаешь, он что-нибудь говорил?

– Нет. Но я нашел у него одну книжку...

– «Малый Апокриф»?! – воскликнул я, вскакивая.

– Да. А откуда ты об этом можешь знать? – удивился он с беспокойством, впиваясь взглядом в мое лицо.

Я остановил его жестом.

– Спокойно. Видишь ведь, что я обожжен и совсем не регенерирую. В кабине было письмо для меня.

– Что ты говоришь? Письмо? Что в нем было?

– Немного. Собственно, не письмо, а записка. Библиографическая ссылка на соляристическое приложение и на этот «Апокриф». Что это такое?

– Старое дело. Может, и имеет со всем этим что-нибудь общее. Держи.

Он вынул из кармана переплетенный в кожу вытертый на углах томик и подал мне.

– А Сарториус? – бросил я, пряча книжку.

– Что Сарториус? В такой ситуации каждый держится как может. Он старается быть нормальным – у него это значит официальным.

– Ну знаешь!

– Это так. Я был однажды с ним в переплете... Не буду вдаваться в подробности, достаточно того, что на восьмерых у нас осталось пятьсот килограммов кислорода. Один за другим бросали мы повседневные дела, под конец все ходили бородатые, он один брился, чистил ботинки... Это такой человек. И, конечно, то, что он сделает сейчас, будет притворством, комедией или преступлением.

– Преступлением?

– Хорошо, пусть не преступление. Нужно придумать для этого какое-нибудь новое определение. Например, «реактивный развод». Лучше звучит?

– Ты чрезвычайно остроумен.

– Предпочел бы, чтобы я плакал? Предложи что-нибудь.

– А, оставь меня в покое.

– Да нет, я говорю серьезно. Ты знаешь теперь примерно столько же, сколько я. У тебя есть какой-нибудь план?

– Какой ты добрый! Я не знаю, что делать, когда... она снова появится. Должна явиться?

– Скорее всего да.

– Но как же они попадают внутрь? Ведь Станция герметична. Может быть, панцирь...

– Панцирь в порядке. Понятия не имею, как. Чаще всего мы видим «гостей», когда просыпаемся, но спать-то

хотя бы изредка надо.

Он встал. Я встал за ним.

– Послушай-ка, Снаут... Речь идет о ликвидации Станции. Только ты хочешь, чтобы это шло от меня?

Он покачал головой.

– Это не так просто. Конечно, мы всегда можем сбежать хотя бы на сателлоид и оттуда послать SOS. Решат, разумеется, что мы сошли с ума, какой-нибудь санаторий на Земле, пока мы все хорошенько не забудем, – бывают же случаи коллективного помешательства на таких изолированных базах... Может быть, это было бы не самым плохим выходом... Сад, тишина, белые палаты, прогулки с санитарями...

Снаут говорил совершенно серьезно, держа руки в карманах, уставившись невидящим взглядом в угол комнаты. Красное солнце уже исчезло за горизонтом, и гривастые волны расплавились в черной пустыне. Небо пылало. Над этим двухцветным необыкновенно унылым пейзажем плыли тучи с лиловыми кромками.

– Значит, хочешь сбежать? Или нет? Еще нет?

Он усмехнулся:

– Непреклонный покоритель... не испробовал еще этого, а то бы не был таким требовательным. Речь идет не о том, чего хочется, а о том, что возможно.

– Что?

– Вот этого-то я и не знаю.

– Значит, остаемся тут? Думаешь, найдется средство?

Снаут посмотрел на меня, изнуренный, с шелушащейся кожей изрытого морщинами лица.

– Кто знает. Может, это окупится, – сказал он наконец.

– О нем не узнаем, пожалуй, ничего, но, может быть, о

нас...

Он отвернулся, взял свои бумаги и вышел. Делать мне было нечего, я мог только ждать. Я подошел к окну и смотрел на кроваво-черный океан, почти не видя его. Мне пришло в голову, что я мог бы закрыться в какой-нибудь из ракет, но я не думал об этом серьезно, это было чересчур глупо – раньше или позже мне бы ведь пришлось выйти. Я сел у окна и вынул книжку, которую дал мне Снаут. Света было еще достаточно, страница порозовела, комната пылала багрянцем.

Это были собранные неким Оттоном Равинцером, магистром философии, статьи и работы неоспоримой ценности. Каждой науке всегда сопутствует какая-нибудь псевдонаука, ее дикое преломление в интеллектах определенного типа; астрономия имеет своего карикатуриста в астрологии, химия имела его когда-то в алхимии, понятно, что рождение соляристики сопровождалось настоящим взрывом мыслей-чудовищ.

Книга Равинцера содержала духовную пищу именно этого рода, впрочем, нужно сказать честно, что в предисловии он отмежевывался от этого паноптикума. Просто он не без оснований считал, что такой сборник может быть ценным документом эпохи как для историка, так и для психолога науки.

Рапорт Бертон занимал в книге почетное место. Он состоял из нескольких частей. Первую составляла копия его бортового журнала, весьма лаконичного.

От четырнадцати часов до шестнадцати часов сорока минут условного времени экспедиции записи были короткими и негативными.

«Высота 1000, 1200 или 800 метров, ничего не замече-

но, океан пуст». Это повторилось несколько раз.

Потом в 16.40: «Поднимается красный туман. Видимость 700 метров. Океан пуст».

В 17.00: «Туман становится гуще, штиль, видимость 400 метров с прояснениями. Спускаюсь на 200».

В 17.20: «Я в тумане. Высота 200. Видимость 20-40 метров. Штиль. Поднимаюсь на 400».

В 17.45: «Высота 500. Лавина тумана до горизонта. В тумане воронкообразные отверстия, сквозь которые проглядывает поверхность океана. Пытаюсь войти в одну из этих воронок».

В 17.52: «Вижу что-то вроде водоворота – выбрасывает желтую пену. Окружен стеной тумана. Высота 100. Спускаюсь на 20».

На этом кончались записи в бортовом журнале Бертона. Дальнейшие страницы так называемого рапорта составляла выдержка из его истории болезни, а точнее говоря, это был текст показаний, продиктованных Бертоном и прерывавшихся вопросами членов комиссии.

«*Бертон*. Когда я спустился до тридцати метров, стало трудно удерживать высоту, так как в этом круглом, свободном от тумана пространстве дул прерывистый ветер. Я вынужден был все внимание сосредоточить на управлении и поэтому некоторое время, минут 10-15, не выглядывал из кабины. Из-за этого я, против своего желания, вошел в туман, меня бросил туда сильный порыв ветра. Это был не обычный туман, а как бы взвесь, по-моему, коллоидная, — она затянула все стекла. Очистить их было очень трудно, взвесь оказалась очень липкой. Тем временем у меня процентов на тридцать упали обороты из-за сопротивления,

которое оказывал винту этот туман, и я начал терять высоту. Я спустился очень низко и, боясь зацепиться за волны, дал полный газ. Машина держала высоту, но вверх не шла. У меня было еще четыре патрона ракетных ускорителей. Я не использовал их, решив, что положение может ухудшиться и тогда они мне понадобятся. При полных оборотах началась очень сильная вибрация; я понял, что винт облеплен этой странной взвесью; на приборах грузоподъемности по-прежнему были нули, и я ничего не мог с этим поделать. Солнца я не видел с того момента, когда вошел в туман, но в его направлении туман светился красным. Я все еще кружил, надеясь, что в конце концов сумею найти одно из этих свободных от тумана мест, и действительно мне это удалось через какие-нибудь полчаса. Я выскочил в открытое пространство, почти точно круглое, диаметром несколько сот метров. Его границы образовывал стремительно клубящийся туман, как бы поднимаемый мощными конвекционными потоками. Поэтому я старался держаться как можно ближе к середине «дыры» — там воздух был наиболее спокойным. В это время я заметил перемену в состоянии поверхности океана. Волны почти полностью исчезли, а поверхностный слой этой жидкости — того, из чего состоит океан, — стал полупрозрачным с замутнениями, которые постепенно исчезали, так что через некоторое время все полностью очистилось и я мог сквозь слой толщиной, наверное, в несколько километров смотреть вглубь. Там громоздился желтый ил, который тонкими полосами поднимался вверх и, всплывая на поверхность, стеклянно блестел, начинал бурлить и пениться, а потом твердел; тогда он был похож на очень густой пригоревший

сахарный сироп. Этот ил, или слизь, собирался в большие комки, вырастал над поверхностью, образовывал бугры, похожие на цветную капусту, и постепенно формировал разнообразные фигуры. Меня начало затягивать к стене тумана, и поэтому мне пришлось несколько минут рулями и оборотами бороться с этим движением, а когда я снова мог смотреть, внизу под собой увидел что-то, что напоминало сад. Да, сад. Я видел карликовые деревья, и живые изгороди, и дорожки, не настоящие, – все это было из той же самой субстанции, которая целиком уже затвердела, как желтоватый гипс. Так это выглядело. Поверхность сильно блестела. Я опустился низко, как только смог, чтобы все как следует рассмотреть.

Вопрос. У этих деревьев и других растений, которые ты видел, были листья?

Ответ Бертон. Нет. Просто все это имело такой вид – как бы модель сада. Ну да. Модель. Так это выглядело. Модель, но, пожалуй, в натуральную величину. Потом все начало трескаться и ломаться, из расщелин, которые были совершенно черными, волнами выдавливался на поверхность густой ил и застывал, часть стекала, а часть оставалась, и все начало бурлить еще сильнее, покрылось пеной, и ничего, кроме нее, я уже не видел. Одновременно туман начал стискивать меня со всех сторон, поэтому я увеличил обороты и поднялся на триста метров.

Вопрос. Ты совершенно уверен, что то, что увидел, напоминало сад и ничто другое?

Ответ Бертон. Да. Потому что я заметил там различные детали. Помню, например, что в одном месте стояли в ряд какие-то квадратные коробки. Поздней мне

пришло в голову, что это могла быть пасека.

Вопрос. Это пришло тебе в голову потом? Но не в тот момент, когда ты видел?

Ответ Бертон. Нет, потому что все это было как из гипса. Я видел и другие вещи.

Вопрос. Какие вещи?

Ответ Бертон. Не могу сказать, какие, так как не успел их хорошенько рассмотреть. У меня было впечатление, что под некоторыми кустами лежали какие-то орудия. Они были продолговатой формы, с выступающими зубьями, как бы гипсовые отливки небольших садовых машин. Но в этом я полностью не уверен. А в том – да.

Вопрос. Ты не подумал, что это галлюцинация?

Ответ Бертон. Нет. Я решил, что это была фата моргана. О галлюцинации я не думал, так как чувствовал себя совсем хорошо, а также потому, что никогда в жизни ничего подобного не видел. Когда я поднялся до трехсот метров, туман подо мной был испещрен дырками, совсем как сыр. Одни из этих дыр были пусты, и я видел в них, как волнуется океан, а в других что-то клубилось. Я спустился в одно из таких отверстий и на высоте сорока метров увидел что под поверхностью океана – но совсем неглубоко – лежит стена, как бы стена огромного здания: она четко просвечивала сквозь волны и имела ряды регулярно расположенных прямоугольных отверстий, похожих на окна. Мне даже показалось, что в некоторых окнах что-то движется. Но в этом я не совсем уверен. Затем стена начала медленно подниматься и выступать из океана. По ней целыми водопадами стекал ил и какие-то слизистые образования, такие сгущения с прожилками. Вдруг она

развалилась на две части и ушла в глубину так быстро, что мгновенно исчезла. Я снова поднял машину и летел над самым туманом почти касаясь его шасси. Потом увидел следующую воронку. Она была, наверное, в несколько раз больше первой. Уже издалека я заметил плавающий предмет. Он был светлым, почти белым, и мне показалось, что это скафандр Фехнера, тем более что формой он напоминал человека. Я очень резко развернул машину – боялся, что могу пролететь это место и уже не найду его. В это время фигура слегка приподнялась, словно она плавала или же стояла по пояс в волне. Я спешил и спустился так низко, что почувствовал удар шасси обо что-то мягкое, возможно, о гребень волны – здесь она была порядочной. Этот человек, да, это был человек, не имел на себе скафандра. Несмотря на это, он двигался.

Вопрос. Видел ли ты его лицо?

Ответ Бертон. Да.

Вопрос. Кто это был?

Ответ Бертон. Это был ребенок.

Вопрос. Какой ребенок? Ты раньше когда-нибудь видел его?

Ответ Бертон. Нет. Никогда. Во всяком случае не помню этого. Как только я приблизился – меня отделяло от него метров сорок, может, немного больше, – заметил, что в нем есть что-то нехорошее.

Вопрос. Что ты под этим понимаешь?

Ответ Бертон. Сейчас скажу. Сначала я не знал, что это. Только немного погодя понял: он был необыкновенно большим. Гигантским – это еще слабо сказано. Он был, пожалуй, высотой метра четыре. Точно помню, что, когда ударился шасси о волну, его лицо находилось немного

выше моего, хотя я сидел в кабине, то есть находился на высоте трех метров от поверхности океана.

Вопрос. Если он был таким большим, то почему ты решил, что это ребенок?

Ответ Бертон. Потому что это был очень маленький ребенок.

Вопрос. Тебе не кажется, Бертон, что твой ответ нелогичен?

Ответ Бертон. Нет. Совсем нет. Потому что я видел его лицо. Ну, и, наконец, пропорции тела были детскими. Он показался мне... совсем младенцем. Нет, это преувеличение. Наверное, ему было два или три года. У него были черные волосы и голубые глаза, огромные. И он был голый. Совершенно голый, как новорожденный. Он был мокрый, скользкий, кожа у него блестела. Это зрелище подействовало на меня ужасно. Я уже не верил ни в какую фату моргану. Я видел его слишком четко. Он поднимался и опускался на волне, но, независимо от этого, еще и двигался. Это было омерзительно!

Вопрос. Почему? Что он делал?

Ответ Бертон. Выглядел, ну, как в каком-то музее, как кукла, но живая кукла. Открывал и закрывал рот и совершал разные движения. Омерзительно! Это были не его движения.

Вопрос. Как ты это понимаешь?

Ответ Бертон. Я не приближался к нему слишком. Пожалуй, двадцать метров – это наиболее точная оценка. Но и сказал уже, каким он был громадным, и благодаря этому я видел его чрезвычайно четко. Глаза у него блестели, и вообще он производил впечатление живого ребенка,

только эти движения, как если бы кто-то пробовал... как будто кто-то его изучал...

Вопрос. Постарайся объяснить точнее, что это значит.

Ответ Бертон. Не знаю, удастся ли мне. У меня было такое впечатление. Это было интуитивно. Я не задумывался над этим. Его движения были неестественны.

Вопрос. Хочешь ли ты сказать, что, допустим, руки двигались так, как не могут двигаться человеческие руки из-за ограничения подвижности в суставах?

Ответ Бертон. Нет. Совсем не то... Но... его движения не имели никакого смысла. Каждое движение в общем что-то значит, для чего-то служит...

Вопрос. Ты так считаешь? Движения младенца не должны что-либо значить.

Ответ Бертон. Это я знаю. Но движения младенца беспорядочные, нескоординированные. Обобщенные. А те были... есть, понял! Они были *методичны*. Они проделывались по очереди, группами и сериями. Как будто кто-то хотел выяснить, что этот ребенок в состоянии сделать руками, а что – торсом и ртом. Хуже всего было с лицом, наверно, потому, что лицо наиболее выразительно, а это было... Нет, не могу этого определить. Оно было живым, да, но не человеческим. Я хочу сказать, черты лица были в полном порядке, и глаза, и цвет, и все, но выражение, мимика – нет.

Вопрос. Были ли это гримасы? Ты знаешь, как выглядит лицо человека при эпилептическом припадке?

Ответ Бертон. Да. Я видел такой припадок. Понимаю. Нет, это было что-то другое. При эпилепсии есть схватки и судороги, а это были движения совершенно

плавные и непрерывные, ловкие, если так можно сказать, мелодичные. У меня нет другого определения. Ну и лицо. С лицом было то же самое. Лицо не может выглядеть так, чтобы одна половина была веселой, а другая – грустной, чтобы одна часть грозила или боялась, а другая – торжествовала или делала что-то в этом роде. Но с ребенком было именно так. Кроме того, все эти движения и мимическая игра происходили с невиданной быстротой. Я там был очень недолго, может быть, десять секунд, а может, и меньше.

Вопрос. И ты утверждаешь, что все это успел заметить в такой короткий промежуток времени? Впрочем, откуда ты знаешь, как долго это продолжалось? Ты смотрел на часы?

Ответ Бертон. Нет. На часы я не смотрел. Но летаю уже шестнадцать лет. В моей профессии нужно уметь оценивать время с точностью до секунды. Это рефлекс. Пилот, который не может в любых условиях сориентироваться, длилось ли какое-то событие пять секунд или десять, никогда не будет многого стоить. То же самое и с наблюдением. Человек учится этому с годами схватывать все в самые короткие промежутки времени.

Вопрос. Это все, что ты видел?

Ответ Бертон. Нет. Но остальное и не помню так ясно. Возможно, доза оказалась для меня слишком большой. Мой мозг как бы закупорился. Туман начал спускаться, и я был вынужден пойти вверх. Вынужден был, но не помню, как и когда это сделал. Первый раз в жизни чуть не разбился. У меня так дрожали руки, что я не мог как следует удерживать штурвал. Кажется, я что-то кричал и вызывал Базу, хотя знал, что связи нет.

Вопрос. Пробовал ли ты тогда вернуться?

Ответ Бертон. Нет. Потому что потом, когда я набрал высоту, подумал, что, может быть, в какой-нибудь из этих дыр находится Фехнер. Я знаю, это звучит бессмысленно. Но я так думал. Раз уж происходят такие вещи, подумал я, то, может быть, и Фехнера удастся найти. Поэтому я решил влезать во все дыры, какие только замечу. Но на третий раз, когда и ушел вверх, я понял, что после того, что увидел, ничего не сделаю. Я больше не мог. Я почувствовал слабость, и меня вытошнило. Раньше я не знал, что это такое. Меня никогда в жизни не тошнило.

Вопрос. Это был признак отравления, Бертон.

Ответ Бертон. Возможно. Не знаю. Но того, что я увидел в третий раз, я не выдумал, этого не объяснить отравлением.

Вопрос. Откуда ты можешь об этом знать?

Ответ Бертон. Это не было галлюцинацией. Галлюцинации – это ведь то, что создает мой собственный мозг, так?

Вопрос. Так.

Ответ Бертон. Ну вот. А такого он *не мог* создать. Никогда в это не поверю. Не способен на это.

Вопрос. Расскажи поточнее, что это было, хорошо?

Ответ Бертон. Сначала я должен узнать, как будет расцениваться то, что я уже рассказал.

Вопрос. Какое это имеет значение?

Ответ Бертон. Для меня – принципиальное. Я сказал, что увидел такое, чего никогда не забуду. Если комиссия решит, что рассказанное мной хотя бы на один про-

цент правдоподобно, так что нужно начать соответствующее изучение этого океана, то скажу все. Но если это будет признано комиссией за какие-то мои видения, не скажу ничего.

Вопрос. Почему?

Ответ Бертона. Потому что содержание моих галлюцинаций, каким бы оно ни было, мое личное дело. Содержание же моих исследований на Солярисе – нет.

Вопрос. Значит ли это, что ты отказываешься от всяких дальнейших ответов до принятия решения компетентными органами экспедиции? Ты ведь должен понимать, что комиссия не уполномочена немедленно принять решение.

Ответ Бертона. Да.»

На этом кончался первый протокол. Был еще фрагмент другого, записанного на одиннадцать дней позднее.

«Председательствующий. ...принимая все это во внимание, комиссия, состоящая из трех врачей, трех биологов, одного физика, одного инженера-механика и заместителя начальника экспедиции, пришла к убеждению, что сообщенные Бертоном сведения представляют собой содержание галлюцинаторного комплекса, вызванного влиянием отравления атмосферой планеты, с симптомами помрачения, которым сопутствовало возбуждение ассоциативных зон коры головного мозга, и что этим сведениям в действительности ничего или почти ничего не соответствует.

Бертон. Простите. Что значит «ничего или почти ничего»? Что это «почти ничего»? Насколько оно велико?

Председательствующий. Я еще не кончил. Отдельно запротоколировано votum separatum³ доктора физики Арчибальда Мессенджера, который заявил, что рассказанное Бертоном могло, по его мнению, происходить в действительности и нуждается в добросовестном изучении. Это все.

Бертон. Я повторяю свой вопрос.

Председательствующий. Это очень просто. «Почти ничего» означает, что какие-то реальные явления могли вызвать твои галлюцинации, Бертон. Самый нормальный человек может во время ветреной погоды принять качающийся куст за какое-то существо. Что же говорить о чужой планете, да еще когда мозг наблюдателя находится под действием яда. В этом нет для тебя ничего оскорбительного, Бертон. Каково же в связи с вышеуказанным твое решение?

Бертон. Мне бы хотелось сначала узнать, какие последствия будет иметь votum separatum доктора Мессенджера?

Председательствующий. Практически никаких. Это значит, что исследования в этом направлении проводиться не будут.

Бертон. Вносится ли в протокол то, что мы говорим?

Председательствующий. Да.

Бертон. В связи с этим я хотел бы сказать, что, по моему убеждению, комиссия оскорбила не меня, я здесь не в счет, а дух экспедиции. В соответствии с тем, что я сказал в первый раз, на дальнейшие вопросы отвечать отказываюсь.

---

³ особое мнение (лат.)

Председательствующий. Это все?

Бертон. Да. Но я хотел бы увидеться с доктором Мессенджером. Это возможно?

Председательствующий. Конечно».

На этом закончился второй протокол. Внизу страницы было помещено напечатанное мелким шрифтом примечание, сообщающее, что доктор Мессенджер на следующий день провел трехчасовую конфиденциальную беседу с Бертоном, после чего обратился в Совет экспедиции, снова настаивая на изучении показаний пилота.

Он утверждал, что за такое решение говорят новые, дополнительные данные, которые представил ему Бертон, но которые он сможет предъявить только после принятия Советом положительного решения. Совет, в который входили Шеннон, Тимолис и Трахье, отнесся к этому предложению отрицательно, на том дело и кончилось.

Книга содержала еще фотокопию одной страницы письма, найденного в посмертных бумагах Мессенджера. Это был, вероятно, черновик; Равинцеру не удалось выяснить, было ли послано это письмо и имело ли это какие-нибудь последствия.

«...ее невероятная тупость, — начинался текст. — Заботясь о своем авторитете, Совет, а говоря конкретно, Шеннон и Тимолис (так как голос Трахье ничего не значит), отверг мое требование. Сейчас я обращаюсь непосредственно в Институт, но, сам понимаешь, это бессильный протест. Связанный словом, я не могу, к сожалению, сообщить тебе то, что рассказал мне Бертон. На решение Совета, очевидно, повлияло то, что с открытием пришел человек без всякой ученой степени, хотя не

один исследователь мог бы позавидовать этому пилоту, его присутствию духа и таланту наблюдателя. Очень прошу тебя, пошли мне с обратной почтой след. данные:

1) биографию Фехнера, начиная с детства;

2) все, что тебе известно о его родственниках и родственных отношениях, по-видимому, он оставил сиротой маленького ребенка;

3) фотографию местности, где он воспитывался.

Мне хотелось бы еще рассказать тебе, что я обо всем этом думаю. Как ты знаешь, через некоторое время после вылета Фехнера и Каруччи в центре красного солнца образовалось пятно, которое своим корпускулярным излучением нарушило радиосвязь, главным образом, по данным сателлоида, в южном полушарии, то есть там, где находилась наша База. Фехнер и Каруччи отделились от Базы больше всех остальных исследовательских групп.

Такого густого и упорно держащегося тумана при полном штиле мы не наблюдали до дня катастрофы за все время пребывания на планете.

Думаю, что то, что видел Бертон, было частью операции «Человек», проводящейся этим липким чудовищем. Истинным источником всех существ, замеченных Бертоном, был Фехнер – его мозг в ходе какого-то непонятного для нас «психического вскрытия»; речь шла об экспериментальном воспроизведении, о реконструкции некоторых (вероятно, наиболее устойчивых) следов его памяти.

Я знаю, что это звучит фантастично, знаю, что могу ошибиться. Прошу тебя мне помочь: я сейчас нахожусь на Аларике и здесь буду ожидать твоего ответа.

Твой А. »

Я читал с трудом, уже совсем стемнело, и книжка в моей руке стала серой. Наконец буквы начали сливаться, но пустая часть страницы свидетельствовала, что я дошел до конца этой истории, которая в свете моих собственных переживаний казалась весьма правдоподобной. Я обернулся к окну. Пространство за ним было темно-фиолетовым, над горизонтом тлело еще несколько облаков, похожих на угасающий уголь. Океан, покрытый тьмой, не был виден. Я слышал слабый шелест бумажных полосок над вентиляторами.

Нагретый воздух с легким запахом озона, казалось, застыл. Абсолютная тишина наполняла Станцию. Я подумал, что в нашем решении остаться нет ничего героического. Эпоха героической борьбы, смелых экспедиций, ужасных смертей, таких хотя бы, как гибель первой жертвы океана, Фехнера, давно уже кончилась. Меня уже почти не интересовало, кто «гости» Снаута или Сарториуса. «Через некоторое время, — подумал я, — мы перестанем стыдиться друг друга и замыкаться в себе. Если мы не сможем избавиться от «гостей», то привыкнем к ним и будем жить с ними, а если их создатель изменит правила игры, мы приспособимся и к новым, хотя некоторое время будем мучиться, метаться, а может быть, даже тот или другой покончит с собой, но в конце концов все снова придет в равновесие».

Комнату наполняла темнота, сейчас очень похожая на земную. Уже только контуры умывальника и зеркала белели во мраке. Я встал, на ощупь нашел клочок ваты на полке, обтер влажным тампоном лицо и лег навзничь на

кровать. Где-то надо мной, похожий на трепетание бабочки, поднимался и пропадал шелест у вентилятора. Я не видел даже окна, все скрыл мрак, полоска неведомо откуда идущего тусклого света висела передо мной, я не знаю даже, на стене или в глубине пустыни, там, за окном. Я вспомнил, как ужаснул меня в прошлый раз пустой взор соляристического пространства, и почти усмехнулся. Я не боялся его. Ничего не боялся. Я поднес к глазам руку. Фосфоресцирующим веночком цифр светился циферблат часов. Через час должно было взойти голубое солнце. Я наслаждался темнотой и глубоко дышал, пустой, свободный от всяких мыслей.

Пошевелившись, я почувствовал прижатую к бедру плоскую коробку магнитофона. Да. Гибарян. Его голос, сохранившийся на пленке. Мне даже в голову не пришло воскресить его, послушать. Это было все, что я мог для него сделать.

Я взял магнитофон, чтобы спрятать его под кровать, и услышал шелест и слабый скрип открывающейся двери.

— Крис?. . — донесся до меня тихий голос, почти шепот. — Ты здесь, Крис? Так темно.

— Это ничего, — сказал я. — Не бойся. Иди сюда.

СОВЕЩАНИЕ

Я лежал на спине без единой мысли. Темнота, заполняющая комнату, сгущалась. Я слышал шаги. Стены пропадали. Что-то возносилось надо мной все выше, безгранично высоко. Я застыл, пронизанный тьмой, объятый ею без прикосновения. Я чувствовал ее упругую прозрач-

ность. Где-то очень далеко билось сердце. Я сосредоточил все внимание, остатки сил на ожидании агонии. Она не приходила. Я только становился все меньше, а невидимое небо, невидимые горизонты, пространство, лишенное форм, туч, звезд, отступая и увеличиваясь, делало меня своим центром. Я силился втиснуться в то, на чем лежал, но подо мной уже не было ничего и мрак ничего уже не скрывал. Я стиснул руки, закрыл ими лицо. Оно исчезло. Руки прошли насквозь. Хотелось кричать, выть...

Комната была серо-голубой. Мебель, полки, углы стен – все как бы нарисованное широкими матовыми мазками, все бесцветно – одни только контуры. Прозрачная, жемчужная белизна за окном. Я был совершенно мокрый от пота. Я взглянул в ее сторону, она смотрела на меня.

– У тебя затекла рука?

– Что?

Она подняла голову. Ее глаза были того же цвета, что и комната, серые, сияющие между черными ресницами. Я почувствовал тепло ее шепота, прежде чем понял слова.

– Нет. А, да.

Я обнял ее за плечо. От этого прикосновения по руке пробежали мурашки. Я медленно обнял ее другой рукой.

– Ты видел плохой сон?

– Сон? Да, сон. А ты не спала?

– Не знаю. Может, и нет. Мне не хочется спать. Но ты спи. Почему ты так смотришь?

Я прикрыл глаза. Ее сердце билось рядом с моим, четко, ритмично. «Бутафория», – подумал я. Но меня ничего не удивляло, даже собственное безразличие. Страх и отчаяние были уже позади. Я дотронулся губами до ее шеи,

потом поцеловал маленькое гладкое, как внутренность ракушки, углубление у горла. И тут бился пульс.

Я поднялся на локте. Никакой зари, никакой мягкости рассвета, горизонт обнимало голубое электрическое зарево, первый луч пронзил комнату, как стрела, все заиграло отблесками, радужные огни изламывались в зеркале, в дверных ручках, в никелированных трубках, казалось, что свет ударяет в каждый встреченный предмет, как будто хочет что-то освободить, взорвать тесное помещение. Уже невозможно было смотреть. Я отвернулся. Зрачки Хари стали совсем маленькими.

– Разве уже день? – спросила она приглушенным голосом.

Это был полусон, полуявь.

– На этой планете всегда так, моя дорогая.

– А мы?

– Что мы?

– Долго здесь будем?

Мне хотелось смеяться. Но когда глухой звук вырвался из моей груди, он не был похож на смех.

– Думаю, что достаточно долго. Ты против?

Ее веки дрожали. Хари смотрела на меня внимательно. Она как будто подмигнула мне, а может быть, мне это показалось. Потом подтянула одеяло, и на ее плече порозовела маленькая треугольная родинка.

– Почему ты так смотришь?

– Ты очень красивая.

Она улыбнулась. Но это была только вежливость, благодарность за комплимент.

– Правда? Ты смотришь, как будто... как будто...

– Что?

– Как будто чего-то ищешь.

– Не выдумывай.

– Нет, как будто думаешь, что со мной что-то случилось или я не рассказала тебе чего-то.

– Откуда ты это взяла?

– Раз уж ты так отпираешься, то наверняка. Ладно, как хочешь.

За пламенеющими окнами родился мертвый голубой зной. Заслонив рукой глаза, я поискал очки. Они лежали на столе. Я присел на постели, надел их и увидел ее отражение в зеркале. Хари чего-то ждала. Когда я снова уселся рядом с ней, она усмехнулась:

– А мне?

Я вдруг сообразил:

– Очки?

Я встал и начал рыться в ящиках, на столе, под окном. Нашел две пары, правда, обе слишком большие, и подал ей. Она померила одни и другие. Они свалились у нее до половины носа.

В этот момент заскрежетали заслонки. Мгновение, и внутри Станции, которая, как черепаха, спряталась в своей скорлупе, наступила ночь. На ощупь я снял с нее очки и вместе со своими положил под кровать.

– Что будем делать? – спросила она.

– То, что делают ночью, – спать...

– Крис?

– Что?

– Может, сделать тебе новый компресс?

– Нет, не нужно. Не нужно... дорогая.

Сказав это, сам не понимаю почему, я вдруг обнял в темноте ее тонкие плечи и, чувствуя их дрожь, поверил в нее. Хотя не знаю. Мне вдруг показалось, что это я обманываю ее, а не она меня, что она настоящая.

Я засыпал потом еще несколько раз, и все время меня вырывали из дремы судороги, бешено колотящееся сердце медленно успокаивалось, я прижимал ее к себе, смертельно усталый, она заботливо дотрагивалась до моего лица, лба, очень осторожно проверяя, нет ли у меня жара. Это была Хари. Самая настоящая. Другой быть не могло.

От этой мысли что-то во мне изменилось. Я перестал бороться и почти сразу же заснул.

Разбудило меня легкое прикосновение. Лоб был охвачен приятным холодом. На лице лежало что-то влажное и мягкое. Потом это медленно поднялось, и я увидел склонившуюся надо мной Хари. Обеими руками она выжимала марлю над фарфоровой мисочкой. Сбоку стояла бутылка с жидкостью от ожогов. Она улыбнулась мне.

— Ну и спишь же ты, — сказала она, снова положив марлю мне на лоб. — Болит?

— Нет.

Я пошевелил кожей лба. Действительно, ожоги сейчас совершенно не чувствовались.

Хари сидела на краю постели, закутавшись в мужской купальный халат, белый, с оранжевыми полосами, ее черные волосы рассыпались по воротнику. Рукава она подвернула до локтей, чтобы они не мешали.

Я был дьявольски голоден, прошло уже часов двадцать, как у меня ничего не было во рту. Когда Хари закончила процедуры, я встал. Вдруг мой взгляд упал на два

лежащих рядом одинаковых платья с красными пуговицами, первое, которое я помог ей снять, разрезав декольте, и второе, в котором пришла вчера. На этот раз она сама распоролла шов ножницами. Сказала, что, наверное, замок заело.

Эти два одинаковых платья были самым страшным из всего, что я до сих пор пережил. Хари возилась у шкафика с лекарствами, наводя в нем порядок. Я украдкой отвернулся от нее и до крови укусил себе руку. Все еще глядя на эти два платья, вернее, на одно и то же, повторенное два раза, я начал пятиться к дверям. Вода по-прежнему с шумом текла из крана. Я отворил дверь, тихо выскользнул в коридор и осторожно ее закрыл.

Из комнаты доносился слабый шум воды, звяканье бутылок. Вдруг эти звуки прекратились. В коридоре горели длинные потолочные лампы, неясное пятно отраженного света лежало на поверхности двери. Я стиснул зубы и ждал, вцепившись в ручку, хотя не надеялся, что сумею ее удержать. Резкий рывок чуть не выдернул ее у меня из руки, но дверь не отворилась, только задрожала и начала ужасно трещать. Ошеломленный, я выпустил ручку и отступил. С дверью происходило что-то невероятное: ее гладкая пластмассовая поверхность изогнулась, как будто вдавленная с моей стороны внутрь, в комнату. Покрытие начало откалываться мелкими кусочками, обнажая сталь косяка, который напрягался все сильнее. Вдруг я понял: вместо того чтобы толкнуть дверь, которая открывалась в коридор, она силилась отворить ее *на себя*. Отблеск света искривился на белой поверхности, как в вогнутом зеркале, раздался громкий хруст, и монолитная, до предела выгну-

тая плита треснула. Одновременно ручка, вырванная из гнезда, влетела в комнату. Сразу в отверстии показались окровавленные руки и, оставляя красные следы на лаке, продолжали тянуть, дверная плита сломалась пополам, ко-со повисла на петлях, и оранжево-белое существо с поси-невшим мертвым лицом бросилось мне на грудь, заходясь от слез.

Если бы это зрелище меня не парализовало, я бы по-пытался убежать. Хари судорожно хватала воздух и би-лась головой о мое плечо, а потом стала медленно оседать на пол. Я подхватил ее, отнес в комнату, протиснувшись мимо расколотой дверной створки, и положил на кровать. Из-под ее сломанных ногтей сочилась кровь. Когда она повернула руку, я увидел содранную до мяса ладонь. Я взглянул ей в лицо, открытые глаза смотрели сквозь меня без всякого выражения.

– Хари!

Она ответила невнятным бормотанием.

Я приблизил палец к ее глазу. Веко опустилось. Я по-дошел к шкафу с лекарствами. Кровать скрипнула. Я обернулся. Она сидела выпрямившись, глядя со страхом на свои окровавленные руки.

– Крис, – простонала она, – я... я... что со мной?

– Поранилась, выламывая дверь, – сказал я сухо.

У меня что-то случилось с губами, особенно с нижней, как будто по ней бегали мурашки. Пришлось ее прику-сить.

Хари с минуту разглядывала свисающие с косяка за-зубренные куски пластмассы, затем посмотрела на меня. Подбородок у нее задрожал, я видел усилие, с которым она пыталась побороть страх.

Я отрезал кусок марли, вынул из шкафа присыпку на рану и возвратился к кровати. Все, что я нес, вывалилось из моих внезапно ослабевших рук, стеклянная баночка с желатиновой пенкой разбилась, но я даже не наклонился. Лекарства были уже не нужны.

Я поднял ее руку. Засохшая кровь еще окружала ногти тонкой каемкой, но все раны уже исчезли, а ладони затягивала молодая розовая кожа. Шрамы бледнели просто на глазах.

Я сел, погладил ее по лицу и попытался ей улыбнуться. Не могу сказать, что мне это удалось.

– Зачем ты это сделала, Хари?

– Нет. Это... я?

Она показала глазами на дверь.

– Да. Не помнишь?

– Нет. Я увидела, что тебя нет, страшно перепугалась и...

– И что?

– Начала тебя искать, подумала, что ты, может быть, в ванной...

Только теперь я увидел, что шкаф сдвинут в сторону и открывает вход в ванную.

– А потом?

– Побежала к двери.

– Ну и? .

– Не помню. Что-нибудь должно было случиться?

– Что?

– Не знаю.

– А что ты помнишь? Что было потом?

– Сидела здесь, на кровати.

– А как я тебя принес, не помнишь?

Она колебалась. Уголки губ опустились вниз, лицо на-
пряглось.

– Мне кажется... Может быть... Сама не знаю.

Она опустила ноги на пол и встала. Подошла к разби-
тым дверям.

– Крис!

Я взял ее сзади за плечи. Она дрожала. Вдруг она бы-
стро обернулась и заглянула в мои глаза.

– Крис, – шептала она. – Крис.

– Успокойся.

– Крис, а если... Крис, может быть, у меня эпилепсия?
Эпилепсия, боже милостивый! Мне хотелось смеяться.

– Ну что ты, дорогая. Просто двери, знаешь, тут такие,
ну, такие двери...

Мы покинули комнату, когда с протяжным скрежетом
открылись наружные заслонки, показав проваливающийся
в океан солнечный диск, и направились в небольшую ку-
хоньку в противоположном конце коридора. Мы хозяйни-
чали вместе с Хари, перетряхивая содержимое шкафчиков
и холодильников. Я быстро заметил, что она не слишком
утруждала себя стряпней и умела немного больше, чем от-
крывать консервные банки, то есть столько же, сколько я.
Я проглотил содержимое двух таких банок и выпил бес-
численное количество чашек кофе. Хари тоже ела, но так,
как иногда едят дети, не желая делать неприятное взрос-
лым, даже без принуждения, но механически и безразлич-
но.

Потом мы пошли в маленькую операционную, рядом с
радиостанцией. У меня был один план. Я сказал, что хочу

на всякий случай ее осмотреть, уселся на раскладное кресло и достал из стерилизатора шприц и иглу. Я знал, где что находится, почти на память, так нас вымуштровали на Земле. Я взял каплю крови из ее пальца, сделал мазок, высушил в испарителе и в высоком вакууме распылил на нем ионы серебра.

Вещественность этой работы действовала успокаивающе. Хари, отдыхая на подушках разложенного кресла, оглядывала заставленную приборами операционную.

Тишину нарушил прерывистый зуммер внутреннего телефона. Я поднял трубку.

— Кельвин, — сказал я, не спуская глаз с Хари, которая с какого-то момента была совершенно апатична, как будто изнуренная переживаниями последних часов.

— Ты в операционной? Наконец-то! — услышал я вздох облегчения.

Говорил Снаут. Я ждал, прижав трубку к уху.

— У тебя «гость», а?

— Да.

— И ты занят?

— Да.

— Небольшое исследование, гм?

— А что? Хочешь сыграть партию в шахматы?

— Перестань, Кельвин. Сарториус хочет с тобой увидеться. Я имею в виду — с нами.

— Вот это новость! — Я был поражен. — А что с... — я остановился и кончил: — Ты один?

— Нет. Я неточно выразился. Он хочет поговорить с нами. Мы соединимся втроем по визиофонам, только заслони экран.

– Ах так! Почему же он просто мне не позвонил? Стыдится?

– Что-то в этом роде, – невнятно буркнул Снаут. – Ну так как?

– Речь идет о том, чтобы поговорить? Скажем, через час. Хорошо?

– Хорошо.

Я видел на экране только его лицо, не больше ладони. Некоторое время он внимательно смотрел мне в глаза. Наконец сказал с некоторым колебанием:

– Ну, как ты?

– Сносно. А ты как?

– Думаю, немного хуже, чем ты. Ты не мог бы...

– Хочешь прийти ко мне? – догадался я. Посмотрел через плечо на Хари. Она склонила голову на подушку и лежала, закинув ногу на ногу, подбрасывая жестом безотчетной скуки серебристый шарик, которым оканчивалась цепочка у ручки кресла.

– Оставь это, слышишь? Оставь, ты! – донесся до меня громкий голос Снаута.

Я увидел на экране его профиль. Остального я не слышал: он закрыл рукой микрофон, – но видел его шевелящиеся губы.

– Нет, не могу прийти. Может, потом. Итак, через час, – быстро проговорил он, и экран погас.

Я повесил трубку.

– Кто это был? – равнодушно спросила Хари.

– Да тут один... Снаут. Кибернетик. Ты его не знаешь.

– Долго еще?

– А что, тебе скучно? – спросил я.

Я вложил первый из серии препаратов в кассету нейтринного микроскопа и по очереди нажал цветные ручки выключателей. Глухо загудели силовые поля.

– Развлечений тут не слишком много, и если моего скромного общества тебе окажется недостаточно, будет плохо, – говорил я рассеянно, делая большие паузы между словами, одновременно стиснув обеими руками большую черную головку, в которой блестел окуляр микроскопа, и вдавив глаза в мягкую резиновую раковину. Хари сказала что-то, что до меня не дошло. Я видел как будто с большой высоты огромную пустыню, залитую серебряным блеском. На ней лежали покрытые легкой дымкой как бы потрескавшиеся и выветрившиеся плоские скалистые холмики. Это были красные тельца. Я сделал изображение резким и, не отрывая глаз от окуляров, все глубже погружался в пылающее серебро. Одновременно левой рукой я вращал регулировочную ручку столика и, когда лежащий одиноко, как валун, шарик оказался в перекрестье черных нитей, прибавил увеличение. Объектив как бы наезжал на деформированный с провалившейся серединой эритроцит, который казался уже кружочком скального кратера с черными резкими тенями в провалах кольцевой кромки. Потом кромка, ошетилившаяся кристаллическим налетом ионов серебра, ушла за границу поля микроскопа. Появились мутные, словно просвечивающие сквозь переливающуюся воду контуры белка. Поймав в черное перекрестье одно из уплотнений белковых обломков, я слегка подтолкнул рычаг увеличения, потом еще; вот-вот должен был показаться конец этой дороги вглубь, приплюснутая тень одной молекулы заполнила весь окуляр, изображение прояснилось, – сейчас!

Но ничего не произошло. Я должен был увидеть дрожащие пятнышки атомов, похожие на колышущийся студень, но их не было. Экран пылал девственным серебром. Я довел рычаг до конца. Гудение усилилось, стало гневным, но я ничего не видел. Повторяющийся звонкий сигнал давал мне знать, что аппаратура перегружена. Я еще раз взглянул в серебряную пустоту и выключил ток.

Я взглянул на Хари. Она как раз открывала рот в зевке, который ловко заменила улыбкой.

– Ну, как там со мной? – спросила она.

– Очень хорошо, – ответил я. – Думаю, что... лучше быть не может.

Я все смотрел на нее, снова чувствуя эти проклятые мурашки в нижней губе. Что же произошло? Что это значило? Это тело, с виду такое слабое и хрупкое – и в сущности неистребимое, – в основе своей оказалось состоящим из... ничего? Я ударил кулаком цилиндрический корпус микроскопа. Может быть, какая-нибудь неисправность? Может быть, не фокусируются поля? Нет, я знал, что аппаратура в порядке. Я спустился по всем ступенькам: клетки, белковый конгломерат, молекулы – все выглядело точно так же, как в тысячах препаратов, которые я видел. Но последний шаг вниз вел в никуда.

Я взял у нее кровь из вены, перелил в мерный цилиндр, разделил на порции и приступил к анализу. Он занял у меня больше времени, чем я предполагал, я немного утратил навык. Реакции были в норме. Все. Хотя, пожалуй...

Я выпустил каплю концентрированной кислоты на красную бусинку. Капля задымилась, посерела, покрылась налетом грязной пены. Разложение. Денатурация. Дальше,

дальше! Я потянулся за пробиркой. Когда я снова взглянул на каплю, тонкое стекло чуть не выпало у меня из рук.

Под слоем грязной накипи, на самом дне пробирки, снова нарастала темно-красная масса. Кровь, сожженная кислотой, восстанавливалась! Это была бессмыслица! Это было невозможно!

– Крис! – услышал я откуда-то очень издалека. – Телефон, Крис!

– Что? Ах да, спасибо.

Телефон звонил уже давно, но я только теперь его услышал. Я поднял трубку.

– Кельвин.

– Снаут. Я включил линию так, что мы можем говорить все трое одновременно.

– Приветствую вас, доктор Кельвин, – раздался высокий, носовой голос Сарториуса.

Он звучал так, как будто его владелец вступал на опасно прогибающиеся подмости, подозрительный, бдительный и наружно спокойный.

– Мое почтение, доктор, – ответил я.

Мне хотелось смеяться, но я не был уверен, что причины этой веселости достаточно ясны для меня, чтобы я мог себе ее позволить. В конце концов над чем я мог смеяться? Я что-то держал в руке: пробирку с кровью. Я встряхнул ее. Кровь уже свернулась. Может быть, все, что было перед этим, только галлюцинация? Может быть, мне только показалось?

– Мне хотелось сообщить коллегам некоторые соображения, связанные с... э... фантомами, – я одновременно слышал и не слышал Сарториуса. Голос как бы пробивал-

ся к моему сознанию. Я защищался от этого голоса, все еще уставившись в пробирку с загустевшей кровью.

– Назовем их существами Ф, – быстро подсказал Снаут.

– А, превосходно.

Посередине экрана темнела вертикальная линия, показывающая, что я одновременно принимаю два канала, по обе стороны от нее должны были находиться лица моих собеседников. Стекло было темным, и только узкий ободок света вдоль рамки говорил, что аппаратура действует, но экраны чем-то заслонены.

– Каждый из нас проводил разнообразные исследования... – Снова та же самая осторожность в гнусавом голосе говорящего. Минута тишины. – Может быть, сначала мы обменяемся нашими сведениями, а затем я мог бы сообщить то, что установил лично... Может быть, вы начнете, доктор Кельвин...

– Я?

Вдруг я почувствовал взгляд Хари. Я положил пробирку на стол, так что она закатилась под штатив со стеклом, и уселся на высокий треножник, пододвинув его к себе ногой. В первый момент я хотел отказаться, но неожиданно для самого себя сказал:

– Хорошо. Небольшое собеседование? Хорошо! Я сделал совсем мало, но могу сказать. Один гистологический препарат и парочка реакций. Микрореакций. У меня сложилось впечатление, что...

До этого момента я понятия не имел, что говорить. Внезапно меня прорвало:

– Все в норме, но это камуфляж. Маска. Это в некото-

ром смысле суперкопия: воспроизведение более четкое, чем оригинал. Это значит, что там, где у человека мы находим конец зернистости, конец структурной делимости, здесь дорога ведет дальше благодаря применению субатомной структуры.

– Сейчас. Сейчас. Как вы это понимаете? – спросил Сарториус.

Снаут не подавал голоса. А может быть, это его учащенное дыхание раздавалось в трубке? Хари посмотрела в мою сторону. Я понял, что в своем возбуждении последние слова почти выкрикнул. Придя в себя, я сгорбился на своем неудобном табурете и закрыл глаза. Как это выразить?

– Последним элементом конструкции наших тел являются атомы. Предполагаю, что существа Ф построены из частиц меньших, чем обычные атомы. Гораздо меньших.

– Из мезонов? – подсказал Сарториус. Он вовсе не был удивлен.

– Нет, не из мезонов... Мезоны удалось бы обнаружить. Разрешающая способность этой аппаратуры здесь у меня, внизу, достигает десяти в минус двадцатой ангстрем. Верно? Но ничего не видно даже при максимальном усилении. Следовательно, это не мезоны. Пожалуй, скорее нейтрино.

– Как вы себе это представляете? Ведь нейтринные системы нестабильны...

– Не знаю. Я не физик. Возможно, их стабилизирует какое-то силовое поле. Я в этом не разбираюсь. Во всяком случае если все так, как я говорю, то структуру составля-

ют частицы примерно в десять тысяч раз меньшие, чем атомы. Но это не все! Если бы молекулы белка и клетки были построены непосредственно из этих «микроатомов», то они должны были бы быть соответственно меньше. И красные кровяные тельца тоже, и ферменты, все, но ничего подобного нет. Из этого следует, что все белки, клетки, ядра клеток только маска! Действительная структура, ответственная за функционирование «гостя», скрыта гораздо глубже.

– Кельвин! – почти крикнул Снаут.

Я в ужасе остановился. Сказал «гостя»? Да, но Хари не слышала этого. Впрочем, она все равно бы не поняла. Она смотрела в окно, подперев голову рукой, ее тонкий чистый профиль вырисовывался на фоне пурпурной зари. Трубка молчала. Я слышал только далекое дыхание.

– Что-то в этом есть, – буркнул Скаут.

– Да, возможно, – добавил Сарториус. – Только здесь возникает то препятствие, что океан не состоит из этих гипотетических частиц Кельвина. Он состоит из обычных.

– Может быть, он в состоянии синтезировать и такие, – заметил я.

Я почувствовал неожиданную апатию. Этот разговор не был даже смешон. Он был не нужен.

– Но это объяснило бы необыкновенную сопротивляемость, – пробурчал Снаут. – И темп регенерации. Может быть, даже источник энергии находится там, в глубине, ему ведь есть не нужно...

– Прошу слова, – отозвался Сарториус.

Я не выносил его. Если бы он по крайней мере не выходил из своей выдуманной роли!

– Я хочу затронуть вопросы мотивировки. Мотивировки появления существ Ф. Я задался бы вопросом: чем являются существа Ф? Это не человек и не копия определенного человека, а лишь материализованная проекция того, что относительно данного человека содержит наш мозг.

Четкость этого определения поразила меня. Этот Сарториус, несмотря на всю свою антипатичность, не был, однако, глуп.

– Это верно, – вставил я. – Это объясняет даже, почему появились лю... существа такие, а не иные. Были выбраны самые прочные следы памяти, наиболее изолированные от всех других, хотя, собственно, ни один такой след не может быть полностью обособлен и в ходе его «копирования» были или могли быть захвачены остатки других следов, случайно находящихся рядом, вследствие чего пришелец выказывает большие познания, чем могла обладать особа, повторением которой должен быть...

– Кельвин! – снова воскликнул Снаут.

Меня поразило, что только он реагировал на мои неосторожные слова. Сарториус, казалось, не опасался их. Значило ли это, что его «гость» от природы менее проницателен, чем «гость» Снаута? На секунду родился образ какого-то крестина-карлика, который живет рядом с ученым доктором Сарториусом.

– Да, да. Мы тоже заметили, – заговорил он в этот момент. – Теперь что касается мотивировки появления существ Ф...Первой как-то сама собой появилась мысль о проводимом на нас эксперименте. Однако это был бы эксперимент, пожалуй, скверный. Если мы проводим иссле-

дование, то учимся на результатах, прежде всего на ошибках, так что, повторяя его, вводим поправки. Здесь же об этом нет и речи. Те же существа появляются снова... не скорректированные...не защищенные дополнительно против наших...попыток избавиться от них...

— Одним словом, здесь нет функциональной петли с корректирующей обратной связью, как определил бы это доктор Снаут, — заметил я. — И что отсюда следует?

— Только то, что для эксперимента это был бы... брак, в любом другом отношении неправдоподобный. Океан... очень точен. Это проявляется хотя бы в двухслойной конструкции существ Ф. До определенной границы они ведут себя так, как действительно вели бы себя... поступали бы... настоящие...

Он не мог выкарабкаться.

— Оригиналы, — быстро подсказал Снаут.

— Да, оригиналы. Но когда ситуация становится слишком сложной для возможностей среднего... э... оригинала, наступает как бы «выключение сознания» существа Ф и оно начинает действовать иначе, не по-человечески...

— Это верно, — сказал я, — но таким способом мы только перечисляем разновидности поведения этих... этих существ и больше ничего. Это совершенно бесплодно.

— Я в этом не уверен, — запротестовал Сарториус.

Внезапно я понял, чем он меня так раздражал: он не разговаривал, а *выступал*, совершенно так же, как на заседаниях в Институте. Видно, иначе он не умел.

— Тут включается в игру вопрос индивидуальности. Океан полностью лишен такого понятия. Так должно быть. Мне кажется, прошу прощения, коллеги, что эта для

нас... э... наиболее шокирующая сторона эксперимента целиком ускользает от него, как находящаяся за границей его понимания.

– Вы считаете, что это не преднамеренно? – спросил я. Это утверждение немного ошеломило меня, но, поразмыслив, я признал, что исключить его невозможно.

– Да. Я не верю ни в какое вероломство, злорадство, желание уязвить наиболее чувствительным образом... как это делает коллега Снаут.

– Я вовсе не приписываю ему человеческих ощущений, чувств, – первый раз слово взял Снаут. – Но, может, ты скажешь, как объяснить эти постоянные возвращения.

– Возможно, включена какая-нибудь установка, которая действует по кольцу, как грампластинка, – сказал я не без скрытого желания досадить Сарториусу.

– Прошу вас, коллеги, не разбрасываться, – объявил доктор насморочным голосом. – Это еще не все, что я хотел сообщить. В нормальных условиях я считал бы, что делать даже предварительное сообщение о состоянии моих работ преждевременно, но, принимая во внимание специфическую ситуацию, я сделаю исключение. У меня сложилось впечатление, что в предположении доктора Кельвина кроется истина. Я имею в виду его гипотезу о нейтринной конструкции... Такие системы мы знаем только теоретически и не представляли, что их можно стабилизировать. Здесь появляется определенный шанс, ибо уничтожение того силового поля, которое придает системе устойчивость...

Немного раньше я заметил, что тот темный предмет, который заслонил экран на стороне Сарториуса, отодвига-

ется: у самого верха образовалась щель, в которой шевелилось что-то розовое. Теперь темная пластина внезапно упала.

– Прочь! Прочь! – раздался в трубке душераздирающий крик Сарториуса. В осветившемся неожиданно экране между борющимися с чем-то руками доктора заблестел большой золотистый, похожий на диск предмет, и все погасло, прежде чем я успел понять, что этот золотой диск не что иное, как соломенная шляпа...

– Снаут? – позвал я, глубоко вздохнув.

– Да, Кельвин, – ответил мне усталый голос кибернетика.

В этот момент я понял, что люблю его. Я действительно предпочитал не знать, кто у него.

– Пока хватит с нас, а?

– Думаю, да, – ответил я. – Слушай, если сможешь, спустись вниз или в мою кабину, ладно? – добавил я поспешно, чтобы он не успел повесить трубку.

– Договорились, – сказал Снаут. – Но не знаю когда.

На этом кончилась наша проблемная дискуссия.

ЧУДОВИЩА

Посреди ночи меня разбудил свет. Я приподнялся на локте, заслонив другой рукой глаза. Хари, завернувшись в простыню, сидела в ногах кровати, съежившись, с лицом, закрытым волосами. Плечи ее тряслись. Она беззвучно плакала.

– Хари!

Она съежилась еще сильнее.

– Что с тобой?... Хари...

Я сел на постели, еще не совсем проснувшись, постепенно освобождаясь от кошмара, который только что давил на меня. Девушка дрожала. Я обнял ее. Она оттолкнула меня локтем.

– Любимая.

– Не говори так.

– Ну, Хари, что случилось?

Я увидел ее мокрое, распухшее лицо. Большие детские слезы катились по щекам, блестели в ямочке на подбородке, капали на простыню.

– Ты не любишь меня.

– Что тебе пришло в голову?

– Я слышала.

Я почувствовал, что мое лицо застывает.

– Что слышала? Ты не поняла, это был только...

– Нет, нет. Ты говорил, что это не я. Чтобы уходила, уходила. Ушла бы, но не могу. Я не знаю, что это. Хотела и не могу. Я такая... такая... мерзкая!

– Детка!!!

Я схватил ее, прижал к себе изо всех сил, целовал руки, мокрые соленые пальцы, повторял какие-то клятвы, заклинания, просил прощения, говорил, что это был только глупый, отвратительный сон. Понемногу она успокоилась, перестала плакать, повернула ко мне голову:

– Нет, не говори этого, не нужно. Ты для меня не такой...

– Я не такой!

Это вырвалось у меня, как стон.

– Да. Не любишь меня. Я все время чувствую это.

Притворялась, что не замечаю. Думала, может, мне кажется... Нет. Ты ведешь себя... по-другому. Не принимаешь меня всерьез. Это, был сон, правда, но снилась-то тебе я. Ты называл меня по имени. Я тебе противна. Почему? Почему?!

Я упал перед ней на колени, обнял ее ноги.

– Детка...

– Не хочу, чтобы ты так говорил. Не хочу, слышишь. Никакая я не детка. Я...

Она разразилась рыданиями и упала лицом в постель. Я встал. От вентиляционных отверстий с тихим шорохом тянуло холодным воздухом. Меня начало знобить. Я накинул купальный халат, сел на кровати и дотронулся до ее плеча.

– Хари, послушай. Я что-то тебе скажу. Скажу тебе правду...

Она медленно приподнялась на руках и села. Я видел, как у нее на шее под тонкой кожей бьется жилка. Мое лицо снова одеревенело, и мне стало так холодно, как будто я стоял на морозе. В голове было совершенно пусто.

– Правду? – переспросила она. – Святое слово?

Я не сразу ответил, судорогой сжало горло. Это была наша старая клятва. Когда она произносилась, никто из нас не смел не только лгать, но и умолчать о чем-нибудь. Было время, когда мы мучились чрезмерной честностью, наивно считая, что это нас спасет.

– Святое слово, – сказал я серьезно. – Хари...

Она ждала.

– Ты тоже изменилась. Мы все меняемся. Но я не это хотел сказать. Действительно, похоже... что по причине,

которой мы оба точно не знаем... ты не можешь меня покинуть. Но это очень хорошо, потому что я тоже не могу тебя...

– Крис!

Я поднял Хари, завернутую в простыню, и начал ходить по комнате, укачивая ее. Она погладила меня по лицу.

– Нет. Ты не изменился. Это я, – шепнула она. – Что со мной? Может быть, то?..

Она смотрела в черный пустой прямоугольник разбитой двери, обломки я вынес вечером на склад. «Надо будет повесить новую», – подумал я и посадил ее на кровать.

– Ты когда-нибудь спишь? – спросил я, стоя над ней с опущенными руками.

– Не знаю.

– Как не знаешь? Подумай, дорогая.

– Это, пожалуй, не настоящий сон. Может, я больна. Лежу так и думаю, и знаешь...

Она опять задрожала.

– Что? – спросил я шепотом, у меня срывался голос.

– Это очень странные мысли. Не знаю, откуда они берутся.

– Например?

«Нужно быть спокойным, что бы я ни услышал», – подумал я и приготовился к ее словам, как к сильному удару.

Она беспомощно покачала головой.

– Это как-то так... вдруг...

– Не понимаю?

– Так, как будто не только во мне, но гораздо дальше, как-то... я не могу сказать. Для этого нет слов...

– Это, наверное, сны, – бросил я как бы нехотя и вздохнул с облегчением. – А теперь погаси свет, и до утра у нас не будет никаких огорчений, а утром, если нам захочется, позаботимся о новых. Хорошо?

Она протянула руку к выключателю, в комнате стало темно, я лег в остывшую постель и почувствовал тепло ее приближающегося дыхания. Обнял ее.

– Сильнее, – шепнула она. И после долгого молчания:
– Крис!

– Что?

– Люблю тебя.

Мне хотелось кричать.

Утро было красным. Огромный солнечный диск стоял низко над горизонтом. У порога комнаты лежало письмо. Я разорвал конверт. Хари была в ванной, я слышал, как она напевала. Время от времени она выглядывала оттуда, облепленная мокрыми волосами. Я подошел к окну и прочитал:

«Кельвин, мы завязли. Сарториус за энергичные действия. Он верит, что ему удастся дестабилизировать нейтринные системы. Ему нужно для опытов некоторое количество плазмы как исходного материала. Предлагает, чтобы ты отправился на разведку и взял немного плазмы в контейнер. Поступай, как считаешь нужным, но поставь меня в известность о своем решении. У меня нет никакого мнения. Мне кажется, что у меня вообще ничего нет. Я хотел бы, чтобы ты сделал это только потому, что все-таки это будет движение вперед, хотя бы и мнимое. Иначе останется только позавидовать Г.

Хорек.

Р. С. Не заходи на радиостанцию. Это ты можешь для меня сделать. Лучшие позвони».

У меня сжалось сердце, когда я читал это письмо. Я внимательно просмотрел его еще раз, разорвал и обрывки бросил в раковину. Потом начал искать комбинезон для Хари. Это было ужасно. Совсем как в прошлый раз. Но она ничего не знала, иначе не могла бы так обрадоваться, когда я сказал ей, что должен отправиться в небольшую разведку наружу и прошу ее меня сопровождать. Мы позавтракали в маленькой кухне (причем Хари снова с трудом проглотила несколько кусочков) и пошли в библиотеку.

Я хотел просмотреть литературу, касающуюся проблем поля и нейтринных систем, прежде чем сделаю то, что хочет Сарториус. Я еще не знал, как за это взяться, но твердо решил контролировать его работу. Мне пришло в голову, что этот еще не существующий нейтринный аннигилятор мог бы освободить Снаута и Сарториуса, а я переждал бы «операцию» вместе с Хари где-нибудь снаружи, например в самолете. Некоторое время я работал у большого электронного каталога, задавая ему вопросы, на которые он либо отвечал, выбрасывая карточки с лаконичной надписью «отсутствует в библиографии», либо предлагал мне углубиться в такие джунгли специальных физических работ, что я не знал, что с этим делать. Мне как-то не хотелось покидать это большое круглое помещение с гладкими стенами, уставленное шкафами с множеством микрофильмов и электронных записей. Расположенная в самом центре Станции, библиотека не имела

окон и была самым изолированным местом внутри стальной скорлупы. Кто знает, не потому ли мне было здесь так хорошо, несмотря на явный провал поисков. Я бродил по большому залу, пока не очутился перед огромным, достигающим потолка стеллажом, полным книг. Ценность этого собрания была весьма сомнительна. Скорее его держали здесь как дань памяти и уважения к пионерам соляристических исследований. На полках стояло около шестисот томов – вся классика предмета, начиная от монументальной, хотя в значительной мере уже устаревшей девяти томной монографии Гезе. Я снимал эти тома, от тяжести которых отвисала рука, и нехотя перелистывал, присев на ручку кресла. Хари тоже нашла себе какую-то книжку, через ее плечо я прочитал несколько строчек. Это была одна из немногих книг, принадлежавших первой экспедиции, может быть, даже когда-то собственность самого Гезе – «Межпланетный повар». Я ничего не сказал, видя, с каким вниманием Хари изучает кулинарные рецепты, приспособленные к жестким условиям космонавтики, и вернулся к книге, которая лежала у меня на коленях. Работа Гезе «Десять лет изучения Соляриса» вышла в серии «Соляриана», выпусками от четвертого до двенадцатого, в то время как сейчас они имеют четырехзначные номера.

Гезе не обладал слишком большой фантазией, впрочем, эта черта может только повредить исследователю Соляриса. Нигде, пожалуй, воображение и умение быстро создавать гипотезы не становится так опасно. В конце концов на этой планете все возможно. Неправдоподобно звучащие описания форм, которые создает плазма, все-таки абсолютно точны, хотя и не поддаются проверке, так

как океан очень редко повторяет свои эволюции. Того, кто наблюдает их впервые, они поражают главным образом загадочностью и громадностью. Если бы они проявлялись в более мелких масштабах, в какой-нибудь луже, их бы, наверное, признали за еще одну «выходку природы», проявление случайности и слепой игры сил. То, что посредственность и гениальность одинаково беспомощны перед неисчерпаемым разнообразием соляристических форм, также не облегчает общения с феноменами живого океана. Гезе не был ни тем, ни другим. Он был попросту классификатором-педантом, из тех, у кого за наружным спокойствием скрывается поглощающая всю жизнь неиссякаемая страсть к работе. До тех пор пока мог, он пользовался чисто описательным языком, а когда ему не хватало слов, помогал себе, создавая новые, часто неудачные, не соответствующие явлениям, которые описывал. Впрочем, никакие термины не воспроизводят того, что делается на Солярисе. Его «древогоры», «длиннуши», «грибища», «мимойды», «симметриады» и «асимметриады», «позвоночники» и «быстренники» звучат страшно искусственно, но дают некоторое представление о Солярисе даже тем, кто, кроме неясных фотографий и чрезвычайно несовершенных фильмов, ничего не видел. Разумеется, и этот добросовестный классификатор грешил многими нелепостями. Человек создает гипотезы всегда, даже если он очень осторожен, даже если совсем об этом не догадывается. Гезе считал, что «длиннуши» являются основной формой, и сопоставлял их с многократно увеличенными и нагроможденными приливными волнами земных морей. Впрочем, те, кто рылся в первом издании его произведения, знают,

что первоначально он так и называл их «приливами», вдохновленный геоцентризмом, который был бы смешон, если бы не был так беспомощен.

Ведь это – если уж искать аналогии на Земле – формации, своими размерами превосходящие Большой Колорадский каньон, смоделированные в массе, которая вверху имеет студенисто-пенистую консистенцию (впрочем, эта пена застывает в гигантские, легко ломающиеся фестоны, в кружева, с огромными ячейками, некоторым исследователям они даже представляются «скелетистыми наростами»), в глубине же переходит в субстанцию все более упругую, как напряженный мускул, но мускул, вскоре, на глубине полутора десятков метров, приобретающий твердость скалы, хотя и сохраняющий эластичность. Между натянутыми, как на хребте чудовища, перепонками, за которые цепляются «скелетики», тянется на расстоянии многих километров собственно «длиннуш» – существо с виду совершенно самостоятельное, похожее на какого-то колоссального питона, который обожрался целыми горами и теперь молча их переваривает, время от времени приводя свое сжатое по-рыбьему тело в медленные колебательные движения. Но так «длиннуш» выглядит только сверху, с борта летательного аппарата. Если же приблизиться к нему настолько, что обе «стены ущелья» вознесутся на сотни метров над самолетом, «туловище питона» окажется простирающимся до горизонта пространством, заполненным головокружительным движением. Понемногу становится понятным, что здесь, под тобой, находится центр действия сил, которые поддерживают возносящиеся к небу склоны медленно кристаллизующегося сиропа. Но того, что

очевидно для глаза, недостаточно для науки. Сколько лет длились отчаянные дискуссии о том, что именно происходит в недрах «длиннушей», миллионы которых бороздят безбрежные просторы океана. Считалось, что это какие-то органы чудовища, что в них происходит обмен веществ, дыхательные процессы, транспорт питательных веществ, и только запыленные библиотеки знают, что еще. Каждую гипотезу в конце концов удавалось ниспровергнуть тысячами кропотливых, а иногда и опасных исследований. И все это касается только «длиннушей», формы по сути дела самой простой, самой устойчивой (их существование продолжается недели – явление здесь совершенно исключительное).

Наиболее непонятной формой – причудливой и вызывающей у наблюдателя, пожалуй, самый резкий протест (конечно, инстинктивный), – были «мимойды». Можно без преувеличения сказать, что Гезе в них влюбился и их изучению, выяснению их сущности посвятил себя целиком. В названии он пытался отразить то, что было в них наиболее примечательно для человека: стремление к повторению окружающих форм, все равно – близких или далеких.

В один прекрасный день глубоко под поверхностью океана начинает темнеть плоский широкий круг с рваными краями, с поверхностью, как бы залитой смолой. Через несколько часов он начинает делиться на части, все более расчленяется и одновременно пробивается к поверхности. Наблюдатель мог бы поклясться, что под ним происходит страшная борьба, потому что со всех сторон мчатся похожие на искривленные губы, затягивающиеся кратеры, бесконечные ряды кольцевых волн громоздятся над разли-

шимся в глубине черным колеблющимся призраком и, вставая на дыбы, обрушивается вниз. Каждому такому броску сотен тысяч тонн плазмы сопутствует растянутый на секунды, липкий, хочется сказать, чавкающий гром. Тут все происходит с гигантским размахом. Темное чудовище оказывается загнанным в глубину, каждый следующий удар словно расплющивает его и расщепляет, от отдельных хлопьев, которые свисают, как намокшие крылья, отходят продолговатые гроздья, сужающиеся в длинные ожерелья, сплавляются друг с другом, и плывут вверх, и тащат за собой как бы приросший к ним раздробленный материнский диск. А в это время сверху неустанно низвергаются во все более углубляющуюся впадину новые кольца волн. Такая игра продолжается иногда день, иногда меньше. Порой на этом все и кончается. Добросовестный Гезе назвал такой вариант «недоношенным мимоидом», как будто имел точные сведения, что конечной целью каждого такого катаклизма является «зрелый мимоид», то есть колония полипообразных светлых наростов (обычно превышающая размеры земного города), назначение которой – передразнивать окружающие формы. Разумеется, сразу же появился другой солярист – Ивенс, который признал эту последнюю фазу дегенерацией, извращением, угасанием, а все многообразие созданных форм – очевидным проявлением освобождения отпочковавшихся частей из-под «материнской» власти.

Однако Гезе, который в описаниях других соляристических образований осторожен, как муравей, ползущий по замерзшему водопаду, в этом случае так был уверен в себе, что даже систематизировал по степени возрастающего совершенства отдельные фазы формирования мимоида.

Наблюдаемый с высоты, мимойд кажется похожим на город, но это просто заблуждение, вызванное поисками аналогии среди уже известных явлений. Когда небо чисто, все многоэтажные отростки и их вершины окружены слоями нагретого воздуха, что создает мнимые колебания и изменения форм, которые и без того трудно определить. Первая же туча вызывает немедленную реакцию. Начинается стремительное расслоение. Вверх выбрасывается почти совсем отделенная от основания тягучая оболочка, похожая на цветную капусту, которая сразу же бледнеет и через несколько минут в точности имитирует клубящуюся тучу. Это гигантское образование отбрасывает красноватую тень, вместо одних вершин мимойда возникают другие, причем движение всегда направлено в сторону, противоположную движению настоящей тучи. Думаю, что Гезе дал бы отсечь себе руку, чтобы узнать хотя бы, почему так происходит. Но такие «одиночные изделия» ничто по сравнению со стихийной деятельностью мимойда, «раздраженного» присутствием предметов и конструкций, которые появляются над ним по воле земных пришельцев. Воспроизводит все, что находится на расстоянии, не превышающем двенадцати-пятнадцати километров. Чаще всего мимойд создает увеличенные изображения, иногда деформируя их и превращая в карикатуры или гротескные упрощения, в особенности это относится к машинам. Разумеется, материалом всегда является та же самая быстро светлеющая масса, изверженная океаном. Вместо того чтобы упасть, она повисает в воздухе, соединенная легко рвущимися пуповинами с основанием, по которому она медленно передвигается и, одновременно корчась, сокра-

щаяся или увеличиваясь в объеме, пластично формируется в сложные конструкции. Самолет, ферма или мачта воспроизводятся с одинаковой быстротой. Мимойд не реагирует только на самих людей, точнее говоря, ни на какие живые существа, а также растения, которые тоже доставляли на Солярис в экспериментальных целях неутомимые исследователи. Однако манекен, кукла, изображение собаки или дерева, выполненные из любого материала, копируются немедленно.

Здесь, увы, нужно заметить кстати, что это «повиновение» мимойда желаниям экспериментаторов, такое редкое на Солярисе, время от времени пропадает. Зрелый мимойд имеет свои, если можно так выразиться, «выходные дни», во время которых он только очень медленно пульсирует. Эта пульсация, впрочем, совершенно незаметна для глаза. Ее ритм, одна фаза «пульса», продолжается больше двух часов, и потребовались специальные киносъемки, чтобы это установить.

В такие периоды мимойд, особенно старый, поддается подробному исследованию, так как и погруженный в океан поддерживающий диск и возносящиеся над ним формы представляют собой вполне надежную опору для ног.

Можно, конечно, побывать в недрах мимойда и в его «рабочие» дни, но в это время видимость близка к нулю вследствие того, что из специальных отростков копирующей массы непрерывно выделяется медленно оседающая пушистая, похожая на снег коллоидная взвесь. Нужно сказать, что эти формы не следует рассматривать с небольшого расстояния, так как их величина близка к величине земных гор. Кроме того, основание «работающего» мимойда

становится вязким от коллоидного снега, который только через несколько часов превращается в твердую корку, гораздо более легкую, чем пемза.

Наконец, без специального снаряжения легко заблудиться в лабиринте огромных конструкций, напоминающих не то искореженные колонны, не то полужидкие гейзеры, и это даже при ярком солнечном свете, который не может пробить облака непрерывно выбрасываемых в атмосферу «псевдовзрывов».

Наблюдение мимоида в его счастливые дни (точнее говоря, это счастливые дни для исследователя, который над ним находится) может стать источником незабываемых впечатлений. Мимойд переживает свои «творческие взлеты», когда начинается какая-то противоестественная гиперпродукция. Тогда он создает либо собственные варианты окружающих форм, либо их усложненные изображения или даже «формальное продолжение» и так может забавляться часами на радость художнику-абстракционисту и к отчаянию ученого, который напрасно старается понять что-нибудь в происходящих процессах. Временами в деятельности мимоида проявляются черты откровенно детского упрощения, иногда он впадает в «барочные отклонения», тогда все, что он строит, бывает отмечено распухшей слоновостью. Старые мимойды особенно часто создают фигуры, способные вызвать искренний смех.

Само собой разумеется, что в первые годы исследований ученые набросились на мимойды, приняв их за центры соляристического океана, в которых наступит желанный контакт двух цивилизаций. Однако очень быстро выяснилось, что ни о каком контакте нет и речи, так как все

начиналось и кончалось имитацией форм, которая никуда не вела. Вновь и вновь повторяющийся в отчаянных поисках исследователей антропо- или же зооморфизм усматривал в самых разных творениях живого океана «мыслительные органы» или даже «конечности», за которые ученые (Маартенс, Экконаи) принимали «позвоночники» и «быстренники» Гезе. Но считать эти протуберанцы живого океана, иногда выбрасываемые в атмосферу на высоту до трех километров, «конечностями» было столько же оснований, сколько считать землетрясения «гимнастикой» земной коры.

Каталог форм, повторяющихся более или менее постоянно, рождаемых живым океаном так часто, что их можно открыть на его поверхности в течение суток несколько десятков или даже несколько сотен, охватывает примерно триста названий. Наиболее нечеловеческими в смысле абсолютного отсутствия подобия всему, что когда-либо исследовано человеком на Земле, являются согласно школе Гезе симметриады. Постепенно стало ясно, что океан не проявляет агрессивных намерений и погибнуть и его плазменных пучинах может только тот, кто этого очень добивается (естественно, я не говорю о несчастных случаях, вызванных, например, поломкой кислородного аппарата или климатизатора). Даже цилиндрические реки «длиннушей» и чудовищные столбы «позвоночников», неуверенно блуждающих среди туч, можно навывлет пробить самолетом или другим летательным аппаратом без малейшей опасности; плазма освобождает дорогу, расступаясь перед инородным телом со скоростью, равной скорости звука в атмосфере Соляриса, образуя, если ее к этому

вынуждают, глубокие тоннели даже под поверхностью океана (причем энергия, которая в этих целях приводится в действие, огромна – Скрыбин оценил ее примерно в 10^{18} эрг!!!). Однако к исследованию симметриад приступили с чрезвычайной осторожностью, постоянно отступая, соблюдая все правила безопасности, часто, правда, фиктивные, а имена тех, кто первым опустился в их бездны, известны на Земле каждому ребенку.

Ужас, который внушают эти исполины, объясняется не их внешним видом, хотя он действительно может навевать кошмарные сны. Скорее он вызван тем, что в их пределах нет ничего постоянного, ничего несомненного, в них нарушаются даже физические законы. Именно это позволяло ученым все настойчивее повторять, что живой океан – разумен.

Симметриады появляются внезапно. Их образование напоминает извержение. Океан *вдруг* начинает блестеть, как будто несколько десятков квадратных километров его поверхности покрыты стеклом. При этом ни его густота, ни ритм волнения не меняются. Иногда симметриада возникает там, где образовалась воронка, засосавшая «быстренник», но это не является правилом. Через некоторое время стеклянистая оболочка выбрасывается вверх чудовищным пузырем, в котором, искажаясь и преломляясь, отражаются весь небосклон, солнце, тучи, горизонт. Молниеносная игра цветов, вызванная отчасти поглощением, отчасти преломлением света, не имеет себе подобной.

Особенно резкие световые эффекты дают симметриады, возникающие во время голубого дня, а также перед заходом солнца. В это время появляется впечатление, что

планета рождает другую, с каждым мгновением удваивающую свой объем. Сверкающий огнями глобус, с трудом выдавленный из глубины, растрескивается у вершины на вертикальные секторы. Но это не распад. Эта стадия, не очень удачно названная «фазой цветочной чашечки», длится секунды. Направленные в небо перепончатые арки переворачиваются, соединяются в невидимой внутренней части и начинают моментально формировать что-то вроде коренастого торса, внутри которого происходят одновременно сотни явлений.

Через некоторое время симметриада начинает проявлять свою самую необыкновенную особенность – моделирование, или точнее нарушение физических законов. Предварительно нужно сказать, что не бывает двух одинаковых симметриад и геометрия каждой из них является как бы новым «изобретением» океана. Далее, симметриада создает внутри себя то, что часто называют «моментальными машинами», хотя эти конструкции совсем непохожи на машины, сделанные людьми. Здесь речь идет об относительно узкой и поэтому как бы «механической» цели действия.

Бьющие из бездны гейзеры формируют толстостенные галереи или коридоры, расходящиеся во всех направлениях, а перепонки создают систему пересекающихся плоскостей, свисающих канатов, сводов. Симметриады оправдывают свое название тем, что каждому образованию в районе одного полюса соответствует совпадающая даже в мелочах система на противоположном полюсе.

Через какие-нибудь двадцать-тридцать минут гигант начинает медленно погружаться в океан, наклонив сначала свою вертикальную ось на восемь-двенадцать градусов.

Симметриады бывают побольше и поменьше, но даже карликовые возносятся после погружения на добрые во-семьсот метров над уровнем океана и видны на расстоянии десятков километров.

Попасть внутрь симметриады безопаснее всего сразу же после восстановления равновесия, когда вся система перестает погружаться и возвращается в вертикальное положение. Наиболее интересной для изучения является вершина симметриады. Относительно гладкую «шапку» полюса окружает пространство, продырявленное, как решето, отверстиями внутренних камер и тоннелей. В целом эта формация является трехмерной моделью какого-то уравнения высшего порядка.

Как известно, каждое уравнение можно выразить языком высшей геометрии и построить эквивалентное ему геометрическое тело. В таком понимании симметриада – родственница конусов Лобачевского и отрицательных кривых Римана, но родственница очень дальняя вследствие своей невообразимой сложности. Это скорее охватывающая несколько кубических километров модель целой математической системы, причем модель четырехмерная, ибо сомножители уравнения выражаются также и во времени, в происходящих с его течением изменениях.

Самой простой была, естественно, мысль, что перед нами какая-то «математическая машина» живого океана, созданная в соответствующих масштабах модель расчетов, необходимых ему для неизвестных нам целей. Но этой гипотезы Фермонта сегодня уже никто не поддерживает. Не было недостатка и в попытках создания какой-нибудь более доступной, более наглядной модели симметриады. Но все это ничего не дало.

Симметриады неповторимы, как неповторимы любые происходящие в них явления. Иногда воздух перестает проводить звук. Иногда увеличивается или уменьшается коэффициент рефракции. Локально появляются пульсирующие ритмичные изменения тяготения, словно у симметриады есть бьющееся гравитационное сердце. Время от времени гироскопы исследователя начинают вести себя как сумасшедшие, возникают и исчезают слои повышенной ионизации... Это перечисление можно было бы продолжить. Впрочем, если когда-нибудь тайна симметриад будет разгадана, останутся еще асимметриады.

Экспедиции отмерили сотни километров в глубинах симметриад, расставили регистрирующие аппараты, автоматические кинокамеры; телевизионные глаза искусственных спутников регистрировали возникновение мимидов и «длиннушей», их созревание и гибель. Библиотеки наполнялись, разрастались архивы; цена, которую за это нужно было платить, порой становилась очень высокой. Семьсот восемнадцать человек погибло во время катаклизмов, не успев выбраться из уже приговоренных к гибели колоссов, из них сто шесть только в одной катастрофе, известной потому, что в ней нашел смерть и сам Гезе, в то время семидесятилетний старик. Семьдесят девять человек, одетых в панцирные скафандры, вместе с машинами и приборами поглотил в несколько секунд взрыв грязной жижи, сбившей своими брызгами остальные двадцать семь, которые пилотировали самолеты и вертолеты, кружившиеся над местом исследований. Это место на пересечении сорок второй параллели с восьмьдесят девятым меридианом обозначено на картах как «Кладбище Ста Шес-

ти». Но этот пункт существует только на картах, поверхность океана ничем не отличается там от любой другой точки.

Тогда впервые в истории соляристических исследований раздалась голоса, требующие нанесения термоядерных ударов. Это было хуже, чем месть, речь шла об уничтожении того, чего мы не можем понять. Тсанкен, случайно уцелевший начальник резервной группы Гезе, в момент, когда обсуждалось это предложение, пригрозил, что взорвет Станцию вместе с собой и восемнадцатью оставшимися людьми. И хотя официально никогда не признавалось, что его самоубийственный ультиматум повлиял на результат голосования, можно допустить, что это было именно так.

Но времена, когда многолюдные экспедиции посещали планету, прошли. Сама Станция – это было инженерное сооружение такого масштаба, что Земля могла бы им гордиться, если бы не способность океана в течение секунд создавать конструкции в миллионы раз большие, – была сделана в виде диска диаметром двести метров с четырьмя ярусами в центре и двумя по краю. Она висела на высоте от пятисот до полутора тысяч метров над океаном благодаря гравитаторам, приводившимся в движение энергией аннигиляции, и, кроме обычной аппаратуры, которой оборудуются все станции и спутники других планет, имела специальные радарные установки, готовые при малейших изменениях состояния поверхности океана включить дополнительную мощность, – как только появлялись первые признаки рождения нового чудовища, стальной диск поднимался в стратосферу.

Теперь Станция была совершенно безлюдна. С тех пор как автоматы были заперты — по неизвестной мне до сих пор причине — в нижних складах, можно было бродить по коридорам, не встречая никого, как на бесцельно дрейфующем судне, машины которого пережили гибель команды.

Когда я поставил на полку девятый том монографии Гезе, мне показалось, что сталь, скрытая слоем пушистого пенопласта, задрожала у меня под ногами. Я замер, но дрожь не повторилась. Библиотека была тщательно изолирована от корпуса, и вибрация могла иметь только одну причину. Стартовала какая-то ракета. Эта мысль вернула меня к действительности. Я еще не решил окончательно, выполнить ли мне желание Сарториуса. Если я буду вести себя так, будто полностью одобряю его планы, то в лучшем случае смогу лишь оттянуть кризис; я был почти уверен, что дело дойдет до столкновения, так как решил сделать все возможное, чтобы спасти Хари. Весь вопрос в том, имел ли Сарториус шанс на успех. Его преимущество передо мной было огромным — как физик он знал проблему в десять раз лучше меня, и я мог рассчитывать, как это ни парадоксально, только на сложность задач, которые ставил перед нами океан. В течение следующего часа я корпел над микрофильмами, пытаясь выловить хоть что-нибудь доступное моему пониманию из моря сумасшедшей математики, языком которой разговаривала физика нейтринных процессов. Сначала мне это показалось безнадежным, тем более что дьявольски сложных теорий нейтринного поля было целых пять, верный признак того, что ни одна из них не является правильной. Однако в кон-

це концов мне удалось найти нечто обнадеживающее. Я переписал некоторые формулы и в этот момент услышал стук.

Я быстро подошел к двери и открыл ее, загородив собой щель. В ней показалось блестящее от пота лицо Снаута. Коридор за ним был пуст.

– А, это ты, – сказал я, приоткрывая дверь. – Заходи.

– Да, это я.

Голос у него был хриплый, под воспаленными глазами – мешки. На нем был блестящий резиновый противорадиационный фартук на эластичных помочах, из-под фартука выглядывали перепачканные штанины все тех же брюк, в которых он всегда ходил. Его глаза обежали круглый, равномерно освещенный зал и остановились, когда он заметил стоящую у кресла Хари. Мы обменялись быстрым взглядом, я опустил веки, тогда он слегка поклонился, а я, впадая в дружеский тон, сказал:

– Это доктор Снаут, Хари. Снаут, это... моя жена.

– Я... малозаметный член экипажа и поэтому... – пауза становилась опасной, – не имел случая познакомиться...

Хари усмехнулась и подала ему руку, которую он пожал, как мне показалось, немного обалдело, несколько раз моргнул и застыл, глядя на нее, пока и не взял его за плечи.

– Извините, – произнес он тогда, обращаясь к ней. – Я хотел поговорить с тобой, Кельвин...

– Разумеется, – ответил я с какой-то великосветской непринужденностью. Все это звучало как низкопробная комедия. Выхода, однако, не было. – Хари, дорогая, не об-

ращай на нас внимании. Мы с доктором должны поговорить о наших скучных делах.

Я взял Снаута за локоть и провел его к маленьким креслицам в противоположной стороне зала. Хари уселась в кресло, в котором до этого сидел я, но подвинула его так, чтобы, подняв голову от книжки, видеть нас.

— Ну что? — спросил я тихо.

— Развелся, — ответил он свистящим шепотом. Возможно, я бы рассмеялся, если бы мне когда-нибудь рассказали эту историю и такое начало разговора, но на Станции мое чувство юмора было ампутировано.

— Со вчерашнего дня я пережил пару лет, Кельвин, — добавил он. — Пару неплохих лет. А ты?

— Ничего... — ответил я через мгновение, так как не знал, что говорить. Я любил его, но чувствовал, что сейчас должен его опасаться, вернее, того, с чем он ко мне пришел.

— Ничего... — повторил Снаут тем же тоном, что и я. — Даже так?

— О чем ты? — Я сделал вид, что не понимаю.

Он прищурил налитые кровью глаза и, наклонившись ко мне так, что я почувствовал на лице тепло его дыхания, зашептал:

— Мы увязаем, Кельвин. С Сарториусом я уже не могу связаться, знаю только то, что написал тебе. Он сказал мне это после нашей маленькой конференции...

— Он выключил визиофон?

— Нет. У него там короткое замыкание. Кажется, он сделал это нарочно или... — Снаут резко опустил кулак, будто разбивал что-то.

Я смотрел на него молча.

– Кельвин, я пришел, потому что... – Не кончил. – Что ты собираешься делать?

– Ты об этом письме? – ответил я медленно. – Я могу это сделать, не вижу повода для отказа, собственно, для того здесь и сижу, хотел разобраться...

– Нет, – прервал он. – Не об этом...

– Нет? – переспросил я, изображая удивление. – Слушаю.

– Сарториус, – буркнул он после недолгого молчания. – Ему кажется, что он нашел путь... вот.

Он не спускал с меня глаз. Я сидел спокойно, стараясь придать лицу безразличное выражение.

– Во-первых, та история с рентгеном. То, что делал с ним Гибарян, помнишь? Возможна некоторая модификация...

– Какая?

– Мы посылали просто пучок лучей в океан и модулировали только их напряжение по разным законам.

– Да, я знаю об этом. Нилин уже делал подобные вещи. И огромное количество других.

– Верно. Но они применяли мягкое излучение. А у нас было жесткое, мы всаживали в океан все, что имели, всю мощность.

– Это может иметь неприятные последствия, – заметил я. – Нарушение конвенции четырех и ООН.

– Кельвин... не прикидывайся. Ведь теперь это не имеет никакого значения. Гибаряна нет в живых.

– Ага. Сарториус все хочет свалить на него?

– Не знаю. Не говорил с ним об этом. Это неважно.

Сарториус считает, что коль скоро «гость» появляется всегда только в момент пробуждения, то, очевидно, он извлекает из нас рецепт производства во время сна. Считает, что самое важное наше состояние – именно сон. Поэтому так поступает. И Сарториус хочет передать ему нашу явь – мысли во время бодрствования, понимаешь?

– Каким образом? Почтой?

– Шутить будешь потом. Этот пучок излучения мы промодулируем токами мозга кого-нибудь из нас.

У меня вдруг прояснилось в голове:

– Ага. Этот кто-то – я. А?

– Да. Он думал о тебе.

– Сердечно благодарю.

– Что ты на это скажешь?

Я молчал. Ничего не говоря, он медленно посмотрел на погруженную в чтение Хари и отвернулся глазами к моему лицу. Я почувствовал, что бледнею, и не мог с этим справиться.

– Ну, как? – спросил он.

Я пожал плечами.

– Эти рентгеновские проповеди о великолепии человека считаю шутовством. И ты тоже. Может быть, нет?

– Да?

– Да.

– Это очень хорошо, – сказал он и улыбнулся, как будто я исполнил его желание. – Значит, ты против всей этой истории?

Я не понимал еще, как это произошло, но в его взгляде прочитал, что он загнал меня туда, куда хотел. Я молчал. Что теперь было говорить?

– Отлично, – произнес он. – Потому что есть еще один проект. Перемонтировать аппаратуру Роше.

– Аннигилятор?

– Да. Сарториус уже сделал предварительные расчеты. Это реально. И даже не потребует большой мощности. Аппарат будет действовать неограниченное время, создавая антиполе.

– По... подожди! Как ты себе это представляешь?

– Очень просто. Это будет нейтринное антиполе. Обычная материя остается без изменений. Уничтожению подвергаются только... нейтринные системы. Понимаешь?

Он удовлетворенно усмехнулся. Я сидел, приоткрыв рот. Постепенно он перестал усмехаться, испытующе посмотрел на меня, нахмурил лоб и, подождав немного, продолжал:

– Итак, первый проект «Мысль» отбрасываем. А? Второй? Сарториус уже сидит над этим. Назовем его «Свобода».

Я на мгновение закрыл глаза. Быстро соображал: Снаут не был физиком, Сарториус выключил или уничтожил визиофон. Очень хорошо.

– Я бы назвал его точнее – «Бойня»... – сказал я медленно.

– Ты сам был мясником. Может, нет? А теперь это будет что-то совершенно иное. Никаких «гостей», никаких существ – ничего. Уже в момент начала материализации начнется распад.

– Это недоразумение, – ответил я, с сомнением покачивая головой, и усмехнулся. Я надеялся, что выгляжу достаточно естественно. – Это не моральная щепетильность, а инстинкт самосохранения. Я не хочу умирать, Снаут.

– Что?..

Он был удивлен и смотрел на меня подозрительно. Я вытянул из кармана лист с формулами.

– Я тоже думал об этом. Тебя это удивляет? Ведь это я первый выдвинул нейтринную гипотезу. Не правда ли? Смотри. Антиполе можно возбудить. Для обычной материи оно безопасно. Это верно. Но в момент дестабилизации, когда нейтринная структура распадается, высвобождается излишек энергии ее стабилизации. Принимая на один килограмм массы покоя десять в восьмой эргов, получаем для одного существа Φ пять-семь на десять в девятой. Знаешь, что это означает? Это эквивалентно заряду урана, который взорвется внутри Станции.

– Что ты говоришь? Но... ведь Сарториус должен был принять во внимание...

– Не обязательно, – ответил я со злой усмешкой. – Дело в том, что Сарториус принадлежит к школе Фрезера и Кайоли. По их мнению, вся энергия в момент распада освобождается в виде светового излучения. Это была бы попросту сильная вспышка, не совсем, возможно, безопасная, но не уничтожающая. Существуют, однако, другие гипотезы, другие теории нейтринного поля. По Кайе, по Авалову, по Сиону спектр излучения значительно шире, а максимум падает на жесткое гамма-излучение. Хорошо, что Сарториус верит своим учителям и их теории, но есть и другие. И знаешь, что я тебе скажу? – протянул я, видя, что мои слова произвели на него впечатление. – Нужно принять во внимание и океан. Если уж он сделал то, что сделал, то наверняка применил оптимальный метод. Другими словами: его действия кажутся мне аргументом в пользу той, другой школы – против Сарториуса.

– Покажи мне эту бумагу, Кельвин...

Я подал ему лист. Он наклонил голову, пытаюсь прочесть мои каракули.

– Что это? – ткнул пальцем.

Я взял у него расчеты.

– Это? Тензор трансмутации поля.

– Дай мне все...

– Зачем тебе? – Я знал, что он ответит.

– Нужно сказать Сарториусу.

– Как хочешь, – ответил я равнодушно. – Можешь взять. Только, видишь ли, этого никто не исследовал экспериментально, такие структуры нам еще неизвестны. Он верит во Фрезера, я считал по Сиону. Он скажет, что я не физик и Сион тоже. По крайней мере, в его понимании. Но это тема для дискуссии. Меня не устраивает дискуссия, в результате которой я могу испариться, к вящей славе Сарториуса. Тебя я могу убедить, его – нет. И пробовать не стану.

– И что же ты хочешь сделать?.. Он работает над этим, – бесцветным голосом сказал Скаут. Он сгорбился, все его оживление прошло. Я не знал, верит ли он мне, но мне было уже все равно.

– То, что делает человек, которого хотят убить, – ответил я тихо.

– Попробую с ним связаться. Может, он думает о каких-нибудь мерах предосторожности, – буркнул Снаут и поднял на меня глаза. – Слушай, а если бы все-таки?.. Тот, первый проект. А? Сарториус согласится. Наверняка. Это... во всяком случае... какой-то шанс.

– Ты в это веришь?

– Нет, – ответил он. – Но... чему это повредит?

Я не хотел соглашаться слишком быстро, мне ведь это и было нужно. Он становился моим союзником в игре на проволочку.

– Подумаю, – проговорил я.

– Ну, я пошел, – сказал Снаут, вставая. Когда он поднимался, у него затрещали все кости. – Хоть энцефалограмму-то дашь себе сделать? – спросил он, потирая пальцами фартук, будто пытаюсь стереть с него невидимые пятна.

– Хорошо.

Не обращая внимания на Хари (она сидела с книгой на коленях и молча смотрела на эту сцену), он пошел к двери. Когда она закрылась за ним, я встал. Расправил лист, который держал в руке. Формулы были подлинные. Я не подделал их. Не знаю, правда, согласился ли бы Сион с тем, как я их развил. Пожалуй, нет. Я вздрогнул. Хари подошла сзади и прикоснулась к моей руке.

– Крис!

– Что, дорогая?

– Кто это был?

– Я говорил тебе. Доктор Снаут.

– Что это за человек?

– Я мало его знаю. Почему ты спрашиваешь?

– Он так на меня смотрел...

– Наверное, ты ему понравилась...

– Нет, – она покачала головой. – Это был не такой взгляд. Смотрел на меня так... как будто...

Она вздрогнула, подняла глаза и сразу же их опустила.

ЖИДКИЙ КИСЛОРОД

Не знаю, как долго я лежал в темной комнате, неподвижный, уставившись в светящийся на запястье циферблат часов. Слушал собственное дыхание и чему-то удивлялся, оставаясь при этом совершенно равнодушным. Наверное, я просто страшно устал. Я повернулся на бок, кровать была странно широкой, мне чего-то не доставало. Я задержал дыхание и замер. Стало совершенно тихо. Не доносилось ни малейшего звука. Хари? Почему не слышно ее дыхания? Начал водить руками по постели: я был один.

«Хари!» – хотел я ее позвать, но услышал шаги. Шел кто-то большой и тяжелый, как...

– Гибарян? – сказал я спокойно.

– Да, это я. Не зажигай свет.

– Нет?

– Не нужно. Так будет лучше для нас обоих.

– Но тебя нет в живых?

– Это ничего. Ты ведь узнаешь мой голос?

– Да. Зачем ты это сделал?

– Должен был. Ты опоздал на четыре дня. Если бы прилетел раньше, может быть, это и не понадобилось бы. Но не упрекай себя. Мне не так уж плохо.

– Ты правда здесь?

– Ах, думаешь, что я снюсь тебе, как думал о Хари?

– Где она?

– Почему ты думаешь, что я знаю?

– Догадался.

– Держи это при себе. Предположим, что я здесь вместо нее.

– Но я хочу, чтобы она тоже была.

– Это невозможно.

– Почему? Слушай, ты ведь знаешь, что в действительности это не ты, это только я.

– Нет. Это действительно я. Если бы ты хотел быть педантичным, мог бы сказать – это еще один я. Но не будем тратить слов.

– Ты уйдешь?

– Да.

– И тогда она вернется?

– Тебе этого хочется? Кто она для тебя?

– Это мое дело.

– Ты ведь ее боишься...

– Нет.

– И тебе противно...

– Чего ты от меня хочешь?..

– Ты должен жалеть себя, а не ее. Ей всегда будет двадцать лет. Не притворяйся, что ты не знаешь этого!

Вдруг, совершенно неизвестно почему, я успокоился. Слушал его совсем хладнокровно. Мне показалось, что теперь он стоит ближе, в ногах кровати, но я по-прежнему ничего не видел в этом мраке.

– Чего ты хочешь? – спросил я тихо.

Мой тон как будто удивил его. С минуту он молчал.

– Сарториус убедил Снаута, что ты его обманул. Теперь они тебя обманут. Под видом монтажа рентгеновской аппаратуры они собирают аннигилятор поля.

– Где она? – спросил я.

– Разве ты не слышал, что я тебе сказал? Предупредил тебя!

– Где она?

– Не знаю. Запомни: тебе понадобится оружие. Ты ни на кого не можешь рассчитывать.

– Могу рассчитывать на Хари.

Послышался слабый быстрый звук. Он смеялся.

– Конечно, можешь. До какого-то предела. В конце концов всегда можешь сделать то же, что я.

– Ты не Гибарян.

– Да? А кто? Может быть, твой сон?

– Нет. Ты их кукла. Но сам об этом не знаешь.

– А откуда ты знаешь, *кто ты*?

Это меня озадачило. Я хотел встать, но не мог. Гибарян что-то говорил. Я не понимал слов, слышал только звук его голоса, отчаянно боролся со слабостью, еще раз рванулся с огромным усилием... и проснулся. Я хватал воздух, как полузадушенная рыба. Было совсем темно. Это сон. Кошмар. Сейчас... «дилемма, которую не могу разрешить. Мы преследуем самих себя. Политерией использован какой-то способ селективного усиления наших мыслей. Поиски мотивировки этого явления являются антропоморфизмом. Там, где нет людей, там нет также доступных человеку мотивов. Чтобы продолжать выполнение плана исследований, нужно либо уничтожить собственные мысли, либо их материальную реализацию. Первое не в наших силах. Второе слишком похоже на убийство...»

Я вслушивался в темноте в этот мертвый далекий голос, звук которого узнал сразу же: говорил Гибарян. Я вытянул руки перед собой. Постель была пуста.

«Проснулся для следующего сна», – пришла мне в голову мысль.

– Гибарян?... – окликнул я. Голос оборвался сразу же на полуслове. Что-то тихонько щелкнуло, и я почувствовал легкое дыхание.

– Ну, что же ты, Гибарян? – проворчал я, зевая. – Так преследовать из одного сна в другой, знаешь...

Около меня что-то зашелестело.

– Гибарян! – повторил я громче.

Пружины кровати закрипели.

– Крис... это я... – послышался рядом со мной шепот.

– Это ты, Хари... а Гибарян?

– Крис... Крис... но ведь он не... сам говорил, что он умер...

– Во сне может жить, – протянул я. Я уже не был совершенно уверен, что это сон. – Он что-то говорил. Был здесь.

Я был страшно сонный. «Раз я сонный – значит, сплю», – пришла мне в голову идиотская мысль. Я дотронулся губами до холодного плеча Хари и улегся поудобнее. Она что-то мне говорила, но я уже погружался в беспамятство.

Утром в освещенной красным светом комнате я припомнил происшествие этой ночи. Разговор с Гибаряном мне приснился, но потом? Я слышал его голос, мог бы в этом поклясться, не помнил только хорошенько, что он говорил.

Это звучало не как разговор, скорее как доклад. Доклад!

Хари мылась. Я слышал плеск воды в ванне. Я заглянул под кровать, где недавно стоял магнитофон. Его там не было.

– Хари, – позвал я.

Ее мокрое лицо показалось из-за шкафа.

– Ты случайно не видела под кроватью магнитофона? Маленький, карманный...

– Там лежали разные вещи. Я все положила туда, – она показала на полку около шкафчика с лекарствами и исчезла в ванне.

Я вскочил с кровати, но поиски не дали результатов.

– Ты должна была его видеть, – сказал я, когда Хари вернулась в комнату.

Она ничего не ответила и стала причесываться перед зеркалом. Только теперь я заметил, что она бледна, а в ее глазах, которые встретились с моими в зеркале, какая-то настороженность.

– Хари, – начал я, как осел, еще раз, – магнитофона нет на полке.

– Ничего более важного не хочешь мне сказать?..

– Извини, – пробормотал я. – Ты права, это глупость.

Не хватает еще, чтобы мы начали ссориться.

Потом мы пошли завтракать. Хари сегодня делала все иначе, чем обычно, но я не мог определить, в чем разница. Она все время осматривалась, несколько раз не слышала, что я ей говорил, как бы впадая в задумчивость. Один раз, когда она подняла голову, я заметил, что ее глаза блестят.

– Что с тобой? – я понизил голос до шепота. – Ты плачешь?

– Ох, оставь меня. Это не настоящие слезы, – пролепетала она.

Возможно, я не должен был удовлетворяться этим, но я ничего так не боялся, как «откровенных разговоров».

Впрочем, в голове у меня было совсем другое. Хотя интриги Снаута и Сарториуса мне только приснились, я начал соображать, есть ли вообще на Станции какое-нибудь подходящее оружие. О том, что с ним делать, я не думал, просто хотел его иметь. Я сказал Хари, что я должен заглянуть на склады. Она молча пошла за мной. Я рылся в коробках, искал в ящичках, а когда опустился в самый низ, не мог устоять перед желанием заглянуть в холодильник. Мне, однако, не хотелось, чтобы Хари входила туда, поэтому я только приоткрыл двери и оглядел все помещение. Темный саван возвышался, прикрывая удлиненный предмет, но с того места, где я стоял, нельзя было увидеть, лежит ли еще там та, черная. Мне показалось, что место, где она лежала, теперь свободно.

Я не нашел ничего, что бы мне подошло, и был в очень плохом настроении, как вдруг сообразил, что не вижу Хари. Впрочем, она сразу же пришла – отстала в коридоре, – но уже ее попытки отойти от меня даже на секунду должны были привлечь мое внимание. Но я все еще вел себя, как будто обиделся неизвестно на кого, или попросту как кретин. У меня разболелась голова, я не мог найти никаких порошков и злой, как сто чертей, перевернул вверх ногами все содержимое аптечки. Снова идти в операционную мне не хотелось. Я редко вел себя так нелепо, как в этот день. Хари сновала по кабине, как тень, иногда на секунду исчезая. После полудня, когда мы уже пообедали (собственно, она вообще не ела, а я пожевал без аппетита и, оттого что голова у меня трещала от боли, даже не пробовал уговорить ее поесть), Хари уселась вдруг около меня и потянула меня за рукав.

– Ну, что такое? – буркнул я машинально.

Мне казалось, что по трубам доносится слабый стук. Я решил, что это Сарториус копается в аппаратуре высокого напряжения, и мне захотелось пойти наверх. Но тут мне пришло в голову, что придется идти с Хари. И если ее присутствие в библиотеке было еще как-то объяснимо, там, среди машин, оно могло преждевременно привлечь внимание Снаута.

– Крис, – шепнула Хари, – как у нас?..

Я невольно вздохнул. Нельзя сказать, чтобы это был мой счастливый день.

– Как нельзя лучше. О чем ты снова?

– Я хотела с тобой поговорить.

– Слушаю

– Но не так.

– А как? Ну, у меня болит голова, масса работы...

– Немного желаний, Крис...

Я выдавил из себя улыбку. Наверно, она была жалкой.

– Да, дорогая. Говори.

– А ты скажешь мне правду.

Я поднял брови. Такое начало мне не нравилось.

– Для чего же мне врать?

– Может, у тебя есть поводы. Серьезные. Но если хочешь, чтобы... ну, знаешь... то не обманывай меня.

Я молчал.

– Я тебе что-то скажу, и ты мне скажешь. Ладно? Это будет правда. Несмотря ни на что.

Я не смотрел ей в глаза, хотя она искала моего взгляда. Притворился, что не замечаю этого.

– Я тебе уже говорила, что не знаю, откуда здесь взя-

лась. Но, может, ты знаешь? Погоди, я еще не кончила. Возможно, ты и не знаешь. Но если знаешь, только не можешь этого мне сказать сейчас, то, может, позднее когда-нибудь? Это не самое плохое. Во всяком случае дашь мне шанс.

На меня словно обрушился холодный поток.

– Детка, что ты говоришь?.. Какой шанс? – запинаясь.

– Крис, *кто бы я ни была*, я наверняка не ребенок. Ты обещал. Скажи.

Это «кто бы я ни была» так схватило меня за горло, что я мог только смотреть на нее, глуповато тряся головой, как будто защищался от ее слов.

– Я ведь говорила, что не можешь мне сказать. Достаточно будет, если скажешь, что не можешь.

– Я ничего не скрываю, – ответил я хрипло.

– Это хорошо. – Она встала.

Я хотел что-то сказать. Чувствовал, что не могу оставить ее так, но все слова застряли у меня в горле.

– Хари...

Она стояла у окна, отвернувшись. Темно-синий океан лежал под голубым небом.

– Хари, если ты думаешь, что... Хари, ведь ты знаешь, что я люблю тебя.

– Меня?

Я подошел к ней. Хотел ее обнять. Она высвободилась, оттолкнув мою руку.

– Ты такой добрый... меня? Я бы предпочла, чтобы ты меня бил!

– Хари, дорогая!

– Нет, нет. Молчи уж лучше.

Она подошла к столу и начала собирать тарелки. Я смотрел в синюю пустыню, Солнце садилось, и огромная тень Станции мерно колебалась на волнах. Тарелка выскользнула из рук Хари и упала на пол. Вода булькала в моечном аппарате. Рыжий цвет переходил на краях небосклона в грязно-красное золото. Если бы я знал, что делать. Если бы знал. Вдруг стало тихо. Хари стояла рядом со мной, сзади.

– Нет. Не оборачивайся, – сказала шепотом. – Ты ни в чем не виноват, Крис. Я знаю. Не мучайся.

Я протянул к ней руку. Она отбежала внутрь кабины и, подняв целую стопку тарелок, сказала:

– Жаль. Если бы они могли разбиться, разбила бы, все разбила бы!

Какое-то мгновение я думал, что и вправду швырнет их на пол, но она внимательно посмотрела на, меня и усмехнулась:

– Не бойся, не буду устраивать тебе сцен.

Я проснулся среди ночи и сразу же, напряженный, сел на кровати. В комнате было темно, только через приоткрытую дверь из коридора падала тонкая полоска света. Что-то ядовито шипело, звук нарастал вместе с приглушенными тупыми ударами, как будто что-то большое билось за стеной.

«Метеор, – мелькнула мысль. – Пробил панцирь. Кто-то там есть!»

Протяжный хрип.

От этого я сразу же пришел в себя. Я на Станции, а не в ракете, а этот ужасный звук...

Я выскочил в коридор. Дверь маленькой лаборатории была открыта настежь, там горел свет. Я вбежал внутрь. На меня хлынул поток ледяного холода. Кабину наполнял пар, превращающий дыхание в хлопья снега. Туча белых хлопьев кружилась над завернутым в купальный халат телом, которое едва шевелилось на полу. Это была Хари. Я с трудом разглядел ее в этой ледяной туче, бросился к ней, схватил, халат обжег мне руки, она хрипела. Я выбежал в коридор, миновал вереницу дверей. Я уже не чувствовал холода, только ее дыхание, вырывающееся изо рта облачками пара, как огнем, жгло мне плечо.

Я уложил ее на стол, разорвал халат на груди, секунду смотрел в ее перекошенное дрожащее лицо, кровь замерзла вокруг открытого рта, покрыла губы черным налетом, на языке блестели кристаллики льда.

Жидкий кислород. В лаборатории был жидкий кислород в сосудах Дьюара. Поднимая ее, я чувствовал, что давлю битое стекло. Сколько она могла выпить? Все равно. Сожжены трахея, горло, легкие, жидкий кислород разъедает сильнее, чем концентрированные кислоты. Ее дыхание, скрежещущее, сухое, как звук разрываемой бумаги, утихало. Глаза были закрыты. Агония.

Я посмотрел на большие застекленные шкафы с инструментами и лекарствами. Трахеотомия? Интубация? Но у нее уже нет легких! Сгорели. Лекарства? Сколько лекарств! Полки были заставлены рядами цветных бутылей и коробок. Хрип наполнил всю комнату, из ее открытого рта все еще расходился туман. Термофоры...

Начал искать их, но, прежде чем нашел, рванул дверцу другого шкафа, разбросал коробки с ампулами... Теперь

шприц... Где он?. . В стерилизаторах... Я не мог его собрать занемевшими руками, пальцы были твердыми и не хотели сгибаться. Начал бешено колотить рукой о крышку стерилизатора, но даже не чувствовал этого. Единственным ощущением было слабое покалывание.

Лежащая захрипела сильнее. Я подскочил к ней. Ее глаза были открыты.

– Хари.

Это был даже не шепот. У меня просто не было голоса. Лицо у нее было чужое, словно сделанное из гипса, ребра ходили ходуном, волосы, мокрые от растаявшего снега, рассыпались по изголовью. Она смотрела на меня.

– Хари!

Я ничего больше не мог сказать. Стоял, как бревно, с этими чужими деревянными руками. Ступни, губы, веки начинали гореть все сильнее, но я этого почти не чувствовал. Капля растаявшей в тепле крови стекла у нее по щеке, прочертив косую черточку. Язык задрожал и исчез, она все еще хрипела.

Я взял ее запястье, пульса не было, откинул полы халата и приложил ухо к пугающе холодному телу. Сквозь шум, словно от пожара, услышал частые удары, бешеные тона, слишком быстрые, чтобы их можно было сосчитать. Я стоял, низко наклонившись, с закрытыми глазами, когда что-то коснулось моей головы. Ее пальцы перебирали мои волосы. Я посмотрел ей в глаза.

– Крис, – прохрипела она.

Я схватил ее руку, она ответила пожатием, которое чуть не раздавило мою ладонь, сознание ушло с ее страшно перекошенного лица, между веками блеснули белки, в

горле захрипело, и все тело сотрясла рвота. Она свесилась со стола, билась головой о край фарфоровой воронки. Я придерживал ее и прижимал к столу, с каждым следующим спазмом она вырывалась, я мгновенно покрылся потом, и ноги сделались как ватные. Когда рвота ослабла, я попытался ее уложить. Она со стоном хватала воздух. Вдруг на этом страшном окровавленном лице засветились глаза Хари.

– Крис, – захрипела она, – как... как долго, Крис?

Она начала давиться, на губах выступила пена, снова ее раздирала рвота. Я держал ее из последних сил. Потом она упала навзничь, так что лязгнули зубы, и часто задышала.

– Нет, нет, нет, – выталкивала она быстро с каждым вздохом, и каждый казался последним. Но рвота вернулась еще раз, и снова она билась в моих объятиях, в коротких перерывах втягивая воздух с усилием, от которого выступали все ребра. Наконец веки до половины закрылись на ее слепых глазах. Она застыла. Я думал, что это конец. Не пытался даже стереть пену с ее рта, стоял над ней наклонившись, слыша где-то далекий большой колокол, и ждал последнего вздоха, чтобы после него упасть на пол, но она все еще дышала, почти без хрипа, все тише, а холмик груди, который почти совсем уже перестал вздрагивать, вдруг задвигался в быстром темпе работающего сердца. Я стоял сгорбившись. Ее лицо начало розоветь.

Я, словно оглушенный, ничего не понимал. Только обе ладони у меня вспотели, и мне казалось, что я гложу, что-то мягкое, эластичное наполнило уши, я все еще слышал тот звенящий колокол, теперь глухой, словно он треснул.

Она подняла веки, и наши глаза встретились.

«Хари», – хотел я сказать, но у меня как будто не было рта, лицо было мертвой тяжелой маской, и я мог только смотреть.

Ее глаза обежали комнату, голова пошевелилась. Было совсем тихо. За мной, в каком-то другом далеком мире, ровно капала вода из неплотно закрытого крана. Она приподнялась на локте. Села. Я попятился. Она наблюдала за мной.

– Что, – спросила, – что?.. Не... удалось? Почему?.. Почему так смотришь?..

И неожиданно страшный крик:

– Почему так смотришь?!?!!

Снова стало тихо. Она посмотрела на свои руки. Пошевелила пальцами.

– Это... я?

– Хари, – произнес я беззвучно, одними губами.

– Хари?.. – повторила она, подняв голову, медленно сползла на пол и встала.

Пошатнулась, потом выпрямилась, прошла несколько шагов. Все это она делала в каком-то трансе, смотрела на меня и словно не видела.

– Хари? – медленно повторила она еще раз. – Но... я... не Хари. А кто я? Хари? А ты, ты?!

Вдруг ее глаза расширились, заблестели, и тень улыбки и радостного недоумения осветила ее лицо.

– Может быть, ты тоже? Крис! Может, ты тоже?!

Я молчал, прижавшись спиной к шкафу, там, куда загнал меня страх.

У нее упали руки.

– Нет. Нет, ты боишься. Слушай, я больше не могу. Так нельзя. Я ничего не знала. Я сейчас... я больше ничего не понимаю. Ведь это невозможно? Я, – она прижала стиснутые ослабевшие руки к груди, – ничего не знаю, кроме... кроме Хари! Может, ты думаешь, что я притворяюсь. Я не притворяюсь, святое слово, не притворяюсь.

Последние слова перешли в стон. Она упала на пол и разрыдалась. Ее крик словно что-то во мне разбил, одним прыжком я оказался около нее, схватил за плечи; она защищалась, отталкивала меня, рыдая без слез, кричала:

– Пусти! Пусти! Тебе противно! Знаю! Не хочу так! Не могу! Ты сам видишь, сам видишь, что это не я, не я, не я...

– Молчи! – кричал я, трясая ее.

Мы оба кричали, не сознавая этого, стоя друг перед другом на коленях. Голова Хари моталась, ударяясь о мои плечи, я прижал ее к себе изо всех сил. Тяжело дыша, мы замерли. Вода мерно капала из крана.

– Крис... – с трудом проговорила она, прижимаясь лицом к моей груди. – Скажи, что мне сделать, чтобы *меня не было*, Крис...

– Перестань! – заорал я.

Она подняла лицо, всматриваясь в меня.

– Как?.. Ты тоже не знаешь? Ничего нельзя придумать? Ничего?

– Хари... сжался...

– Я хотела... я знала. Нет. Нет. Пусти. Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. Тебе противно.

– Убила бы себя?

– Да.

– А я не хочу, понимаешь? Не хочу этого. Хочу, чтобы была здесь, со мной, и ничего другого мне не нужно!

Огромные серые глаза проглотили меня.

– Как ты лжешь... – сказала она совсем тихо.

Я опустил ее и встал с колен. Она уселась на полу.

– Скажи, как мне сделать, чтобы ты поверила, что я говорю то, что думаю? Что это правда. Что другой нет.

– Ты не можешь говорить правду. Я не Хари.

– А кто же ты?

Она долгу молчала. У нее задрожал подбородок, и, опустив голову, она прошептала:

– Хари... но... но я знаю, что это неправда. Ты не меня... любил там, раньше...

– Да. Того, что было, нет. Это умерло. Но здесь люблю тебя. Понимаешь?

Она покачала головой.

– Ты добрый. Не думай, пожалуйста, что я не могу оценить всего, что ты сделал. Делал хорошо, как мог. Но здесь ничем не поможешь. Когда три дня назад я сидела утром у твоей постели и ждала, пока ты проснешься, я не знала ничего. У меня такое чувство, словно это было очень, очень давно. Вела себя так, будто я не в своем уме. В голове был какой-то туман. Не понимала, что было раньше, а что позднее, и ничему не удивлялась, как после наркоза или долгой болезни. И даже думала, что, может, я болела, только ты не хочешь этого говорить. Но потом все больше мелочей заставляло меня задумываться. Какие-то проблески появились после твоего разговора в библиотеке с этим, как его, со Снаутом. Но ты не хотел мне ничего говорить, тогда я встала ночью и включила магнитофон.

Соврала тебе только один-единственный раз, я его спрятала потом, Крис. Тот, кто говорил, как его звали?

– Гибарян.

– Да, Гибарян. Тогда я поняла все, хотя, честно говоря, больше ничего не понимаю. Не знала одного, я не могу... я не... это так и будет... без конца. Об этом он ничего не говорил. Впрочем, может, и говорил, но ты проснулся, и я выключила магнитофон. Но и так услышала достаточно, чтобы понять, что я не человек, а только инструмент.

– Что ты говоришь?

– Да. Для изучения твоих реакций или что-то в этом роде. У каждого из вас есть такое... такая, как я. Это основано на воспоминаниях или фантазии... подавленной. Что-то в этом роде. Впрочем, ты все это знаешь лучше меня. Он говорил страшные, неправдоподобные вещи, и, если бы все это так не совпадало, я бы, пожалуй, не поверила!

– Что не совпадало?

– Ну, что мне не нужен сон и что я все время должна быть около тебя. Вчера утром я еще думала, что ты меня ненавидишь, и от этого была несчастна. Какая же я была глупая. Но скажи, сам скажи, разве я могла представить? Ведь он совсем не ненавидел ту, свою, но как о ней говорил! Только тогда я поняла! Только тогда я поняла, что, как бы я ни поступила, это все равно, потому что, хочу я или нет, для тебя это все равно должно быть пыткой. И даже еще хуже, потому что орудия пытки мертвые и безвинные, как камень, который может упасть и убить. А чтобы орудие могло желать добра и любить, такого я не могла себе представить. Мне хотелось бы рассказать тебе хотя бы то, что во мне происходило тогда, когда поняла,

когда слушала эту пленку. Может быть, это принесет тебе какую-то пользу. Я даже пробовала записать...

— Поэтому ты и зажгла свет? — спросил я, с трудом издавая звуки сдавленным горлом.

— Да. Но из этого ничего не вышло. Потому что я искала в себе... их — совсем иное, была совершенно сумасшедшей. Некоторое время мне казалось, что у меня под кожей нет тела, что во мне что-то другое, что я только... только снаружи... Чтобы тебя обмануть. Понимаешь?

— Понимаю!

— Если так вот лежать часами в ночи, то мыслями можно уйти далеко, в очень странном направлении, знаешь...

— Знаю...

— Но я чувствую сердце и еще помнила, что ты брал у меня кровь. Какая у меня кровь, скажи мне, скажи правду. Теперь ведь можно.

— Такая же, как моя.

— Правда?

— Клянусь тебе!

— Что это значит? Знаешь, я думала, что, может быть, то спрятано где-то во мне, что оно... ведь оно может быть очень маленьким. Но я не знала где. Теперь я думаю, что это были просто увертки с моей стороны, я очень боялась того, что хотела сделать, и искала какой-то другой выход. Но, Крис, если у меня такая же кровь... если все так, как ты говоришь, то... Нет, это невозможно. Ведь я уже умерла бы, правда! Значит, что-то все-таки есть, но где? Может, в голове? Но я ведь мыслю совершенно обычно... и ничего не знаю... Если бы я мыслила тем, то должна была

бы сразу все знать и не любить, только притворяться и знать, что притворяюсь... Крис, прошу тебя, скажи мне все, что знаешь, может быть, удастся что-нибудь сделать?

– Что должно удастся?

Она молчала.

– Хочешь умереть?

– Пожалуй, да.

Снова стало тихо. Я стоял перед ней, съежившийся, глядя на пустой зал, на белые плиты эмалированных предметов, на блестящие рассыпанные инструменты, как будто отыскивая что-то очень нужное, и не мог этого найти.

– Хари, можно мне что-то тебе сказать?

Она ждала.

– Это правда, что ты не точно такая же, как я. Но это не значит, что ты хуже. Наоборот. Впрочем, можешь думать об этом что хочешь, но благодаря этому... ты не умерла.

Какая-то детская, жалобная улыбка появилась на ее лице.

– Значит ли это, что я... бессмертна?

– Не знаю. Во всяком случае гораздо менее смертна, чем я.

– Это страшно, – шепнула она.

– Может быть, не так, как кажется.

– Но ты не завидуешь мне...

– Хари, это, пожалуй, вопрос твоего... предназначения, так бы я это назвал. Понимаешь, здесь, на Станции, твое предназначение в сущности так же темно, как и мое и каждого из нас. Те будут продолжать эксперимент Гибаряна, и может случиться все...

– Или ничего...

– Или ничего. И скажу тебе, что хотел бы, чтобы ничего не случилось, даже не из страха (хотя он тоже играет какую-то роль), а потому, что это ничего не даст. Только в этом я совершенно не уверен.

– Ничего не даст. А почему? Речь идет об этом... океане?

Она вздрогнула.

– Да. О контакте. Они думают, что это очень просто. Контакт означает обмен какими-то сведениями, понятиями, результатами... Но если нечем обмениваться? Если слон не является очень большой бактерией, то океан не может быть очень большим мозгом. С обеих сторон могут, конечно, производиться какие-то действия. В результате одного из них я смотрю сейчас на тебя и пытаюсь тебе объяснить, что ты мне дороже, чем те двенадцать лет, которые я посвятил Солярису, и что я хочу быть с тобой. Может, твое появление должно быть пыткой, может, услугой, может, микроскопическим исследованием. Выражением дружбы, коварным ударом, может, издевательством? Может быть, всем вместе или – что кажется мне самым правдоподобным – чем-то совсем иным. Но в конце концов разве нас должны занимать намерения наших родителей, как бы они друг от друга ни отличались? Ты можешь сказать, что от этих намерений зависит наше будущее, и с этим я соглашусь. Не могу предвидеть того, что будет. Так же, как ты. Не могу даже обещать тебе, что буду тебя всегда любить. После того, что случилось, я ничему не удивлюсь. Может, завтра ты станешь зеленой медузой? Это от нас не зависит. Но в том, что от нас зависит, будем вместе. Разве этого мало?

– Слушай, – сказала она, – есть что-то еще. Я... на нее... очень похожа?

– Была похожа... но теперь... я уже не знаю этого точно.

– Как это?

Она смотрела на меня большими глазами.

– Ты ее уже заслонила.

– И ты уверен, что не ее, а меня?.. Меня?..

– Да. Тебя. Не знаю. Боюсь, что, если бы ты и вправду была ею, я не мог бы любить.

– Почему?

– Потому что сделал ужасную вещь.

– Ей?

– Да. Когда были...

– Не говори.

– Почему?

– Потому что хочу, чтобы ты знал: я – не она.

РАЗГОВОР

На следующий день, вернувшись с обеда, я нашел на столе под окном записку от Снаута. Он сообщал, что Сарториус пока прекратил работу над аннигилятором и пытается в последний раз воздействовать на океан пучком жесткого излучения.

– Дорогая, – сказал я Хари, – мне нужно сходить к Снауту.

Красный восход горел в океане и делил комнату на две части. Мы стояли в тени. За ее пределами все казалось сделанным из меди, можно было подумать, что любая книжка, упав с полки, зазвенит.

– Речь идет о том эксперименте. Только не знаю, как это сделать. Я хотел бы, понимаешь...

– Не объясняй, Крис. Мне так хочется... Если бы это не длилось долго...

– Ну, немного поговорить придется. Слушай, а если бы ты пошла со мной и подождала в коридоре?

– Хорошо. Но если я не выдержу?

– Как это происходит? – спросил я и быстро добавил: – Я спрашиваю не из любопытства, понимаешь? Но, может быть, разобравшись, ты смогла бы с этим справиться.

– Это страх, – ответила она, немного побледнев. – Я даже не могу сказать, чего боюсь, потому что, собственно, не боюсь, а только... как бы исчезаю. В последний момент чувствую такой стыд, не могу объяснить. А потом уже ничего нет. Поэтому я и думала, что это такая болезнь... – кончила она тихо и вздрогнула.

– Может быть, так только здесь, на этой проклятой Станции, – заметил я. – Что касается меня, то сделаю все, чтобы мы ее как можно быстрее покинули.

– Думаешь, это возможно?

– Почему бы нет? В конце концов я не прикован к ней... Впрочем, это будет зависеть также от того, что мы решим со Снаутом. Как ты думаешь, ты долго сможешь быть одна?

– Это зависит... – проговорила она медленно и опустила голову. – Если буду слышать твой голос, то, пожалуй, справлюсь с собой.

– Предпочел бы, чтобы ты не слышала нашего разговора. Не то чтобы хотел от тебя что-нибудь скрыть, просто не знаю, что скажет Снаут...

– Можешь не кончать. Поняла. Хорошо. Встану так, чтобы слышать только звук твоего голоса. Этого мне достаточно.

– Тогда я позвоню ему сейчас из лаборатории. Двери я оставляю открытыми.

Она кивнула. Я вышел сквозь стену красного света в коридор, который мне показался почти черным, хотя там горели лампы. Дверь маленькой лаборатории была открыта. Блестящие осколки сосуда Дьюара, лежащие на полу под большими резервуарами жидкого кислорода, были последними следами ночного происшествия. Когда я снял трубку и набрал номер радиостанции, маленький экран зажегся. Потом синеватая пленка света, как бы покрывающая матовое стекло, лопнула, и Снаут, перегнувшись боком через ручку высокого кресла, заглянул мне прямо в глаза.

– Приветствую, – услышал я.

– Я прочитал записку. Мне хотелось бы поговорить с тобой. Могу я прийти?

– Можешь. Сейчас?

– Да.

– Прошу. Будешь с... не один?

– Один.

Его бронзовое от ожога худое лицо с резкими поперечными морщинами на лбу, наклоненное в выпуклом стекле набок (он был похож на какую-то удивительную рыбу, живущую в аквариуме), приобрело многозначительное выражение:

– Ну, ну. Итак, жду.

– Можем идти, дорогая, – начал я с не совсем естест-

венным оживлением, входя в кабину сквозь красные полосы света, за которыми видел только силуэт Хари.

Голос у меня оборвался. Она сидела, забившись в кресло, вцепившись в него руками. Либо она слишком поздно слышала мои шаги, либо не могла ослабить этой страшной хватки и принять нормальное положение. Мне было достаточно, что я секунду видел ее борющейся с этой непонятной силой, которая в ней крылась, и мое сердце сдавил слепой сумасшедший гнев, перемешанный с жалостью. Мы молча пошли по длинному коридору, минуя его секции, покрытые разноцветной эмалью, которая должна была – по замыслу архитекторов – разнообразить пребывание в этой бронированной скорлупе. Уже издали я увидел приоткрытую дверь радиостанции. Из нее в глубину коридора падала длинная красная полоса света, солнце добралось и сюда. Я посмотрел на Хари, которая даже не пыталась улыбаться. Я видел, как всю дорогу она сосредоточенно готовилась к борьбе с собой. Приближающееся напряжение уже сейчас изменило ее лицо, которое побледнело и словно стало меньше. Не дойдя до двери несколько шагов, она остановилась. Я обернулся, но она легонько подтолкнула меня кончиками пальцев. В этот момент мои планы, Снаут, эксперимент, Станция – все показалось мне ничтожным по сравнению с той мукой, которую ей предстояло пережить.

Я почувствовал себя палачом и уже хотел вернуться, когда широкую полосу солнечного света заслонила тень человека. Ускорив шаги, я вошел в кабину. Снаут стоял у самого порога, как будто шел мне навстречу. Красное солнце пылало прямо за ним, и пурпурное сияние, каза-

лось, исходило от его седых волос. Некоторое время мы смотрели друг на друга молча. Он словно изучал мое лицо. Его лица я не видел, ослепленный блеском. Я обошел Снаута и остановился у высокого пульта, из которого торчали гибкие стебли микрофонов. Он медленно повернулся, спокойно следя за мной, по обыкновению слегка скривив рот в гримасе, которая иногда казалась улыбкой, а иногда выражением усталости. Не спуская с меня глаз, подошел к занимавшему всю стену металлическому шкафу, по обеим сторонам которого громоздились сваленные кое-как груды запасных деталей радиоаппаратуры, термоаккумуляторы и инструменты, подтащил туда кресло и сел, опершись спиной об эмалированную дверцу.

Молчание, которое мы по-прежнему хранили, становилось по меньшей мере странным. Я вслушивался, сосредоточив внимание на тишине, наполнявшей коридор, где осталась Хари, но оттуда не доносилось ни звука.

– Когда будете готовы? – спросил я.

– Могли бы начать даже сегодня, но запись займет еще немного времени.

– Запись? Ты имеешь в виду энцефалограмму?

– Ну да, ты ведь согласился. А что?

– Нет, ничего.

– Слушаю, – заговорил Снаут, когда молчание стало угнетающим.

– Она уже знает... о себе. – Я понизил голос до шепота.

Он поднял брови.

– Да?

У меня было впечатление, что он не был удивлен по-

настоящему. Зачем же он притворялся? Мне сразу же захотелось говорить, но я превозмог себя. «Пусть это будет лояльность, – подумал я, – если ничего больше».

– Начала догадываться с момента нашей беседы в библиотеке, наблюдала за мной, сопоставляла одно с другим, потом нашла магнитофон Гибаряна и прослушала пленку...

Он не изменил позы, по-прежнему опершись о шкаф, но в его глазах зажглись маленькие искорки. Стоя у пульта, я видел дверь, открытую в коридор. Я заговорил еще тише:

– Этой ночью, когда я спал, пыталась себя убить. Жидкий кислород.

Что-то зашелестело, легче, чем бумага от сквозняка. Я застыл, прислушиваясь к тому, что происходило в коридоре, но источник звука находился ближе. Что-то заскреблось, как мышь. Мышь! Чушь. Не было тут никаких мышей. Я исподлобья посмотрел на Снаута.

– Слушаю, – сказал он спокойно.

– Разумеется, ей это не удалось... во всяком случае она знает, кто она.

– Зачем ты мне это говоришь? – спросил он быстро.

Я не сразу сообразил, что ответить.

– Хочу, чтобы ты ориентировался... чтобы знал, какое положение...

– Я тебя предостерегал.

– Хочешь сказать, что ты знал. – Я невольно повысил голос.

– Нет. Конечно, нет. Но я объяснял тебе, как это выглядит. Каждый «гость», когда появляется, действительно

только фантом и вне хаотической мешанины воспомина-
ний и образов, почерпнутых из своего... Адама... совер-
шенно пуст. Чем дольше он с тобой, тем больше очелове-
чивается. Приобретает самостоятельность, до определен-
ных границ, конечно. Поэтому чем дольше это продолжа-
ется, тем труднее...

Он не договорил. Посмотрел на меня исподлобья и не-
хотя бросил:

– Она все знает?

– Да, я уже сказал.

– Все? И то, что раз уже здесь была и что ты...

– Нет!

Он усмехнулся.

– Кельвин, слушай, если до такой степени... что ты со-
бираешься делать? Покинуть Станцию?

– Да.

– С ней?

– Да.

Он молчал, как бы задумавшись над моим ответом, но
в его молчании было еще что-то... Что? Снова этот неуло-
вимый шелест тут, прямо за тонкой стенкой. Он пошеве-
лился в кресле.

– Отлично. Что ты так смотришь? Думаешь, что вста-
ну у тебя на пути? Сделаешь, как захочешь, мой милый.
Хорошо бы мы выглядели, если бы вдобавок ко всему на-
чали еще применять принуждение! Не собираюсь тебе
мешать, только скажу: ты пытаешься в нечеловеческой си-
туации поступать как человек. Может, это красиво, но
бесполезно. Впрочем, в красоте я тоже не уверен, разве
глупость может быть красивой? Но не в этом дело. Ты от-

казываешься от дальнейших экспериментов, хочешь уйти, забрав ее. Так?

– Так.

– Но это тоже эксперимент. Ты подумал об этом?

– Как ты это понимаешь? Разве она... сможет?... Если вместе со мной, то не вижу...

Я говорил все медленней, потом остановился. Снаут легко вздохнул.

– Мы все ведем здесь страусову политику, Кельвин, но по крайней мере знаем об этом и не демонстрируем своего благородства.

– Я ничего не демонстрирую.

– Ладно. Я не хотел тебя обидеть. Беру назад то, что сказал о благородстве, но страусова политика остается в силе. Ты проводишь ее в особенно опасной форме. Обманиваешь себя, и ее, и снова себя. Ты знаешь условия стабилизации системы, построенной из нейтринной материи?

– Нет. И ты не знаешь. Этого никто не знает.

– Разумеется. Но известно одно: такая система неустойчива и может существовать только благодаря непрерывающемуся притоку энергии. Мне объяснил Сарториус. Эта энергия создает вихревое стабилизирующее поле. Так вот: является ли это поле наружным по отношению к «гостю»? Или же источник поля находится в его теле? Понимаешь разницу?

– Да. Если оно наружное, то... она, то... такая...

– То, удалившись от Соляриса, такая система распадается, – закончил он за меня. – Утверждать этого мы не можем, но ты ведь уже проделал эксперимент. Та ракета, которую ты запустил... она все еще на орбите. В свобод-

ное время я даже определил элементы ее движения. Можешь полететь, выйти на орбиту, приблизиться и проверить, что стало с... пассажиркой.

– Ты ошалел! – крикнул я.

– Ты думаешь? Ну... а если бы... стащить сюда эту ракету? Это можно сделать. Есть дистанционное управление. Сними ее с орбиты...

– Перестань!

– Тоже нет? Что ж, есть еще один способ, очень простой. Не нужно даже сажать ее на Станции. Зачем? Пусть кружится дальше. Мы только свяжемся с ней по радио, если она жива, то ответит...

– Но... но там давно кончился кислород! – выдавил я из себя.

– Может обходиться без кислорода. Ну, попробуем!

– Снаут... Снаут...

– Кельвин... Кельвин... – передразнил он меня сердито. – Подумай, что ты за человек. Кого хочешь осчастливить? Спасти? Себя? Ее? Которую? Эту или ту? На обеих смелости уже не хватает? Сам видишь, к чему это приводит! Говорю тебе последний раз: здесь ситуация вне моральных норм.

Вдруг я снова услышал тот же звук, как будто кто-то царапал ногтями по стене. Не знаю, почему меня охватил такой пассивный, безразличный покой. Я чувствовал себя так, будто всю эту ситуацию, нас обоих, все рассматривал с огромного расстояния в перевернутый бинокль: маленькое, немного смешное, неважное.

– Ну, хорошо, – сказал я. – И что, по-твоему, я должен сделать? Устранить ее? Завтра явится такая же самая,

правда? И еще раз? И так ежедневно? Как долго? Зачем? Какая мне от этого польза? А тебе? Сарториусу? Станции?

– Нет, сначала ты мне ответь. Улетишь с ней и, скажем, будешь свидетелем наступающей перемены. Через пару минут увидишь перед собой...

– Ну что? – спросил я кисло. – Чудовище? Черта? Что?

– Нет. Самую обыкновенную агонию. Ты действительно поверил в ее бессмертие? Уверяю тебя, что умирают... Что сделаешь тогда? Вернешься за... резервной?

– Перестань!!! – я стиснул кулаки.

Он смотрел на меня со снисходительной насмешкой в прищуренных глазах.

– А, это я должен перестать? Знаешь, на твоем месте я бы прекратил этот разговор. Лучше уж делай что-нибудь другое, можешь, например, из мести высечь океан розгами. Что тебя мучает? Если... – он сделал рукой утрированный прощальный жест, одновременно поднял глаза к потолку, как будто следил за каким-то улетающим предметом, – то будешь подлецом? А так нет? Улыбаться, когда хочется выть, изображать радость и спокойствие, когда хочется кусаться, колотиться головой о стену, тогда не подлец? А что если здесь нельзя не быть? Что тогда? Будешь бросаться на Снаута, который во всем виноват, да? Ну, так вдобавок ты еще и идиот, мой милый...

– Ты говоришь о себе, – проговорил я, опустив голову.
– Я... люблю ее.

– Кого? Свое воспоминание?

– Нет. *Ее*. Я сказал тебе, что она хотела сделать. Так не поступил бы ни один... настоящий человек.

– Сам признаешь...

– Не лови меня на слове.

– Хорошо. Итак, она тебя любит. А ты *хочешь* ее любить. Это не одно и то же.

– Ошибаешься.

– Кельвин, мне очень неприятно, но ты сам заговорил об этих своих интимных делах. Не любишь. Она готова отдать жизнь. Ты тоже. Очень трогательно, очень красиво, возвышенно, все, что хочешь. Но всему этому здесь нет места. Нет. Понимаешь? Нет, ты этого не хочешь понять. Ты впутался в дела сил, над которыми мы не властны, в кольцевой процесс, в котором она частица. Фаза. Повторяющийся ритм. Если бы она была... если бы тебя преследовало готовое сделать для тебя все страшилище, ты бы ни секунды не колебался, чтобы устранить его. Правда?

– Правда.

– А может... может, она именно потому не выглядит таким страшилищем?! Это связывает тебе руки? Да ведь о том-то и идет речь, чтобы они были связаны!

– Это еще одна гипотеза к миллиону тех, в библиотеке. Снаут, оставь это, она... Нет. Не хочу об этом с тобой говорить.

– Хорошо. Сам начал. Но подумай только, что в сущности она зеркало, в котором отражается часть твоего мозга. Если она прекрасна, то только потому, что прекрасно было твое воспоминание. Ты дал рецепт. Кольцевой процесс, не забывай.

– Ну и чего же ты хочешь от меня? Чтобы я... чтобы я ее... устранил? Я уже спрашивал тебя: зачем? Ты не ответил.

– Сейчас отвечу. Я не напрашивался на этот разговор.

Не лез в твои дела. Ничего тебе не приказывал и не запрещал, и не сделал бы этого, если бы даже мог. Это ты сам пришел сюда и выложил мне все, а знаешь зачем? Нет? Затем, чтобы снять это с себя. Свалить. Я знаю эту тяжесть, мой дорогой! Да, да, не прерывай меня. Я тебе не мешаю ни в чем, но ты хочешь, чтобы помешал. Если бы я стоял у тебя на пути, может, ты бы мне голову разбил. Тогда имел бы дело со мной, с кем-то, слепленным из той же крови и плоти, что и ты, и сам бы чувствовал как человек. А так... не можешь с этим справиться и поэтому споришь со мной... а по сути дела с самим собой! Скажи мне еще, что страдание согнуло бы тебя, если бы она вдруг исчезла... нет, ничего не говори.

– Ну, знаешь! Я пришел, чтобы сообщить просто из чувства лояльности, что собираюсь покинуть с ней Станцию, – отбивал я его атаку, но для меня самого это прозвучало неубедительно.

Снаут пожал плечами.

– Очень может быть, что ты останешься при своем мнении. Если я высказался по этому поводу, то только потому, что ты лезешь все выше, а падать с высоты, сам понимаешь... Приходи завтра утром около девяти наверх, к Сарториусу... Придешь?

– К Сарториусу? удивился я. – Но ведь он никого не впускает. Ты говорил, что даже позвонить нельзя.

– Теперь он как-то справился. Мы об этом не говорим, знаешь. Ты... совсем другое дело. Ну, это неважно. Придешь завтра?

– Приду.

Я смотрел на Снаута. Его левая рука будто случайно

скрылась за дверцей шкафа. Когда они открылись? Пожалуй, уже давно, но в пылу неприятного для меня разговора я не обратил на это внимания. Как неестественно это выглядело... Как будто... что-то там прятал. Или кто-то держал его за руку. Я облизал губы.

– Снаут, что ты?..

– Выйди, – сказал он тихо и очень спокойно. – Выйди.

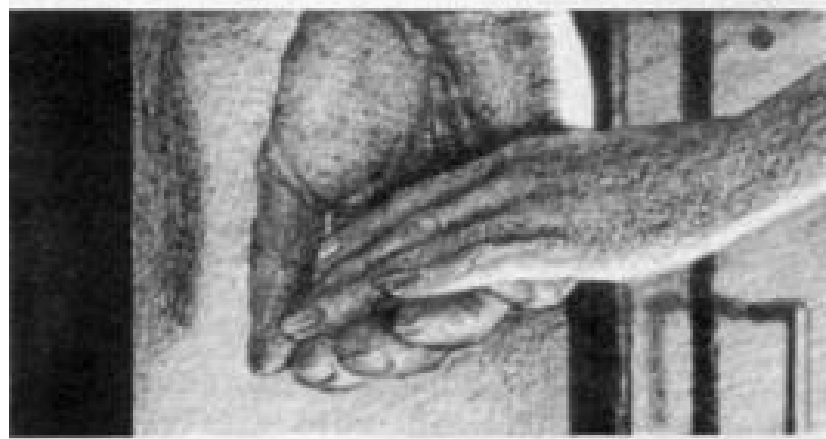
Я вышел и закрыл за собой дверь, освещенную догорающим красным заревом. Хари сидела на полу в каких-нибудь десяти шагах от двери, у самой стены. Увидев меня, вскочила.

– Видишь? – сказала, глядя на меня блестящими глазами. – Удалось, Крис... Я так рада, Может... может, будет все лучше...

– О, наверняка, – ответил я рассеянно.

Мы возвращались к себе, а я ломал голову над загадкой этого идиотского шкафа. Значит, значит, спрятал там? И весь этот разговор?.. Щеки у меня начали гореть так, что я невольно потерял их. Что за сумасшествие. И до чего мы договорились? Ни до чего. Правда, завтра утром...

И вдруг меня охватил страх, почти такой же, как в последнюю ночь. Моя энцефалограмма. Полная запись всех мозговых процессов, переведенных в колебания пучка лучей, будет послана вниз. В глубины этого необъятного безбрежного чудовища. Как он сказал: «Если бы она исчезла, ты бы ужасно страдал, а?» Энцефалограмма – это полная запись. Подсознательных процессов тоже. А если я хочу, чтобы она исчезла, умерла? Разве иначе меня удивило бы так, что она пережила это ужасное покушение? Можно ли отвечать за собственное подсознание? Если я не

отвечаю за него, то кто?. Что за идиотизм? За каким чертом я согласился, чтобы именно мою... мою... Могу, конечно, заучить предварительно эту запись, но ведь прочесть не сумею. Этого никто не может. Специалисты в состоянии лишь определить, о чем думал подопытный, но только в самых общих чертах: что решал, например, математическую задачу, но сказать, какую, они уже не в состоянии. Утверждают, что это невозможно, так как энцефалограмма – случайная смесь огромного множества одновременно протекающих процессов и только часть их имеет психическую «подкладку». А подсознание?. О нем вообще не хотят говорить, а где уж им читать чьи-то воспоминания, подавленные или неподдавленные... Но почему я так боюсь? Сам ведь говорил утром Хари, что этот эксперимент ничего не даст. Уж если наши нейрофизиологи не умеют читать записи, то как же этот страшно чужой, черный, жидкий гигант...

Но он вошел неизвестно как, чтобы измерить всю мою память и найти самую болезненную ее частичку. Как же в этом сомневаться? И если без всякой помощи, без какой-либо «лучевой передачи», вторгаясь через дважды герметизированный панцирь, сквозь тяжелую броню Станции, нашел в ней меня и ушел с добычей...

– Крис?.. – тихо позвала Хари.

Я стоял у окна, уставившись невидящими глазами в начинающуюся ночь.

Если она потом исчезнет, то это будет означать, что я хотел... Что убил ее. Не ходить туда? Они не могут меня заставить. Но что я скажу им? Это – нет. Не могу. Значит, нужно притворяться, нужно врать снова и всегда. И это

потому, что, может быть, во мне есть мысли, намерения, надежды, страшные, преступные, а я ничего о них не знаю. Человек отправился познавать иные миры, иные цивилизации, не познав до конца собственных тайников, закоулков, колодцев, забаррикадированных темных дверей. Выдать им ее... от стыда? Выдать только потому, что у меня недостает отваги?

– Крис... – еще тише, чем до этого, шепнула Хари.

Я скорее почувствовал, чем услышал, как она бесшумно подошла ко мне, и притворился, что ничего не заметил. В этот момент я хотел быть один. Я еще ни на что не решился, ни к чему не пришел... Глядя в темнеющее небо, в звезды, которые были только прозрачной тенью земных звезд, я стоял без движения, а в пустоте, пришедшей на смену бешеной гонке мыслей, росла без слов мертвая, равнодушная уверенность, что там, в недостижимых для меня глубинах сознания, там я уже выбрал и, притворяясь, что ничего не случилось, не имел даже силы, чтобы презирать себя.

ЭКСПЕРИМЕНТ

– Крис, это из-за того эксперимента?

От звука ее голоса я вздрогнул. Я уже несколько часов лежал без сна, погрузившись в темноту, совсем один. Я не слышал даже ее дыхания и в запутанном лабиринте ночных мыслей, призрачных, наполовину бессмысленных и приобретающих от этого новое значение, забыл о ней.

– Что... откуда ты знаешь, что я не сплю?.. – Мой голос звучал испуганно.

– По тому, как ты дышишь... – ответила она тихо и как-то виновато. – Не хотела тебе мешать... Если не можешь, не говори...

– Нет, почему же. Да, это тот эксперимент. Угадала.

– Чего они от него ждут?

– Сами не знают. Чего-то. Чего-нибудь. Эта операция называется не «Мысль», а «Отчаяние». Теперь нужно только одно: человек, у которого хватило бы смелости взять на себя ответственность за решение, но этот вид смелости большинство считает обычной трусостью, потому что это отступление, понимаешь, примирение, бегство, недостойное человека. Как будто достойно человека вязнуть, захлебываться и тонуть в чем-то, чего он не понимает и никогда не поймет.

Я остановился, но, прежде чем мое учащенное дыхание успокоилось, новая волна гнева захлестнула меня:

– Разумеется, никогда нет недостатка в людях с практическим взглядом. Они говорили, что если даже контакт не удастся, то, изучая эту плазму – все эти шальные живые создания, которые выскакивают из нее на сутки, чтобы снова исчезнуть, – мы познаем тайну материи, будто не знали, что это ложь, что это равносильно посещению библиотеки, где книги написаны на неизвестном языке, так что можно только рассматривать цветные переплеты... А как же!

– А есть еще такие планеты?

– Неизвестно. Может, и есть, но мы знаем только одну. Во всяком случае это что-то очень редкое, не так, как Земля. Мы... мы обычные, мы трава Вселенной и гордимся этой нашей обыкновенностью, которая так всеобща, и ду-

маем, что в ней все можно уместить. Это была такая схема, с которой отправлялись смело и радостно вдаль, в иные миры! Но что же это такое, иные миры? Покорим их или будем покорены, ничего другого не было и этих несчастных мозгах... А, ладно. Не стоит.

Я встал и на ощупь нашел в аптечке коробочку со снотворным.

— Буду спать, дорогая, — сказал я, отворачиваясь в темноту, в которой высоко шумел вентилятор. — Должен спать. Или сам не знаю...

Утром, когда я проснулся свежим и отдохнувшим, эксперимент показался мне чем-то совсем незначительным. Я не понимал, как мог придавать ему такое значение. То, что Хари должна пойти со мной в лабораторию, тоже мало меня волновало. Все ее усилия становились напрасны после того, как я на несколько минут уходил из комнаты. Я отказался от дальнейших попыток, на которых она настаивала (готовая даже позволить запереть себя), и посоветовал ей взять с собой какую-нибудь книжку.

Больше самой процедуры меня интересовало, что я увижу в лаборатории. Кроме больших дыр в стеллажах и шкафах (в некоторых шкафах еще недоставало стенок, а плита одной двери была в звездообразных трещинах, словно здесь недавно происходила борьба и ее следы были поспешно, но аккуратно ликвидированы), в этом светлоглубом зале не было ничего примечательного.

Снаут, хлопотавший возле аппаратуры, вел себя весьма удачно, приняв появление Хари как нечто совершенно обыкновенное, и слегка поклонился ей издали. Когда он смачивал мне виски и лоб физиологическим раствором,

появился Сарториус. Он вошел в маленькую дверь, ведущую куда-то в темноту. На нем был белый халат и черный защитный фартук, достававший до щиколоток. Он поздоровался со мной так, будто мы были сотрудниками большого земного института и расстались только вчера. Лишь теперь я заметил, что мертвое выражение его лицу придают контактные линзы, которые он носил под веками вместо очков.

Скрестив на груди руки, Сарториус смотрел, как Снаут обматывает бинтом приложенные к моей голове электроды. Он несколько раз оглядел зал, как бы вообще не замечая Хари, которая сидела на маленькой скамеечке, у стены, съежившаяся, несчастная, и притворялась, что читает книгу. Снаут отошел от моего кресла. Я пошевелил тяжелой от металла и проводов головой, чтобы видеть, как он включает аппаратуру, но Сарториус неожиданно поднял руки и заговорил с воодушевлением:

– Доктор Кельвин, прошу вас быть внимательным. Я не намерен ничего вам приказывать, так как это не дало бы результата, но прошу прекратить думать о себе, обо мне, о коллеге Снаути, о каких-либо других лицах, чтобы исключить все случайности и сосредоточиться на деле, для которого мы здесь находимся. Земля и Солярис, поколения исследователей, составляющих единое целое, хотя отдельные люди имеют начало и конец, наша настойчивость в стремлении установить интеллектуальный контакт, длина исторического пути, пройденного человечеством, уверенность в том, что он будет продолжен, готовность к любым жертвам и трудностям, к подчинению всех личных чувств этой нашей миссии – вот темы, которые

должны заполнить ваше сознание. Правда, течение мыслей не зависит целиком от вашего желания, но то, что вы здесь находитесь, подтверждает подлинность представленной мной последовательности. Если вы не будете уверены, что справитесь с задачей, прошу сообщить об этом, коллега Снаут повторит запись. Времени у нас достаточно.

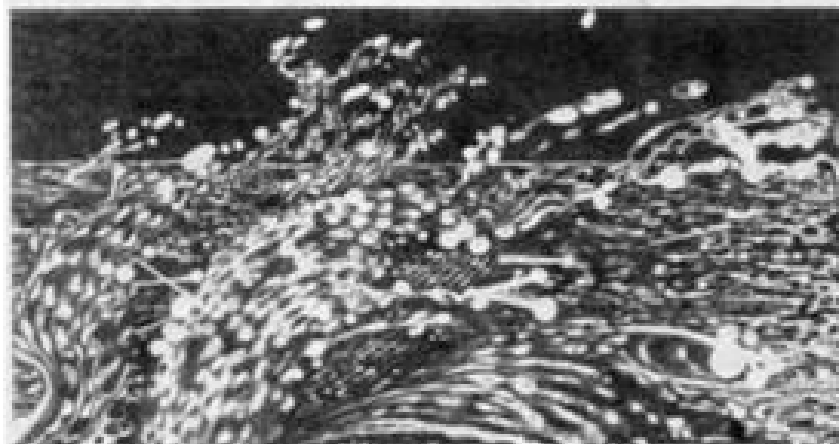
Последние слова он проговорил с бледной сухой улыбкой, которая не сделала его взгляд менее пронзительным.

У меня внутри все переворачивалось от потока этих серьезных, с такой значительностью провозглашенных фраз. К счастью, Снаут прервал продолжительную паузу.

– Можно, Крис? – спросил он, опершись локтем о высокий пульт электроэнцефалографа небрежно и фамильярно, словно опирался на спинку кресла. Я был благодарен ему за то, что он назвал меня по имени.

– Можно, – ответил я, закрывая глаза.

Волнение, которое опустошило мой мозг, исчезло, как только Снаут кончил крепить электроды и положил пальцы на кнопки. Сквозь ресницы я увидел розоватый свет контрольных лампочек на черной панели прибора. Постепенно пропадало неприятное ощущение от прикосновения влажных, холодных электродов. Я был как серая неосвещенная арена. Эту пустоту наблюдала толпа зрителей, возвышающаяся амфитеатром вокруг молчания, в котором нарастало ироническое презрение к Сарториусу и Миссии. Напряжение внутренних наблюдателей ослабевало. «Хари?» – я подумал это слово на пробу, с бессознательным беспокойством, готовый сразу же отступить. Но моя бдительная, слепая аудитория не протестовала.

Некоторое время я был сплошной чувствительностью, искренней жалостью, готовый к мучительным долгим жертвам. Хари наполняла меня без форм, без силуэта, без лица, и вдруг сквозь безличный, отчаянно сентиментальный образ во всем авторитете своего профессорского обличья привиделся мне в серой тьме Гезе, отец соляристики и соляристов. Но не о грязевом извержении, не о зловонной пучине, поглотившей его золотые очки и аккуратно расчесанные седые усы, думал я. Я видел только гравюру на титульном листе монографии, густо заштрихованный фон, которым художник окружил его голову, так что она оказалась в ореоле. Его лицо было так похоже, не чертами, а добросовестной старомодной рассудительностью, на лицо моего отца, что в конце концов я уже не знал, кто из них смотрит на меня. У них обоих не было могилы, вещь в наше время настолько обычная и частая, что не вызывала никаких особенных переживаний.

Образ уже пропадал, а я на одно, не знаю, какое долгое мгновение забыл о Станции, об эксперименте, о Хари, о черном океане, обо всем, наполненный быстрой, как молния, уверенностью, что те двое, уже не существующие, страшно маленькие, превращенные в засохшее болото люди справились со всем, что их встретило, и исходящий от этого открытия покой уничтожил бесформенную толпу, которая окружала серую арену в немом ожидании моего поражения.

Одновременно с двойным щелчком, выключившим аппаратуру, по глазам ударил свет. Сарториус, стоявший все в той же позе, смотрел на меня изучающе. Снаут, повернувшись к нему спиной, возился с приборами, будто умышленно шлепая сваливающимися с ног сандалиями.

– Как вы считаете, доктор Кельвин, удалось? – прозвучал гундосый, отталкивающий голос Сарториуса.

– Да, – ответил я.

– Вы в этом уверены? – с оттенком удивления и даже подозрительности спросил Сарториус.

– Да.

Моя уверенность и резкий тон сбили с него на мгновение холодную важность.

– Это... хорошо, – пробурчал он и осмотрелся, как бы не зная, что теперь со мной делать.

Снаут подошел ко мне и начал снимать повязку.

Я встал и прошелся по залу, и в это время Сарториус, который исчез в темноте, вернулся с уже проявленной и высохшей пленкой. На полутора десятках метров записи тянулись дрожащие линии со светлыми зубцами, какая-то плесень или паутина, растянутая на черной скользкой целлулоидной пленке.

Мне больше нечего было делать, но я не ушел. Те двое вставили в оксидированную кассету модулятора запись, конец которой Сарториус просмотрел еще раз, недоверчиво насупившись, словно пытался расшифровать заключенный в этих трепещущих линиях смысл.

Остальная часть эксперимента была невидима. Я видел только, что делается, когда они подошли к пультам управления и привели аппаратуру в действие. Ток проснулся со слабыми басовитым мурлыканьем в обмотках катушек под стальным полом, и только потом огоньки на вертикальных остекленных трубках указателей побежали вниз, показывая, что большой тубус рентгеновского аппарата опускается в вертикальный колодец, чтобы остановиться в его

открытой горловине. Огоньки застыли на самых нижних делениях шкалы, и Сарториус начал увеличивать напряжение, пока стрелки, точнее, белые просветы, которые их заменяли, не сделали, покачиваясь, полного оборота. Гудение стало едва слышным, ничего больше не происходило, бобины с пленкой вращались под кожухом, так что даже этого нельзя было увидеть, счетчик метража тихонько постукивал, как часовой механизм.

Хари смотрела поверх книги то на меня, то на них. Я подошел к ней. Она взглянула испытующе. Эксперимент уже кончился. Сарториус медленно подошел к большой конусной головке аппарата.

– Идем?.. – одними губами спросила Хари.

Я кивнул головой. Она встала. Не прощаясь ни с кем – это выглядело бы слишком бессмысленным, – я прошел мимо Сарториуса.

Высокие окна верхнего коридора заполнял закат исключительной красоты. Это был не обычный, унылый, распухший багрянец, а все оттенки затуманенного, как бы обсыпанного мельчайшим серебром розового цвета. Тяжелая, неподвижно всхолмленная чернь бесконечной равнины океана, казалось, отвечая на это теплое сияние, искрилась мягким буро-фиолетовым отблеском. Только у самого горизонта небо упорно оставалось рыжим.

Внезапно я остановился посередине нижнего коридора. Я просто не мог думать о том, что снова, как в тюремной камере, мы закроемся в кабине, из которой виден только океан.

– Хари, – сказал я, – знаешь... я заглянул бы в библиотеку... Ты ничего не имеешь против?

— О, с удовольствием, поищу что-нибудь почитать, — ответила она с немного искусственным оживлением.

Я чувствовал, что со вчерашнего дня между нами образовалась трещина и что я должен быть с ней добрее, но меня охватила полная апатия. Не знаю, что могло бы меня из нее вывести.

Мы вернулись обратно и вошли в маленький тамбур. Здесь было три двери, а между ними цветы, словно в каких-то витринах за большими кристаллическими стеклами.

Средняя дверь, ведущая в библиотеку, была с обеих сторон покрыта выпуклой искусственной кожей, до которой я почему-то всегда старался не дотрагиваться. В большом круглом зале с потолком, разрисованным стилизованными солнцами, было немного прохладней.

Я провел рукой по корешкам томов солярианской классики и уже хотел взять Гезе, когда неожиданно обнаружил незамеченный в прошлый раз потрепанный томик Гравинского.

Я уселся в мягкое кресло. Было совсем тихо. За моей спиной Хари перелистывала какую-то книжку, я слышал легкий шелест страниц под ее пальцами. Справочник Гравинского был сборником расположенных в алфавитном порядке соляристических гипотез. Компилятор, который ни разу даже не видел Соляриса, перерыл все монографии, протоколы экспедиций, отдельные статьи и предварительные сообщения, использовал работы планетологов, изучающих другие планеты, и создал каталог, несколько пугающий лапидарностью формулировок, которые становились тривиальными, убивая утонченную сложность поро-

дивших эти гипотезы мыслей. Впрочем, в смысле энциклопедичности это произведение представляло скорее ценность курьеза; оно было издано двадцать лет назад, и за это время выросла гора новых гипотез, которые не вместились бы ни в одну книгу. Из авторов, представленных в справочнике, в живых остались немногие, и, пожалуй, никто из них уже не занимался соляристикой активно. Все это охватывающее самые разнообразные направления интеллектуальное богатство создавало впечатление, что какая-нибудь гипотеза просто обязана быть истинной, казалось невозможным, чтобы действительность была совершенно от них отличной, иной, чем мириады выдвинутых предположений. В предисловии к справочнику Гравинский поделил известные ему шестьдесят лет соляристики на периоды. Во время первого, начинающегося с момента открытия Соляриса, никто не предлагал гипотез сознательно. Тогда как-то интуитивно, с точки зрения «здорового смысла», было принято, что океан является мертвым химическим конгломератом, который обладает способностью создавать удивительные формы благодаря своей квазивулканической деятельности и своеобразному автоматизму процессов, стабилизирующих неустойчивую орбиту, подобно тому, как маятник удерживается в однажды заданной плоскости колебаний. Правда, уже через три года Мажино высказался за *живую* природу «студенистой машины», но Гравинский период биологических гипотез датировал лишь на девять лет позднее, когда предположение Мажино, находившегося до этого в полном одиночестве, стало завоевывать многочисленных сторонников. Последующие годы изобиловали очень сложными, под-

крепленными биоматематическим анализом, подробными моделями теоретически живого океана.

Третий период был отмечен распадом почти монолитного единства соляристики и появлением большого количества яростно соперничающих школ. Это было время деятельности Панмаллера, Страбли, Фрейхауза, Легрейе, Осиповича. Все наследство Гезе было подвергнуто тогда уничтожающей критике. Были созданы первые атласы, каталоги, стереофотографии симметриад, которые до тех пор считались формами, не поддающимися изучению; перелом наступил благодаря новым, дистанционно управляемым аппаратам, которые посылались в бурлящие бездны ежесекундно угрожающих взрывом колоссов. Тогда же появились гипотезы минималистов, гласящие, что если даже пресловутого «контакта» с «разумным чудовищем» установить не удастся, то и в этом случае изучение мимойдов и шарообразных гор, которые океан выбрасывает, чтобы затем вновь поглотить, принесет весьма ценные химические и физикохимические знания, новые сведения о структуре гигантских молекул и т. д. Но со сторонниками подобных идей никто даже не вступал в полемику. Это был период, когда появились до сих пор не потерявшие своего значения каталоги типовых метаморфоз или биоплазматическая теория мимойдов Франка, которая, хоть и была отвергнута как ложная, все же осталась великолепным примером интеллектуального размаха и логики.

Эти «периоды Гравинского» были наивной молодостью, стихийным оптимистическим романтизмом, наконец — отмеченной первыми скептическими голосами — зрелостью соляристики. Уже к концу двадцатипятилетия появи-

лись – как возрождение первых, коллоидно-механических – гипотезы, бывшие их запоздалым потомством, об апсихичности океана Соляриса. Всяческие поиски проявления сознательной воли, целесообразности процессов, действий, мотивированных внутренними потребностями океана, были почти всеми признаны каким-то вывихом целого поколения ученых. Яростное стремление опровергнуть их утверждения подготовило почву для трезвых, разработанных аналитически, базирующихся на огромном количестве, старательно подобранных фактов исследований группы Холдена, Эонидаса, Столивы. Это было время стремительного разбухания и разрастания архивов, картотек микрофильмов. Одна за другой отправлялись экспедиции, оснащенные всевозможной техникой – самопишущими регистраторами, отметчиками, зондами, – какую только могла дать Земля. В некоторые годы в исследованиях одновременно участвовало более тысячи человек. Однако уже в то время, когда темп неустанного накопления материалов все еще увеличивался, идея, воодушевившая ученых, становилась все более бесплодной. Начинался период (который трудно точно определить по времени) упадка соляристики.

История изучения Соляриса была отмечена прежде всего большими, яркими индивидуальностями, сильными характерами – Гезе, Штробл, Севда, который был последним из великих соляристов. Он погиб при загадочных обстоятельствах в районе южного полюса планеты, так глупо, как не мог бы погибнуть даже новичок. На глазах у сотни наблюдателей он направил свою летящую над самым океаном машину в глубь «быстренника», который,

это было отчетливо видно, пытался уступить ему дорогу. Говорили о какой-то внезапной слабости, обмороке, неисправности управления... В действительности же это, по моему мнению, было первое самоубийство, первый внезапный взрыв отчаяния. Первый, но не последний.

Постепенно в соляристике оставалось все меньше великих индивидуальностей. Люди больших способностей и большой силы характера рождаются с более или менее постоянной частотой, но неодинаков их выбор. Их присутствие или нехватку в определенной области науки можно, пожалуй, объяснить перспективами, какие она открывает. Различно оценивая классиков соляристики, нельзя отказать им в таланте, может быть, даже в гениальности. Лучших математиков, физиков, известнейших специалистов в области биофизики, теории информации, электрофизиологии молчащий гигант притягивал к себе в течение десятилетий. Потом год от года армия исследователей теряла своих вождей. Осталась серая безымянная толпа терпеливых собирателей фактов, создателей многих оригинальных экспериментов, но не было уже массовых экспедиций в масштабе целой планеты, смелых, объединяющих разнообразные факты и явления гипотез.

Соляристика начинала разваливаться, и как бы аккомпанементом параллельно ее снижающемуся полету, массово расплодились разнящиеся друг от друга лишь второстепенными деталями гипотезы о дегенерации, инволюции, умирании соляристических морей. Время от времени появлялись более смелые, более интересные мысли, но в общем океан был признан *конечным* продуктом развития, который давно, тысячелетия назад, пережил период наи-

высшей организации, а теперь, цельный только физически, уже распадался на многочисленные ненужные, бессмысленные агонизирующие создания.

Я был знаком с оригинальными работами нескольких европейских психологов, которые на протяжении длительного времени изучали реакцию общественного мнения, собирая самые заурядные высказывания, голоса неспециалистов, и показали таким образом удивительно тесную связь между изменениями этого мнения и процессами, происходившими одновременно в научной среде.

Так, в кругах координационной группы Планетологического института, там, где решался вопрос о материальной поддержке исследований, происходили перемены, выражавшиеся в непрерывном, хотя и ступенчатом, уменьшении бюджета соляристических институтов и баз, а также дотаций для экспедиций, отправляющихся на планету.

Голоса, настаивавшие на необходимости свертывания исследований, перемешивались с выступлениями тех, кто требовал применения сильнодействующих средств. Но, пожалуй, никто не зашел дальше административного директора Всемирного Космологического института, который упорно говорил, что живой океан вовсе не игнорирует людей, а просто их не замечает, как слон – муравья, гуляющего по его спине, и, для того чтобы привлечь внимание океана и сконцентрировать его на нас, необходимо применить более мощные импульсы и машины-гиганты в масштабе всей планеты. Пикантной деталью было здесь то, как подчеркивала пресса, что таких дорогостоящих начинаний требовал директор Космологического, а не Планетологического института, который финансировал исследования Соляриса. Это была щедрость за чужой счет.

И снова коловорот новых гипотез, оживление старых, введение в них несущественных изменений...

В результате соляристика оказалась загнанной во все более разветвляющийся, полный тупиков лабиринт. В атмосфере всеобщего равнодушия, застоя и обескураженности другой, бесплодный, никому не нужный бумажный океан сопутствовал океану Соляриса.

«Возможно, мы дошли до поворотного пункта», – думал я. Мнение об отказе, об отступлении сейчас или в недалеком будущем могло взять верх. Даже ликвидацию Станции я не считал невозможной или маловероятной. Но я не верил, чтобы таким способом удалось спасти что-нибудь. Само существование мыслящего колосса никогда уже не даст людям покоя. Пусть мы исходим галактики, пусть свяжемся с иными цивилизациями похожих на нас существ. Солярис будет вечным вызовом, брошенным человеку.

СНЫ

Отсутствие каких-либо реакций заставило нас через шесть дней повторить эксперимент, причем Станция, которая до сих пор находилась неподвижно на пересечении сорок третьей параллели со сто шестнадцатым меридианом, начала двигаться, удерживая высоту четыреста метров над океаном, в южном направлении, где, как показывали радарные датчики и радиограммы сателлоида, активность плазмы значительно увеличилась.

В течение двух суток модулированный моей энцефалограммой пучок рентгеновских лучей каждые несколько

часов ударял в почти совершенно гладкую поверхность океана.

К концу вторых суток мы находились уже так близко от полюса, что, когда почти весь диск голубого солнца прятался за горизонтом, пурпурный ореол вокруг туч на его противоположной стороне возвещал о восходе красного.

Сразу же после захода голубого солнца в северо-западном направлении показалась симметриада, немедленно отмеченная сигнализаторами, пылающая так, что ее почти нельзя было отличить от залитого багрянцем тумана, и выделяющаяся на его фоне только отдельными зеркальными отблесками, как вырастающий там, на стыке неба и плазмы, гигантский стеклянный цветок. Станция, однако, не изменила курса, и через четверть часа гигант, светящийся дрожащим красным светом, словно угасающая рубиновая лампа, скрылся за горизонтом.

И снова минуло двое суток, эксперимент был повторен в последний раз, рентгеновские уколы охватили уже довольно большой кусок океана. На юге показались отчетливо видные, несмотря на то что они были на расстоянии трехсот километров, Аррениды – скалистый клочок суши с шестью как бы покрытыми снегом вершинами. На самом деле это был налет органического происхождения, свидетельствовавший, что эта формация была когда-то дном океана.

Мы сменили курс на юго-восточный и некоторое время двигались параллельно горной цепи, покрытой тучами, характерными для красного дня. Затем горы исчезли. С момента первого эксперимента прошло десять дней.

Все это время на Станции ничего не происходило. Сарториус один раз составил программу эксперимента, и теперь ее повторяла автоматическая аппаратура, я не был уверен даже, что кто-нибудь контролировал ее работу. Но одновременно на Станции происходило гораздо больше событий, чем можно было желать. Правда, люди были здесь ни при чем. Я опасался, что Сарториус будет добиваться возобновления работы над аннигилятором. Кроме того, я ждал реакции Снаута, когда он узнает от Сарториуса, что я его обманул, преувеличив опасность, которую могло вызвать уничтожение нейтринной материи. Однако ничего такого не случилось по причинам, сначала для меня совершенно загадочным. Естественно, я принимал во внимание возможность какого-нибудь подвоха с их стороны. Думал, что они тайно занимаются какими-то приготовлениями и работали. Ежедневно заглядывал в помещение без окон, которое было расположено под главной лабораторией и где находился аннигилятор. Я ни разу не заставал там никого, а тонкий слой пыли, покрывающей аппаратуру, говорил, что к ней много недель никто даже не притрагивался.

Снаут в это время стал таким же невидимым, как Сарториус, и еще более, чем тот, неуловимым – визиофон радиостанции не отвечал на вызовы. Движением Станции кто-то должен был управлять, но не могу сказать, кто, меня это просто не интересовало, хотя, возможно, это и звучит странно. Отсутствие реакций со стороны океана также оставляло меня равнодушным до такой степени, что через два или три дня я почти перестал на них рассчитывать или бояться их и полностью забыл и об океане, и об экспери-

менте. Целыми днями я просиживал либо в библиотеке, либо в кабине с Хари, которая как тень сновала вокруг меня. Я видел, что у нас все нехорошо и что это состояние апатичной и бессмысленной неустойчивости не может тянуться бесконечно. Я должен был как-то его поломать, что-то изменить в наших отношениях, но даже мысль о какой-нибудь перемене я отбрасывал, неспособный принять определенное решение.

Я не могу этого объяснить точнее, но мне казалось, что все на Станции, а особенно то, что существует между Хари и мной, находится в состоянии страшно неустойчивого равновесия и нарушение его может все превратить в развалины. Почему? Не знаю. Самым странным было то, что и она чувствовала, во всяком случае в какой-то мере, что-то похожее. Когда я думаю об этом сейчас, мне кажется, что впечатление неуверенности, временности всего происходящего, надвигающихся потрясений создавала не проявляющаяся никаким другим способом, наполняющая все помещение Станции действительность. Хотя, возможно, была еще одна разгадка: сны. Поскольку я решил записывать их содержание и только поэтому могу о них хоть что-нибудь сказать. Но это тоже только обрывки, лишенные их ужасающего разнообразия.

В каких-то непонятных обстоятельствах, в пространстве, лишенном неба, земли, потолков, полов, стен, я находился как бы смешанный или увязший в субстанции, внешне мне чужой, как если бы мое тело вросло в полуметровую, неповоротливую, бесформенную глыбу, или, точнее, как если бы я сам стал ею. Меня окружали неясные сначала пятна бледно-розового цвета, висающие в про-

странстве с иными оптическими свойствами, чем у воздуха, так что только на очень близком расстоянии предметы становились четкими, и даже чрезмерно, неестественно четкими, так как в этих снах мое непосредственное окружение превосходило конкретностью и материальностью впечатление яви. Я просыпался с парадоксальным ощущением, что явью, настоящей явью был именно сон, а то, что я вижу, открыв глаза, — это только какие-то высохшие тени.

Таким был первый образ, начало, из которого рождался сон. И только о самых простых снах я мог бы что-нибудь рассказать. То, что было в остальных, не имело уже никаких аналогий в реальности.

Были сны, когда в мертвой, застывшей тьме я чувствовал себя предметом деловитых, неторопливых исследований, при которых не использовалось никаких ощущаемых мною инструментов. Это было проникновение, дробление, уничтожение до полной пустоты. Пределом, дном этих молчаливых истребительных попыток был страх, одно воспоминание о котором через много дней учащало сердцебиение.

А дни, одинаковые, как бы поблекшие, полные скучного отвращения ко всему, вяло ползли в беспредельном равнодушии. Только ночей я боялся и не знал, как от них спастись. Бодрствовал вместе с Хари, которой сон был вообще не нужен, целовал ее, ласкал, но знал, что дело тут не в ней и не во мне, что все это я делаю в страхе перед сном, а она, хотя я и не говорил ей об этих потрясающих кошмарах ни слова, должно быть, о чем-то догадывалась, потому что я чувствовал в ее покорности непрекращающееся унижение и ничего не мог с этим поделать.

Я уже говорил, что все время я не виделся ни со Снаутом, ни с Сарториусом. Правда, Снаут каждые несколько дней давал о себе знать, иногда запиской, чаще телефонным звонком. Интересовался, не заметил ли я какого-нибудь появления чего-нибудь, что можно расценить как реакцию, вызванную столько раз повторенным экспериментом. Я отвечал, что не заметил, и сам задавал тот же вопрос. Снаут только отрицательно покачивал головой в глубине экрана.

На пятнадцатый день после прекращения экспериментов я проснулся раньше, чем обычно, настолько измученный кошмаром, словно очнулся от обморока, вызванного глубоким наркозом. Заслонок на окне не было, и я увидел в первых лучах красного солнца, как мертвая равнина незаметно начала волноваться. Ее густой черный цвет сразу же поблек, как бы покрытый тонкой пеленой тумана, но этот туман имел весьма материальную консистенцию. Кое-где в ней образовались центры волнения, и постепенно неопределенное движение охватило все видимое пространство. Черный цвет исчез совсем, его заслонили светло-розовые на возвышениях и жемчужно-бурые во впадинах пленки. Сначала краски чередовались, превращая это удивительное покрывало океана в ряды застывших волн, потом все смешалось, и уже весь океан был покрыт пузырящейся пеной, взлетающей огромными лоскутами вверх и под самой Станцией, и вокруг нее. Со всех сторон одновременно взметались в пустое красное небо перепончатокрылые глыбы пены, распростерты горизонтально, совершенно непохожие на тучи, с шарообразными наростами по краям. Те, которые горизонтальными полосами за-

слонили низкий солнечный диск, были по контрасту с его сиянием черными, как уголь, другие, недалеко от солнца, в зависимости от угла, под которым их освещал свет восхода, рыжели, загорались вишневым цветом, красно-фиолетовым, и весь этот процесс продолжался, будто океан шелушился кровянистыми слоями, то показывая из-под них свою черную поверхность, то скрывая ее новым налетом пены. Некоторые из этих глыб взлетали совсем рядом, сразу же за окнами, на расстоянии каких-нибудь метров, а одна даже скользнула своей шелковистой поверхностью по стеклу. В это время те, которые взлетали раньше, едва виднелись далеко в небе, как разлетевшиеся птицы, и прозрачной пеленой таяли в зените.

Станция застыла в неподвижности и висела так около трех часов, но зрелище продолжалось. Солнце уже провалилось за горизонт, океан под нами покрыла тьма, а рои тонких розоватых силуэтов поднимались все выше и выше, возносясь как на невидимых струнах, неподвижные, невесомые, и это величественное вознесение продолжалось, пока не стало совсем темно.

Все это поражающее своим спокойным размахом зрелище потрясло Хари, но я ничего не мог о нем сказать. Для меня, соляриста, оно было таким же новым и непонятным, как и для нее. Впрочем, не зарегистрированные ни в каких каталогах формы можно наблюдать на Соляри-се два-три раза в год, а если немного повезет, то даже чаще.

Следующей ночью, примерно за час до восхода голубого солнца, мы были свидетелями другого феномена — океан фосфоресцировал. Это явление было уже описано.

Как правило, оно наблюдалось перед появлением асимметриад, вообще же говоря, это был типичный признак локального усиления активности плазмы. Однако в течение последующих двух недель вокруг Станции ничего не произошло. Только однажды глубокой ночью я услышал доносящийся словно ниоткуда и отовсюду сразу далекий крик, необыкновенно высокий, пронзительный и протяжный, какие-то нечеловеческие мощные рыдания. Вырванный из кошмара, я долго лежал, вслушиваясь, не совсем уверенный, что и этот крик не есть сон. Накануне из лаборатории, частично расположенной над нашей кабиной, доносились приглушенные звуки, словно там передвигали что-то тяжелое. Мне показалось, что крик тоже доносится сверху, впрочем, совершенно непонятным способом, так как оба этажа разделялись звуконепроницаемым перекрытием. Этот агонизирующий голос слышался почти полчас. Мокрый от пота, наполовину безумный, я хотел уже бежать вверх, он раздирал мне нервы. Но понемногу голос затих, и снова был слышен только звук передвигаемых тяжестей.

Через два дня, вечером, когда мы с Хари сидели в маленькой кухне, неожиданно вошел Снаут. Он был в костюме, настоящем земном костюме, который его совершенно изменил. Он как будто постарел и стал выше. Почти не глядя на нас, он подошел к столу, наклонился над ним и, даже не сядя, начал есть холодное мясо прямо из банки, заедая его хлебом. Рукав его пиджака несколько раз попал в банку и был весь перепачкан жиром.

— Пачкаешься, — сказал я.

— Гм? — пробурчал он полным ртом.

Он ел, как будто несколько дней у него ничего не было во рту, налил себе полстакана вина, одним духом выпил, вытер губы и, отдышавшись, огляделся налитыми кровью глазами. Потом посмотрел на меня и буркнул:

– Отпустил бороду?.. Ну, ну...

Хари с грохотом бросала посуду в раковину. Снаут начал слегка покачиваться на каблуках, морщился и громко чмокал, очищая языком зубы. Мне казалось, что он делает это нарочно.

– Не хочется бриться, да? – спросил он, назойливо глядя на меня.

Я не ответил.

– Смотри! – бросил он, помедлив. – Не советую. Он тоже первым делом перестал бриться.

– Иди спать, – буркнул я.

– Что? Дураков нет. Почему бы нам не поговорить? Слушай, Кельвин, а может, он нам желает добра? Может, хочет нас осчастливить, только еще не знает как? Он читает желания в наших мозгах, а ведь только два процента нервных процессов сознательны. Следовательно, он знает нас лучше, чем мы сами. Значит, нужно его слушать. Согласиться. Слышишь? Не хочешь? Почему, – его голос плаксиво дрогнул, – почему ты не бреешься?

– Перестань, – проворчал я. – Ты пьян.

– Что? Пьян? Я? Ну и что? Разве человек, который таскает свое дерьмо с одного конца Галактики на другой, чтобы узнать, чего он стоит, не может напиться? Почему? Ты веришь в миссию? А, Кельвин? Гибарян рассказывал мне о тебе до того, как отпустил бороду... Ты точно такой, как он говорил... Не ходи только в лабораторию, потеря-

ешь еще немного веры... Там творит Сарториус, наш Фауст au rebours⁴, ищет средства *против* бессмертия. Это последний рыцарь святого Контакта... его предыдущий замысел тоже был неплох – продолжительная агония. Неплохо, а? Agonia perpetua... соломка... соломенные шляпы... Как ты можешь не пить, Кельвин?

Его почти невидящие глаза с опущенными веками остановились на Хари, которая неподвижно стояла у стены.

– О Афродита белая, океаном рожденная, – начал он декламировать и захлебнулся смехом. – Почти... точно... а, Кельвин? – прохрипел он, кашляя.

Я все еще был спокоен, но это спокойствие начинало переходить в холодную ярость.

– Перестань! – крикнул я. – Перестань и уходи!

– Выгоняешь меня? Ты тоже? Запускаешь бороду и выгоняешь меня? Уже не хочешь, чтобы я тебя предостерегал, чтобы советовал тебе, как один настоящий звездный товарищ другому? Кельвин, давай откроем донные люки и будем кричать ему туда, вниз, может, услышит? Но как он называется? Подумай, мы называли все звезды и планеты, а может, они уже имели название? Что за узурпация? Слушай, пошли туда. Будем кричать... Будем рассказывать ему, что он из нас сделал, пока не ужаснется... выстроит нам серебряные симметриады, и помолится за нас своей математикой, и окружит нас своими окровавленными ангелами, и его мука будет нашей мукой, и его страх – нашим страхом, и будет нас молить о конце. Почему ты смеешься? Я ведь только шучу. Может быть, если

---

⁴ Наоборот (фр.)

бы наша порода имела больше чувства юмора, не дошло бы до этого. Знаешь, что он хочет сделать? Он хочет его покарать, этот океан, хочет довести его до того, чтобы кричал всеми своими горами сразу... думаешь, он не осмелится предложить свой план на утверждение этому склеротическому ареопагу, который нас послал сюда, как искупителей не своей вины? Ты прав, струсит... но только из-за шапочки. Шапочку не покажет никому, он не настолько смел, наш Фауст...

Я молчал. Снаут шатался все сильнее. Слезы текли по его лицу и капали на костюм.

— Кто это сделал? Кто это сделал с нами? Гибарян? Ге-зе? Эйнштейн? Платон? Знаешь, все это были убийцы. Подумай, в ракете человек может лопнуть, как пузырь, или застыть, или изжариться, или так быстро истечь кровью, что даже не крикнет, а потом только косточки стучат по металлу, кружась по ньютоновским орбитам с поправкой Эйнштейна, эти наши погремушки прогресса! А мы охотно... потому что это прекрасная дорога... мы дошли... и в этих клетушках, над этими тарелками, среди бессмертных судомоек, с отрядом верных шкафов, преданных клозетов, мы осуществили... посмотри, Кельвин. Если бы я не был пьян, не болтал бы так, но в конце концов должен это кто-нибудь сказать. Кто в этом виноват? Сидишь тут, как дитя на бойне, и волосы у тебя растут... Чья это вина? Сам себе ответь...

Он тихо повернулся и вышел, на пороге схватился за дверь, чтобы не упасть, и еще долго эхо его шагов возвращалось к нам из коридора.

Я избегал взгляда Хари, но вдруг наши глаза встрети-

лись. Я хотел подойти к ней, обнять, погладить ее по волосам, но не мог. Не мог.

УСПЕХ

Следующие три недели были как бы одним и тем же днем, который повторялся, каждый раз точно такой же, как вчерашний. Заслонки на окне задвигались и поднимались, по ночам меня швыряло из одного кошмара в другой, утром мы вставали, и начиналась игра, если это была игра. Я изображал спокойствие. Хари тоже. Эта молчаливая договоренность, сознание взаимной лжи стало нашим последним убежищем. Мы много говорили о том, как будем жить на Земле, как поселимся где-нибудь у большого города и никогда уже не покинем голубого неба и зеленых деревьев, вместе выдумывали обстановку нашего будущего дома, планировали сад и даже спорили о мелочах...о живой изгороди...о скамейке... Верил ли я в это хотя бы на секунду? Нет. Я знал, что это невозможно. Я знал об этом. Потому что даже если бы она могла покинуть Станцию – живая – то на Землю может прилететь только человек, а человек – это его документы. Наше путешествие закончится на первом же контрольном пункте. Станут выяснять ее личность, и нас разлучат. Станция была единственным местом, где мы могли жить вместе. Знала ли об этом Хари? Наверно. Сказал ли ей кто-нибудь об этом? После всех событий думаю, что да.

Однажды ночью я услышал сквозь сон, что Хари тихонько встает. Я хотел обнять ее. Теперь только молча, только в темноте мы могли еще на мгновение стать сво-

бодными, в забытии, которое окружающая нас безысходность делала только коротенькой отсрочкой новой пытки. Она не заметила, что я проснулся, и, прежде чем я протянул руку, слезла с кровати. Я услышал – все еще полусонный – шлепанье босых ног. Меня охватил неясный страх.

– Хари? – шепнул я. Хотел крикнуть, но не решился и сел на кровати. Дверь, ведущая в коридор, была прикрыта не до конца. Тонкая игла света наискось пронзала кабину. Мне показалось, что я слышу приглушенные голоса. Она с кем-то разговаривала? С кем?

Я вскочил с кровати, но на меня нахлынул такой чудовищный ужас, что ноги отказались повиноваться. Мгновение я стоял, прислушиваясь, было тихо, потом медленно вернулся в постель. В голове бешено пульсировала кровь. Хари скользнула внутрь и застыла, словно вслушиваясь в мое дыхание. Я старался дышать мерно.

– Крис?.. – шепнула она тихонько.

Я не ответил. Она быстро юркнула в постель. Я чувствовал, как она застыла выпрямившись, и неподвижно лежал рядом с ней, не знаю, как долго. Пробовал придумать какой-нибудь вопрос, но чем больше проходило времени, тем лучше я понимал, что не заговорю первый. Через некоторое время, может, через час, я заснул.

Утро было таким же, как всегда. Я подозрительно приглядывался к ней, но только тогда, когда она не могла этого заметить. После обеда мы сидели рядом против изогнутого окна, за которым парили низкие багровые тучи. Станция плыла среди них, словно корабль. Хари читала какую-то книжку, а я находился в том состоянии самозерцания, которое так часто теперь было для меня единст-

венной передышкой. Я заметил, что, наклонив голову определенным образом, могу увидеть наше отражение, прозрачное, но четкое. Я переменял позу и снял руку с подлокотника. Хари – я видел это в стекле – бросила быстрый взгляд, удостоверилась, что я разглядываю океан, нагнулась над ручкой кресла и коснулась губами того места, до которого я только что дотрагивался. Я продолжал сидеть, неестественно неподвижный, а она склонила голову над книгой.

– Хари, – сказал я тихо, – куда ты выходила сегодня ночью?

– Ночью?

– Да.

– Тебе... что-нибудь приснилось. Я никуда не выходила.

– Не выходила?

– Нет. Тебе наверняка приснилось.

– Может быть, – сказал я. – Может быть, мне это и снилось...

Вечером, когда мы ложились, я снова начал говорить о нашем путешествии, о возвращении на Землю.

– Ах, не хочу об этом слышать, – прервала она. – Не надо, Крис. Ты ведь знаешь...

– Что?

– Нет, ничего.

Когда мы уже легли, она сказала, что ей хочется пить.

– Там на столе стоит стакан сока, дай мне, пожалуйста.

Она выпила полстакана и подала мне. У меня не было желания пить.

– За мое здоровье, – усмехнулась она.

Я выпил сок. Он показался мне немного соленым, но я не обратил на это внимания.

– Если ты не хочешь говорить о Земле, то о чем? – спросил я, когда она погасила свет.

– Ты женился бы, если бы меня не было?

– Нет.

– Никогда?

– Никогда.

– Почему?

– Не знаю. Я был один десять лет и не женился. Не будем об этом говорить, дорогая...

У меня шумело в голове, будто я выпил по крайней мере бутылку вина.

– Нет, будем, обязательно будем. А если бы я тебя попросила?

– Чтобы я женился? Чушь, Хари. Мне не нужен никто, кроме тебя.

Она наклонилась надо мной. Я чувствовал ее дыхание на губах, потом она обняла меня так сильно, что охватывающая меня неодолимая сонливость на мгновение отступила.

– Скажи это по-другому.

– Я люблю тебя.

Хари уткнулась лицом в мою грудь, и я почувствовал, что она плачет.

– Хари, что с тобой?

– Ничего. Ничего. Ничего, – повторяла она все тише. Я пытался открыть глаза, но они снова закрывались. Не помню, как я заснул.

Меня разбудил красный свет. Голова была как из свинца, а шея неподвижная, словно все позвонки срослись. Я не мог пошевелить шершавым, омерзительным языком, «Может быть, я чем-нибудь отравился?» – подумал я, с усилием поднимая голову. Я протянул руку в сторону Хари, наткнулся на холодную простыню и вскочил.

Кровать была пуста, в кабине – никого. Красными дисками повторялись в стеклах отражения солнца. Я прыгнул на пол. Должно быть, я выглядел комично, потому что зашатался как пьяный. Хватаясь за мебель, добрался до шкафа – в ванной никого не было. В коридоре и в лаборатории – тоже.

– Хари!! – заорал я, стоя посреди коридора и беспорядочно размахивая руками. – Хари... – прохрипел я еще раз, уже поняв.

Не помню точно, что потом происходило. Наверное, я бегал полуголый по всей Станции. Припоминаю только, что был даже в холодильнике, а потом в самом последнем складе и молотил кулаками в запертую дверь. Может быть, даже я был там несколько раз. Лестницы грохотали, я оборачивался, срываясь с места, снова куда-то мчался, пока не очутился у прозрачного щита, за которым находился выход наружу: двойная бронированная дверь. Я колотил в нее изо всех сил и кричал, требовал, чтобы это был сон. Кто-то уже некоторое время был со мной, удерживал меня, куда-то тянул. Потом я оказался в маленькой лаборатории, в рубашке, мокрой от ледяной воды, со слипшимися волосами, ноздри и язык мне обжигал спирт, я полулежал, задыхаясь, на чем-то холодном, металлическом, а Снаут в своих перепачканных штанах возился у

шкафчика с лекарствами, что-то доставал, инструменты и стекла ужасно гремели.

Вдруг я увидел его перед собой. Он смотрел мне в глаза, внимательный, сгорбившийся.

– Где она?

– Ее нет.

– Но... но Хари...

– Нет больше Хари, – сказал он медленно, выразительно, приблизив лицо ко мне, как будто нанес мне удар и теперь изучал его результат.

– Она вернется... – прошептал я, закрывая глаза. И в первый раз я действительно этого не боялся. Не боялся ее призрачного возвращения. Я не понимал, как мог ее когда-то бояться.

– Выпей это.

Он подал мне стакан с теплой жидкостью. Я посмотрел на него и внезапно выплеснул все содержимое ему в лицо. Он отступил, протирая глаза, а когда открыл их, я уже стоял над ним. Он был такой маленький...

– Это ты?

– О чем ты говоришь?

– Не ври, знаешь о чем. Это ты говорил с ней тогда, ночью. И приказал ей дать мне снотворное?.. Что ты с ней сделал? Говори!!!

Он что-то искал у себя на груди, потом достал измятый конверт. Я схватил его. Конверт был заклеен. Снаружи никакой надписи.

Я лихорадочно рванул бумагу, изнутри выпал сложенный вчетверо листок. Крупные, немного детские буквы, неровные строчки. Я узнал почерк.

«Любимый, я сама попросила его об этом. Он добрый. Ужасно, что пришлось тебя обмануть, но иначе было нельзя. Слушайся его и не делай себе ничего плохого – это для меня. Ты был очень хороший».

Внизу было одно зачеркнутое слово, я сумел его прочитать: «Хари». Она его написала, потом замазала. Была еще одна буква, не то Х, не то К, тоже зачеркнутая. Я уже слишком успокоился, чтобы устраивать истерику, но не мог издать ни одного звука, даже застонать.

– Как? – прошептал я. – Как?

– Потом, Кельвин. Успокойся.

– Я спокоен. Говори. Как?

– Аннигиляция.

– Как же это? Ведь аппарат?! – меня словно подбросило.

– Аппарат Роше не годился. Сарториус собрал другой, специальный дестабилизатор. Маленький. Он действовал только в радиусе нескольких метров.

– Что с ней?

– Исчезла. Блеск и порыв ветра. Слабый порыв. Ничего больше.

– В небольшом радиусе, говоришь?

– Да. На большой не хватило материалов.

На меня начали падать стены. Я закрыл глаза.

– Боже... она... вернется, вернется ведь...

– Нет.

– Как это нет?

– Нет, Кельвин. Помнишь ту возносящуюся пену? С этого времени уже не возвращаются.

– Больше нет?

– Нет.

– Ты убил ее, – сказал я тихо.

– Да. А ты бы не сделал этого? На моем месте.

Я сорвался с места и начал ходить все быстрее. От стены в угол и обратно. Девять шагов. Поворот. Девять шагов.

Потом остановился перед ним:

– Слушай, подадим рапорт. Потребуем связать нас непосредственно с Советом. Это можно сделать. Они согласятся. Должны. Планета будет исключена из конвенции Четырех. Все средства позволены. Доставим генераторы антиматерии. Думаешь, есть что-нибудь, что устоит против антиматерии? Ничего нет! Ничего! Абсолютно ничего! – кричал я, слепой от слез.

– Хочешь его уничтожить? – спросил он. – Зачем?

– Уйди. Оставь меня!

– Не уйду.

– Снаут!

Я смотрел ему в глаза. «Нет», – покачал он головой.

– Чего ты хочешь? Чего ты хочешь от меня?

Он подошел к столу.

– Хорошо. Напишем рапорт.

Я отвернулся и начал ходить.

– Садись.

– Оставь меня в покое.

– Существует две стороны вопроса. Первая – это факты. Вторая – наши требования.

– Обязательно сейчас говорить об этом?

– Да, сейчас.

– Не хочу. Понимаешь? Меня это не касается.

– Последний раз мы посылали сообщение перед смертью Гибаряна. Это было больше двух месяцев назад. Мы должны установить точный процесс появления...

– Не перестанешь? – Я схватил его за грудь.

– Можешь меня бить, – сказал он, – но я все равно буду говорить.

Я отпустил его.

– Делай что хочешь.

– Дело в том, что Сарториус постарается скрыть некоторые факты. Я в этом почти уверен.

– А ты нет?

– Нет. Теперь уже нет. Это касается не только нас. Знаешь, о чем речь? Океан обнаружил разумную деятельность. Он знает строение, микроструктуру, метаболизм наших организмов...

– Отлично. Что же ты остановился? Прodelал на нас серию... серию... экспериментов. Психической вивисекции. Опираясь на знания, которые выкрал из наших голов, не считаясь с тем, к чему мы стремимся.

– Это уже не факты и даже не выводы, Кельвин. Это гипотезы. В некотором смысле он считался с тем, чего хотела какая-то замкнутая, скрытая часть нашего сознания. Это могли быть дары...

– Дары! Великое небо!

Я начал смеяться.

– Перестань! – крикнул он, хватая меня за руку.

Я стиснул его пальцы и сжимал их все сильнее, пока не хрустнули кости. Он смотрел на меня, прищурив глаза. Я отпустил его, отошел в угол и, стоя лицом к стене, сказал:

– Постараюсь не устраивать истерик.

– Все это неважно. Что мы предлагаем?

– Говори ты. Я сейчас не могу. Она сказала что-нибудь, прежде чем?..

– Нет. Ничего. Я считаю, что у нас появится шанс.

– Шанс? Какой шанс? На что? – Внезапно я понял: – Контакт? Снова контакт? Мало мы еще – и ты, ты сам, и весь этот сумасшедший дом... Контакт? Нет, нет, нет. Без меня.

– Почему? – спросил он совершенно спокойно. – Кельвин, ты все еще, а теперь даже больше, чем когда-либо, инстинктивно относишься к нему, как к человеку. Ненавидишь его.

– А ты нет?

– Нет. Кельвин, ведь он слепой...

– Слепой? – Мне показалось, что я ослышался.

– Разумеется, в нашем понимании. Мы не существуем для него, как друг для друга. Лица, фигуры, которые мы видим, позволяют нам узнавать отдельных индивидуумов. Для него все это прозрачное стекло. Он ведь проникал внутрь наших мозгов.

– Ну, хорошо. Но что из этого следует? Что ты хочешь доказать? Если он может оживить, создать человека, который не существует вне моей памяти, и сделать это так, что ее глаза, жесты, ее голос... голос...

– Говори! Говори дальше, слышишь!!!

– Говорю... говорю... Да. Итак... голос... из этого следует, что он может читать в нас, как в книге. Понимаешь, что я хочу сказать?

– Да. Что, если бы хотел, мог бы понять нас.

– Конечно. Разве это не очевидно?

– Нет. Вовсе нет. Ведь он мог взять только производственный рецепт, который состоит не из слов. Это сохранившаяся в памяти запись, то есть белковая структура, как головка сперматозоида или яйцо. В мозгу нет никаких слов, чувств, воспоминание человека – это образ, записанный языком нуклеиновых кислот на молекулярных асинхронных кристаллах. Ну он и взял то, что было в нас лучше всего вытравлено, сильнее всего заперто, наиболее полно, наиболее глубоко отпечатано, понимаешь? Но он совсем не должен был знать, что это для нас значит, какой имеет смысл. Так же как если бы мы сумели создать симметриаду и бросили ее в океан, зная архитектуру, технологию и строительные материалы, но не понимая, для чего она служит, чем она для него является...

– Это возможно, – сказал я. – Да, это возможно. В таком случае он совсем... может, вообще не хотел растоптать нас и смять. Может быть. И только случайно... – У меня задрожали губы.

– Кельвин!

– Да, да. Хорошо. Уже все в порядке. Ты добрый. Он тоже. Все добрые. Но зачем? Объясни мне. Зачем? Для чего ты это сделал? Что ты ей сказал?

– Правду.

– Правду, правду! Что?

– Ты ведь знаешь. Пойдем-ка лучше ко мне. Будем писать рапорт. Пошли.

– погоди. Чего же ты все-таки хочешь? Ведь не собираешься же ты остаться на Станции?..

– Да, я хочу остаться. Хочу.

СТАРЫЙ МИМОИД

Я сидел у большого окна и смотрел в океан. У меня не было никаких дел. Рапорт, отработанный за пять дней, превратился теперь в пучок волн, мчащийся сквозь пустоту где-то за созвездием Ориона. Добравшись до темной пылевой туманности, занимающей объем в восемь триллионов кубических километров и поглощающей лучи света и любые другие сигналы, он натолкнется на первый в длинной цепи ретранслятор. Отсюда, от одного радиобуя к другому, скачками длиной в миллиарды километров он будет мчаться по огромной дуге, пока последний ретранслятор, металлическая глыба, набитая тесно упакованными точными приборами, с удлинённой мордой направленной антенны, не сконцентрирует его последний раз и не швырнет дальше в пространство, к Земле. Потом пройдут месяцы, и точно такой же пучок энергии, за которым потянется борозда ударной деформации гравитационного поля Галактики, отправленный с Земли, достигнет начала космической тучи, проскользнет мимо нее по ожерелью свободно дрейфующих буев и, усиленный ими, не уменьшая скорости, помчится к двум солнцам Соляриса.

Океан под высоким красным солнцем был чернее, чем обычно. Рыжая мгла сплавляла его с небом. День был удивительно душный, как будто предвещал одну из тех исключительно редких и невообразимо яростных бурь, которые несколько раз в году бывают на планете. Существовали основания считать, что ее единственный обитатель контролирует климат и эти бури вызывает сам.

Еще несколько месяцев мне придется смотреть из этих

окон, с высоты наблюдать восходы белого золота и скучного багрянца, время от времени отражающиеся в каком-нибудь жидком извержении, в серебристом пузыре симметриады, следить за движением наклонившихся от ветра стройных быстренников, встречать выветрившиеся, осыпающиеся мимоиды. В один прекрасный день экраны всех визиофонов наполнятся светом, вся давно уже мертвая электронная система сигнализации оживет, запущенная импульсом, посланным с расстояния сотен тысяч километров, извещая о приближении металлического колосса, который протяжно грохоча гравиторами, опустится над океаном. Это будет «Улисс», или «Прометей», или какой-нибудь другой большой крейсер дальнего плавания. Люди, спустившиеся с плоской крыши Станции по трапу, увидит шеренги бронированных, массивных автоматов, которые не делят с человеком первородного греха и настолько невинны, что выполняют любой приказ – вплоть до полного уничтожения себя или преграды, которая стоит у них на пути, если так была запрограммирована их кристаллическая память. А потом звездолет поднимается, обогнав звук, и лишь затем конус разбитого на басовые октавы грохота достигнет океана, а лица всех людей на мгновение прояснятся от мысли, что они возвращаются домой.

Но у меня нет дома. Земля? Я думаю о ее больших, набитых людьми, шумных городах, в которых потеряюсь, исчезну почти так же, как если бы совершил то, что хотел сделать на вторую или третью ночь, – броситься в океан, тяжело волнующийся внизу. Я утону в людях. Буду молчаливым и внимательным, и за это меня будут ценить товарищи. У меня будет много знакомых, даже приятелей, и

женщины, а может, и одна женщина. Некоторое время я должен буду делать усилие, чтобы улыбаться, раскланиваться, вставать, выполнять тысячи мелочей, из которых складывается земная жизнь. Потом все войдет в норму. Появятся новые интересы, новые занятия, но я не отдамся им весь. Ничему и никому никогда больше. И, быть может, по ночам буду смотреть туда, где на небе тьма пылевой тучи, как черная занавеска, задерживает блеск двух солнц, и вспоминать все, даже то, что я сейчас думаю. И еще я вспомню со снисходительной улыбкой, в которой будет немножко сожаления, но одновременно и превосходства, мое безумие и надежды. Я вовсе не считаю себя, того, из будущего, хуже, чем тот Кельвин, который был готов на все для дела, названного Контактom. И никто не будет иметь права осудить меня.

В кабину вошел Снаут. Он осмотрелся, взглянул на меня. Я встал и подошел к столу.

– Тебе что-нибудь нужно?

– Мне кажется, ты изнываешь от безделья, – сказал он, моргая. – Я мог бы тебе дать кое-какие вычисления, правда, это не срочно...

– Спасибо, – усмехнулся я. – Не требуется.

– Ты в этом уверен? – спросил он, глядя в окно.

– Да. Я размышлял о разных вещах и...

– Лучше бы ты поменьше размышлял.

– Ах, ты абсолютно не понимаешь, о чем речь. Скажи мне, ты... веришь в бога?

Он быстро взглянул на меня.

– Ты что?! Кто же в наши дни верит...

В его глазах тлело беспокойство.

– Это не так просто, – сказал я нарочито легким тоном. – Я не имею в виду традиционного бога земных верований. Я не знаток религии и, возможно, не придумал ничего нового... ты, случайно, не знаешь, существовала ли когда-нибудь вера... в ущербного бога?

– Ущербного? – повторил он, поднимая брови. – Как это понять? В определенном смысле боги всех религий ущербны, ибо наделены человеческими чертами, только укрупненными. Например, бог Ветхого завета был жаждущим рабопродажи и жертвоприношений насильником, завидующим другим богам... Греческие боги из-за своей скандальности, семейных распрей были в не меньшей степени по-людски ущербны...

– Нет, – прервал я его – Я говорю о боге, чье несовершенство не является следствием простодушия создавших его людей, а представляет собой его существеннейшее имманентное свойство. Это должен быть бог ограниченный в своем всеведении и всемогуществе, который ошибочно предвидит будущее своих творений, которого развитие предопределенных им самим явлений может привести в ужас. Это бог... увечный, который желает всегда больше, чем может, и не сразу это осознать. Он сконструировал часы, но не время, которое они измеряют. Системы или механизмы, служащие для определенных целей, но они переросли эти цели и изменили им. И сотворил бесконечность, которая из меры его могущества, какой она должна была быть, превратилась в меру его безграничного поражения.

– Когда-то манихейство... – неуверенно заговорил Снаут; сдержанная подозрительность, с которой он обращался ко мне в последнее время, исчезла.

– Но это не имеет ничего общего с первородством добра и зла, – перебил я его сразу же. – Этот бог не существует вне материи и не может от нее освободиться, он только жаждет этого...

– Такой религии я не знаю, – сказал он, немного помолчав. – Такая никогда не была... нужна. Если я тебя хорошо понял, а боюсь, что это так, ты думаешь о каком-то эволюционирующем боге, который развивается во времени и растет, поднимаясь на все более высокие уровни могущества, к осознанию собственного бессилия? Этот твой бог – существо, которое влезло в божественность, как в ситуацию, из которой нет выхода, а поняв это, предалось отчаянию. Да, но отчаявшийся бог – это ведь человек, мой милый. Ты говоришь о человеке... Это не только скверная философия, но и скверная мистика.

– Нет, – ответил я упрямо. – Я говорю не о человеке. Может быть, некоторыми чертами он и отвечает этому предварительному определению, но лишь потому, что оно имеет массу пробелов. Человек, вопреки видимости, не ставит перед собой целей. Их ему навязывает время, в котором он родился, он может им служить или бунтовать против них, но объект служения или бунта дан извне. Чтобы изведать абсолютную свободу поисков цели, он должен был бы остаться один, а это невозможно, поскольку человек, не воспитанный среди людей, не может стать человеком. Этот... мой, это должно быть существо, не имеющее множественного числа, понимаешь?

– А, – сказал он, – и как я сразу... – и показал рукой на окно.

– Нет, – возразил я. – Он тоже нет. Он упустил шанс

превратиться в бога, слишком рано замкнувшись в себе. Он скорее анахорет, отшельник космоса, а не его бог... Он повторяется, Снаут, а тот, о котором я думаю, никогда бы этого не сделал. Может, он как раз подрастает в каком-нибудь уголке Галактики и скоро в порыве юношеского упоения начнет гасить одни звезды и зажигать другие. Через некоторое время мы это заметим...

— Уже заметили, — кисло сказал Снаут. — Новые и Сверхновые... По-твоему, это свечи его алтаря?

— Если то, что я говорю, ты хочешь трактовать так буквально...

— А может, именно Солярис — колыбель твоего божественного младенца, — добавил Снаут. Он все явственнее улыбался, и тонкие морщинки окружили его глаза. — Может, именно он и является, если встать на твою точку зрения, зародышем бога отчаяния, может, его жизненная наивность еще значительно превышает его разумность, а все содержимое наших соляристических библиотек — только большой каталог его младенческих рефлексов...

— А мы в течение какого-то времени были его игрушками, — докончил я. — Да, это возможно. Знаешь, что тебе удалось? Создать совершенно новую гипотезу по поводу Соляриса, а это действительно кое-что! И сразу же получаешь объяснение невозможности установить контакт, отсутствию ответов, определенной — назовем это так — экстравагантности в обхождении с нами; психика маленького ребенка...

— Отказываюсь от авторства, — буркнул стоявший у окна Снаут.

Некоторое время мы смотрели на черные волны. У

восточного края горизонта в тумане вырисовывалось бледное продолговатое пятнышко.

– Откуда у тебя взялась эта концепция ущербного бога? – спросил он вдруг, не отрывая глаз от залитой сиянием пустыни.

– Не знаю. Она показалась мне очень, очень верной. Это единственный бог, в которого я был бы склонен поверить, чья мука не есть искупление, никого не спасает, ничему не служит, она просто есть.

– Мимойд, – совсем тихо, каким-то другим голосом сказал Снаут.

– Что? А, да. Я его уже заметил. Он очень старый.

Мы оба смотрели в подернутую рыжей мглой даль.

– Полечу, – неожиданно сказал я. – Тем более я еще ни разу не выходил наружу, а это удачный повод. Вернусь через полчаса.

– Что такое? – У Снаута округлились глаза. – Полетишь? Куда?

– Туда. – Я показал на маячившую в тумане глыбу. – А почему бы нет? Возьму маленький вертолет. Было бы просто смешно, если бы на Земле мне пришлось когда-нибудь признаться, что я, солярист, ни разу не коснулся ногой поверхности Соляриса.

Я подошел к шкафу и начал рыться в комбинезонах. Снаут молча наблюдал за мной, потом произнес:

– Не нравится мне все это.

– Что? – Держа в руках комбинезон, я обернулся. Меня охватило уже давно не испытанное возбуждение. – О чем ты? Карты на стол! Боишься, как бы я что-нибудь... Чушь! Даю слово, что нет. Я даже не думал об этом. Нет, действительно нет.

– Я полечу с тобой.

– Спасибо, но мне хочется одному. Это что-то новое, что-то совсем новое, – я говорил быстро, натягивая комбинезон.

Снаут бубнил еще что-то, но я не очень прислушивался, разыскивая нужные мне вещи. Когда я надевал скафандр, он вдруг спросил:

– Слушай, слово еще имеет для тебя какую-нибудь ценность?

– О господи, Снаут, ты все о том же! Имеет. И я тебе уже его дал. Где запасные баллоны?

Впервые я был один над океаном; впечатление совершенно иное, чем то, которое испытываешь, глядя из окна Станции. Может, это объяснялось высотой полета; я скользил всего лишь в нескольких десятках метров над волнами. Теперь я не только знал, но и чувствовал, что переливчато, жирно блестящие горбы и провалы раскинувшейся подо мной пучины двигаются не так, как морской прилив или облако, но как животное. Неустанные, хоть и чрезвычайно медленные судороги мускулистого нагого тела – так это выглядело; сонно опадающие хребты волн пылали пенным пурпуром. Когда я развернулся, чтобы выйти точно на курс неспешно дрейфующего мимоида, солнце ударило мне прямо в глаза, заиграло кровавыми молниями в выпуклых стеклах, а сам океан стал чернильно-синим с проблесками темного огня.

Я уравнивал скорость машины с дрейфом мимоида и медленно, метр за метром снижался. Мимоид был небольшой. В длину с километр, а в ширину – несколько со-

тен метров. Он наверняка отломился от какой-то гораздо большей формации; по соляристической шкале он считался мелким осколком, которому было уже бог знает сколько недель и месяцев. Я увидел между жилистыми буграми оползня, над самым океаном, как бы берег – несколько десятков метров покатою, но почти плоской поверхности – и направил туда машину. Сесть оказалось труднее, чем я предполагал, машина чуть не зацепилась винтом за выросшую на глазах стену, но все кончилось благополучно. Я выключил мотор и откинул колпак. Потом проверил, не сползет ли вертолет в океан. Волны лизали зубчатую кромку мимоида в нескольких шагах от моего аэродрома, но машина надежно стояла на широко расставленных лыжах.

Я спрыгнул вниз, немного отошел от вертолета и уселся на шершавую, потрескавшуюся «землю». Черная волна тяжело вползла на берег, расплющилась, стала совсем бесцветной и откатилась, оставив тонкие дрожащие нитки слизи. Я спустился ниже и протянул руку к следующей волне. Она немедленно повторила тот феномен, который люди увидели впервые почти столетие назад, – задержалась, немного отступила, охватила мою руку, не дотрагиваясь до нее, так, что между поверхностью рукавицы и внутренней стенкой углубления, которое сразу же сменило консистенцию, став упругим, осталась тонкая прослойка воздуха. Я медленно поднял руку. Волна, точнее ее узкий язык, потянулась за ней вверх, по-прежнему окружая мою ладонь светлым грязно-зеленым комком. Я встал, так как не мог поднять руку выше, перемычка студенистой субстанции напряглась, как натянутая струна, но не по-

рвалась. Основание совершенно расплющенной волны, словно удивительное существо, терпеливо ожидающее окончания этих исследований, прильнуло к берегу вокруг моих ног, также не прикасаясь к ним. Казалось, что из океана вырос тягучий цветок, чашечка которого окружила мои пальцы, став их точным, только негативным изображением. Я отступил. Стебель задрожал и неохотно вернулся вниз, эластичный, колеблющийся, неуверенный, волна приподнялась, вбирая его в себя, и исчезла за обрезом берега. Я повторил эту игру, и снова, как сто лет назад, какая-то очередная волна равнодушно откатилась, будто насытившись новыми впечатлениями. Я знал, что пробуждения ее «любопытства» пришлось бы ждать несколько часов. Я снова сел, но это зрелище, хорошо известное мне теоретически, что-то во мне изменило. Теория не могла, не сумела заменить реального ощущения.

В зарождении, росте и распространении этого существа, в каждом его отдельном движении и во всех вместе появлялась какая-то осторожная, но не пугливая наивность. Оно страстно, порывисто старалось познать, постичь новую, неожиданно встретившуюся форму и на полдороге вынуждено было отступить, когда появилась необходимость нарушить таинственным законом установленные границы. Эта резвая любознательность совсем не вязалась с гигантом, который, сверкая, простирался до самого горизонта. Никогда я так не ощущал его исполинской реальности, чудовищного, абсолютного молчания.

Подавленный, ошеломленный, я погружался в, казалось бы, недоступное состояние неподвижности, все стремительнее соединялся с этим жидким слепым колоссом и

без малейшего насилия над собой, без слов, без единой мысли прощал ему все.

Всю последнюю неделю я вел себя так рассудительно, что недоверчивый взгляд Снаута перестал меня преследовать. Наружно я был спокоен, но в глубине души, не отдавая себе в этом отчета, чего-то ожидал. Чего? Ее возвращения? Как я мог? Каждый из нас знает, что он – существо материальное, подчиняющееся законам физиологии и физики, и что, даже собрав воедино силы всех наших чувств, мы не можем бороться с этими законами, можем их лишь ненавидеть. Извечная вера влюбленных и поэтов в силу любви, которая переживает смерть, это преследующее нас столетиями *finis vitae, sed non amoris*⁵ – ложь. Однако эта ложь всего лишь бесполезна, но не смешна. А вот быть часами, отмеряющими течение времени, которые поочередно то разбирают, то собирают снова и в механизме которых, едва конструктор впихнет в них колесики, вместе с их первым движением начинает тикать отчаяние и любовь, знать, что ты репетируешь муки, тем глубочайшей, что от многократного повторения она становится комичней? Повторять человеческое существование хорошо, но повторять его так, как пьяница повторяет заигранную мелодию, бросая все новые медяки в музыкальный ящик? Я ни на секунду не верил, что этот жидкий гигант, который уготовил в себе гибель многим сотням людей, к которому десятки лет вся моя раса напрасно пыталась протянуть хотя бы ниточку понимания, что он, поднимающий меня, как пылинку, даже не замечая этого, будет тронут трагедией

---

⁵ Кончается жизнь, но не любовь (лат.)

двух людей. Но ведь его действия были направлены к какой-то цели. Правда, я даже в этом не был до конца уверен. Но уйти – значило отказаться от этого исчезающе маленького, может быть, только в воображении существующего шанса, который скрывало будущее. Итак, годы среди предметов, вещей, до которых мы оба дотрагивались, помнящих еще наше дыхание? Во имя чего? Надежды на ее возвращение? У меня не было надежды. Но жило во мне ожидание, последнее, что у меня осталось от нее. Каких свершений, издевательств, каких мук я еще ожидал? Не знаю. Но я твердо верил в то, что не прошло время ужасных чудес.

*Закопане,
июнь 1959 – июнь 1960*

НЕПОБЕДИМЫЙ

ЧЕРНЫЙ ДОЖДЬ

«Непобедимый», крейсер второго класса, самый большой корабль, которым располагала База в системе Лиры, шел на фотонной тяге. Восемьдесят три человека команды спали в туннельном гибернаторе центрального отсека. Поскольку рейс был относительно коротким, вместо полной гибернации использовался очень глубокий сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов. В рулевой рубке работали только автоматы. В поле их зрения, на перекрестье прицела, лежал кружок солнца, немногим более горячего, чем обычный красный карлик. Когда кружок занял половину площади экрана, реакция аннигиляции прекратилась. Некоторое время в звездолете царила мертвая тишина. Беззвучно работали кондиционеры и счетные машины. Погас вырывавшийся из кормы световой столб, который, пропадая во мраке, как бесконечно длинная шпага, подталкивал корабль, и сразу же прекратилась едва уловимая вибрация. «Непобедимый» шел с прежней околосветовой скоростью, притихший, глухой и, казалось, пустой.

Потом на пультах, залитых багрянцем далекого солнца, пылавшего на центральном экране, начали перемигиваться огоньки. Зашевелились ферромагнитные ленты, программы медленно вползали внутрь все новых и новых приборов, переключатели высекали искры, и ток уплывал по проводам с гудением, которого никто не слышал. Закружились электромоторы, преодолевая сопротивление

давно застывшей смазки и поднимаясь с басов на высокий стон. Матовые слитки кадмия выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы сжимали жидкий натрий в змеевиках охлаждения, по обшивке кормовых отсеков пробежала дрожь, и одновременно легкий шорох из-за бортовых переборок – словно целые стада зверьков носились там, постукивая коготками о металл, – сообщил, что приборы автоматического контроля уже отправились в длинное путешествие, чтобы проверить каждое соединение лонжеронов, герметичность корпуса, прочность металлических швов. Весь корабль наполнился шумами, движением, – он пробуждался, и только команда его еще спала.

Наконец очередной автомат, проглотив свою программу, послал сигнал в мозг гибернатора. К струям холодного воздуха примешался будящий газ. Между рядами коек из палубных решеток повеяло теплым ветром. Но люди словно не хотели просыпаться. Некоторые беспомощно двигали руками; пустоту их ледяного сна заполняли бред и кошмары. Наконец кто-то открыл глаза. Корабль уже ждал. За несколько минут до этого темноту длинных коридоров, шахт подъемников, кают, рулевой рубки, рабочих помещений, шлюзов разогнал бледный свет искусственного дня. И пока гибернатор наполнялся бормотаньем, вздохами и бессознательными стонами, корабль, словно ему было невтерпез, не дожидаясь пробуждения команды, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране вспыхнули полосы носового пламени. В оценивание околосветового разгона ворвался толчок, могучая сила носовых двигателей стремилась уничтожить энергию

восемнадцать тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженных сейчас на его огромную скорость. Повсюду зашевелились, как бы оживая, плохо закрепленные предметы. Стук, звяканье стекла, звон металла, шорох пластиков волной прошли по всему кораблю от носа до кормы. В это время из гибернатора уже доносился шум голосов; люди от небытия, в котором они находились в течение семи месяцев, через короткий сон возвращались к яви.

Корабль терял скорость. Планета закрыла звезды, вся в рыжей вате облаков. Выпуклое зеркало океана, отражавшее Солнце, двигалось все медленнее. На экран выполз бурый, испещренный кратерами континент. Люди, находившиеся в отсеках, ничего не видели. Глубоко под ними в титановом чреве двигателя нарастало сдавленное рычание, чудовищная тяжесть стягивала пальцы с рукояток. Туча, попавшая в огненную струю, засеребрилась ртутным взрывом, распалась и исчезла. Рев двигателей на мгновение усилился. Бурый диск расплющивался, планета превращалась в материк. Уже были видны перегоняемые ветром серпообразные барханы. Полосы лавы, расходящиеся от ближайшего кратера как спицы колеса, переливаясь, отразили пламя ракетных дюз.

– Полная мощность на оси. Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в соседние секторы шкал. Маневр был произведен безошибочно. Корабль, как перевернутый вулкан, извергающий огонь, висел над рябой равниной с утонувшими в песке скальными грядами.

– Полная мощность на оси. Уменьшить статическую тягу.

Уже было видно место, где рвущийся вертикально

вниз столб огня ударял в грунт. Там поднялась рыжая песчаная буря. Из кормы, беззвучные в оглушительном реве газов, стреляли фиолетовые молнии. Разность потенциалов выровнялась, молнии исчезли. Двигатели выли, корабль падал без единого толчка, как подвешенная на невидимых канатах стальная гора.

– Половина мощности на оси. Малая статическая тяга.

Кольцевыми гребнями, как валы настоящего моря, во все стороны разбегались дымящиеся волны песка. Эпицентр, в который с небольшого расстояния било кустистое пламя, уже не дымился – кипел. Песок исчез, он превратился в багровое зеркало, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, в пену грохочущих взрывов и, наконец, испарился. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

– Реакторы на холостой ход. Холодная тяга.

Голубизна атомного огня погасла. Из дюз вырвались наклонные струи бороводорода, и в одно мгновение пустыню, склоны кратеров и тучи над ними залила призрачная зелень. Базальтовый монолит, на который должна была осесть широкая корма «Непобедимого», уже не грозил расплавиться.

– Реакторы ноль. Холодной тягой на посадку.

Сердца людей забились быстрее, глаза приблизились к приборам, рукоятки вспотели в сжатых ладонях. Эти слова означали, что возвращения уже нет, что ноги встанут на настоящий грунт, пусть это только песок пустынного мира, но там будет восход и заход солнца, горизонт, и тучи, и ветер.

– Посадка в точке надира.

Корабль был наполнен воем турбин, нагнетающих вниз горючее. Зеленый, конусно расходящийся столб огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон поднялись тучи песка, перископы центральных отсеков ослепли, только в рубке на экранах радаров неизменно появлялось и гасло изображение местности, тонущей в хаосе тайфуна.

– Стоп в момент контакта.

Огонь гневно бурлил под кормой, его миллиметр за миллиметром сдавливала спускающаяся громада звездолета, зеленое пекло стреляло длинными брызгами в глубь грохочущих песчаных туч. Промежуток между кормой и обожженным базальтом скалы стал узкой щелью, ниточкой зеленого пламени.

– Ноль-ноль. Все двигатели стоп.

Один-единственный удар словно бы огромного разорвавшегося сердца. Звездолет стоял. Главный инженер сжимал рукоятки аварийного реактора: скала могла податься. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали двигаться своими насекомыми скачками. Командир некоторое время не отводил глаз от указателя вертикали: серебристый огонек ни на волосок не отошел от красного нуля. Все молчали. Разогретые до вишневого каления дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хриплое покашливание. Красноватая туча, подброшенная на сотни метров, опускалась. Из нее вырос тупой нос «Непобедимого», его корпус – опаленный трением в атмосфере и поэтому приобретший цвет старой скалы шершавый двойной панцирь. Рыжая пыль все еще клубилась и завихрялась у кормы, но сам корабль стоял прочно, как будто давно уже стал частью планеты и теперь лени-

вым движением, продолжающимся века, вращался вместе с ее воздухом, под фиолетовым небом, в котором были видны наиболее яркие звезды, гаснущие только в непосредственной близости от красного солнца.

– Нормальная процедура?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда вписал условный знак посадки, время и добавил название планеты: «Регис III».

– Нет, Рохан. Начнем с третьей степени.

Рохан старался не показать своего изумления.

– Слушаюсь. Хотя... – добавил он с фамильярностью, которую Хорпах иногда ему позволял, – я предпочел бы не быть тем, кто сообщит об этом команде.

Астрогатор, как бы не слыша слов своего подчиненного, взял его за плечо и подвел к экрану, словно к окну. Отброшенный в стороны реактивной струей песок образовал что-то вроде неглубокой котловины, увенчанной осыпавшимися барханами. С высоты восемнадцати этажей сквозь трехцветную плоскость электронного преобразователя, точно воспроизводившего все, что было снаружи, они видели скалистую пилу кратера, находившегося на расстоянии трех километров от корабля. На западе она исчезала за горизонтом. На востоке под ее обрывами громоздились черные непроницаемые тени. Широкие потоки лавы, выступающие из песка, были цвета засохшей крови. Яркая звезда сверкала в небе, под верхним обрезом экрана. Катаклизм, вызванный появлением «Непобедимого», кончился, и вихрь пустыни, бурный поток воздуха, постоянно несущийся от экваториальных областей к полюсу планеты, уже втискивал первые песчаные языки под корму ко-

рабля, славно стараясь терпеливо зализать рану, нанесенную пламенем двигателей. Астрогатор включил систему наружных микрофонов, и злобный далекий вой вместе с шорохом песка, трущегося по обшивке, наполнил на мгновение высокое помещение рубки. Потом он выключил микрофоны, и стало тихо.

— Так это выглядит, — сказал он медленно. — Но «Кондор» не вернулся отсюда, Рохан.

Рохан стиснул зубы. Он не мог спорить с командиром. Они пролетели вместе много парсеков, но не сдружились. Может быть, разница в возрасте была слишком велика. Или пережитые вместе опасности не так уж значительны. Этот человек, с волосами почти такими же белыми, как его одежда, был беспощаден. Без малого сотня людей неподвижно стояла на постах, кончив напряженную работу. Почти сотня людей, которые месяцами не слышали шума ветра и научились ненавидеть пустоту так, как ненавидит ее лишь тот, кто хорошо знает. Но командир, наверное, не думал об этом. Он медленно прошелся по рубке и, опершись рукой о спинку кресла, буркнул:

— Мы не знаем, что это, Рохан.

И вдруг — резко:

— Чего вы еще ждете?

Рохан быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю систему связи и голосом, в котором все еще дрожало подавленное возмущение, бросил:

— Все отсеки, внимание! Посадка закончена. Планетная процедура третьей степени. Восьмой отсек: подготовить энергоботы! Девятый отсек: включить блоки экранировки! Техники защиты, на свои посты! Остальным занять места по рабочему расписанию! Конец.

Когда Рохан говорил это, глядя на мигающий в такт модуляциям голоса зеленый глазок усилителя, ему казалось, что он видит их потные, поднятые к репродукторам лица, застывшие от удивления и гнева.

– Планетная процедура третьей степени начата, командир, – сказал он, не глядя на старика.

Тот посмотрел на него и неожиданно улыбнулся уголком рта.

– Это только начало, Рохан. Может, будут еще долгие прогулки, кто знает...

Он вынул из небольшого стенного шкафчика тонкий высокий том и положив его на оцетинившийся ручками белый пульт, произнес:

– Вы читали это?

– Да.

– Их последний сигнал, зарегистрированный седьмым гипертранслятором, дошел до ближайшего буя в зоне Базы год назад.

– Я знаю его содержание на память. «Посадка на Регис III закончена. Планета пустынная, типа суб-дельта 92. Высаживаемся на сушу по второй процедуре в экваториальной области континента Эваны».

– Да. Но это был не последний сигнал.

– Знаю. Через сорок часов гипертранслятор зарегистрировал серию импульсов, похожих на азбуку Морзе, но совершенно бессмысленных, а затем – неоднократно повторенные странные звуки. Хертель назвал их «мяуканьем кошек, которых тянут за хвост».

– Да... – протянул астрогатор, но было видно, что он не слушает.

Он снова подошел к экрану. Над нижней кромкой экрана выдвинулись шарнирные звенья аппарели, по которой ровно, как на параде, один за другим сползали энергоботы – тридцатитонные машины, покрытые огнеупорными силиконовыми панцирями. Съезжая с аппарели, боты глубоко окунались в песок, но шли уверенно, вспахивая барханы, которые ветер уже наносил вокруг «Непобедимого». Они расходились в разные стороны, и через десять минут корабль был окружен кольцом металлических черепашек. Остановившись, каждый бот начинал мерно зарываться в песок, пока не исчезал, и только поблескивающие пятна, равномерно расположенные на рыжих склонах барханов, указывали места, где выступали купола эмиттеров Дирака. Покрытый пенопластом стальной пол рубки вздрогнул под ногами. Тела людей прошла короткая, как молния, отчетливая, хотя и едва ощутимая дрожь, а изображение на экране размазалось. Это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, прерванная отдаленным, плывущим из нижних ярусов, урчанием запущенных двигателей. Пустыня, черно-рыжие скальные откосы, шеренги лениво ползущих песчаных волн резко обозначились на экранах. Все осталось прежним, но над «Непобедимым», закрывая доступ к нему, раскинулся невидимый купол силового поля. На аппарели появились инфроботы – металлические крабы с вращающимися мельничками антенн. У них были сплюснутые туловища и изогнутые, расходящиеся в стороны металлические ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытягивая из него глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разбежались и заняли места в разрывах кольца энергоботов. По мере того как развивалась опера-

ция защиты, на центральном пульте рубки зажигались контрольные огоньки, а шкалы импульсных счетчиков набухали зеленоватым светом. Будто десяток больших застывших кошачьих глаз смотрел сейчас на людей. Стрелки всех приборов стояли на нулях, свидетельствуя о том, что никто не пытается проникнуть сквозь невидимую преграду силового поля. Только указатель потребляемой мощности поднимался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

– Я спущусь вниз, перекушу. Проводите стереотип сами, Рохан, – сказал поскучевшим вдруг голосом Хорпах, отрываясь от экрана.

– Дистанционно?

– Если для вас это имеет значение, можете послать кого-нибудь... или пойдите сами.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Рохан еще мгновение видел его профиль в слабом свете лифта, потом кабина беззвучно провалилась вниз. Он взглянул на пульт индикаторов поля. Ноль. «Нужно было начинать с фотограмметрии, – подумал он. – Облетать планету до тех пор, пока не получили бы полного комплекта снимков. Возможно, этим способом и удалось бы что-нибудь обнаружить. Визуальные наблюдения с орбиты немного стоят; континенты – это не море, а все наблюдатели, вместе взятые, – не матросы на марсе. Правда, на комплект снимков потребовался бы без малого месяц».

Лифт вернулся. Рохан вошел в кабину и спустился в шестой отсек. На большой платформе у входа в шлюз толпились люди, которым, собственно, здесь больше нечего было делать, тем более что четыре сигнала, извещающие о

наступлении времени основного приема пищи, повторялись уже минут пятнадцать. Перед Роханом расступились.

– Джордан и Бланк. Пойдете со мной на стереотип.

– Полные скафандры?

– Нет. Только кислородные приборы. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы не завяз в этом проклятом песке. А почему все здесь? Аппетит потеряли?

– Хотелось бы сойти... на берег.

– Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

– Спокойно, ребята. Придет время – сойдете. А сейчас – третья степень...

Расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самых рослых людей. Джордан и Бланк, уже с кислородными приборами, возвращались на электрокаре. Рохан ждал их, опершись о поручни коридора, который теперь, когда корабль стоял на корме, превратился в вертикальную шахту. Он чувствовал над собой и под собой раскинувшиеся ярусы металла, где-то в самом низу работали медленные транспортеры, было слышно слабое чмокание гидравлической системы, а из глубины сорокаметровой шахты всплывала струя холодного чистого воздуха от кондиционеров машинного отделения. Двое из шлюзовой команды открыли им дверь. Рохан проверил положение захватов и прижим маски. Джордан и Бланк вошли за ним, а потом плита тяжело заскрежетала под шагами робота. Раздался пронзительный, протяжный свист воздуха, втягивающегося внутрь корабля. Открылся наружный люк. Аппарель для машин находилась четырьмя этажами

ниже. Чтобы спускаться вниз, люди пользовались малым подъемником, выдвинувшимся из обшивки. Его решетчатая ферма упиралась в вершину бархана. Клеть подъемника была открыта со всех сторон. Воздух был немного холоднее, чем внутри «Непобедимого». Они вошли в клеть вчетвером, магниты отключились, и они плавно спустились с высоты одиннадцати этажей. Рохан машинально проверял состояние обшивки: не очень-то часто случается осматривать корабль снаружи.

«Да, поработал», – подумал он, разглядывая бороздки от метеоритных ударов. Местами плиты обшивки утратили блеск, словно разъеденные сильной кислотой.

Лифт, кончив свой короткий полет, мягко осел на песчаную волну. Люди прыгнули и тотчас провалились выше колен. Только робот, предназначенный для работы в заснеженных местах, шествовал смешным, утиным, но уверенным шагом на своих карикатурно расплющенных ступнях. Рохан приказал ему остановиться, а сам с Джорданом и Бланком тщательно, насколько это было возможно снаружи, осмотрел устья кормовых дюз.

– Им не помешает небольшая шлифовка и продувка, – пробормотал он.

Только выйдя из-под кормы, он увидел, какую огромную тень отбрасывает корабль. словно широкая дорога, тянулась она через холмы, освещенные уже заходящим солнцем. В правильности песчаных волн было особое спокойствие. Их впадины были залиты голубыми тенями, верхушки розовели в сумерках, и этот мягкий румянец напоминал Рохану краски, которые он видел когда-то в детской книжке с картинками. Такой он был неправдоподоб-

но нежный. Рохан медленно переводил взгляд от бархана к бархану, находя все новые оттенки золотистого пламени. Дальше краски становились бурыми, их рассекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в желто-серую пелену, они обволакивали грозно торчащие плиты голых вулканических скал.

Рохан все стоял и смотрел, а его товарищи – без спешки, движениями, ставшими в результате многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие контейнеры пробы воздуха и песка, переносным зондом, бур которого поддерживал арктан, определяли радиоактивность грунта. Маска прикрывала только нос и рот, глаза и голова были открыты, так как Рохан снял легкий защитный шлем. Он чувствовал, как волосы трогает ветер, как на лице оседают мельчайшие зернышки песка, как, щекоча, они забиваются между пластиковой кромкой маски и щекой. Беспокойные порывы ветра играли штанинами комбинезона, огромный словно опухший, солнечный диск, на который можно было смотреть безнаказанно целые секунды, торчал теперь за самой макушкой звездолета. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задерживало движения газов, поэтому Рохан не мог угадать, где встает из песка невидимая стена. Ширь, раскинувшаяся перед ним, была мертвой, как будто никогда не ступала сюда нога человека, как будто не эта планета поглотила корабль с экипажем в восемьдесят человек, корабль класса «Непобедимого», – огромный опытный космопроходец, способный в доли секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в энергетические поля, которые не пробьет никакое материальное

тело, сконцентрировать в уничтожающее излучение с температурой звезд, способное обратить в прах горную цепь или высушить море. И все-таки он пропал здесь, этот могучий стальной организм, построенный на Земле, плод многовекового развития технологии, исчез непонятным образом, без следа, без сигнала SOS, словно растворился в рыжей однообразной пустыне.

«И весь этот континент выглядит так же», – подумал Рохан. Он помнил это хорошо. Видел с высоты оспины кратеров и единственное движение, которое существовало на планете, – неустанное, медленное движение облаков, тащивших свои тени через нескончаемую лавину барханов.

– Активность? – спросил Рохан, не оборачиваясь.

– Ноль, ноль-два, – ответил Джордан и поднялся с колен. Его лицо покраснелось, глаза блестели. Маска делала голос невнятным.

«Это значит – меньше, чем ничего, – подумал Рохан. – Впрочем, они не могли погибнуть от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если бы никто не позаботился о контрольном стереотипе».

– Атмосфера?

– Азота семьдесят восемь процентов, аргона два, двуокиси углерода ноль, метана четыре, остальное кислород.

– Шестнадцать процентов кислорода?! Это точно?

– Точно.

– Радиоактивность воздуха?

– Практически ноль.

Странно! Столько кислорода! Рохан подошел к роботу,

который тотчас же поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, пробовали обойтись без кислородных приборов?» – подумал он, прекрасно понимая, что это невозможно. Правда, время от времени случалось, что какой-нибудь космонавт, больше других тосковавший по дому, вопреки приказам, снимал маску – окружающий воздух казался таким чистым, таким свежим – и отравлялся. Но такое могло случиться с одним, максимум с двумя...

– Закончили?

– Да.

– Возвращайтесь.

– А вы?

– Я еще останусь. Возвращайтесь, – повторил он нетерпеливо.

Ему хотелось побыть одному. Бланк закинул за плечи связанные за ручки контейнеры. Джордан подал роботу зонд, и они пошли, тяжело увязая в песке; арктан шлепал за ними, так похожий сзади на человека в маскарадном костюме.

Рохан подошел к крайнему бархану. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера, одного из создававших защитное силовое поле. Не столько для того, чтобы проверить существование поля, сколько из какого-то детского каприза он зачерпнул горсть песка и бросил ее вверх. Песок полетел стружкой и, как бы наткнувшись на невидимое наклонное стекло, вертикально осыпался на землю.

У него просто руки чесались снять маску. Он хорошо знал это чувство. Выплюнуть пластмассовый мундштук,

сорвать зажимы, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самого дна легких...

«Расклеился я», — подумал Рохан и медленно вернулся к кораблю. Пустая клеть подъемника ждала его, платформа мягко погрузилась в бархан, а ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

В главном коридоре пятого отсека он взглянул на стенной информатор. Командир был в звездной каюте. Рохан поднялся наверх.

— Одним словом — идиллия? — суммировал астрогатор его слова. — Никакой радиоактивности, никаких спор, бактерий, плесени, вирусов, ничего — только кислород... Во всяком случае, пробы нужно высадить в питательную среду...

— Уже в лаборатории. Может быть, жизнь развивается тут на других континентах, — заметил Рохан неуверенно.

— Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной области очень невелика: вы видели толщину ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там минимум восемь, если не все десять километров ледовой коры. Скорее, уж океан — какие-нибудь водоросли, — но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

— Нужно будет в эту воду заглянуть, — сказал Рохан.

— Слишком рано спрашивать наших ученых, но планета кажется мне старой — этому трухлявому яйцу миллиардов шесть лет. Впрочем, солнце тоже довольно давно вышло из периода активной деятельности. Это почти красный карлик. Да, отсутствие жизни на суше странно. Особый род эволюции, которая не переносит суши. Ну, ладно. Это бы объяснило присутствие кислорода, а не исчезновение «Кондора».

– Какие-нибудь формы жизни... Какие-нибудь подводные существа, которые создали цивилизацию там, на дне, – подсказал Рохан.

Они оба смотрели на большую карту планеты, в меркаторовой проекции, очень неточную, так как она была сделана на основании полученных еще в прошлом веке данных автоматических зондов. На ней были показаны лишь контуры основных континентов и морей, границы полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась обведенная черным кружком точка – место, где сел «Непобедимый». Астрогатор нетерпеливо передвинул бумагу на столе.

– Вы в это сами не верите, – обрушился он на Рохана. – Трессор был не глупее нас... Он бы не поддался никаким подводным... Чушь. А впрочем, даже если бы в воде и развились разумные вещества, одной из первых задач было бы освоение суши. Ну, скажем, в скафандрах, наполненных водой... Совершенная чушь, – повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить концепцию Рохана, а потому, что думал уже о чем-то другом.

– Постоим здесь некоторое время... – сказал он наконец и прикоснулся к нижнему краю карты, которая с легким шелестом свернулась и исчезла в глубине одной из полок большого стеллажа. – Подождем и посмотрим...

– А если ничего?.. – спросил Рохан осторожно. – Поищем их?

– Рохан, будьте благоразумны. Шестой звездный год, и такое... – Астрогатор искал нужное определение, не нашел и заменил его небрежным жестом. – Планета величи-

ной с Марс. Как их искать? Я имею в виду «Кондор», – уточнил он.

– М-да... Грунт железистый, – неохотно согласился Рохан.

Действительно, анализы показали большое содержание окислов железа в песке. Значит, ферроиндукционные индикаторы здесь бесполезны. Не зная, что сказать, Рохан умолк. Он был убежден, что командир найдет в конце концов какой-нибудь выход. Не вернутся же они с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на наспуленные кустистые брови Хорпах.

– Честно говоря, я не верю, что ожидание в течение сорока восьми часов что-нибудь нам даст, однако инструкция этого требует, – внезапно признался астрогатор. – Садитесь-ка, Рохан. А то вы стоите надо мной как укор совести. Регис – самое нелепое место, какое только можно себе вообразить. Верх бесполезности. И за каким чертом послали сюда «Кондор»?.. Впрочем, не будем о том, что уже случилось...

Хорпах остановился. Как обычно, когда бывал в плохом настроении, он стал разговорчив, втягивал в спор и даже позволял некоторую фамильярность, что всегда было немного небезопасно, так как в любой момент он мог закончить разговор какой-нибудь резкостью.

– Короче говоря, так или иначе мы должны что-то сделать. Знаете что?.. Выведите-ка несколько малых фотозондов на экваториальную орбиту. Но чтобы это была максимально точная окружность, и на небольшой высоте. Километров так семьдесят.

– Это еще в пределах атмосферы, – запротестовал Рохан. – Они сгорят через несколько десятков витков...

– Пусть горят. Но до этого сфотографируют что смогут. Я бы даже посоветовал шестьдесят километров. Сгорят, возможно, уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с *такой высоты*, могут что-нибудь дать. Вы знаете, как выглядит звездолет с высоты ста километров, даже в лучший телеобъектив? Булавочная головка рядом с ним покажется горным массивом. Сделайте это сейчас...
Рохан!!!

На этот окрик навигатор обернулся уже от двери. Командир бросил на стол протокол с результатом анализа:

– Что это? Что за идиотизм? Кто это писал?

– Автомат. А в чем дело? – спросил Рохан, стараясь говорить спокойно, потому что и в нем начал нарастать гнев.

«Будет теперь ворчать!» – подумал он, подходя умышленно медленно.

– Читайте. Здесь. Вот здесь...

– Метана четыре процента... – прочитал Рохан и ошеломлено остановился.

– Метана четыре процента, а? А кислорода шестнадцать? Вы знаете, что это? Взрывчатая смесь! Может быть, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы садились на бороводороде?

– Действительно... не понимаю... – пробормотал Рохан.

Он быстро подбежал к пульту наружного контроля, засосал в датчики немного воздуха и, пока астрогатор в злобющем молчании прохаживался по рубке, смотрел, как анализаторы старательно постукивают стеклянными сосунами.

– Ну и что?

– То же самое. Метана четыре процента... кислорода шестнадцать... – сказал Рохан.

Правда, он не понимал, как это возможно, однако почувствовал удовлетворение: по крайней мере Хорпаху не в чем теперь его упрекать.

– Покажите-ка... Хм... Метана четыре, м-да... А, к дьяволу, ладно. Рохан, зонды на орбиту, а потом прошу прийти в маленькую лабораторию. В конце концов для чего у нас ученые?! Пускай поломают себе головы...

Рохан спустился вниз, взял двух ракетных техников и повторил им распоряжение астрогатора. Потом вернулся во второй отсек. Здесь размещались лаборатории и каюты специалистов. Он прошел мимо ряда узких дверей с впрессованными в металл табличками: «Г. И. », «Г. Ф», «Г. Б». Двери маленькой лаборатории были широко открыты; сквозь монотонные голоса ученых время от времени пробивался бас астрогатора. Рохан остановился у порога. Здесь собрались все «главные» – главный инженер, биолог, физик, врач – и все технологи из машинного. Астрогатор сидел молча под программирующим устройством настольной счетной машины, а оливковый Модерон со сплетенными руками, маленькими, как у девушки, говорил:

– Я не специалист в химии газов. Во всяком случае, это, вероятно, не обычный метан. Энергия связей другая. Разница лишь в сотых, но есть. Он реагирует с кислородом только в присутствии катализаторов, и то неохотно.

– Какого происхождения этот метан? – спросил Хорпах. Он вертел пальцами.

– Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Это немного, но нет сомнения...

– Есть изотопы? Какой возраст? Как стар этот метан?

– От двух до пятнадцати миллионов лет.

– Ну и точность!

– У нас было всего полчаса времени. Пока мы ничего больше не можем сказать.

– Доктор Гастлер! Откуда появляется такой метан?

– Не знаю.

Хорпах поочередно оглядел своих специалистов. Казалось, он сейчас взорвется, но он вдруг усмехнулся.

– Друзья, вы люди опытные. Мы летаем вместе не первый день. Прошу высказать свое мнение. Что мы должны сейчас делать? С чего начинать?

Поскольку никто не спешил взять слово, биолог Юппе, один из немногих, кто не боялся раздражительности Хорпах, сказал, спокойно глядя командиру в глаза:

– Это не обычная планета класса суб-дельта 92. Если бы она была такой, «Кондор» бы не погиб. Поскольку на его борту были специалисты не хуже и не лучше, чем мы, наверняка можно сказать только одно – их знаний оказалось недостаточно, чтобы избежать катастрофы. Отсюда предложение: мы должны продолжать действовать по процедуре третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что нужно начать геологическое бурение и одновременно заняться здешней водой. Все остальное было бы гипотезами, а в этой ситуации мы не можем позволить себе такой роскоши.

– Хорошо. – Хорпах стиснул зубы. – Бурение в границах силового поля – не проблема. Этим займется доктор Новик...

Главный геолог кивнул головой.

– Что касается океана... Как далеко береговая линия, Рохан?

– Около двухсот километров... – ответил навигатор, совершенно не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Рохан стоял в нескольких шагах за его спиной, у двери.

– Немного далековато. Но не будем трогать корабль. Возьмите столько людей, сколько сочтете необходимым, Рохан. Фитцпатрика или еще кого-нибудь из океанологов и шесть энергоботов резерва. И отправляйтесь на берег. Работать будете только под силовой защитой; никаких прогулок по воде, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться – их у нас не слишком много. Ясно? Можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались между собой.

– В принципе да... – сказал наконец Стормонт, но без особой убежденности.

– Что значит «в принципе»? Можно им дышать или нельзя?

– Такое количество метана небезопасно. Через некоторое время наступит насыщение крови, и это может дать легкие мозговые явления. Обморок... Но не сразу, через час, возможно, через несколько часов.

– А какой-нибудь поглотитель метана?..

– Нет. Производство таких поглотителей просто не окупится, их придется часто менять... Ну а, кроме того, содержание кислорода все-таки низкое. Лично я за кислородные приборы.

– М-м... А остальные тоже?

Витте и Элдьярн согласно кивнули. Хорпах встал.

– Итак, за дело, Рохан! Что с зондами?

– Сейчас будем их запускать. Могу я еще раз проверить орбиту перед запуском?

– Можете.

Рохан прикрыл двери, оставив за ними шум лаборатории. Когда он вошел в рубку, солнце почти село, виден был только краешек темного, фиолетово-пурпурного диска. На его фоне с неестественной четкостью вырисовывался зубастый контур кратера. Небо, в этой области Галактики густо усеянное звездами, казалось сейчас слишком уж огромным. Все ниже вспыхивали большие созвездия, как бы поглощая исчезающую во мраке пустыню. Рохан связался с носовым постом. Там как раз приступали к запуску первой пары фотоспутников. Следующие должны были уйти вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты дадут картину всего экваториального пояса.

– Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу, – повторял в громкоговорителе певучий голос.

Рохан уменьшил громкость и повернул кресло к контрольному пульта. Он никому бы в этом не признался, но его всегда забавляла игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала запылали рубиновым, белым и голубым контрольки бустера. Потом застучал стартовый автомат. Когда его тиканье вдруг прервалось, корпус крейсера слегка вздрогнул. Тотчас пустыня на экранах осветилась фосфорическим блеском. С тонким, предельно напряженным воем, обливая корабль потоком огня,

миниатюрный снаряд вырвался из носовой шахты. Блеск удаляющегося бустера плясал на склонах холмов все слабее и наконец угас. Вой затих, зато безумие световой горячки охватило весь пульт. В спешке вырывались из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, подтверждающе подмигивали жемчужные лампочки дистанционного управления, потом появились похожие на украшенную разноцветными огнями елочку сигналы об отделении очередной выгоревшей ступени, и, наконец, над всем этим радужным муравейником вспыхнул белый, чистый четырехугольник – сигнал того, что спутник вышел на орбиту. Посреди сверкающей снежной поверхности появился серый островок, который превратился в число 67. Это была высота полета. Рохан еще раз проверил элементы орбиты: и перигей, и апогей находились в заданных границах. Ему больше нечего было делать. Он взглянул на бортовые часы, которые показывали восемнадцать, потом на действительные сейчас часы локального времени – одиннадцать часов ночи – и на мгновение закрыл глаза. Он радовался путешествию к океану. Любил действовать самостоятельно.

Рохан ощущал сонливость и голод. Немного поразмышлял, не принять ли тонизирующую таблетку, но решил, что достаточно будет ужина. Вставая, он почувствовал, насколько устал, удивился и от этого немного пришел в себя. Он спустился вниз, в кают-компанию. Там были участники завтрашней экспедиции – два водителя транспортеров, один из них Ярг, которого Рохан любил за его постоянно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они уже кончили

ужинать. Рохан заказал горячий суп, вынул из стенного автомата хлеб и бутылку безалкогольного пива. Он шел с подносом к столу, когда пол слегка вздрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

Ехать ночью командир не разрешил. Отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Строй, в котором они вынуждены были двигаться, из-за его нудной медлительности в шутку называли похоронной процессией. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали остальные машины – универсальные вездеходы на воздушной подушке, вездеходы с радиостанцией и радарными установками, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметичным жилым баракком и малый лазер непосредственного поражения на гусеничном ходу. Рохан устроился вместе с тремя учеными в первом энергоботе. По правде говоря, это было неудобно, они едва поместились, но, по крайней мере, давало иллюзию более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приравливать к самым медленным машинам колонны, то есть к энергоботам.

Поездку нельзя было отнести к разряду изысканных удовольствий. Гусеницы скрежетали и вязли в песке, турбинные двигатели ревели, как комары величиной со слона, из решетчатых кожухов вырывалась струя воздушного охлаждения, а весь энергобот болтался, как тяжелая шляпка на волнах.

Скоро черная игла «Непобедимого» скрылась за горизонтом. Некоторое время колонна двигалась в горизон-

тальных лучах холодного и красного, как кровь, солнца по однообразной пустыне. Постепенно песка становилось все меньше, из него начали высовываться каменные плиты, которые приходилось объезжать. Кислородные маски и вой двигателей не располагали к беседе. Все внимательно рассматривали линию горизонта, но картина была все время одна и та же – нагромождение скал, большие выветрившиеся камни, потом равнина начала опускаться, на дне оврага между отлогими скатами показался узенький, наполовину высохший ручей, вода которого блестела, отражая красный свет. Слой гальки, тянувшийся по обоим берегам ручья, доказывал, что иногда он несет значительно больше воды. Вода была совершенно чистой, довольно жесткой, с примесью окислов железа, и ничтожными следами сульфидов. Отряд двинулся дальше, теперь уже немного быстрее, гусеницы хорошо шли по каменистой почве. На западе появились небольшие утесы.

Последняя машина поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, операторы, склонившиеся к экранам, грызли плитки концентрата, иногда из-под какого-нибудь вездехода стремительно вылетал камень и, как будто вдруг оживая, взмывал вверх. Потом дорогу экспедиции преградили отлогие холмы, голые, с лысыми верхушками. Ученые на ходу взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рохану, что кремнезем органического происхождения. Наконец, когда черносиней полосой блеснуло зеркало воды, обнаружили и известняк.

К берегу машины с грохотом спускались по маленьким плоским камням. Когда до океана, вблизи зеленоватого и с

виду совершенно земного, оставалось сто метров, умолк скрежет гусениц и вой турбин. Теперь началось сложное маневрирование; для того чтобы защитить рабочую группу полем, нужно было ввести головной энергобот в воду на довольно значительную глубину. Предварительно герметизированная машина, управляемая с другого энергобота, вошла в волны, которые бурлили и пенились. Она уползала все глубже, пока не стала едва заметным темным пятном. Только после этого, по сигналу с центрального поста, затопленный колосс выдвинул на поверхность эмиттер Дирака, и когда поле установилось, покрывая невидимым полушарием часть берега и прибрежных вод, началась работа.

Океан был немного менее соленым, чем земной, и никаких потрясающих результатов анализа не приносили. Через два часа было известно примерно столько же, сколько и вначале.

В открытое море выслали два дистанционно управляемых телезонда, и на экранах в центральном посту наблюдали их движение. Но только когда зонды удалились за горизонт, пришли первые существенные известия. В океане жили какие-то животные, внешне напоминающие костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с огромной скоростью, скрываясь в глубине, которая была здесь, по показаниям эхолотов, полтора метра.

Броза заявил, что ему совершенно необходимо иметь хотя бы одну такую рыбу. Началась охота. Зонды гонялись за мелькающими в зеленом мраке теньями, стреляли электрическими разрядами, но рыбы демонстрировали изумительную ловкость. Только после довольно долгой охоты

удалось поразить одну из них. Зонд, схвативший ее своими клешнями, сразу же вызвали к берегу.

Кехлин и Фитцпатрик, управляющие другим зондом, собрали пробы плавающих в волнах волокон, которые показались им чем-то вроде водорослей. Зонд послали на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение затрудняло управление, зонд все время сносило на груду подводных камней. В конце концов камни удалось обойти; как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием помещалась целая колония гибких кистевидных организмов.

Когда оба зонда вернулись под защиту поля и биологи принялись за работу в расставленном за это время бараке, Рохан, Ярл и пятеро остальных участников экспедиции впервые за этот день поели.

Время до вечера ушло на сбор образцов минералов, исследование придонной радиоактивности, измерения инсоляции и еще сотню таких же канительных занятий, которые, однако, необходимо было выполнить добросовестно, даже педантично, чтобы получить достоверные результаты. К наступлению темноты все что можно было сделано, и Рохан со спокойной совестью подошел к микрофону, когда его вызвал Хорпах с «Непобедимого».

Океан был населен живыми существами, упорно избегавшими прибрежной полосы. В организме анатомированной рыбы не удалось найти ничего особенного. Эволюция, по приблизительным данным, продолжалась на планете несколько сотен миллионов лет. Обнаружено значительное количество зеленых водорослей, что объясняло наличие кислорода в атмосфере. Разделение царства живых ор-

ганизмов на растения и животных было типичным; типичными также были костные структуры позвоночных. Единственным органом, обнаруженным у пойманной рыбы, аналогичного которому на Земле биологи не знали, был особый орган чувств, реагирующий на чрезвычайно незначительные изменения напряженности магнитного поля. Хорпах приказал экспедиции возвращаться как можно скорее и, кончая разговор, добавил, что есть новости: похоже, удалось найти место посадки «Кондора».

Несмотря на все протесты биологов, утверждавших, что и несколько недель для исследований было бы слишком мало, барак собрали, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Рохан не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре», он и сам их не знал. Он стремился как можно скорее попасть на корабль, так как надеялся, что командир даст ему какое-нибудь более многообещающее задание. Конечно, сейчас прежде всего необходимо исследовать предполагаемое место посадки «Кондора».

Рохан выжимал из машин всю мощность, и экспедиция возвращалась под аккомпанемент кошмарного скрежета перемалывающих камни гусениц. После наступления темноты зажглись большие прожекторы; картина была необычная и даже грозная — каждую минуту движущиеся столбы света вырывали из тьмы бесформенные, как будто тоже движущиеся силуэты чудовищ, которые оказывались всего лишь скалами — последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось задерживаться у глубоких расщелин, зияющих в базальте. Наконец, уже далеко за полночь они увидели празднично освещен-

ный со всех сторон, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». Во всем пространстве, защищенном силовым полем, сновали вереницы машин, разгружались припасы, топливо, группы людей стояли под аппарелью в ослепительном сиянии прожекторов. Над пляшущими огнями возносился молчаливый, обливаемый световыми пятнами корпус звездолета. Голубые вспышки обозначили проход сквозь силовую защиту, и засыпанные толстым слоем мелкого песка машины одна за другой въехали внутрь кольцевого пространства. Едва прыгнув на землю, Рохан бросился к одному из стоявших вблизи людей, в котором узнал Бланка, и засыпал его вопросами.

Но боцман толком ничего не знал. Рохан услышал от него немного: перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника передали одиннадцать тысяч снимков. По мере поступления снимки наносились на специально обработанные пластины в картографической каюте.

Чтобы не терять времени, Рохан вызвал к себе техника-картографа Эретта и, принимая душ, одновременно расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотокарте «Кондор». Зернышко стали в океане песка пытались обнаружить около тридцати человек одновременно. Кроме планетологов, были мобилизованы картографы, операторы радаров и все пилоты. Они непрерывно просматривали поступающий материал, записывая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но сообщение, переданное Рохану командиром, оказалось ошибкой.

За корабль приняли очень высокий пик, который отбрасывал тень, удивительно похожую на правильную тень ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не было известно.

Рохан хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже ушел отдыхать. В десять часов утра, когда Рохан стоя пил кофе в малой кают-компании радарных операторов, его разыскал Эретт.

– Что, нашли?! – крикнул Рохан при виде возбужденного лица картографа.

– Нет. Но нашли что-то большее. Вас срочно вызывает астрогатор...

Рохану казалось, что застекленный цилиндр лифта ползет невероятно медленно. В полутемной каюте астрогатора было совершенно тихо, только стрекотали реле, а из подающего механизма выползали все новые, поблескивающие влажной поверхностью снимки, но никто не обращал на них внимания. Два техника выдвинули из стенной ниши что-то вроде эпидиаскопа и погасили еще горевшие светильники в тот момент, когда Рохан отворил двери. Тут же засеребрился опущенный сверху экран. В тишине, среди приглушенных вздохов Рохан протиснулся поближе к большому светлому полотнищу. Снимок был не блестящим и вдобавок черно-белым. Среди мелких, беспорядочно разбросанных кратеров обозначилось голое плато, обрывающееся с одной стороны такой ровной линией, словно скалу отсек гигантский нож. Это была береговая линия, остальную часть снимка заливала однородная чернь океана. В некотором отдалении от обрыва раскинулась мозаика не очень четких форм, в двух местах закры-

тая ключьями облаков и тенями от них. Не было никаких сомнений, что эта причудливая, с размытыми деталями формация не является *геологическим* образованием.

«Город...» – возбужденно подумал Рохан, но не сказал этого вслух. Все продолжали молчать, техник у эпидиаскопа напрасно пытался сделать изображение более резким.

– Были помехи приему? – прозвучал в тишине спокойный голос астрогатора.

– Нет, – ответил из темноты Балмин. – Прием был чистым, но это один из последних снимков третьего спутника. Через восемь минут после его передачи спутник перестал отвечать на наши сигналы. Возможно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные повышающейся температурой.

– Высота камеры была не больше семидесяти километров, – слышался другой голос, принадлежавший, как показалось Рохану, одному из лучших планетологов, Мальте. – Я оценил бы ее даже в пятьдесят пять, шестьдесят километров... Прошу взглянуть...

Фигура Мальте заслонила часть экрана. Он приложил к изображению прозрачный пластмассовый шаблон с вырезанными в нем кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка.

– Они явно больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем, добавил Мальте, – это не имеет большого значения. Так или иначе...

Ученый не кончил, но все поняли, что он хотел сказать: в ближайшее время изучим эту область планеты и проверим точность фотографии. Некоторое время все

всматривались в изображение на экране. Рохан уже не был так уверен, что это город или, вернее, его руины. О том, что геометрически правильное образование уже давно покинуто, свидетельствовали тонкие, как черточки, волнистые тени барханов, со всех сторон омывавших сложные конструкции (некоторые из них почти совсем утонули в песчаном разливе пустыни). Кроме того, руины разделяла на две неравные части расширяющаяся по мере продвижения в глубь континента черная зигзагообразная линия – трещина, она пересекала надвое некоторые из больших «зданий». Одно из них, явно упавшее, образовало что-то вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

– Свет, пожалуйста, – раздался голос астрогатора.

Когда стало светло, он взглянул на циферблат стенных часов:

– Через два часа старт.

Послышались недовольные голоса; наиболее энергично протестовали люди Главного биолога, которые во время пробного бурения прошли уже около двухсот метров. Хорпах сделал рукой движение, которое означало, что никакой дискуссии не будет.

– Все механизмы вернуть на борт. Полученные материалы прошу сохранить. Просмотр снимков и оставшиеся анализы должны идти своим чередом. Где Рохан? Ах, вы здесь! Отлично. Вы слышали, что я сказал? Через два часа все люди должны быть на местах по стартовому расписанию

Погрузка спущенных на планету машин шла поспешно, но в полном порядке. Рохан был глух к просьбам Бал-

мина, который умолял разрешить продолжать бурение еще пятнадцать минут.

– Вы слышали, что сказал командир, – повторял он, подгоняя монтажников.

Бурильные установки, временные решетчатые платформы, контейнеры с топливом исчезали в грузовых люках, и только раскрытый грунт напоминал о выполненных работах. Потом внутри корабля исчезли люди. Только тогда зашевелился песок на границе защитного поля, – вызванные по радио, возвращались энергоботы и по одному скрывались в люках корабля. «Непобедимый» втянул внутрь, под бронеовые плиты, аппарель и вертикальную ферму подъемника. Еще мгновение стоял неподвижно, затем однообразный вой вихря сменился металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы, клубы пыли окружили корму, в них забегали зеленые блики, смешивающиеся с красным светом солнца, и в грохоте несмолкающего грома, который встряхнул пустыню и многократным эхом возвратился от скал, корабль медленно поднялся в воздух, чтобы, оставив после себя выжженный круг, остекленевшие барханы и клочья тумана, исчезнуть с нарастающей скоростью в фиолетовом небе.

Когда последний след корабля, обозначенный белой струей пара, растаял в воздухе, а пески покрыли обнаженную скалу и заполнили вырытые ямы, с запада появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, вытянутым клубящимся рукавом окружила место посадки и повисла неподвижно. Так она парила некоторое время. А когда солнце приблизилось к горизонту, из тучи начал падать черный дождь.

СРЕДИ РУИН

«Непобедимый» опустился на тщательно выбранном месте без малого в шести километрах от границы «города». Из рубки «город» просматривался довольно хорошо. Сейчас впечатление, что это искусственные конструкции, было даже сильнее, чем при изучении снимков фотоспутника. Угловатые, разной высоты, гораздо более широкие в основании, чем наверху, они растянулись на многие километры, черно-серые, кое-где металлически поблескивающие. Даже самая сильная оптика не давала возможности различить какие-либо детали: казалось только, что большинство «зданий» дырявые, как решето.

На этот раз потрескивание остывающих дюз еще не прекратилось, когда корабль выдвинул аппарель, ферму подъемника и окружил себя цепочкой энергоботов. Затем под защитой силового поля была сконцентрирована группа из пяти вездеходов, к которой присоединился вдвое больший, чем они, похожий на апокалипсического жука с синеватым панцирем, самоходный излучатель антимагии.

Командиром оперативной группы был Рохан. Он стоял выпрямившись в открытой башенке первого вездехода, ожидая, когда по приказу с «Непобедимого» откроется проход в силовой защите. Два инфоробота на двух ближайших пригорках выстрелили цепочки негаснущих зеленых ракет, показывая дорогу, и, построенная в две колонны, маленькая экспедиция во главе с машиной Рохана двинулась вперед.

Машины пели басами двигателей, фонтаны песка вы-

рывались из-под шаровых колес гигантов, впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, летел разведывательный робот, похожий на плоскую тарелку; струи воздуха, вырывавшиеся из-под него, сдували верхушки барханов, и, казалось, что, пролетая, он разжигает на них невидимый огонь. Поднятая колонной пыль долго не оседала в спокойном воздухе и обозначала путь экспедиции красноватой клубящейся полосой.

Тени, отбрасываемые машинами, становились все длиннее. Приближался заход солнца. Колонна миновала лежавший на ее дороге, почти целиков засыпанный кратер и через двадцать минут достигла границы руин. Две машины с людьми шли внутри подвижной защиты. В пятидесяти метрах позади них покачивался на своих многоэтажных ногах огромный излучатель антиматерии. Через некоторое время после того как машины переползли через что-то похожее на клубок разрубленных металлических тросов или прутьев, пришлось задержаться: одна нога излучателя провалилась в невидимую щель, засыпанную песком. Два арктана спрыгнули с вездехода Рохана и освободили увязшего колосса. Потом группа двинулась дальше.

То, что они называли «городом», в действительности ничуть не походило ни на один из земных городов. Утопленные на неизвестную глубину в подвижных барханах, стояли темные массивы с ошетилившимися поверхностями, не похожие ни на что когда-либо виденное людьми. Конструкции не поддающихся определению форм достигали высоты нескольких этажей. В них не было окон, дверей, даже стен. Одни выглядели как складчатые, расходя-

щиеся в разных направлениях, очень густые сети с утолщенными узлами сплетений, другие напоминали сложные пространственные арабески, какие создали бы взаимно проникающие пчелиные соты, или решетка с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе и в каждой видимой плоскости можно было обнаружить какую-то регулярность, не такую однородную, как в кристалле, но, несомненно, повторяющуюся в определенном ритме. Некоторые конструкции, образованные чем-то вроде призматических, плотно сросшихся ветвей (но эти ветви не росли свободно, как у деревьев или кустов, а составляли либо часть дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально. Встречались, однако, и наклонные, похожие на плечи разводного моста. Ветры, очевидно чаще всего дующие с севера, нагромождали на всех горизонтальных плоскостях и пологих откосах сыпучий песок, так что издали многие из этих руин напоминали невысокие пирамиды, срезанные у вершины. Но вблизи становилось ясно, что их, казалось бы, гладкие поверхности на самом деле являются системой ветвистых, остроконечных стержней, лепестков, кое-где настолько густо переплетенных, что на них удерживался даже песок.

Рохану показалось, что перед ним какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые мертвой, высохшей растительностью. Но и это впечатление исчезало на расстоянии нескольких шагов: правильность, чуждая природным формам, все время прорывалась сквозь хаос разрушения. Руины не были монолитны, в них можно было заглянуть сквозь просветы в металлической чаше, но не

были и пустыми, те же заросли заполняли их и внутри. Отовсюду веяло омертвением, запустением. Рохан подумал об излучателе, но сообразил, что применение силы бессмысленно, поскольку не существует объектов, к которым нужно пробиться.

Вихрь проносил между высокими бастиями облака едкой пыли. Правильную мозаику чернеющих отверстий заполнял песок, осыпающийся струйками, похожими на миниатюрные лавины. Непрекращающийся сыпучий шелест сопровождал людей в течение всего путешествия. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения не давали никаких сигналов. Слышно было только поскрипывание песка да прерывистый вой разгоняющихся двигателей, когда изменялось направление движения; поворачивая, колонна то исчезала в глубокой холодной тени, отбрасываемой гигантскими конструкциями, то снова выныривала на пурпурно горящий песок.

Наконец экспедиция остановилась у тектонического разлома. Это была трещина шириной метров сто, образовавшая провал, вероятно огромной глубины, так как его не заполнили целые водопады песка, непрерывно сбрасываемые вниз порывами ветра. Рохан выслал на другую сторону трещины летающего робота-разведчика. Они наблюдали на экране все, что видел робот своими телеобъективами: картина была такая же, как и на этой стороне. Через час разведчика вернули, и Рохан, посоветовавшись с Балмином и физиком Гралевым, которые сидели в его машине, решил подробно осмотреть несколько развалин.

Сначала они попробовали определить ультразвуковыми зондами, насколько глубокий слой песка, покрывающий

«улицы» мертвого «города». Это была весьма кропотливая работа. Результаты измерений не совпадали между собой, очевидно, потому, что скала основания подверглась внутренней декристаллизации во время катаклизма, при котором образовалась трещина. Можно было считать, что слой песка составляет от семи до двенадцати метров. Колонна направилась на восток, к океану, и, пройдя одиннадцать километров по крутой дороге между чернеющими развалинами, которые становились все ниже, все меньше выступали из песка и, наконец, исчезли совсем, — добралась до обнаженных скал. Здесь она остановилась над обрывом, таким высоким, что шум волн, разбивающихся о его основание, был едва слышен. Пояс блестящей скалы, чистой от песка, неестественно гладкой, образовывал линию обрыва, поднимаясь к северу цепью горных вершин, которые застывшими скачками падали в зеркало океана.

«Город» остался позади. Теперь он выглядел правильным черным силуэтом, утопающим в рыжеватой мгле. Рохан связался с «Непобедимым», передал астрогатору собранную информацию, равную в общем-то нулю, и колонна, по-прежнему принимая все меры предосторожности, вернулась в глубь руин.

По дороге случилось небольшое происшествие. Крайний левый энергобот, вероятно в результате небольшой курсовой ошибки, слишком увеличил радиус силового поля, так что оно зацепило наклоненную к ним остроугольную сотовую «постройку». Соединенный с указателями потребления мощности излучатель антиматерии, который кто-то включил на автоматическое поражение в случае атаки, расценил скачок потребляемой мощности как сиг-

нал, что сделана попытка пробить силовое поле, и выстрелил в ничем не повинные развалины. Вся верхняя часть наклонной «постройки», величиной с земной небоскреб, ослепительно засверкала и в следующее мгновение превратилась в шипящий поток. Экспедиция при этом не пострадала, расплавленные клочья соскользнули с поверхности невидимого купола силовой защиты и, не успев достичь грунта, целиком испарились. Но, зарегистрировав вызванный аннигиляцией скачок радиоактивности, счетчики автоматически включили тревогу, и Рохан, проклиная все на свете и особенно того, кто так запрограммировал аппаратуру, потратил довольно много времени на отмену тревоги и переговоры с «Непобедимым», откуда заметили вспышку и запрашивали о ее причине.

– Пока мы знаем только, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, – сообщил Балмин, который, не обращая внимания на возникший беспорядок, воспользовался случаем и проделал спектральный анализ пламени, охватившего развалины.

– Можете вы оценить возраст? – спросил Рохан, стирая песчаную пыль, осевшую на его руках и лице.

Они уже оставили позади скорченную от жарацелевшую часть развалин, она висела теперь над пробитым ими коридором, как поломанное крыло.

– Нет. Могу только сказать, что все это дьявольски старое. Дьявольски старое, – повторил Балмин.

– Нужно исследовать получше... И незачем просить у старика разрешения, – сказал Рохан с внезапной решимостью.

Они задержались у сложного объекта, образованного

из нескольких сходящихся к центру плечей. Открылась обозначенная двумя огнями щель в силовом поле. Фасад «постройки» образовывали треугольные плиты, покрытые «щеткой» из прутьев, изнутри эти плиты поддерживались системой толстых стержней. У поверхности стержни еще сохраняли какой-то порядок, но в глубине, куда, пользуясь сильными фонарями, попытались заглянуть люди, лес стержней разрастался, расходился от толстых узлов, снова переплетался – все это было похоже на гигантский клубок кабелей. Попытки найти в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, даже радиоактивности не дали результата.

Зеленые огни, обозначающие вход внутрь поля, тревожно мигали. Ветер свистел, проносящиеся сквозь стальную чашу массы воздуха зловеще завывали.

– Что могут означать эти чертовы джунгли?!

Рохан все время стирал с потного лица налипающий песок. Они вместе с Балмином стояли на окруженной низкими поручнями платформе робота, висевшего на высоте полутора десятков метров над «улицей», а точнее, над покрытой песчаными волнами треугольной «площадью» между двумя сходящимися развалинами. Далеко внизу виднелись машины и маленькие фигурки людей.

Робот висел у неровной, ободранной, местами покрытой треугольными плитами поверхности, из которой торчали острия черноватого металла. Отогнутые вверх или вбок плиты позволяли заглянуть в темные внутренности, где бессильно увязал не только солнечный свет, но и луч мощного прожектора.

– Как вы думаете, Балмин, что это может значить? – снова спросил Рохан.

Он был зол. Лоб, который он непрерывно вытирал, покраснел, кожа болела, глаза горели; через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт на «Непобедимый», а он даже не мог найти слов, чтобы описать то, перед чем находился.

— Я не ясновидящий, — ответил ученый. — Я даже не археолог. Впрочем, я думаю, что археолог тоже ничего бы вам не сказал. Мне кажется... — он остановился.

— Говорите же!

— На мой взгляд, это не жилища. Не развалины жилищ каких бы то ни было существ, понимаете? Если это вообще можно с чем-нибудь сравнить, так уж скорее с машиной.

— Что? С машиной? С какой? Информационной? А может, это было что-то вроде электронного мозга...

— Вы и сами в это не верите, — ответил флегматичный планетолог.

Робот сместился вбок, по-прежнему почти касаясь стержней, беспомощно торчавших между погнутыми плитами.

— Нет. Тут не было никаких электрических цепей. Где вы видите что-нибудь похожее на выключатели, изоляторы, экраны?

— Может быть, сгорели. Мог же их уничтожить огонь. Ведь в конце концов это развалины, — ответил неуверенно Рохан.

— Возможно, — неожиданно согласился Балмин.

— И что же я должен сказать астрогатору?

— Лучше всего просто *показать* ему весь этот кавардак.

– Да, это не город... – вдруг произнес Рохан, как бы подытожив мысленно все, что видел.

– Скорее всего, нет, – подтвердил планетолог. – Во всяком случае, не такой, какой мы можем себе вообразить. Здесь не жили ни человекоподобные существа, ни даже отдаленно на них похожие. А жизнь в океане очень близка к земной. Следовательно, и на суше логично было бы ее существование.

– Да. Я об этом все время думаю. Никто из биологов не хочет говорить на эту тему. А как по-вашему?

– Они не хотят об этом говорить потому, что очень уж это неправдоподобно: похоже – что-то не допустило жизнь на сушу... Сделало ее выход из воды невозможным...

– Такая причина могла подействовать когда-то, один раз. Например, очень близкая вспышка Сверхновой. Вы ведь знаете, что дзета Лиры была Новой несколько миллионов лет назад. Возможно, жесткое излучение уничтожило жизнь на суше, а в глубине океана живые организмы уцелели...

– Если бы излучение было таким, как вы говорите, то сейчас удалось бы обнаружить его следы. А грунтовая активность для этих областей Галактики исключительно низка. И кроме того, за миллионы лет эволюция снова бы продвинулась вперед; естественно, еще не появились бы никакие позвоночные, но примитивные прибрежные формы... Вы заметили, что берег совершенно мертвый?

– Заметил. Это действительно имеет такое значение?

– Решающее. Жизнь, как правило, возникает прежде всего на прибрежной отмели, и лишь потом уходит в глубь

океана. И здесь не могло быть иначе. Что-то ее изгнало. И, думаю, не дает выйти на сушу до сих пор.

– Почему?

– Потому, что рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие животные не боялись аппаратов. Они никогда не боятся того, чего не видели.

– Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

– Я не знаю, что они видели. Но зачем им магниточувствительный орган?

– Какая-то дурацкая история, – буркнул Рохан.

Он оглядел ободранные фестоны металла, перегнулся через поручни. Искривленные черные концы прутьев дрожали в потоке воздуха, вырывавшегося из-под робота. Балмин длинными щипцами обламывал торчащие из отверстия стержни.

– Хочу вам сказать только одно, – произнес он. – Здесь не было слишком высокой температуры, никогда не было, иначе бы металл расплавился. Так что ваша гипотеза пожара отпадает.

– Тут развалится любая гипотеза, – проворчал Рохан. – Кроме того, я не вижу, каким образом эту сумасшедшую чашу можно связать с исчезновением «Кондора». Ведь все это абсолютно мертвое.

– Не всегда же оно было таким.

– Тысячу лет назад, согласен, – не было, но несколько лет... Здесь нам больше нечего делать. Возвращаемся назад.

Они больше не разговаривали, пока машина не опустилась около зеленых сигнальных огней. Рохан приказал техникам включить телекамеры и передать изображение

того, что они видели, на «Непобедимый». Сам он заперся в кабине вездехода с учеными. Продув миниатюрное помещение кислородом, они поели и выпили кофе из термосов. Над их головами пылал круглый светильник. Рохану был очень приятен его белый свет. Он уже невзлюбил даже красный день планеты. Балмин плевался – песок, который постепенно забился в мундштук маски, скрипел теперь на зубах.

– Это мне кое-что напоминает, – неожиданно заговорил Гралева, закручивая крышку термоса. Его черные густые волосы блестели над лампой. – Я рассказал бы вам, но при условии, что вы не отнесетесь к моим словам слишком серьезно.

– Если тебе это что-нибудь напоминает, это уже очень много, – ответил Рохан. – Что же именно?

– Непосредственно – ничего. Но я слышал одну историю... Что-то вроде сказки... О лирянах...

– Это не сказка. Они действительно существовали. О них есть целая монография Ахрамяна, – заметил Рохан.

За спиной Гралева начала вспыхивать лампочка – сигнал, что установлена прямая связь с «Непобедимым».

– Да. Пейн допускал, что некоторым удалось спастись. Но это почти наверняка неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

– Шестнадцать световых лет отсюда, – сказал Гралева. – Я не знаю книги Ахрамяна. Но слышал, не помню даже где, историю о том, как они пробовали спастись. Кажется, выслали корабли на все планеты близких к ним звезд. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

– И что дальше?

– Собственно говоря, все. Шестнадцать световых лет не такое уж большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел на Регис...

– Ты допускаешь, что они здесь? То есть их потомки?

– Не знаю. Просто я связал с ними эти развалины. Они могли это построить...

– А как они выглядели? – спросил Рохан. – Были человекоподобными?

– Ахрамян считает, что да, – ответил Балмин. – Но это только гипотеза. От них осталось меньше, чем от австралопитека.

– Странно...

– Вовсе не странно. Их планета больше десятка тысяч лет находилась в хромосфере Новой. Временами температура на поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже гранит нижних слоев коры совершенно переродился. От океанов не осталось и следа, весь шар прожарился, как кость в огне. Подумай, сотня веков в пекле Новой!

– Лиряне здесь? Но для чего же им скрываться? И где?

– Может, они уже вымерли. Впрочем, не требуйте от меня слишком многого. Я просто сказал то, что мне пришло в голову.

Стало тихо. На пульте управления вспыхнул сигнал. Рохан поднялся с места, взял наушники:

– Я Рохан... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Хорошо, сейчас возвращаемся! – Он обернулся. – Вторая группа нашла «Кондор»... Триста километров отсюда...

«КОНДОР»

Издалека звездолет походил на кривую башню. Такое впечатление создавалось из-за формы окружавшего его песчаного вала: западный нанос был гораздо выше восточного. Несколько почти целиком засыпанных тягачей виднелось вблизи корабля. Даже замерший в неподвижности излучатель с поднятым кожухом наполовину занесло песком. Но кормовые дюзы были свободны, корма находилась внутри впадины, куда ветер не задувал. Поэтому достаточно было сгрести тонкий слой песка, чтобы добраться до разбросанных под аппарелью предметов.

Люди с «Непобедимого» задержались на краю впадины. Машины, которые их сюда доставили, уже окружили всю территорию и выброшенные из эмиттеров пучки энергии соединились, образовав защитное поле. Транспортеры и инфороботы остались в нескольких десятках метров от места, где песчаное кольцо опоясывало основание «Кондора».

Аппарель корабля отделяло от грунта около пяти метров, словно что-то внезапно задержало ее движение. Но ферма пассажирского подъемника стояла прочно, а пустая клеть с открытой дверцей, казалось, приглашала войти. Рядом с ней из песка торчало несколько кислородных баллонов. Алюминий баллонов блестел, как будто их бросили здесь совсем недавно. Чуть дальше из бархана высывался какой-то голубой предмет, который оказался пластмассовым контейнером. Впрочем, хаотически разбросанных вещей во впадине под кораблем было множество: консервные банки, целые и опорожненные, теодолиты, фото-

аппараты, бинокли, штативы, фляжки. Одни из них были в полном порядке, другие носили следы повреждений.

«Как будто их выбрасывали из корабля пачками», — подумал Рохан, задирая голову. Наверху темнела щель пассажирского люка, его крышка была приоткрыта.

Небольшой разведывательный отряд Девре, который совершенно случайно наткнулся на мертвый корабль, даже не пытался проникнуть внутрь, а сразу же уведомил базу. Теперь группа Рохана должна была разгадать тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от машин, неся ящики с инструментами.

Заметив небольшой выпуклый бугорок, прикрытый тонким слоем песка, Рохан тронул его носком ботинка, думая, что это какой-то маленький глобус, машинально поднял бледно-желтый шар с земли и вскрикнул. Все повернулись к нему. Рохан держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли еще кости и даже один совсем целый скелет в истлевшем комбинезоне. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще торчал мундштук кислородного прибора, а стрелка манометра застыла на сорока шести атмосферах. Опустившись на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ вырвался с протяжным свистом. В абсолютно сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не тронул стальные части редуктора, и все винты вращались совершенно свободно.

Механизм подъемника можно было привести в движение из кабины, но, очевидно, сеть была обесточена. Рохан несколько раз нажал на кнопки без всякого результата. Взобраться наверх по сорокаметровой ферме лифта было

довольно трудно. Рохан подумал, что придется послать несколько человек на летающей тарелке, но двое техников, связавшись тросом, уже полезли по наружному переплету подъемника. Остальные молча наблюдали их восхождение.

«Кондор» – звездолет точно такого же класса, что и «Непобедимый», – был построен всего на несколько лет раньше, и различить их силуэты было невозможно. Люди молчали. Они предпочли бы увидеть корабль разбитым во время катастрофы – ну хотя бы при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, зарывшись в песок пустыни, мертво наклонившись на одну сторону, словно грунт поддался под тяжестью кормовых опор, окруженный хаосом предметов и человеческих костей и одновременно внешне такой нетронутый, – ошеломило всех. Техники добрались до пассажирского люка и исчезли в нем. Их не было так долго, что Рохан уже начал беспокоиться, но неожиданно лифт вздрогнул, поднялся на метр, а потом снова опустился на песок. В открытом люке показалась фигурка одного из техников, он делал рукой знаки, что все в порядке.

Рохан, Балмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером поехали вверх. По привычке Рохан осматривал могучую выпуклость корпуса, проплывающую за ограждением подъемника, и в первый, но не в последний раз за этот день испытал потрясение. Титано-молибденовые плиты обшивки были сплошь надсверлены или расковыряны каким-то поразительно твердым инструментом; следы были не очень глубокие, но частые, вся наружная оболочка корабля как бы покрылась оспинами. Рохан схватил за плечо Балмина, но тот уже заметил не-

обыкновенное явление. Оба они пытались получше рассмотреть выбитые в панцире неровности. Ямки были мелкие, словно выдолбленные острым концом долота, но Рохан знал, что нет такого долота, которому поддалась бы цементированная поверхность. Это могло быть только результатом какого-то химического воздействия. Но разобратся он не успел, клеть остановилась, и они вошли в шлюз.

Внутри корабля горел свет: техники уже привели в действие аварийный генератор, запускавшийся сжатым воздухом. Очень мелкий песок толстым слоем лежал только около высокого порога. Ветер вдувал его сюда через неплотно закрытый люк. В коридорах песка не было совсем. Помещения третьего отсека были чистыми, холодными, ярко освещенными, кое-где валялись разбросанные предметы – кислородная маска, пластмассовая тарелка, книга, часть комбинезона, – но так было только в третьем отсеке. Ниже, в картографических и звездных каютах, в кают-компании, в каютах экипажа, радарных рубках, в коридорах, господствовал совершенно необъяснимый хаос.

Еще более страшную картину увидели они в центральной рубке. Там не было ни одного уцелевшего стеклышка. Стекла всех аппаратов изготавливались из массы, не дающей осколков, и какие-то поразительно тяжелые удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульта, кресла, даже провода и контакты. В расположенной рядом библиотеке, как высыпанная из мешка крупа, лежали микрофильмы, частью развернутые и сплетенные в большие, скользкие клубки, разодранные книги, поломанные циркули, логарифмические линейки, ленты

спектральных анализов вместе с грудями больших звездных каталогов Камерона, над которым кто-то особенно издевался, яростно, с непонятной настойчивостью вырывая одну за другой толстые, жесткие пластиковые страницы. В клубе и прилегающем к нему зале проходы были завалены баррикадами измятой одежды и кусками кожи, содранной с распотрошенных кресел. Одним словом, по словам боцмана Тернера, все выглядело так, как если бы на корабль напало стадо бешеных павианов. Люди, потеряв дар речи, переходили из одного отсека в другой. В маленькой навигационной каюте у стены покоились высохшие останки человека, одетого в полотняные штаны и перепачканную рубаху. Сейчас его покрывал брезент, брошенный кем-то из вошедших сюда раньше техников. Человек превратился в мумию с побуревшей кожей, присохшей к костям.

Рохан покинул «Кондор» одним из последних. У него кружилась голова, его поташнивало, каждый новый приступ тошноты приходилось подавлять, мобилизуя всю волю. Ему казалось, что он пережил кошмарный, неправдоподобный сон. Однако лица окружающих убеждали его в реальности всего, что он видел. На «Непобедимый» передали короткую радиограмму. Часть команды осталась у «Кондора», чтобы навести на нем хоть какое-то подобие порядка. Перед этим Рохан распорядился сфотографировать все помещения корабля и подробно описать состояние, в котором его нашли.

Они возвращались с Балмином и Гаарбом, одним из биофизиков; вел транспортер Ярг. Его широкое, обычно улыбающееся лицо словно уменьшилось и потемнело.

Многотонная машина двигалась рывками, виляла между барханами, разбрасывая в стороны огромные фонтаны песка. Это было так не похоже на плавную езду всегда уравновешенного водителя. Впереди шел энергобот, создававший силовую защиту. Люди все время молчали, каждый думал о своем. Рохан почти боялся встречи с астрогатором, он не знал, что ему сказать. Один из самых потрясающих – настолько он был бессмысленным – фактов Рохан скрыл от всех. В ванне восьмого отсека он нашел куски мыла с четкими следами человеческих зубов. А ведь на «Кондоре» не могло быть голода, склады ломились от почти не тронутых запасов пищи, даже молоко в холодильниках отлично сохранилось.

На полдороге они приняли радиосигналы какого-то вездехода, который мчался им навстречу, поднимая стену пыли. Они уменьшили скорость, встречная машина тоже притормозила.

В ней ехали двое – уже немолодой техник Магдоу и нейрофизиолог Сакс. Оказалось, что после отъезда Рохана в губернаторе «Кондора» было обнаружено замороженное человеческое тело. Возможно, что человека еще удалось бы оживить. Сакс вез всю необходимую аппаратуру с «Непобедимого». Рохан решил вернуться, мотивируя это тем, что вездеход ученого не имел силовой защиты. На самом деле он просто воспользовался случаем оттянуть разговор с Хорпахом. Ярг развернул машину, и они отправились обратно.

Вокруг «Кондора» суетились люди. Они вытаскивали из песка все новые и новые предметы. Отдельно, под белыми покрывалами, лежали трупы, их было уже больше

двадцати. Аппарель действовала, даже реактор, использовавшийся на стоянках, давал ток. Вездеходы были замечены издалека по поднятой пыли, им открыли проход через силовое поле. Сакса ждал врач, маленький доктор Нигрен, один он не захотел даже осматривать найденного в гибернаторе человека.

Рохан, используя свою привилегию – как-никак он здесь замещал командира, – поднялся с обоими врачами на корабль. Обломки, которые до этого загромождали проход к гибернатору, были убраны. Стрелки показывали семнадцать градусов холода. Медики молча переглянулись, но Рохан сколько-то знал о гибернаторе, чтобы понять, что для полной обратимой смерти температура слишком высока, а для гипотермического сна слишком низка. Было не похоже, что человека, находившегося внутри, специально подготовили к пребыванию в определенных условиях, скорее, он оказался там случайно. Это было непонятно и бессмысленно, как, впрочем, и все остальное на «Кондоре». Действительно, когда они оделись в термокомбинезоны и, открутив маховики, открыли тяжелую дверь, то увидели распростертую на полу полураздетую фигуру, лежащую лицом вниз. Рохан помог врачам перенести человека на маленький стол под тремя бестеневыми лампами. Рохан боялся его лица, он знал многих ребят с «Кондора». Но этот был ему незнаком. Если бы тело не было таким холодным и твердым, можно было бы подумать, что человек спит. Веки его были закрыты, в сухом, герметичном помещении кожа не утратила естественного цвета, разве что немного побледнела. Но ткани под ней были наспигованы микроскопическими кристалликами льда. Оба врача снова

молча переглянулись и начали приготавливать свои инструменты. Рохан сел на одну из пустых, аккуратно застеленных коек, – в губернаторе сохранился обычный безукоризненный порядок. Несколько раз звякнули инструменты, врачи пошептались. Вдруг Сакс сказал, отходя от стола:

– Ничего не удастся сделать.

– Умер, – скорее делая из его слов единственно возможное заключение, чем задавая вопрос, выдавил Рохан.

В это время Нигрен подошел к пульта кондиционера. Через некоторое время повеяло теплым воздухом. Рохан встал, чтобы выйти, когда увидел, что Сакс возвращается к столу. Врач поднял с пола небольшую черную сумку, открыл ее и достал аппарат, о котором Рохан уже много раз слышал, но которого никогда не видел. Сакс очень спокойными движениями педантично разматывал провода, оканчивающиеся плоскими электродами. Приложив шесть электродов к голове трупа, он обмотал их эластичной лентой, потом, присев на корточки, вынул из сумки три пары наушников, одни надел сам и, по-прежнему наклонившись, покрутил ручки прибора, находившегося в сумке. Его лицо с закрытыми глазами приобрело выражение полной сосредоточенности. Вдруг он нахмурил брови, наклонился еще ниже, перестал вращать ручки и, быстро сняв наушники, сказал каким-то странным голосом:

– Коллега Нигрен...

Маленький доктор взял от Сакса наушники.

– Что?.. – почти беззвучно, одними губами спросил Рохан.

Аппарат этот на их жаргоне назывался «выстукивате-

лем гробов». У человека, умершего недавно (или если труп не начал разлагаться, как в этом случае, из-за действия низкой температуры), можно было «подслушивать мозг», вернее, то, что составляло последнее содержание сознания. Аппарат посылал в мозг электрические импульсы, и они проходили по цепи наименьшего сопротивления – по тем нервным волокнам, которые объединяло функциональное единство в предагональный период. В результатах никогда нельзя было быть уверенным, но ходили слухи, что несколько раз таким способом удалось получить информацию необычайной важности. Сейчас, когда очень многое зависело от того, удастся ли приоткрыть краешек тайны, скрывающей трагедию «Кондора», применение «выстукивателя гробов» было необходимым. Рохан уже понял, что нейрофизиолог с самого начала не рассчитывал на оживление замерзшего человека и приехал сюда только затем, чтобы прослушать его мозг. Он стоял неподвижно, ощущая сухость во рту и тяжелые удары сердца, когда Сакс протянул ему свободные наушники. Если бы не простота, обыденность этого жеста, Рохан не решился бы надеть их. Но он сделал это под взглядом спокойных темных глаз Сакса, который, стоя на одном колене у аппарата, понемногу поворачивал ручку усилителя.

Сначала не было слышно ничего, кроме слабого шума, и Рохан почувствовал облегчение – он и не хотел ничего слышать. Он предпочел бы, хотя и не отдавал себе в этом отчета, чтобы мозг незнакомого ему человека был нем, как камень. Сакс, поднявшись с пола, поправил у него на голове наушники. Тогда Рохан сквозь свет, заливающий белую стену каюты, увидел серое изображение, как будто

засыпанное пеплом, затуманенное и повисшее в неизвестной дали. Он невольно закрыл глаза, и изображение стало почти четким. Это был какой-то проход внутри корабля, с протянувшимися под потолком трубами, во всю ширину заваленный человеческими телами. Кажется, они двигались, а может, это дрожало видение. Людей покрывали лохмотья одежды, а их неестественно белую кожу усеивало множество темных пятнышек, похожих на какую-то сыпь, а может, и это тоже было только случайным побочным эффектом, потому что такие черные запятыя виднелись и на полу, и на стене. Вся эта картина, как нечеткая фотография, снятая через толщу текущей воды, растягивалась, корчилась, колебалась. Охваченный ужасом, Рохан резко открыл глаза, картина посерела и почти исчезла, лишь легкой тенью заслоняя ярко освещенную стену. Но Сакс снова притронулся к ручкам прибора, и Рохан услышал — не ушами, а как бы внутри собственного мозга — слабый шепот:

— ...ала...ама...лала...ала...ма...мама

И ничего больше. Неожиданно наушники мяукнули, загудели и наполнились повторяющимся, словно сумасшедшая икота, пением, каким-то диким смехом, язвительным и страшным, но это был только ток, просто гетеродин начал генерировать слишком мощные колебания...

Сакс свернул провода, сложил их и сунул в сумку. Нигрен поднял край простыни и набросил на мертвеца, рот которого, до сих пор плотно сжатый, теперь, наверное под действием тепла (в гибернаторе было уже почти жарко — во всяком случае, у Рохана по спине текли струйки пота), слегка приоткрылся и приобрел выражение чрезвычайного удивления. Так он и исчез под белым саваном.

– Скажите что-нибудь... Почему вы ничего не говорите?! – выкрикнул Рохан.

Сакс затянул ремешки футляра, встал и подошел к нему:

– Спокойно, Рохан... Возьмите себя в руки...

Рохан зажмурил глаза, стиснул кулаки, весь напрягся, но напрасно. Как обычно в такие минуты, его охватило бешенство. Сдерживаться было страшно трудно.

– Простите... – выдавил он. – Так что же это значит?

Сакс сбросил слишком свободный для него комбинезон, и кажущаяся его полнота исчезла. Он снова стал худым, сутулым человеком, с узкой грудью и тонкими нервными руками.

– Я знаю не больше, чем вы, – произнес он. – А может, и меньше.

Рохан ничего не понимал, но зацепился за его последние слова:

– То есть как?.. Почему меньше?

– Меня здесь не было, – я не видел ничего, кроме этого трупа. А вы здесь с утра. Эта картина вам ничего не говорит?

– Нет. Они... они шевелились. Они еще жили тогда? Что на них было? Какие-то пятнышки...

– Они не шевелились. Это иллюзия. Энграммы фиксируются так же, как обычные фотографии. Иногда бывает совмещение нескольких изображений, но в данном случае ничего подобного не было.

– А пятнышки? Они тоже иллюзия?

– Не знаю. Возможно. Но мне кажется, что нет. Как вы думаете, Нигрен?

Маленький доктор тоже освободился от термокомбинезона.

– Не знаю, – сказал он. – Возможно, это и не артефакт. На потолке их ведь не было, правда?

– Пятнышек? Нет. Только на людях... И на полу. И несколько на стенах...

– Если бы была другая проекция, они, наверное, покрывали бы все изображение, – сказал Нигрен. – Но ругаться трудно. Слишком много случайного...

– А голос? Это... бормотание? – в отчаянии допытывался Рохан.

– Одно слово было отчетливым. «Мама». Вы слышали?

– Да. Но там было еще что-то. «Ала»... «лала»... это повторялось...

– Повторялось, потому что я прослушал всю теменную область, – буркнул Сакс. – То есть всю зону слуховой памяти, – объяснил он Рохану. – Вот что самое удивительное.

– Эти слова?..

– Нет. Не слова. Умиравший может думать о чем угодно. Если бы он думал о матери, это было бы вполне нормально. Но слуховая зона его коры пуста. Абсолютно пуста, понимаете?

– Нет. Ничего не понимаю. Что значит – пуста?

– Обычно сканирование теменных слоев не дает результатов, – пояснил Нигрен. – Там слишком много энграмм, слишком много закрепленных слов. Результат такой же, как если бы вы пытались читать сто книг одновременно. Получается хаос. А у него, – Нигрен взглянул

на длинную фигуру под простыней, – там не было ничего. Никаких слов, кроме этих нескольких слогов.

– Да. Я прошел от сенсорного центра речи до Sulcus Rolandi, – сказал Сакс. – Поэтому те слоги и повторялись в мозге; это были последние фонетические структуры, которые уцелели.

– А остальные? Другие?

– Их нет. – Сакс, словно потеряв терпение, поднял тяжелый прибор так резко, что закрипела кожаная ручка. – Их просто нет, и все. И не спрашивайте меня, что с ними случилось. Этот человек утратил всю слуховую память.

– А изображение?

– Изображение другое дело. Он это видел. Хотя мог даже не понимать, что видит. Фотоаппарат тоже не понимает, но фиксирует то, на что его направляют. Впрочем, я не знаю, понимал он или нет. Помогите мне, коллега.

Врачи, взяв аппарат, вышли. Дверь закрылась. Рохан остался один. Его охватило такое отчаяние, что он подошел к столу, поднял покрывало, отбросил его и, расстегнув на мертвом рубашку, – она уже оттаяла и стала совсем мягкой, – внимательно осмотрел его грудь. Прикоснувшись к ней, Рохан вздрогнул. К коже вернулась эластичность; по мере того как ткани оттаивали, мышцы расслаблялись, и голова, до сих пор неестественно поднятая, бесильно упала. Человек словно и вправду спал.

Рохан искал следов какой-нибудь загадочной эпидемии, отравления, укусов, но не нашел ничего. Два пальца левой руки мертвеца разогнулись, открыв маленькую ранку. Ее края слегка разошлись, ранка начала кровоточить. Красные капли падали на белую простыню. Этого Рохан

уже не мог выдержать. Даже не закрыв мертвеца саваном, он выбежал из каюты и, расталкивая находившихся в коридоре людей, бросился к главному выходу так стремительно, словно за ним кто-то гнался.

Ярг задержал его у шлюза, помог надеть кислородный прибор, даже воткнул в рот мундштук.

– Ничего не известно?

– Нет, Ярг. Ничего. Ничего!

Он не понимал, с кем спускается в лифте вниз. Незаглушенные двигатели машины ревели. Ветер усиливался, и волны песка, накатываясь, скрипели о поверхность корпуса, шершавую и неровную. Рохан совсем забыл об этом. Он подошел к корме и, поднявшись на цыпочки, притронулся кончиками пальцев к толстой металлической плите. Панцирь походил на скалу, очень старую, выветрившуюся скалу, ошетилившуюся твердыми бугорками неровностей. Он видел между транспортерами высокую фигуру инженера Ганонга, но даже не пробовал спросить его об этом феномене. Инженер знал столько же сколько он сам. То есть ничего. Ничего.

Рохан возвращался с несколькими людьми, сидя в углу кабины небольшого вездехода. Словно издали он слышал их голоса. Боцман Тернер говорил что-то об отравлении, но его перебили:

– Отравление? Чем? Все фильтры в полном порядке! Резервуары полны кислорода! Запасы воды не тронуты... Еды по горло...

– Видели, как выглядел тот, которого нашли в малой навигационной? – спросил Бланк. – Мой знакомый... Ни за что бы его не узнал, но у него был такой перстень...

Ему никто не ответил.

Вернувшись на базу, Рохан пошел прямо к Хорпаху. Тот уже сориентировался в обстановке благодаря телевизионной связи и рапорту группы, вернувшейся раньше с несколькими сотнями снимков. Избавившись от необходимости что-нибудь рассказывать командиру, Рохан почувствовал невольное облегчение.

Астрогатор, встав из-за стола, на котором лежали карты, заваленные фотографиями, внимательно оглядел Рохана. Они были одни в большой навигационной каюте.

– Возьмите себя в руки, Рохан, – сказал Хорпах. – Я понимаю, что вы чувствуете, но прежде всего нам нужно хладнокровие. И спокойствие. Мы должны разобраться в этой сумасшедшей истории.

– Они имели все средства защиты: энергоботы, лазеры, излучатели. Большой антимагнит стоит рядом с кораблем. У них было все, что есть у нас, – бесцветным голосом сказал Рохан. Внезапно он сел. – Простите... – пробормотал он.

Астрогатор вынул из стенного шкафчика бутылку коньяка:

– Старое средство иногда бывает полезно. Выпейте-ка, Рохан. Этим когда-то пользовались на полях сражений...

Рохан молча проглотил обжигающую жидкость.

– Я проверил счетчики всех агрегатов мощности, – сказал он таким тоном, будто жаловался. – Их никто не атаковал. Они не сделали ни одного выстрела. Просто, просто...

– Сошли с ума? – спокойно подсказал астрогатор.

– Хотел бы я хоть в этом быть уверен. Но как такое могло случиться?

- Вы видели бортовой журнал?
- Нет. Гаарб забрал его. Он у вас?
- Да. После даты посадки там только четыре записи.

Они касаются тех развалин, которые мы видели, и «мушек».

- Не понимаю. Каких мушек?
- Этого я не знаю. Дословно запись звучит так.

Хорпах поднял со стола раскрытую книгу:

– «Никаких признаков жизни на суше. Состав атмосферы...» Тут данные анализов... ага, вот... «В 18. 40 второй патруль, возвращающийся из развалин, попал в локальную песчаную бурю со значительной активностью атмосферных разрядов. Радиосвязь поддерживалась несмотря на помехи. Патруль сообщает о большом количестве мушек, заполняющих...»

Астрогатор умолк и отложил книжку.

- А дальше? Почему вы не кончили?
- Это все. Здесь обрывается последняя запись.
- И больше там ничего нет?
- Остальное вы можете увидеть.

Он придвинул к нему открытую книгу. Страница была покрыта каракулями. Рохан всматривался в хаос пересекающихся линий расширенными глазами.

- Тут как будто буква «Б»... – сказал он тихо.
- Да. А здесь «Г». Большое «Г». Словно ребенок писал... Вам не кажется?

Рохан молчал, держа в руке пустой стакан. Он забыл его поставить. Он подумал о своей недавней тщеславной мечте: самому вести «Непобедимый». Теперь он благодарен судьбе, что не должен решать дальнейшую судьбу экспедиции.

– Прошу вызвать руководителей специальных групп. Очнитесь, Рохан.

– Простите. Будет совещание?

– Да. Пусть приходят в библиотеку.

Через четверть часа все собрались в большом квадратном зале, со стенами, покрытыми цветной эмалью. Зловещее сходство помещений «Кондора» и «Непобедимого» угнетало, и Рохан, глядя куда-то в угол, никак не мог отделаться от картин сумасшествия, врезавшихся ему в память.

У каждого здесь было свое постоянное место. Биолог, врач, планетолог, электронщики и связисты, кибернетики и физики сидели на установленных полукругом стульях. Эти девятнадцать человек составляли стратегический мозг корабля. Астрогатор одиноко стоял под опущенным до половины белым экраном.

– Все ли присутствующие знакомы с положением на «Кондоре»?

Ответом были утвердительные возгласы.

– До этого момента, – сказал Хорпах, – группы, работающие в районе «Кондора», нашли двадцать девять трупов. На самом корабле их найдено тридцать четыре, один из них был заморожен в гибернаторе и превосходно сохранился. Доктор Нигрен, который как раз вернулся оттуда, сделает сообщение...

– Я могу сказать немного, – произнес Нигрен, вставая и медленно подходя к астрогатору. Он был ниже Хорпах на голову. – Мы нашли только девять мумифицированных тел. И еще то, о котором сказал командир и которое будет исследовано особо. Остальные – это скелеты или части

скелетов, найденные в песке. Мумификация происходила внутри корабля, где ей благоприятствовали условия: очень низкая влажность воздуха, практическое отсутствие бактерий, вызывающих гниение, и не слишком высокая температура. Тела, которые находились вне корабля, подверглись разложению, усиливавшемуся в периоды дождей, так как в песке содержится значительный процент окислов и сульфидов железа, реагирующих со слабыми кислотами... Впрочем, я думаю, эти подробности несущественны. Во всяком случае, в условиях планеты мумификация была тем более невозможна, что к действию воды и растворенных в ней веществ присоединилось продолжавшееся несколько лет действие песка. Этим объясняется то, что все костные поверхности отполированы.

— Простите, доктор, — прервал его астрогатор. — Для нас важнее всего выяснить причину гибели этих людей...

— Никаких признаков насильственной смерти, по крайней мере на наиболее сохранившихся трупах, — быстро ответил врач. Он не поднимал глаз и словно рассматривал что-то в поднятой к лицу руке. — Картина такова, как будто они умерли... естественной смертью.

— То есть?

— Без внешних насильственных воздействий. Некоторые кости, найденные отдельно, сломаны, но такого рода повреждения могли появиться позднее. Для уточнения требуются дальнейшие исследования. Кожные покровы у всех в полном порядке. Никаких ран, если не считать мелких царапин, которые наверняка не могли быть причиной смерти.

— Как же они погибли?

– Этого я не знаю. Можно подумать, что от голода или от жажды...

– Запасы воды и пищи в сохранности, – заметил со своего места Гаарб.

– Мне об этом известно.

Некоторое время было тихо.

– Мумификация – это прежде всего обезвоживание организма, – пояснил Нигрен. Он по-прежнему не смотрел ни на кого из присутствующих. – Жировые ткани подвергаются изменениям, но их можно выявить. Так вот... у погибших практически не было жировых тканей. Так бывает после продолжительного голодания...

– Но у того, найденного в гибернаторе, они были, – бросил стоящий за последним рядом стульев Рохан.

– Это верно. Но он, очевидно, просто замерз. Как-то проник в гибернатор и, возможно, просто уснул, когда температура понизилась.

– Допускаете ли вы возможность массового отравления? – спросил Хорпах.

– Нет.

– Но, доктор... Не можете же вы так категорически...

– Могу объяснить, – ответил врач. – Отравление в условиях планеты может произойти либо через легкие, от вдыхаемых газов, либо через пищеварительный тракт, либо через кожу. Один из наиболее сохранившихся трупов был найден с кислородным прибором. В баллоне оставался кислород. Его хватило бы еще на несколько часов.

«Это правда», – подумал Рохан. Он вспомнил того человека – обтянутый кожей череп, остатки побуревшей кожи на скулах, глазницы, из которых высыпался песок.

– Эти люди не могли съесть ничего отравленного, потому что здесь вообще нет ничего съедобного. Я имею в виду сушу. А никакой охоты в океане они не предпринимали. Катастрофа произошла сразу же после посадки. Они только успели послать группу в развалины. И все. Впрочем, я вижу здесь Макминна. Вы кончили, Минн?

– Да, – ответил биохимик.

Все головы повернулись к нему. Он прошел между сидящими и встал рядом с Нигреном. На нем был длинный лабораторный фартук.

– Вы проделали анализы?

– Да.

– Доктор Макминн исследовал тело человека, найденного в губернаторе, – объяснил Нигрен. – Может быть, вы сразу же расскажете, что вы установили?

– Ничего, – ответил Макминн.

У биохимика были очень светлые волосы, казавшиеся просто седыми, и такие же светлые глаза. Все лицо, даже веки покрывали крупные веснушки. Но сейчас его длинная лошадиная физиономия никого не смешила.

– Никаких ядов – органических или неорганических. Все ферментные группы тканей в нормальном состоянии. Кровь в норме. В желудке остатки переваренных сухарей и концентрата.

– Как же он умер? – спросил Хорпах, который по-прежнему казался спокойным.

– Просто замерз, – ответил Макминн и только теперь заметил, что не снял фартук. Он расстегнул пряжки и бросил его на стоящий рядом пустой стул. Фартук соскользнул с сидения и упал на пол.

– Каково же ваше мнение? – упорно повторил астрогатор.

– У меня его нет, – ответил Макминн. – Могу лишь сказать, что эти люди не отравлены.

– Какое-нибудь быстро распадающееся радиоактивное вещество? Или жесткое излучение?

– Жесткое излучение при смертельных дозах оставляет следы: повреждение капилляров, изменение состава крови. Таких изменений нет. Не существует также радиоактивного вещества, которое при смертельной дозе за восемь лет исчезло бы без следа. Здешний уровень радиоактивности ниже земного. Эти люди не подвергались действию какого-либо вида лучистой энергии. За это я могу ручаться.

– Но ведь что-то их убило? – возбужденно спросил планетолог Балмин.

Макминн молчал. Нигрен что-то тихо сказал ему. Биохимик кивнул головой и вышел. Нигрен спустился с возвышения и сел на свое место.

– Плохо дело, – сказал астрогатор. – Во всяком случае, от биологов помощи ждать не приходится. Кто-нибудь хочет высказаться?

– Да. – Встал Сарнер, физик-атомник.

– Объяснение гибели «Кондора» кроется в нем самом, – заявил он, оглядев всех своими глазами дальнозоркой птицы. – То есть оно там, но мы никак не можем его найти. Хаос в каютах, нетронутые запасы, положение и размещение трупов, повреждения аппаратуры – все это что-то должно значить.

– Если вам больше нечего сказать... – бросил разочарованно Гаарб.

– Минуточку. Мы блуждаем в темноте. Нужно искать какую-то дорогу. Пока мы знаем очень немного. У меня сложилось впечатление, что кое о чем, увиденном нами на «Кондоре», мы просто боимся вспоминать. Поэтому с таким упрямством возвращаемся к гипотезе отравления и вызванного им массового помешательства. В наших собственных интересах – и во имя погибших – мы должны предельно откровенно рассмотреть все факты. Прошу, вернее вношу категорическое предложение: каждый из вас должен рассказать то, что больше всего потрясло его на «Кондоре». Чего, возможно, не сказал никому. О чем подумал, что это нужно забыть.

Сарнер сел. Рохан, после короткой внутренней борьбы, рассказал о кусках мыла, которые он нашел в ванной.

Потом встал Гралеv. Под кипами разодранных карт и книг в помещениях было полно высохших экскрементов.

Кто-то рассказал о банке консервов, на которой остались следы зубов. Словно металл пытались разгрызть. Гаарба больше всего поразила мазня в бортовом журнале и упоминание о «мушках». Он не остановился на этом и продолжал:

– Предположим, что из трещины в «городе» вырвалась волна газов и ветер принес ее к кораблю. Если в результате неосторожности люк был открыт...

– Открыт был только наружный люк, коллега Гаарб. Об этом свидетельствует песок в шлюзе. Внутренний был закрыт.

– Его могли закрыть потом, когда уже начали ощущать отравляющее действие газа...

– Такое невозможно, Гаарб. Внутренний люк открыть

нельзя, пока открыт наружный. Они открываются только поочередно, это защита от любой неосторожности или беспечности.

– Но одно для меня несомненно, – это произошло внезапно. Массовое помешательство, – я уж не говорю о том, что случаи психоза иногда бывают во время полета, в пустоте, но никогда на планетах, да еще через несколько часов после посадки, – массовое помешательство, охватившее весь экипаж, могло быть только результатом отравления...

– А может быть, они впали в детство, – заметил Сарнер.

– Как? Что вы сказали? – ошеломленно воскликнул Гаарб. – Это... шутка?..

– Наше положение не располагает к шуткам. Я сказал о том, что они впали в детство, потому что никто об этом не говорит. Но все это – каракули в бортжурнале, разорванные звездные атласы, с трудом нарисованные буквы, вы ведь видели их...

– Но что это значит? – спросил Нигрен. – Это что, по-вашему, болезнь?

– Нет. Ведь такой болезни не существует, не правда ли, доктор?

– Наверняка нет.

Снова стало тихо. Астрогатор колебался.

– Это может нас увести в ложном направлении. Результаты некротических прослушиваний всегда неточны. Но сейчас... Не знаю, можно ли запутаться еще больше. Доктор Сакс...

Нейрофизиолог рассказал об изображении, обнару-

женном в мозгу человека, замерзшего в гибернаторе, а также о слогах, которые остались в его слуховой памяти. Это вызвало настоящую бурю вопросов, под их перекрестный огонь попал даже Рохан, как один из участников эксперимента. Но решить ничего не удалось.

– Пятнышки на изображении ассоциируются с «мушками»... – сказал Гаарб. – Минутку. А может, причины смерти были различны? Скажем, на экипаж напали какие-то ядовитые насекомые – в конце концов не так легко обнаружить следы маленького укуса на мумифицированной коже. А тот, найденный в гибернаторе, просто пытался спрятаться от насекомых, чтобы избежать судьбы своих товарищей... и замерз.

– Но почему перед смертью у него возникла амнезия?

– То есть потеря памяти, так? А это точно установлено?

– Настолько, насколько вообще точны некротические исследования.

– Ну а что вы скажете по поводу гипотезы о насекомых?

– Пусть по этому вопросу выскажется Лауда.

Главный палеобиолог экспедиции встал, ожидая, пока все утихнет.

– Не случайно мы вообще не говорили о так называемых «мушках», – сказал он. – Каждый, кто хоть немного ориентируется в биологии, знает, что никакие организмы не могут существовать вне определенного биотопа, то есть доминирующего комплекса, который определяется средой и живущими в ней видами. Это справедливо для всего исследованного космоса. Жизнь либо создает огромное раз-

личие форм, либо не возникает вообще. Насекомые не могли появиться без одновременного развития растений, других организмов, беспозвоночных и так далее. Не буду излагать вам общей теории эволюции, думаю, будет достаточно, если я заверю вас, что это невозможно. Здесь нет ни ядовитых мух, ни других членистоногих, как насекомых, так и паукообразных. Нет также никаких родственных им форм.

– Откуда у вас такая уверенность?! – воскликнул Балмин.

– Если бы вы были моим учеником, Балмин, вы бы не попали на корабль, просто не сдали бы у меня экзамена, – сказал невозмутимый палеобиолог, и все невольно заулыбались. – Не знаю, как там у вас с планетологией, но с эволюционной биологией неважно...

– Ну, начинается типичный спор специалистов... И не жаль времени?... – шепнул кто-то за спиной Рохана. Он обернулся и увидел широкое загорелое лицо Ярга, который понимающе подмигнул ему.

– Но, может быть, это насекомые не местного происхождения, – упирался Балмин. – Может, их откуда-нибудь завезли...

– Откуда?

– С планеты Новой...

Теперь все заговорили одновременно. Прошло некоторое время, прежде чем астрогатору удалось успокоить собравшихся.

– Друзья! – сказал Сарнер. – Я знаю, откуда у Балмина такие мысли. От доктора Гралева...

– А я и не отказываюсь от авторства, – бросил физик.

– Отлично. Предположим, что мы уже не можем себе позволить роскоши высказывать правдоподобно звучащие гипотезы. Что нам нужны сумасшедшие гипотезы. Пусть так. Предположим также, что какой-то корабль с планет Новой завез сюда тамошних насекомых... Пусть скажут биологи: могли ли они приспособиться к местным условиям.

– Если гипотеза должна быть сумасшедшей, то могли бы, – согласился со своего места Лауда. – Но даже сумасшедшая гипотеза должна объяснять все.

– Это значит?..

– Это значит: нужно объяснить, чем изуродована наружная обшивка «Кондора», изуродована до такой степени, что, как мне сказали инженеры, корабль не может летать, пока не будет сделан капитальный ремонт. Или вы думаете, что какие-нибудь насекомые приспособились к употреблению молибденового сплава? Ведь это одна из наиболее твердых субстанций в космосе. Скажите, Петерсен, чем можно испортить такую броню?

– Когда она хорошо процементирована, собственно говоря, ничем, – ответил заместитель главного инженера. – Ее можно немного надсверлить алмазом, но на это потребуются тонны сверл и тысяча часов времени. Уж скорее – кислотами. Но это должны быть неорганические кислоты, они должны действовать при температуре минимум две тысячи градусов и в присутствии соответствующих катализаторов.

– А чем, по вашему мнению, повреждена обшивка «Кондора»?

– Не имею понятия. Такое впечатление, что он лежал

как раз в такой кислотной ванне при нужной температуре. Но как проделать что-нибудь подобное, без плазменной дуги, без катализаторов, – этого я не могу себе представить.

– Вот вам ваши «мушки», Балмин, – бросил Лауда и сел.

– Я думаю, нет смысла продолжать дискуссию, – сказал молчавший до сих пор астрогатор. – Возможно, для нее еще не пришло время. Нам не остается ничего другого, как продолжать исследования. Поделимся на три группы. Одна займется развалинами, другая – «Кондором», третья совершит несколько походов в глубь западной пустыни. Это предел наших возможностей, так как даже если мы приведем в действие некоторые механизмы «Кондора», все равно нельзя снять с защитного кольца больше четырнадцати энергоботов, а третья степень по-прежнему обязательна...

ПЕРВЫЙ

Тяжелая, давящая тьма окружала его со все сторон. Он задышался. Отчаянными движениями пытался разорвать обвивающие его призрачные спирали, проваливаясь все глубже, с криком, который никак не мог вытолкнуть из сжатой спазмой гортани. Он искал оружие. Напрасно, он был беззащитен. Последний раз напряг все свои силы, чтобы закричать. Оглушительный звон вырвал его из кошмара. Рохан вскочил с койки в полубессознательном состоянии, зная только, что его окружает мрак, в котором непрерывно звучит сигнал тревоги. Это уже не было кош-

маром. Он зажег свет, набросил комбинезон и побежал к лифту. У двери толпились люди. Протяжный звон сигналов был слышен во всех отсеках, красные надписи «тревога» пылали на стенах. Рохан вбежал в рубку. Астрогатор, одетый по-дневному, стоял у большого экрана.

— Я уже отменил тревогу, — сказал он спокойно. — Это только дождь, Рохан, но вы взгляните. Великолепное зрелище.

В самом деле, экран, на котором была видна верхняя часть ночного неба, сверкал искрами бесчисленных разрядов. Капли дождя, падая с высоты, сталкивались с невидимой чашей силовой защиты, накрывающей «Непобедимый», и, в мгновение ока превращаясь в микроскопические огненные взрывы, освещали местность мерцающим пламенем, похожим на усиленное во сто крат полярное сияние.

— Нужно бы получше запрограммировать автоматы, — слабым голосом сказал Рохан, окончательно приходя в себя. Ему уже расхотелось спать. — Придется сказать Тернеру, чтобы он не включал аннигиляции. Иначе каждая горсть песку, принесенная ветром, будет поднимать нас среди ночи...

— Предположим, это была учебная тревога. Что-то вроде маневров, — ответил астрогатор, который, казалось, был в неожиданно хорошем настроении. — Сейчас четыре. Можете возвращаться к себе, Рохан.

— Честно говоря, не хочется. Может, вы?..

— Я уже спал. Мне достаточно четырех часов. После шестнадцати лет, проведенных в пространстве, ритм сна и бодрствования человека не имеет ничего общего со ста-

рыми земными привычками. Меня заботит обеспечение максимальной безопасности исследовательских групп, Ро-хан. Слишком хлопотно – таскать повсюду громоздкие энергоботы и разворачивать силовую защиту. Что вы об этом думаете?

– Можно бы дать людям индивидуальные эмиттеры. Но это тоже не решает всех проблем. Человек в силовом пузыре ни к чему не может прикоснуться... Вы знаете, как это выглядит. А если слишком уменьшить радиус энергетической оболочки, можно и самому... обжечься. Я такое видел.

– Я даже думал о том, чтобы никого не выпускать на сушу и проводить исследования только роботами с дистанционным управлением, – произнес астрогатор. – Но это хорошо на несколько часов, на день, а мне сдается, что мы здесь останемся дольше...

– Что же вы решили?

– Каждая группа будет иметь исходную базу, окруженную силовым полем, но отдельные исследователи должны обладать некоторой свободой действий. Иначе мы предохраним себя от несчастных случаев настолько надежно, что вообще ничего не сможем сделать. Обязательное условие, чтобы за каждым работающим вне силовой защиты присматривал защищенный наблюдатель. Не пропадать с глаз – вот первое правило поведения на Регисе III.

– А куда вы меня пошлете?

– Вы хотели бы работать на «Кондоре»?.. Вижу, что нет. Хорошо. Остается город или пустыня. Можете выбирать...

– Выбираю город. Мне по-прежнему кажется, что тайна скрыта там...

– Возможно. Итак, завтра, вернее, сегодня – уже светает – вы возьмете свою вчерашнюю команду. Я вам дам еще парочку арктанов. Ручные лазеры тоже не помешают, мне кажется, что «то» действует с небольшой дистанции...

– Что?

– Если бы я знал... Кухню тоже возьмите, чтобы быть полностью независимым от нас и в случае необходимости иметь возможность работать без постоянных контактов с кораблем...

Красное негреющее солнце перекатилось через небосвод. Тени гротескных конструкций удлинялись и сливались. Ветер перетаскивал песчаные кучи между металлическими пирамидами. Рохан сидел на крыше тяжелого вездехода и в подзорную трубу всматривался в фигуры Гралева и Хена, которые за пределами силового поля возились у основания черноватого «пчелиного сота». Ремень, на котором висел лазер, натер ему шею. Он перебросил лазер за спину, не спуская глаз с товарищей. Плазменная горелка в руках Хена сверкала как маленький ослепительный бриллиант. Изнутри вездехода до Рохана донесся звук ритмично повторяющегося сигнала вызова, но он даже не повернул головы. Он слышал, как водитель отвечает базе.

– Навигатор! Приказ командира! Нужно немедленно возвращаться! – крикнул Ярг, высовывая голову из люка.

– Возвращаться? Почему?

– Не знаю. Он все время передает сигнал немедленного возвращения и четыре раза ЭВ.

– ЭВ?! Ох, как затекли мышцы! Значит, нужно спешить. Дай мне микрофон и зажги огни.

Через десять минут все люди были уже в машинах. Рохан вел свою маленькую колонну с максимальной скоростью, какую позволяла гористая местность. Бланк, выполнявший сейчас обязанности радиста, подал ему наушники. Рохан спустился вниз, в металлическое нутро машины, пахнущее разогретым пластиком, и, сев под вентиляторную решетку, струя воздуха из которой шевелила ему волосы, вслушивался в обмен сигналами между группой Галлахера, работавшей в западной пустыне, и «Непобедимым». Кажется, начиналась буря. С утра барометры показывали падение давления, но только сейчас из-за горизонта выползли темно-синие плоские тучи. Небо над ними было чистым. На отсутствие атмосферных помех пожаловаться было нельзя – в наушниках трещало так, что связь шла только морзянкой. Рохан улавливал группы условных сигналов. Но он включился слишком поздно и не мог понять, о чем идет речь, кроме того, что группа Галлахера тоже возвращалась на базу полным ходом, а на корабле объявлена готовность и вызваны на свои места все врачи.

– Вызваны медики, – сказал он застывшим в ожидании Балмину и Гралеву. – Какой-нибудь несчастный случай. Наверное, ничего серьезного. Впрочем, возможно, был обвал, кого-нибудь засыпало...

Он знал, что люди Галлахера должны были заниматься раскопками в установленном предварительной разведкой пункте. Однако, честно говоря, и сам не верил в то, что случилось обычное происшествие, какие бывают во время работ. От базы их отделяло меньше шести километров, но та группа, очевидно, снялась гораздо раньше: едва увидев темный вертикальный силуэт «Непобедимого», они пере-

секли совершенно свежие следы гусениц. Они приблизились к границе внешнего поля и начали вызывать корабль, чтобы им открыли проход. Корабль удивительно долго не отвечал. Наконец зажглись условные голубые огни, и они въехали в зону защиты.

Группа «Кондора» была уже здесь. Значит, это она проскочила перед ними, а не геологи Галлахера. Часть вездеходов стояла около аппарели, другие загораживали проезд, беспорядочно бегали люди, увязая по колено в песке, автоматы поблескивали огнями. Наступили сумерки. Некоторое время Рохан не мог разобраться в этом хаосе. Вдруг сверху вырвался сверкающий белый столб. Большой прожектор сделал корабль похожим на огромный маяк. Прожектор нащупал далеко в пустыне колонну огней, прыгающих то снизу вверх, то в стороны, словно и вправду приближалась армада кораблей. Снова вспыхнули светлячки открывающегося силового поля. Машины еще не остановились, а сидящие в них люди Галлахера уже соскакивали в песок, от аппарели подъезжал на колесах второй прожектор, сквозь шпалеры столпившихся машин шла группа людей, окруживших носилки, на которых кто-то лежал.

Рохан растолкал стоявших впереди в тот момент, когда носилки поравнялись с ним, и остолбенел. В первый момент он подумал, что действительно произошел несчастный случай, но у человека, лежавшего на носилках, были связаны руки и ноги.

Извиваясь всем телом, так, что скрипели веревки, которые его опутывали, он издавал широко раскрытым ртом жуткие стонущие звуки. Группа, за которой двигалось ос-

вещающее ее пятно света, уже прошла, а до Рохана, стоящего в темноте, все еще доносились эти нечеловеческие звуки, не похожие ни на что когда-либо слышанное им. Белый овал сдвигающимися в нем фигурами уменьшился, поднимаясь по аппарели, и исчез в широко распахнутом грузовом люке. Рохан начал допытываться, что произошло, но его окружали люди из группы «Кондора», которые знали так же мало, как и он сам.

Прошло некоторое время, прежде чем он пришел в себя настолько, чтобы установить какое-то подобие порядка. Задержанная цепочка машин двинулась по аппарели в корабль, зажглись огни над лифтом, толпа, стоящая у его основания, начала уменьшаться. Наконец Рохан одним из последних поднялся наверх вместе с тяжело навьюченными арктанами, спокойствие которых казалось ему лицемерной издевкой. Внутри корабля слышны были протяжные звонки информаторов и телефонов, на стенах все еще пылали сигналы вызова врачей по тревоге. Но вот сигналы вдруг погасли, в коридорах стало свободнее, часть команды спустилась вниз, в кают-компанию Рохан слышал, как люди разговаривают. Какой-то запоздавший арктан, тяжело ступая, направлялся к отсеку роботов. Наконец все разошлись, а он остался, охваченный бессилием, утратив надежду понять то, что случилось, подавленный уверенностью, что никакого объяснения не может быть и не будет.

— Рохан!

Этот окрик отрезвил его. Перед ним стоял Гаарб. Рохан вздрогнул:

— Это вы?.. Вы видели?.. Кто это был?

— Кертелен.

– Что? Это невозможно...

– Я видел его до самого конца...

– До какого конца?

– Я был с ним вместе, – сказал неестественно спокойным голосом Гаарб.

Рохан видел отблески коридорных светильников в его очках.

– Группа, работавшая в пустыне? – пробормотал Рохан.

– Да.

– Что с ним случилось?

– Галлахер выбрал это место на основании сейсмозондирования... Мы попали в лабиринт узких, крутых оврагов, – медленно рассказывал Гаарб, словно обращаясь к самому себе, словно пытаюсь вспомнить последовательность событий. – Там есть мягкие породы органического происхождения, размытые водой, много гротов, пещер; мы вынуждены были оставить машины наверху... Мы старались держаться вместе, нас было одиннадцать. Феррометры показывали присутствие большого количества железа, мы его искали. Кертелен думал, что там укрыты какие-то машины...

– Да, он мне тоже говорил что-то в этом роде. И что было потом?

– В одной из пещер, совсем неглубоко под илом – там есть даже сталактиты и сталагмиты, он нашел что-то вроде автомата.

– Правда?!

– Нет, не то, что вы думаете. Абсолютная рухлядь, съеденный даже не ржавчиной, он нержавеющей... как будто сгоревший, просто обломки.

– Но, может, другие...

– Да нет, этому автомату минимум триста тысяч лет...

– Откуда вы можете это знать?

– На нем оседал известняк, по мере того как испарялась вода, капающая со сталактитов свода... Галлахер сделал примерный подсчет исходя из скорости испарения, образования осадка и его толщины. Триста тысяч лет – это наиболее скромный результат... Впрочем, этот автомат похож, знаете, на что? На те развалины...

– То есть это вовсе не автомат...

– Нет, он должен был передвигаться, но не на двух ногах, и не как краб. Впрочем, у нас не было времени им заниматься... Сразу же...

– Что произошло?

– Время от времени я пересчитывал людей. Я был в прикрытии, должен был их охранять, понимаете... Но ведь все они были в масках, все друг на друга похожи, а комбинезоны, измазанные глиной, потеряли свой цвет. В какой-то момент я недосчитался одного человека. Я собрал всех, и мы начали искать его. А Кертелен был очень обрадован своим открытием и ушел дальше... Я думал, что он свернул в какой-нибудь боковой коридор... Там много всяких закоулков, но все короткие, неглубокие, хорошо освещенные... Вдруг он вышел на нас из-за поворота. Уже в таком состоянии. Нигрен был с нами, он думал, что это тепловой удар...

– Что же с ним случилось?

– Он без сознания. Хотя нет, он может ходить, двигаться, но с ним нельзя установить контакта. Кроме того, он утратил речь. Вы слышали его голос?

– Да.

– Сейчас он вроде немного устал. Сначала было еще хуже. Он не узнавал никого из нас. В первый момент это было самым страшным. «Кертелен, куда ты исчез?» – окликнул я его, а он прошел мимо, как будто оглох, прошел между нами и пошел вверх по оврагу, но такой походкой... Так что у всех мороз прошел по коже. Словно его подменили. Он не реагировал на оклики, и нам пришлось за ним гнаться. Что там делалось! Короче говоря, его пришлось связать, иначе бы нам не удалось его доставить сюда...

– Что говорят врачи?

– Как обычно, говорят по-латыни, но не знают ничего. Нигрен вместе с Саксом у командира, можете у них спросить...

Гаарб, тяжело ступая, ушел, наклонив голову.

Рохан поднялся наверх, в рубку. В ней было пусто, но, проходя мимо картографической каюты, он услышал сквозь неплотно закрытую дверь голос Сакса и вошел.

– Как бы полная потеря памяти. Впечатление именно такое, – говорил нейрофизиолог. Сакс стоял спиной к Рохану, рассматривая рентгеновские снимки, которые держал в руках. За столом над открытым бортовым журналом сидел астрогатор, опершись рукой на стеллаж, плотно набитый свернутыми звездными картами. Он молча слушал Сакса, который медленно укладывал снимки в конверт.

– Амнезия. Но исключительная. Он утратил не только память, но и речь, способность писать, читать... Это даже больше, чем амнезия, это полный распад, уничтожение личности. От нее не осталось ничего, кроме самых прими-

тивных рефлексов. Он может ходить и есть, но только в том случае, если пищу всунуть ему в рот. Берет, но...

– Он видит и слышит?

– Да. Наверняка. Но не понимает того, что видит. Не отличает людей от предметов.

– Рефлексы?

– В норме. Это повреждение центральное.

– Центральное?

– Да, мозговое. Как будто полностью стерты все следы памяти.

– Значит, тот человек с «Кондора»? .

– Да. Теперь я в этом уверен. Это то же самое.

– Однажды я видел нечто подобное... – совсем тихо, почти шепотом сказал астрогатор. Он смотрел на Рохана, но не обращал на него никакого внимания. – Это было в пространстве...

– А, знаю! Как мне не пришло в голову! – возбужденно воскликнул нейрофизиолог. – Амнезия после магнитного удара, так?

– Да.

– Никогда не сталкивался с такими случаями. Знаю их только теоретически. Это бывало давно, во время прохождения на большой скорости через сильные магнитные поля?

– Да. Но в своеобразных условиях. Важна не только напряженность поля, но его градиент и скорость происходящих изменений. Если в пространстве есть большие градиенты, а встречаются очень резкие скачки, – приборы обнаруживают их на расстоянии. Раньше приборов не было...

– Верно... – повторил врач. – Верно... Аммерхатен проводил такие опыты на обезьянах и кошках. Он подвергал их действию магнитных полей огромной силы, и они теряли память...

– Да, ведь она связана с электрической активностью мозга...

– Но в этом случае, – громко заговорил Сакс, – кроме рапорта Гаарба у нас есть показания всех остальных членов группы. Мощное магнитное поле... ведь это должны быть, очевидно, сотни тысяч гауссов?

– Сотен тысяч не хватит. Нужны миллионы, – безучастно ответил астрогатор. Только теперь его взгляд остановился на Рохане. – Войдите и закройте дверь.

– Миллионы?! Но разве наши приборы не зарегистрировали бы такого поля?

– Постольку поскольку, – ответил Хорпах. – Если бы оно было сконцентрировано в очень малом пространстве, – скажем, имело бы объем, как этот глобус, – и если бы оно было экранировано снаружи...

– Одним словом, если бы Кертелен всунул голову между полюсами гигантского электромагнита?..

– И этого мало. Поле должно колебаться с определенной частотой.

– Но там не было никакого магнита, никакой машины, кроме проржавевших обломков, ничего, только промытые водой овраги, гравий, песок...

– И пещеры, – мягко, словно безразлично, добавил Хорпах.

– И пещеры... Неужели вы думаете, что кто-то его затащил в такую пещеру, что там есть магнит, – нет, ведь такое...

– А как вы это объясните? – спросил командир так, будто ему надоел этот разговор.

Врач молчал.

В три сорок ночи все отсеки «Непобедимого» наполнил протяжный звон сигналов тревоги. Люди, ругаясь, срывались с постелей и, одеваясь на ходу, разбегались по местам. Рохан через пять минут после начала тревоги влетел в рубку. Астрогатора еще не было. Рохан подскочил к большому экрану. Черную ночь освещали на востоке тысячи белых вспышек, как будто вылетающий из одной точки рой метеоритов атаковал корабль. Он взглянул на приборы контроля поля. Автоматы он программировал сам; они уже не могли реагировать ни на дождь, ни на песчаную бурю. Из невидимой во мраке пустыни что-то летело и разбрасывалось огненным бисером. Взрывы происходили на поверхности поля, и загадочные снаряды, отскакивая уже в огне, прочерчивали параболы бледневшего свечения или стекали по выпуклости энергетической защиты. Вершины барханов на мгновение появлялись из темноты и снова исчезали, стрелки лениво дрожали – эффективная мощность, используемая системой эмиттеров Дирака для защиты от загадочной бомбардировки, была относительно невелика. Уже слыша за спиной шаги командира, Рохан взглянул на спектроскопические индикаторы.

– Никель, железо, марганец, бериллий, титан, – прочитал на хорошо освещенной шкале астрогатор, встав рядом с ним. – Много бы я дал, чтобы увидеть, что это такое.

– Дождь металлических частиц, – медленно сказал Рохан. – Судя по разрядам, их размеры невелики...

– Я охотно бы взглянул на них вблизи... – буркнул командир. – Как вы думаете, рискнуть?

– Выключить поле?

– Да. На долю секунды. Небольшая часть попадет в защитную зону, а остальные отбросим, снова включив поле...

Рохан ответил не сразу.

– Что ж... Можно бы, – ответил он наконец с колебанием.

Но прежде чем командир подошел к пульту управления, огненный муравейник исчез так же внезапно, как и появился, и снова корабль обступила тьма, такая, какую знают только лишённые лун планеты, кружащиеся вдали от центральных звездных скоплений Галактики.

– Охота не удалась, – проворчал Хорпах.

Он некоторое время стоял, положив руку на главный выключатель, потом, слегка кивнув Рохану, вышел. Стоящий звук сигналов, отменяющих тревогу, наполнил все отсеки. Рохан вздохнул, еще раз взглянул на залитые глубоким мраком экраны и пошел спать.

ТУЧА

Они уже начали привыкать к планете, к ее неизменному пустынному облику с призрачными тенями незаметно тающих в воздухе неестественно светлых облаков, между которыми даже днем горели сильные звезды. К шороху песка, расступающегося под колесами и ногами, к красному вялому солнцу, прикосновение которого было гораздо деликатнее, чем земного, так что, если ему подставить

спину, вместо тепла чувствовалось только его молчаливое присутствие. Утром исследовательские группы расходились, каждая в свою сторону, энергоботы исчезали среди барханов, покачиваясь, как неуклюжие лодки, опадала пыль, и оставшиеся на «Непобедимом» обсуждали, что будет на обед, что боцман радаристов сказал своему коллеге связисту, или старались припомнить, как звали рейсового пилота, который шесть лет назад потерял ногу в катастрофе на навигационном спутнике «Терра-5». Так они и болтали, сидя на пустых канистрах под корпусом корабля, тень которого, словно стрелка гигантских солнечных часов, поворачивалась, одновременно удлиняясь, пока не касалась кольца энергоботов. С этого момента то и дело кто-нибудь вставал и высматривал возвращающихся.

Те появлялись голодные, усталые, быстро теряли все свое оживление, которое поддерживала в них работа на металлическом пепелище «города», и даже группа «Кондора» через неделю перестала прибывать с сенсационными новостями, сводившимися к тому, кого из знакомых удалось узнать среди погибших. Страшные находки, вызывавшие в первые дни ужас, были привезены с «Кондора» и старательно упакованы (а как же иначе назвать этот процесс добросовестного укладывания всех уцелевших человеческих останков в герметические контейнеры, которые затем отправлялись на самое дно корабля?). Тогда вместо облегчения люди, которые по прежнему просеивали песок вокруг кормы «Кондора» и осматривали помещения корабля, начали ощущать страшную скуку и, будто забыв судьбу его команды, пристрастились к коллекционированию всяких идиотских безделушек, неизвестно ко-

му раньше принадлежавших, переживших уже несуществующих владельцев. Из-за отсутствия документов, которые объяснили бы тайну, они привозили то какую-нибудь старую губную гармошку, то китайскую головоломку, и предметы эти, уже освобожденные от мистического кошмара своего происхождения, поступали в обращение, становились как бы общей собственностью команды.

Рохан, который никогда бы не поверил, что такое возможно, уже через неделю держался так же, как остальные. Только иногда, оставаясь один, он задавал себе вопрос: зачем он, собственно, здесь? И тогда чувствовал, что вся их деятельность, вся эта торопливая суeta, эта сложная процедура исследований, просвечиваний, собирания проб, бурения, усложненная непрекращающейся обязанностью поддерживать третью степень, открыванием и закрыванием полей, со стволами лазеров, имеющих хорошо рассчитанные сектора обстрела, с постоянным оптическим контролем, непрерывным подсчетом людей, многоканальной связью — все это лишь большой самообман. А на самом деле они только ждут какого-нибудь нового происшествия, нового несчастья и лишь притворяются, что это не так.

Сначала по утрам перед лазаретом «Непобедимого» собиралась толпа людей, чтобы услышать новости о состоянии Кертелена. Он казался им не столько жертвой загадочного нападения, сколько неким непонятным существом, чудовищем, отличающимся от всех них; они словно поверили в фантастические сказки и думали, что какие-то враждебные, чуждые силы планеты могут превратить человека, одного из них, в монстра. В действительности он

был только калекой. Впрочем, оказалось, что его мозг, чистый, как у новорожденного, и такой же пустой, усваивает сведения, которые сообщали ему врачи, и он постепенно учится говорить – совсем как маленький ребенок; из лазарета уже не доносились не похожие на человеческий голос скулящие звуки, ужасные оттого, что бессмысленное бульканье новорожденного издавала гортань взрослого мужчины. Через неделю Кертелен начал выговаривать первые слоги и уже узнавал врачей, хотя и не мог произнести их имен.

Тогда, в начале второй недели, интерес к его особе уменьшился, особенно после того как врачи объяснили, что о подробностях происхождения он рассказать ничего не сможет, даже когда вернется в нормальное состояние, вернее когда кончится странный, но неизбежный процесс его воспитания.

Тем временем работы шли своим чередом. Умножались планы «города», подробности конструкции его «кустистых пирамид», хотя их предназначение по-прежнему оставалось загадочным. Решив, что дальнейшие исследования на «Кондоре» не дадут ничего, астрогатор приостановил их. Сам корабль все равно пришлось бы бросить, так как ремонт корпуса превышал возможности инженеров, особенно в условиях гораздо более важных работ. На «Непобедимый» забрали много энергоботов, вездеходов, транспортеров и всевозможной аппаратуры, сам же остов «Кондора» – он стал именно остовом после такого полного опустошения – закрыли наглухо, утешаясь тем, что или они сами, или какая-нибудь другая экспедиция все-таки приведет крейсер в родной порт.

После этого Хорпах перебрал группу «Кондора» на север; под руководством Реньяра она присоединилась к группе Галлахера, а Рохан теперь был главным координатором всех исследований и покидал «Непобедимый» лишь ненадолго, да и то не каждый день.

Обе группы наткнулись в системе оврагов, вымытых водами подземных источников, на интересные находки. Слои осадочных пород разделялись прослойками черновато-рыжей субстанции негеологического, непланетарного происхождения. Специалисты немного могли сказать по этому поводу. Казалось, на поверхности старой базальтовой плиты, нижнего слоя коры, миллионы лет назад отложилось огромное количество металлических частиц, — возможно, просто металлических обломков (появилась гипотеза, что в атмосфере Региса взорвался гигантский железо-никелевый метеорит и огненными дождями вплавился в скалы той, очень отдаленной эпохи), которые, подвергаясь медленному окислению, вступая в химические реакции с окружающей средой, в результате переформировались в слои буро-черных, местами рыжевато-красных отложений.

До сих пор была вскрыта только часть слоев района, геологическое строение которого своей сложностью могло вызвать головокружение даже у опытного планетолога. Когда прошли шахту до базальта возрастом миллиард лет, оказалось, что лежащие на нем породы, несмотря на далеко зашедшую перекристаллизацию, содержат органический уголь. Сначала ученые решили, что раньше здесь было океанское дно. Но в слоях уже подлинного каменного угля были найдены отпечатки многочисленных видов рас-

тений, которые могли существовать только на суше. Каталог сухопутных живых форм непрерывно дополнялся и расширялся. Ученые установили, что триста миллионов лет назад по джунглям планеты бродили примитивные пресмыкающиеся. Остатки позвоночника и роговых челюстей одного из них ученые привезли с триумфом, которого, однако, не разделял экипаж.

Жизнь развивалась на суше как бы два раза. Первый закат мира живого приходился на эпоху около ста миллионов лет назад; тогда началось стремительное вымирание растений и животных, вызванное, вероятно, близкой вспышкой Новой. После упадка жизнь восстановилась и снова начала бурно развиваться, образуя новые формы; правда, ни количество, ни состояние останков не давали возможности провести более точную классификацию. На планете никогда не появлялись животные, похожие на млекопитающих. Через девяносто миллионов лет произошла, но уже на гораздо большем расстоянии, другая звездная катастрофа; ее следы удалось найти в виде радиоактивных элементов.

По приблизительным подсчетам, интенсивность жесткого излучения на поверхности планеты в то время не могла быть настолько сильной, чтобы стать причиной массовых гекатомб. Тем более было непонятно, почему начиная с этого момента остатки животных и растений встречались реже. Зато появлялось все больше этого спрессованного «ила», сульфидов сурьмы, окислов молибдена, железа, солей никеля, кобальта и титана. Эти металлические, относительно тонкие слои, насчитывающие от восьми до шести миллионов лет, местами содержали очаги

повышенной радиоактивности, но с точки зрения времени существования планеты это была короткопериодическая радиоактивность. Казалось, в ту эпоху что-то вызвало целую серию бурных, но очень локальных ядерных реакций, продукты которых обнаруживались в «металлическом иле». Кроме гипотезы «железисто-радиоактивного» метеорита, высказывались и другие, иногда совершенно фантастические, связывавшие эти обособленные очаги «радиоактивного пламени» с катастрофой планетной системы Лиры и гибелью ее цивилизации. Было сделано предположение, что во время попыток колонизации Региса III произошли атомные столкновения между кораблями, высланными с подвергавшейся опасности системы.

Но это по-прежнему не объясняло размеров загадочных металлических пластов, которые в ходе пробных бурений удалось обнаружить также и в других, весьма отдаленных районах. Во всяком случае, неотвратимо обрисовывалась картина одновременно загадочная и очевидная: жизнь на суше планеты погибла в ту же самую эпоху, длившуюся несколько миллионов лет, когда начали появляться металлические слои. Причиной гибели живых форм не могла, однако, быть радиоактивность: общая интенсивность излучения, пересчитанная на эквивалент ядерных взрывов, составляла самое большее двадцать – тридцать мегатонн. Распределенные на сотни тысячелетий, такие взрывы (если это вообще были взрывы, а не какие-либо иные ядерные реакции), естественно, не представляли серьезной опасности для биологической эволюции. Подозревая какую-то связь между металлическими слоями и развалинами «города», ученые настаивали на проведении

дальнейших исследований. Это вызывало огромные трудности, так как геологические работы требовали перемещения больших масс грунта. Единственным выходом было бить штольни, но под землей люди лишались защиты силового поля. И все же после того как на глубине двадцати с лишним метров в пласте, изобиловавшем окислами железа, были найдены расположенные весьма своеобразно ржавые куски металла, которые напоминали остатки разъеденных коррозией, распавшихся элементов каких-то механизмов, работы решено было продолжить.

На девятнадцатый день после посадки над районом работ начали стягиваться тучи, такие массивные и темные, каких до сих пор люди на планете еще не видели. Около полудня разразилась буря, которая силой электрических разрядов значительно превосходила земные. Небо и скалы соединились в хаосе непрерывно сверкающих молний. Вода, несущаяся в крутых оврагах, поднялась и начала заливать выбитые штреки. Людям пришлось покинуть их и вместе с автоматами укрыться под большим пузырем силовой защиты, в который ударяли километровые молнии. Буря медленно передвигалась к западу, и черная, иссеченная молниями стена закрыла весь горизонт над океаном. Возвращаясь на «Непобедимый», геологические группы обнаружили по дороге большое количество лежащих в песке черных металлических зернышек. Их приняли за знаменитые «мушки», старательно собрали и привезли на корабль. Они вызвали большой интерес ученых, но, конечно, и разговора не было о том, что это остатки каких-нибудь насекомых. Состоялось очередное, весьма бурное совещание специалистов. Наконец решили выслать экспе-

дицию в северо-восточном направлении, за район «железных» пластов, поскольку на гусеницах машин «Кондора» были найдены мелкие кусочки интересных минералов, не обнаруженных ни в одном из изученных до сих пор районов.

Хорошо оснащенная колонна с энергоботами, шагающим излучателем с «Кондора», вездеходами и роботами, среди которых было двенадцать арктанов, снабженная автоматическими землеройными машинами и бурильными установками, с запасами кислорода, пищи и ядерного топлива выступила на следующий день под руководством Реньяра. С ней поддерживалась непрерывная радио – и телевизионная связь до того момента, пока кривизна планеты не преградила путь ультракоротким волнам. Тогда на стационарную орбиту был выведен автоматический телевизионный ретранслятор. Колонна двигалась целый день, ночь провела под защитой поля, а на следующий день продолжала поход. Незадолго до полудня Реньяр сообщил Рохану, что хочет осмотреть почти засыпанные песком развалины, находящиеся внутри маленького неглубокого кратера.

Через час после этого из-за сильных атмосферных помех качество радиоприема начало ухудшаться. Техники связи перешли на более короткие волны, прием стал лучше. Вскоре, когда гром далекой бури, передвигающейся с севера на восток, то есть туда же, куда направилась экспедиция, начал стихать, радиосвязь вдруг пропала. Самым удивительным было одновременное ухудшение телевизионной связи, которая поддерживалась через заатмосферный спутник и не могла зависеть от состояния ионосферы.

К часу дня телесвязь прервалась окончательно. Никто из техников и физиков, призванных на помощь, не понимал механизма явления. Казалось, что где-то в пустыне выросла стена металла, заслонив отдалившуюся уже не сто семьдесят километров от «Непобедимого» экспедицию.

Рохан, все это время не расстававшийся с астрогатором, заметил беспокойство Хорпах, которое ему самому вначале показалось безосновательным. Он считал, что отсутствие связи можно объяснить особыми экранирующими свойствами грозового фронта. Однако физики выражали сомнение в возможности образования такого мощного слоя ионизированного воздуха. Около шести буря утихла, но связь установить не удалось. Непрерывно повторяя сигналы, на которые не было ответа, Хорпах выслал два разведывательных аппарата типа летающих тарелок.

Один из них летел на высоте нескольких сотен метров над пустыней, другой – на четыре километра выше, служа первому телевизионным ретранслятором. Рохан и астрогатор с несколькими учеными, среди которых были Балмин и Сакс, стояли перед большим экраном рубки, непосредственно наблюдая то, что видел пилот первой машины. За районом извилистых, наполненных глубокими тенями оврагов открывалась пустыня, с ее нескончаемыми рядами барханов, сейчас покрытых темными полосами, так как солнце уже склонялось к западу. В его косых лучах, придающих пейзажу особенно понурый вид, под низко летящей машиной изредка проплывали небольшие, доверху засыпанные песком кратеры, некоторые были видны только благодаря центральному конусу давно-давно угасшего вулкана. Местность понемногу поднималась и станови-

лась более разнообразной. Из-под песчаных волн выныривали высокие скальные гряды, образуя систему цепей, которым выветривание придало самые причудливые формы. Одинокие каменные столбы напоминали корпуса разбившихся звездолетов или человеческие фигуры. Склоны разрезались тонкими линиями ущелий, наполненных осыпавшимися камнями. Песок исчез совсем, уступив место дикой стране обрывистых скал и каменных россыпей. Кое-где извивались похожие на реки провалы трещин, рассекавших кору планеты. Ландшафт стал похож на лунный. Начали проявляться первые признаки ухудшения телевизионной связи и виде дрожания и срывов синхронизации изображения.

Скалы становились все темнее. Уходящие из поля зрения грани имели буроватый оттенок с ядовитым металлическим блеском; кое-где появились пятна бархатной черноты, словно там на голом камне росли густые, но мертвые кусты.

В этот момент молчавшая до сих пор рация первой машины заработала. Пилот крикнул, что поймал сигналы автоматического передатчика, который был установлен на головном вездеходе экспедиции. Но в рубке был слышен только его голос, слабый и исчезающий.

Солнце стояло уже низко. В его кровавом свете прямо по курсу машины возникла клубящаяся, словно туча, черная стена, простирающаяся от поверхности скал до высоты в тысячу метров. Все, что находилось за ней, было невидимо. Если бы не медленное мерное движение клубящихся нагромождений этой местами чернильной, местами металлически отсвечивающей фиолетовым пурпуром чер-

ноты, ее можно было бы принять за необычную горную формацию. В горизонтальных лучах солнца в ней открывались пещеры, наполненные неясными короткими вспышками, как будто в них яростно кружились сверкающие кристаллы черного льда. В первый момент всем показалось, что туча движется навстречу летящей машине, но это был обман зрения. Просто летающая тарелка приближалась к странной преграде.

– ЛТ-4 – к базе! Мне подняться над тучей? Прием, – слышался сдавленный голос пилота.

Через мгновение астрогатор ответил:

– Первый – к ЛТ-4! Задержись перед тучей!

– ЛТ-4 – к базе! Останавливаюсь, – сразу же ответил пилот, и Рохану показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Уже всего несколько сотен метров отделяло машину от необыкновенного образования. Теперь почти весь экран занимала поверхность словно состоящего из угля, неправдоподобного, вертикального моря. Машина остановилась, как вдруг – никто не успел даже вскрикнуть – тяжело волнующаяся масса выстрелила длинными расходящимися столбами, которые закрыли изображение. Потом оно искажилось, задрожало и исчезло, прошитое нитками ослабевающих разрядов.

– ЛТ-4! ЛТ-4! – вызывал радист.

– Я ЛТ-8, – отозвался пилот второй машины. – ЛТ-8 – к базе! Нужно ли включить изображение? Прием!

– База – к ЛТ-8! Дай изображение.

Экран наполнился хаосом яростно кружащихся черных потоков. Это была та же самая картина, но открывавшаяся

с высоты четырех километров. Видно было, что туча лежит длинной монолитной лавиной вдоль возносящейся горной цепи, как бы защищая подступы к ней. Ее поверхность лениво шевелилась, похожая на застывающую полужидкую субстанцию, но первой машины, которую она только что поглотила, не было видно.

– База – к ЛТ-8! Ты слышишь ЛТ-4? Прием!

– ЛТ-8 – к базе! Не слышу, перехожу на интерференционные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай. ЛТ-4, ЛТ-4! – слышался голос пилота. – ЛТ-4 не отвечает, перехожу на инфракрасные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай. ЛТ-4 не отвечает, попытаюсь зондировать тучу радаром...

В полутемной рубке не слышно было даже дыхания. Все замерли. Изображение на экране не изменялось. Каменный хребет торчал из мрака, как остров, утонувший в чернильном океане. Высоко в небе угасали перистые, насыщенные золотом облака, солнечный диск уже касался горизонта, через несколько минут должно было стемнеть.

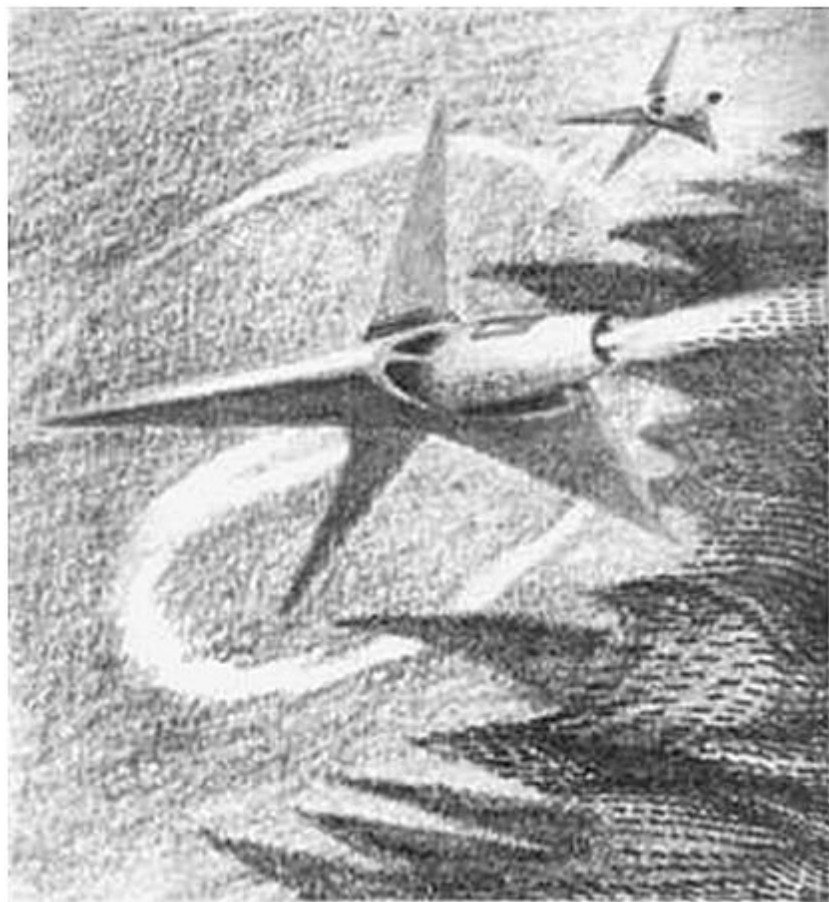
– ЛТ-8 – к базе! – снова послышался голос пилота, совершенно изменившийся за те несколько секунд, которые он молчал. – Радар фиксирует цельнометаллическое препятствие. Прием!

– База – к ЛТ-8! Переключить радарное изображение на телеэкран. Прием.

Экран потемнел, погас, мгновение горел голубым светом, потом позеленел, вздрагивая миллиардами вспышек.

– Эта туча – сплошной металл, – сказал, вернее выдохнул кто-то за плечами Рохана.

– Язон! – крикнул астрогатор. – Есть здесь Язон?

– Есть, – вышел из группы ученых нуклеоник.

– Могу я это подогреть?.. – спокойно спросил астрогатор, показывая на экран, и все его поняли.

Язон помедлил с ответом.

– Надо бы предупредить ЛТ-4, чтобы максимально увеличил радиус поля...

– Без глупостей, Язон! Нет связи...

– До четырех тысяч градусов... с небольшим риском...

– Благодарю. Блар, микрофон! Первый – к ЛТ-8, подготовить лазеры, цель – туча, малая мощность, до биллиэрга в эпицентре, непрерывный огонь по азимуту!

– ЛТ-8 – к базе, непрерывный огонь до биллиэрга, – ответил немедленно пилот.

Некоторое время все оставалось по-прежнему. Потом что-то сверкнуло, и центральная, заполняющая низ экрана часть тучи изменила цвет. Сначала она как-то размазалась, потом покраснела и закипела; образовалось что-то вроде воронки с пылающими стенками, в которую вливались как будто засасываемые соседние клубы тучи. Вдруг это движение остановилось, туча разошлась огромным кольцом, открыв в образовавшемся окне хаотическое нагромождение скал. Только в воздухе носилась еще мелкая черная пыль.

– Первый – к ЛТ-8! Снизиться на дистанцию максимальной эффективности огня.

Пилот повторил приказ. Туча, окружающая беспокойным валом образовавшийся разрыв, пыталась его заполнить, но каждый раз, когда ее высовывающиеся щупальца охватывал блеск огня, втягивала их обратно. Так продолжалось несколько минут. Долго это длиться не могло. Ас-

трогатор не решался ударить в тучу всей мощностью излучателя, где-то в ее глубине находилась вторая машина. Рохан сообразил, на что рассчитывает Хорпах: он надеялся, что машина выскочит в очищенную зону. Но она не появлялась. ЛТ-8 висел теперь почти неподвижно, поражая ослепляющими ударами лазеров бурлящие края черного круга. Небо над машиной было еще довольно светлым, но скалы под ней медленно затягивала тьма. Солнце заходило.

Неожиданно сгущавшиеся в долине тени полыхнули зловещим заревом. Красновато-бурое облако взрыва покрыло саваном весь экран. Видны были только сливающиеся в одно целое тени, в глубине которых клочкотал огонь. Это туча, чем бы она ни была, атаковала первую, плененную ею машину и, охваченная страшным жаром, сгорала в ее силовой защите.

Рохан взглянул на астрогатора, который стоял как мертвый, с неподвижным лицом, залитым колеблющимся отблеском зарева. Черное кипение и свирепствующий в его глубине пожар занимали центр экрана. Лишь в отдалении был виден высокий пик, залитый пурпуром, охваченный холодным багрянцем последних солнечных лучей. Тем более невероятным было то, что делалось внутри тучи. Рохан ждал. Лицо астрогатора не выражало ничего. Но он должен был принять решение: либо приказать верхней машине, чтобы она шла на помощь другой, либо, предоставив ЛТ-4 самой себе, продолжать разведку на северо-запад.

Внезапно произошло нечто непонятное. То ли пилот нижней, окруженной тучей машины потерял голову, то ли

на ней случилась какая-то авария, но вдруг черный водоворот пронзила вспышка, центр которой ослепительно сверкал, длинные полосы разодранной взрывом тучи разлетелись во все стороны, а ударная волна была настолько сильной, что изображение заколыхалось, повторяя вынужденные прыжки ЛТ-8. Потом тьма вернулась, стала плотнее, и, кроме нее, ничего не было видно.

Астрогатор нагнулся и сказал что-то радисту так тихо, что Рохан не услышал его слов, но радист тотчас же почти закричал:

– Приготовить антипроны! Полную мощность на тучу, непрерывный огонь!

Пилот повторил приказ. В этот момент один из техников, следивших за боковым экраном, на котором было видно все, что делалось за машиной, закричал:

– Внимание! ЛТ-8! Вверх! Вверх!!!

С запада, из свободного до сих пор пространства, со скоростью урагана мчалось вращающееся черное облако. Мгновение назад оно еще было боковой частью тучи, но вдруг оторвалось от нее и, таща за собой вытянувшиеся рукава, начало круто забираться вверх. Пилот, который заметил это на какую-то долю секунды раньше техника, рванулся в вертикальную свечу, набирая высоту, но туча гналась за ним, выбрасывая в небо черные щупальца. Пилот переносил огонь с одного из них на другой; ближайший черный клубок, получив удар в лоб, раздвоился, стал тоньше, вдруг изображение начало дрожать. В этот момент, когда часть тучи уже входила в поток радиоволн, ухудшая связь машины с базой, пилот в первый раз использовал излучатель антиматерии. Казалось, вся атмо-

сфера планеты превратилась в море огня; пурпурный свет захода исчез, словно его сдуло, сквозь зигзаги помех еще мгновение видны была туча и дымящиеся над ней столбы, которые белели, распухая, и тут другой, еще более страшный взрыв обрушил потоки разъяренного огня на исчезающий в клубах дыма и пара хаос скал. Но это было последнее, что увидели в рубке; в следующую секунду изображение распалось, по нему пробежала судорога разрядов и оно исчезло. Только пустой белый экран горел в затемненной рубке, и от этого лица всматривающихся в него людей казались смертельно бледными.

Хорпах приказал радистам вызывать обе машины, а сам перешел с Роханом, Язоном и остальными в соседнюю, навигационную каюту.

– Чем является, по-вашему, эта туча? – спросил он без всякого вступления.

– Она из металлических частиц. Что-то вроде взвеси, управляемой на расстоянии из какого-то центра, – сказал Язон.

– Гаарб?

– Я тоже так думаю!

– Есть какие-нибудь предложения? Нет? Тем лучше. Главный инженер, какой суперкоптер в лучшем состоянии – наш или с «Кондора»?

– Оба исправны, командир. Но за наш я ручаюсь больше.

– Отлично. Рохан, вы хотели, если не ошибаюсь, выйти из-под силового зонтика... Такой случай вам представится. Возьмете несколько человек, двойной комплект автоматов, контурные лазеры и антипроны... Есть у нас еще что-нибудь?

Никто не ответил.

– Ну, ладно, пока ничего более совершенного, чем антиматерия, не изобретено... Стартуете в четыре тридцать одну, в момент восхода солнца, и попробуйте найти тот кратер на северо-востоке, о котором говорил Реньяр в последнем донесении. Там сядете в открытое силовое поле. По дороге прошу поражать все на максимальной дистанции. Никаких ожиданий, наблюдений, экспериментов. Никакого ограничения мощности поражения. Если потеряете связь со мной, прошу продолжать выполнение задачи. Когда найдете кратер, садитесь, но осторожно, чтобы не свалиться на голову людям... Я допускаю, что они где-то в этом районе... – Он показал по карте, занимавшей всю стену: – В этой заштрихованной красным зоне. Это только эскиз, но ничего лучшего у меня нет.

– Что я должен делать после посадки? Должен ли я их искать?

– Это вы решите сами. Прошу только помнить об одном: никаких целей вы не должны поражать уже в радиусе пятидесяти километров от этого места, так как внизу могут быть наши люди.

– Никаких наземных целей?

– Вообще никаких. До этой границы, – одним движением астрогатор разделил территорию, показанную на карте, на две части, – можете использовать свои средства уничтожения наступательно. За этой линией можете защищаться только силовым полем. Язон? Сколько может выдержать поле суперкоптера?

– Даже миллионы атмосфер на квадратный сантиметр.

– Что значит «даже»? Вы что, продаете его мне? Я спрашиваю, сколько? Пять миллионов? Двадцать?

Хорпах говорил совершенно спокойно: такого настроения командира больше всего боялись на корабле. Язон откашлялся:

– Поле было испытано на два с половиной...

– Вот это другое дело. Слышите, Рохан? Если туча сдавит вас до этих пределов, отступайте, бегите. Лучше вверх. Впрочем, всего я предусмотреть не могу... – Он взглянул на часы. – Через восемь часов после старта буду вызывать на всех волнах. Если это не даст результата, попробуем наладить связь либо через спутники, либо оптически. Будем передавать морзянку лазером. Я еще не слышал, чтобы и это не дало результата. Но попробуем предвидеть больше того, о чем мы слышали. Если и лазеры не помогут, через три часа вы должны возвращаться обратно. Если меня здесь не будет...

– Вы собираетесь стартовать?

– Не прерывайте меня, Рохан. Нет. Не собираюсь. Но не все зависит от нас. Если меня здесь не будет, прошу выйти на околопланетную орбиту. Вы уже делали это на суперкоптере?

– Да, два раза на дельте Лиры.

– Хорошо. Значит, вы знаете, что это несколько сложно, но вполне осуществимо. Орбита должна быть стационарной; ее точные параметры перед стартом вам сообщит Стром. На орбите вы будете меня ждать тридцать шесть часов. Если я не дам о себе знать за это время, возвращайтесь на планету. Отправляйтесь на «Кондор» и попробуйте привести его в порядок. Я представляю, насколько это трудно. Тем не менее никаких других перспектив у вас не будет. Если вам удастся проделать этот фокус, возвращай-

тесь на базу и представьте рапорт обо всем, что произошло. У вас есть какие-нибудь вопросы?

– Да. Могу ли я попытаться установить контакт с теми... с тем центром, который управляет тучей, если мне удастся его отыскать?

– Это я оставлю на ваше усмотрение. Во всяком случае, риск должен оставаться в разумных пределах. Я, естественно, ничего не знаю, но мне кажется, что этот центр не находится на поверхности планеты. Кроме того, его существование вообще кажется мне проблематичным...

– Но почему? Разве...

– Мы ведь постоянно прослушиваем пространство во всем диапазоне электромагнитных волн. Если бы кто-нибудь управлял тучей при помощи излучения, мы бы зарегистрировали соответствующие сигналы.

– Центр мог находиться в самой туче...

– Возможно. Не знаю. Язон, может существовать какой-нибудь способ связи на расстоянии, не использующий электромагнитных излучений?

– Вы хотите знать мое мнение? Нет. Нет таких способов.

– Ваше мнение?.. А о чем ином я мог бы спрашивать?

– То, что я знаю, не равноценно тому, что существует. Что может существовать. Мы таких способов не знаем. Это все.

– Телепатия... – заметил кто-то из стоящих сзади.

– На эту тему ничего не могу сказать, – сухо отозвался Язон. – Во всяком случае, в исследованных областях космоса ничего подобного не обнаружено.

– Мы не можем тратить время на бесплодную дискус-

сию. Берите своих людей, Рохан, и подготовьте суперкоптер. Параметры орбиты через час вам вручит Стром. Коллега Стром, прошу вас рассчитать стационарную орбиту с пятитысячным апогеем.

– Хорошо.

Астрогатор приоткрыл дверь рубки:

– Тернер, как там? Ничего?

– Ничего, командир. Только помехи. Много помех, и ничего больше.

– Никаких следов эмиссионного спектра?

– Никаких следов...

«Это значит, что ни одна из машин не использует уже своего оружия, что они прекратили борьбу, – подумал Рохан. – Если бы они защищались огнем лазеров или хотя бы только индукционными излучателями, приборы «Непобедимого» обнаружили бы это на расстоянии нескольких сотен километров».

Рохан был слишком захвачен драматической ситуацией, чтобы беспокоиться по поводу полученного задания. Впрочем, на это у него просто не хватило бы времени. Ночью он ни на секунду не сомкнул глаз; нужно было проверить все устройства суперкоптера, заправить его дополнительными тоннами топлива, погрузить продукты и оружие, – в общем, к назначенному часу едва успели. Семидесятитонная двухэтажная машина поднялась в воздух, вздымая тучи песка, когда краешек багрового солнечного диска выглянул из-за горизонта, и рванулась прямо на северо-восток. Сразу же после старта Рохан набрал высоту пятнадцать километров: в стратосфере он мог развить максимальную скорость; кроме того, там было меньше

шансов встретить черную тучу. Так он, во всяком случае, думал. Может, он был прав или ему просто повезло, но, так или иначе, не прошло и часа, а они уже садились в засыпанный песком кратер, дно которого еще покрывал мрак.

Прежде чем бьющие вниз струи горячих газов подняли в воздух фонтаны песка, наблюдатели сообщили в навигационную рубку, что в северной части кратера они заметили что-то подозрительное. Тяжелая машина задержалась, слегка вздрагивая, словно на невидимой натянутой пружине, и с высоты пятисот метров был проведен внимательный осмотр этого места.

На пепельно-рыжем фоне на экране виднелись маленькие прямоугольники, геометрически правильно расположенные вокруг большого, серо-стального. Одновременно с Гаарбом и Балмином, которые были с ним у пульта управления, Рохан узнал машины экспедиции Реньяра. Они сели без промедления, не слишком далеко, соблюдая все предосторожности. Телескопические ноги коптера не перестали еще пружинить, сжимаясь в мерных приседаниях, когда был спущен трап и две разведывательные машины, защищенные подвижным силовым полем, двинулись в путь. Внутри кратер напоминал миску с выщербленными краями. Центральная горка вулкана была покрыта черной скорлупой лавы.

Преодоление полутора километров – таким приблизительно было расстояние – заняло у разведки несколько минут. Радиосвязь была отличной. Рохан разговаривал с Гаарбом, который находился в головном транспортёре.

– Подъем кончается, сейчас их увидим, – несколько

раз повторил Гаарб. Через мгновение он крикнул: – Есть! Вижу их!!! – И спокойнее:

– Кажется, все в порядке. Раз, два, три, четыре – все машины на местах. Но почему они стоят на солнце?

– А люди? Вы их видите? – допытывался Рохан, стоя, зажмутив глаза перед микрофоном.

– Да. Там что-то шевелится... это двое людей...о, еще один... и кто-то лежит в тени... Я их вижу, Рохан!

Голос его отдалился. Рохан слышал, как он говорит что-то своему водителю, потом послышался тупой звук, свидетельствовавший, что выпущена дымная ракета. Голос Гаарба снова усилился:

– Я их поприветствовал...дым отнесло немного в их сторону...сейчас он рассеется... Ярг... что там? Что?! Эй!.. Эй!..

Его крик заполнил всю кабину и оборвался. Рохан различал слабеющий рокот моторов, потом он утих, слышен был звук шагов, какие-то неясные, приглушенные расстоянием призывы, один, другой окрик, потом стало тихо.

– Алло! Гаарб! Гаарб! – повторил он переставшими слушаться губами. Шаги по песку приблизились, в репродукторе зашипело.

– Рохан! – раздался изменившийся, запыхавшийся голос Гаарба. – Рохан! То же самое, что с Кертеленом! Бесчувственные, нас не узнают, ничего не говорят... Рохан, вы меня слышите?

– Слышу... Все так?..

– Кажется... Еще не знаю. Ярг и Тернер ходят от одного к другому...

– Как, а поле?..

– Поле выключено. Его нет... Не знаю... Очевидно, выключили...

– Какие-нибудь следы борьбы? .

– Нет, ничего. Все машины в порядке... А они лежат, сидят, их можно трясти... Что? Что там?

Рохан услышал неясный звук, прерванный протяжным стоном. Он стиснул зубы, но не мог справиться с отвратительной тошнотой, скрутившей ему внутренности...

– Великое небо, это Гралеv! – раздался вопль Гаарба. – Гралеv! Дружище! Ты меня не узнаешь?!

Его дыхание, усиленное приборами, заполнило вдруг всю кабину.

– Он тоже... – Гаарб вздохнул, помолчал мгновение, как бы собираясь с силами. – Рохан... Я не знаю, сможем ли мы сами... Их всех нужно забрать отсюда. Пришлите мне еще людей...

– Сейчас.

Через час кошмарная процессия остановилась под металлическим корпусом суперкоптера. Из двадцати двух человек, отправившихся в экспедицию, осталось только восемнадцать; судьба остальных четырех была неизвестна. Большинство отнеслось к переезду спокойно, не сопротивляясь, но пятерых пришлось взять силой, так как они не хотели покидать места, где их нашли. Пять носилок отнесли в импровизированный лазарет, оборудованный в нижнем отсеке. Остальных тринадцать мужчин, производивших ужасное впечатление каменными, похожими на маски лицами, отправили в отдельное помещение, где они позволили уложить себя в постели. Нужно было их раздеть, снять с них ботинки, – они были беспомощны, как

новорожденные. Рохан, немой свидетель этой сцены, стоя в проходе между шеренгами коек, заметил, что, в то время как большинство найденных сохраняет мертвое пассивное спокойствие, немногие – те, которых пришлось привести силой, – плачут и орут жуткими голосами.

Он оставил пострадавших под опекой врача, а сам отправил на поиски исчезнувших всю технику, какой располагал. Теперь, вместе с машинами Реньяра, ее было много. Он едва успел выслать последнюю группу, как радист вызвал его в кабину: установилась связь с «Непобедимым». Рохан даже не удивился, что это удалось. Казалось, его уже ничто не могло удивить. Он коротко сообщил Хорпаху обо всех происшествиях.

– Кого недостает? – спросил астрогатор.

– Самого Реньяра, Бенигсена, Коротки и Мида. Что с самолетами? – в свою очередь поинтересовался Рохан.

– Нет никаких сведений.

– А туча?..

– Утром я послал патруль. Он вернулся через час назад. Никаких следов тучи...

– Ничего? Вообще ничего?

– Ничего.

– И самолетов?

– Ничего.

ГИПОТЕЗА ЛАУДЫ

Доктор Лауда постучал в кабину астрогатора, вошел и увидел, что тот разглядывает фотограмметрическую карту.

– Что там? – не поднимая головы, спросил Хорпах.

– Я хотел вам сказать...

– Это срочно? Через пятнадцать минут старт.

– Не знаю. Мне кажется, я начинаю понимать, что тут происходит.

Астрогатор отложил циркуль. Их глаза встретились. Биолог был не моложе командира. Странно, что ему еще позволяли летать. Видно, для него это было важно. Он походил скорее на старого механика, чем на ученого.

– Вам так кажется, доктор? Слушаю.

– В океане есть жизнь, – сказал биолог. – В океане есть, а на суше – нет.

– Почему же? На суше тоже была жизнь. Ведь Балмин нашел следы...

– Да. Но им больше пяти миллионов лет. Потом все, что жило на суше, погибло. То, что я скажу, звучит фантастично, и, собственно говоря, у меня нет никаких доказательств. Но это так. Предположите, что когда-то, миллионы лет назад, здесь сел корабль из другой системы. Возможно, из района Новой. – Лауда говорил теперь немного быстрее, но спокойно. – Мы знаем, что перед вспышкой дзеты Лиры шестую планету системы населяли разумные существа. Они имели высокоразвитую цивилизацию технологического типа. Предположим, что здесь сел разведывательный корабль лирян и что произошла катастрофа. Какой-нибудь несчастный случай, в результате которого погиб весь экипаж. Ну, скажем, взрыв двигателей, цепная реакция... Во всяком случае, на корабле, севшем на Регисе, не было ни одного живого существа. Уцелели только... автоматы. Не такие, как наши. Не *человекоподобные*. Лиране, вероятно, тоже не были человекоподобны. Итак, ав-

томаты уцелели и покинули корабль. Это были высоко-специализированные гомеостатические механизмы, способные существовать в тяжелейших условиях. Не было никого, кто отдавал бы им приказы. Та их часть, которая с точки зрения структуры мышления наиболее походила на лирян, возможно, пыталась отремонтировать корабль, хотя в образовавшейся ситуации это не имело смысла. Но ведь вы знаете, ремонтный робот будет ремонтировать то, что должен, не интересуясь, нужно это кому-нибудь или нет. Однако потом взяли верх другие автоматы. Они отделились от тех, высокоорганизованных. Может быть, на них пытались нападать представители местной фауны. Тут существовали ящероподобные пресмыкающиеся, следовательно, были и хищники, а хищник определенного типа атакует все, что движется. Автоматы начали с ними бороться и победили. Этой борьбе они должны были научиться. Они преобразовались так, чтобы как можно лучше приспособиться к господствующим на планете условиям. Ключевым моментом здесь, по моему мнению, было то, что эти автоматы обладали способностью производить другие, в зависимости от потребностей. Так, скажем, для борьбы с летающими ящерами понадобились летающие механизмы. Никакие конкретные детали мне, конечно, не известны. Просто именно так я вообразил бы себе подобную ситуацию в условиях естественной эволюции. Возможно, здесь не было летающих ящеров, возможно, были роющие пресмыкающиеся, подземные. Не знаю. Факт тот, что с течением времени эти механизмы приспособились к внешним условиям достаточно хорошо и им удалось подавить все формы животного мира планеты. Растительного тоже.

– Растительного тоже? Как вы это объясняете?

– Я мог бы предложить даже несколько гипотез, но предпочитаю этого не делать. Впрочем, я не сказал еще самого главного. В процессе своего существования на планете, так сказать, потомки первых механизмов через какое-то количество сотен поколений перестали быть похожими на тех, которые дали им жизнь, то есть на продукты *лирянской* цивилизации. Понимаете? Это значит, что началась мертвая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является основным принципом гомеостаза? Выжить в изменившихся условиях, даже в наиболее враждебных, в самых тяжелых. Для дальнейших форм этой эволюции самоорганизующихся механических систем главная опасность исходила не со стороны местных животных или растений. Они должны были изыскать источники энергии и материалов, из которых могли бы производить запасные части и целые организмы. Развилось что-то вроде горной промышленности, поиски металлических руд. Первоначально их предки, которые прибыли на этом гипотетическом корабле, несомненно, питались лучистой энергией. Но на Регисе вообще нет радиоактивных элементов, значит, этот источник энергии был для них потерян. Им пришлось искать иной. Острый энергетический кризис был неизбежен, и я думаю, что тогда дело дошло до взаимной борьбы между этими устройствами. Просто до борьбы за существование. Ведь на ней и основана эволюция. На селекции. Устройства, находящиеся с точки зрения интеллекта на высоком уровне, но не приспособленные к жизни, положим, из-за размеров, которые требовали большого количества энергии, не могли выдержать

конкуренции с менее развитыми, но более экономными и более эффективными с энергетической точки зрения.

– Постойте. Не будем говорить о фантастичности, но ведь в эволюции, в эволюционной борьбе выигрывает всегда существо с более развитой нервной системой, не правда ли? В этом случае вместо нервной была, скажем, электрическая, но принцип-то остается тот же...

– Это верно, но только по отношению к однородным организмам, образовавшимся на планете естественным способом, а не прибывшим откуда-то извне.

– Не понимаю.

– Просто биохимические условия функционирования существ на Земле всегда были и до сих пор остаются совершенно одинаковыми. Водоросли и амебы, растения и животные, низшие и высшие построены из почти одинаковых клеток, имеют почти одинаковый – белковый – обмен веществ, и в результате такого ровного старта отличительным признаком становится тот, о котором вы говорили. Это не единственное отличие, но во всяком случае одно из важнейших. Но здесь было иначе. Наиболее развитые из механизмов, которые оказались на Регисе, черпали энергию из собственных радиоактивных источников, а более простые устройства, какие-нибудь небольшие ремонтные системы, могли работать от солнечных батарей. Это давало им огромное преимущество...

– Но те, более развитые, могли отобрать солнечные батареи... А впрочем, куда ведет наш спор? Может, не стоит обсуждать это, Лауда?..

– Нет, это очень важная вещь, командир, очень важное обстоятельство, поскольку, по моему мнению, тут дело

дошло до мертвой эволюции чрезвычайно своеобразного характера, вызванной исключительными условиями, редким стечением обстоятельств. Короче говоря, я вижу это так: в эволюционной борьбе победили два вида устройств – наиболее эффективно уменьшавшиеся в размерах и другие – неподвижные. Первые дали начало этим самым черным тучам. Лично я думаю, что это очень маленькие псевдонасекомые, способные соединяться в случае необходимости, ради каких-то общих интересов, в большие системы. Как раз в виде туч. Так шла эволюция подвижных механизмов. Оседлые же образовали тот странный вид металлической вегетации, которые представляют развалины так называемых «городов».

– Значит, по-вашему, это не города?

– Ну, конечно. Это никакие не города, а лишь большие колонии оседлых механизмов, неживых существ, способных к размножению и черпающих солнечную энергию посредством своеобразных органов... Ими, как я предполагаю, являются треугольные пластины...

– Значит, вы считаете, что этот «город» развивается и дальше?

– Нет. У меня сложилось впечатление, что по каким-то неизвестным причинам «город», вернее «металлический лес», проиграл борьбу за существование и сейчас представляет собой только ржавеющие обломки. Уцелела всего одна форма – движущиеся механизмы, которые завоевали всю сушу планеты.

– Почему?

– Не знаю. Я проделал различные подсчеты. Возможно, в течение последних трех миллионов лет солнце Реги-

са III остывало быстрее, чем раньше, так что большие оседлые «организмы» уже не могли получать от него достаточного количества энергии. Но это только туманное допущение.

— Предположим, что все именно так, как вы говорите. Допускаете ли вы, что эти «тучи» имеют какой-то управляющий центр на поверхности или под поверхностью планеты?

— Думаю, что ничего подобного не существует. Возможно, эти микромеханизмы сами становятся таким центром, каким-то «мертвым мозгом», когда соединяются определенным способом. Может быть, раздельное существование для них более выгодно. Они составляют отдельные рои, благодаря этому могут постоянно находиться в солнечных лучах, либо двигаться за грозowymi тучами, — не исключено, что они черпают энергию из атмосферных разрядов. Но в момент опасности или, шире, внезапного изменения, которое грозит их существованию, объединяются...

— Что-то, однако, должно вызвать эту реакцию объединения. Впрочем, где находится во время «роения» необычно сложная память обо всей системе? Ведь электронный мозг «умнее» любого из своих элементов, Лауда. Как же эти элементы умудряются после разделения снова вскочить на нужное место? Для этого каким-то образом должна была бы возникнуть схема всего мозга.

— Не обязательно. Достаточно, чтобы каждый элемент «помнил», с какими другими элементами он непосредственно соединялся. Скажем, элемент номер один определенными поверхностями должен соединиться с шестью

другими элементами; каждый из них «знает» то же самое о себе. Таким образом, количество информации, содержащееся в отдельном элементе, может быть ничтожно мало, но зато достаточно сигнала типа «Внимание! Опасность!», как образуются нужные контакты и мгновенно образуется «мозг». Но это, конечно, лишь примитивная схема. Я думаю, дело обстоит гораздо сложнее... Такие элементы наверняка довольно часто уничтожаются, что, однако, не отражается на деятельности целого...

— Ладно! У нас нет времени, чтобы вдаваться в детали. Видите ли вы какие-то конкретные выводы для нас из своей гипотезы?

— В определенном смысле да, но негативные. Миллионы лет механической эволюции — это явление, с каким до сих пор человек в Галактике не встречался. Прошу вас обратить внимание на основную проблему. Все известные нам машины служат не себе самим, но кому-то. Таким образом, с человеческой точки зрения совершенно бессмысленным является существование металлических «лесов» Региса или его железных «туч». Правда, так же «бессмысленны», например, кактусы в земной пустыне. Суть дела в том, что автоматы хорошо приспособились к борьбе с живыми существами. Я думаю, что они убивали только в самом начале этой борьбы, когда на суше бурлила жизнь: расход энергии на убийства оказался неэкономичным. Поэтому они используют другие методы, результатом чего была и катастрофа «Кондора», и случай Кертелена, и, наконец, выход из строя группы Реньяра...

— Что это за методы?

— Я не знаю точно, на чем они основаны. Могу лишь

высказать свое личное мнение: случай Кертелена – это уничтожение почти всей информации, какую содержит мозг человека. То же наверняка относится и к животным. Искалеченные таким образом живые существа, естественно, должны погибать... Этот способ быстрее, проще и экономичнее убийства... Мой вывод, увы, весьма пессимистичен. Пожалуй, это еще слабо сказано... Мы находимся в положении неизмеримо худшем, чем они, и одновременно по нескольким причинам. Во-первых, живое существо убить гораздо легче, чем испортить мертвое устройство. Дальше, они эволюционировали в таких условиях, что им приходилось одновременно бороться и с живыми существами, и со своими металлическими «братьями» – с разумными автоматами. Они вели войну одновременно на два фронта, победив все приспособительные механизмы живых существ и весь интеллект разумных машин. Результатом этой многолетней борьбы должны быть необыкновенный универсализм и совершенство средств уничтожения. Боюсь, что для победы над ними нам пришлось бы всех их уничтожить – а это почти невозможно.

– Вы так думаете?

– Да. Конечно, при соответствующей концентрации средств можно было бы уничтожить всю планету... Но это ведь не является нашей задачей, не говоря уже о том, что у нас просто не хватит сил. Ситуация эта единственная в своем роде, поскольку – как я ее вижу – интеллектуально мы сильнее. Эти механические существа не представляют какой бы то ни было разумной силы, просто они великолепно приспособлены к внешним условиям... К уничтожению всего, что разумно, а также всего, что живет. Сами

же они мертвые... Поэтому то, что для них еще безопасно, для нас может быть смертельно...

– Но откуда у вас уверенность, что они обладают разумом?

– Я мог бы уйти от ответа, сослаться на незнание, но скажу вам: если я вообще в чем-то уверен, так именно в этом. Почему они не представляют *разумной* силы? Да имей они разум, они бы давно с нами расправились. Если вы мысленно переберете все происшедшее на Регисе с момента нашей посадки, то заметите, что они действуют без всякого стратегического плана. Нападают от случая к случаю.

– Но... способ, которым они нарушили связь между Реньяром и нами, затем атака на разведывательные машины...

– Они просто делают то, что делали тысячелетия... Ведь те, высшие автоматы, которые они уничтожили, наверняка сообщались друг с другом с помощью радиоволн. Сделать обмен информацией невозможным, нарушить связь – это было одной из первых их задач. Решение напрашивалось само, трудно придумать лучший экран, чем металлическая туча. А теперь? Что мы должны делать дальше? Мы должны охранять себя и наши автоматы, наши машины, без которых мы были бы ничем. Они же имеют полную свободу маневра, имеют практически неисчерпаемые источники регенерации, могут размножаться, если мы уничтожим какую-то часть их; при этом на них не действуют никакие средства, опасные для живого... Становятся необходимы наиболее мощные наши средства: удары антиматерией... Но уничтожить всех их

таким способом невозможно. Вы заметили, как они поступают при нападении? Просто рассыпаются... Кроме того, мы должны постоянно находиться под защитой, что ограничивает наши возможности, а они могут свободно дробиться, передвигаться в любом направлении... И если бы мы их разбили на этом континенте, переберутся на другие. Но в конце концов это не наша задача – уничтожить их. Я считаю, что мы должны улететь.

– Ах, вот как!

– Да. Поскольку своими противниками мы имеем создания мертвой эволюции, наверняка апсихичные, то не можем решать проблемы в категориях мести либо расплаты за «Кондор», за судьбу его команды. Это все равно что отхлестать океан, утопивший корабль и людей...

– В том, что вы говорите, было бы много верного, если бы все обстояло именно так, – произнес вставая Хорпах. Он оперся руками на исчерченную карту. – Но в конце концов это только гипотеза, а мы не можем вернуться с гипотезами. Нам нужна уверенность. Не месть, а уверенность. Точный диагноз, точные факты. Как только мы их установим, как только я буду иметь в контейнерах образцы этой летающей механической фауны, – если она действительно существует, – я сразу же соглашусь, что здесь нам больше делать нечего. Тогда уже делом Базы будет устанавливать дальнейший образ действий. Кстати говоря, нет никакой гарантии, что эти создания, оставшись на планете, не будут развиваться так, что в конце концов не начнут угрожать космическим полетам в этом районе Галактики.

– Если бы это и случилось, то не раньше чем через

сотни тысяч, а скорее, через миллионы лет. Я все же опасаюсь, что вы рассуждаете так, словно мы стоим лицом к лицу с мыслящим противником. Повторяю, это не так. То, что когда-то было инструментом разумных существ, после их исчезновения получило самостоятельность и по истечении миллионов лет стало частью природных сил планеты. Жизнь осталась в океане, так как туда не распространяется механическая эволюция, но она не дает выхода формам этой жизни на сушу. Этим объясняется умеренное содержание кислорода в атмосфере – его выделяют океанские водоросли. Этим же объясняется и вид поверхности континентов. Они пустынные, так как эти существа ничего не строят, не создают никакой цивилизации, никаких ценностей, не имеют вообще ничего, кроме самих себя... Поэтому мы должны расценивать их как силу природы. Природа тоже не делает никаких оценок, не создает ценностей. Эти творения просто являются сами собой, существуют и действуют так, чтобы это существование продолжалось...

– Как вы объясняете гибель самолетов? Их ведь охраняло силовое поле...

– Силовое поле можно уничтожить другим силовым полем. Впрочем, чтобы уничтожить в доли секунды всю память, содержащуюся в мозгу человека, нужно мгновенно возбудить вокруг его головы магнитное поле такой напряженности, какое трудно было бы реализовать даже нам – средствами, которые есть у нас на борту. Для этого потребовались бы гигантские преобразователи, трансформаторы, электромагниты...

– И вы думаете, что они все это имеют?

– Ну, конечно же, нет! Они ничего не имеют. Это просто кирпичики, из которых в зависимости от потребности строится то, что необходимо. Приходит сигнал: «Опасность!» Появилось нечто, вызвавшее какие-то изменения, например изменение электростатического поля... Летающий рой немедленно образует «туче-мозг», и просыпается его общая «память»: такие существа уже были, с ними боролись так-то, это привело к их уничтожению... И этот образ действия повторяется...

– Хорошо, – сказал Хорпах, который уже некоторое время не слушал старого биолога. – Старт откладывается. Соберем совещание. Я предпочел бы этого не делать, намечается большая дискуссия, ученые страсти разгорятся, но иного выхода не вижу... Через полчаса в главной библиотеке, доктор Лауда...

– Пусть меня убедят, что я ошибаюсь, и тогда на борту появится человек, действительно удовлетворенный... – спокойно сказал Лауда и так же тихо, как вошел, покинул каюту.

Хорпах выпрямился, прошел к стенному информатору и, нажав кнопку внутренней переговорной сети, вызвал по очереди всех ученых.

Как оказалось, большинство специалистов предполагало примерно то же, что и Лауда; он был лишь первым, кто сформулировал свое мнение *категорично*. Споры разгорелись только вокруг проблемы психичности или апсихичности «тучи». Кибернетики скорее склонялись к мнению, что это мыслящая система, обладающая способностью к определенной стратегии. На Лауду нападали резко.

Хорпах понимал, что горячность этих атак вызвана не столько гипотезой Лауды, сколько тем, что он не обсудил ее предварительно с коллегами, а пришел прямо к нему самому. Несмотря на все узы, объединившие их с экипажем, ученые образовывали, однако, что-то вроде «государства в государстве» и придерживались определенного неписаного кодекса поведения.

Главный кибернетик Кронотос поинтересовался, каким образом, по мнению Лауды, «туча», лишённая интеллекта, научилась атаковать людей.

— Но это же просто, — ответил биолог. — Она ничего другого не делала в течение миллиона лет. Я имею в виду борьбу с первоначальными обитателями Региса. Это были животные, обладавшие центральной нервной системой. Туча научилась атаковать их точно так же, как земное насекомое атакует жертву. И делает это с той же точностью, с какой оса умудряется впрыснуть яд в нервные узлы кузнечика или жука. Это не интеллект, это инстинкт...

— А откуда она «знала», как атаковать самолеты? С самолетами ведь до сих пор она не встречалась...

— Этого мы не можем знать, коллега. Они дрались, как я уже сказал, на два фронта. И с живыми обитателями Региса, и с мертвыми, то есть с другими автоматами. Им приходилось использовать различные виды энергии для обороны и нападения...

— Но если среди них не было летающих...

— Я догадываюсь, что имеет в виду доктор Лауда, — заметил заместитель главного кибернетика Зорахан. — Эти большие автоматы, макроавтоматы, общались друг с другом с целью кооперации, и легче всего уничтожить их

можно было с помощью изоляции, разделения, а лучший способ для этого – блокирование связи.

– Речь идет не о том, можно ли объяснить отдельные варианты поведения «тучи» без использования версии ее «разумности», – ответил Кронотос, – ведь нас не ограничивает бритва Оккама. Нашей задачей, по крайней мере сейчас, является создание не такой гипотезы, которая наиболее эффективно объяснила бы все, а такой, которая обеспечивала бы максимальную безопасность действий. Поэтому правильнее признать, что «туча» может обладать разумом, это более осмотрительно. В этом случае мы будем действовать осторожнее. Если же мы вслед за Лаудой примем, что она разумом не обладает, а в действительности она его имеет, – мы можем заплатить за такую ошибку страшной ценой... Я говорю не как теоретик, но прежде всего как стратег...

– Не знаю, кого ты хочешь победить – «тучу» или меня, – спокойно ответил Лауда. – Я не выступаю за неосторожность, но «туча» не обладает разумом иного типа, нежели насекомое, а точнее, не столько одиночное насекомое, сколько, скажем, муравейник. В противном случае нас бы уже не было.

– Докажи.

– Мы не являлись для них первым противником типа homo, она уже имела с ним дело: напоминаю, что перед нами здесь сел «Кондор». Так вот, чтобы проникнуть под силовое поле, этим микроскопическим «мушкам» достаточно было зарыться в песок. Поле кончается у его поверхности. Они знали силовые поля «Кондора» и, следовательно, могли научиться приемам нападения. Но ничего

подобного не сделали. Либо «туча» глупа, либо она действует инстинктивно.

Кронотос не хотел отступать, но тут вмешался Хорпах, предлагая прекратить дискуссию. Он просил вносить конкретные предложения на основании того, что установлено с большой вероятностью. Нигрен спросил, нельзя ли экранировать людей, надевая металлические шлемы, которые уничтожают воздействие магнитного поля. Однако физики пришли к выводу, что это не даст результата, так как очень сильное магнитное поле создаст в металле вихревые токи, которые разогреют шлемы до высокой температуры. Когда начнет припекать, не будет другого выхода, как только сорвать шлем с головы и подставить себя под удар.

Была уже ночь. Хорпах в одном углу зала разговаривал с Лаудой и врачами, отдельно сгруппировались кибернетики.

– Все-таки невероятно, что существа более разумные, макроавтоматы, не одержали победы, – сказал кто-то из ученых. – Это было бы исключение, подтверждающее правило, что эволюция идет в направлении усложнения, усовершенствования гомеостаза... Вопросы информации, ее использования...

– Эти автоматы не имели шансов именно потому, что уже с самого начала были так высоко развиты и сложны, – ответил Зорахан. – Пойми, они были очень специализированы, приспособлены для сотрудничества со своими конструкторами, лирянами, а когда лирян не стало, они остались как бы искалеченными, лишенными руководства. В то же время формы, из которых образовались сегодняшние «мушки» (я совсем не утверждаю, что они существо-

вали уже тогда, даже считаю это исключенным – они должны были образоваться значительно позднее), те формы были относительно примитивны и поэтому имели перед собой много дорог для развития.

– Возможно, был еще более важный фактор, – добавил доктор Сакс, подошедший к кибернетикам. – Мы имеем дело с механизмами, а механизмы никогда не проявляют таких тенденций к регенерации, как живое существо, живая ткань, воспроизводящая себя после повреждения. Макроавтомат, если даже он и мог исправить другой, нуждался для этого в инструментах, в целом машинном парке. Достаточно было отрезать их от таких инструментов, чтобы ослепить. Тогда они стали почти беззащитной жертвой этих летающих созданий, которые испортить было гораздо труднее...

– Очень интересно! – воскликнул вдруг Зорахан. – Из этого следует, что автоматы нужно строить совершенно иначе, чем мы это делаем, чтобы они были действительно универсальными: нужно исходить из маленьких элементарных кирпичиков, из псевдоклеток, которые будут взаимозаменяемы...

– Это не так уж ново, – усмехнулся Сакс, – именно по такому пути пошла эволюция живых форм, и не случайно. И то, что «туча» состоит из таких взаимозаменяемых элементов, тоже наверняка не случайно. Это вопрос материала: поврежденный макроавтомат требует частей, изготовить которые можно только имея высокоразвитую промышленность; система же, состоящая из пары кристаллов, или термисторов, или иных простых элементов, такая система может быть уничтожена, и ничего не случится – ее просто заменит одна из миллиарда аналогичных...

Видя, что сейчас от ученых многого ждать не приходится, Хорпах покинул собравшихся, они этого даже не заметили, увлеченные дискуссией. Командир отправился в рубку, чтобы сообщить группе Рохана о гипотезе «мертвой эволюции». Было уже темно, когда «Непобедимый» установил связь с суперкоптером, находящимся в кратере. К аппарату подошел Гаарб.

— У меня осталось только семь человек, — сказал он. — Из них два врача при этих несчастных. Остальные сейчас спят, кроме радиста... Да... полная силовая защита... Рохан еще не вернулся.

— Еще не вернулся? А когда он выехал?

— Около шести пополудни. Забрал семь машин и остальных людей, одиннадцать человек... Мы договорились, что он вернется после захода... Солнце зашло десять минут назад.

— У вас есть с ним радиосвязь?

— Связь потеряна час назад.

— Гаарб! Почему же вы немедленно не сообщили мне?

— Рохан предупредил, что на некоторое время связь прервется, так как он забирается в одно из глубоких ущелий. Их склоны обросли металлическим свинством, которое так экранирует, что практически на связь надеяться нельзя...

— Прошу сообщить мне сразу же, как только Рохан вернется... Он за это ответит... Так мы скоро всех можем потерять...

Астрогатор говорил что-то еще, но его прервал возглас Гаарба:

— Они подъезжают, командир! Я вижу свет, это Ро-

хан... Раз, два... Нет, только одна машина... Сейчас я все узнаю...

– Жду.

Гаарб, увидев огни фар, ползущие низко над землей, то освещавшие лагерь, то упиравшиеся в неровности почвы, схватил ракетницу и дважды выстрелил вверх. Этого было достаточно, чтобы все спящие вскочили на ноги. Тем временем машина описала дугу, радист открыл проход в энергетической стене, и в обозначенную голубыми светлячками щель вкатился запыленный вездеход и подъехал к холмику, на котором стоял суперкоптер. К своему ужасу Гаарб узнал маленькую, рассчитанную на трех человек амфибию командира группы. Вместе с остальными людьми он побежал к машине. Не успела она остановиться, как из нее выпрыгнул человек в разодранном комбинезоне, с лицом, настолько испачканным грязью и кровью, что Гаарб не узнал его, пока тот не заговорил.

– Гаарб... – простонал человек, хватая ученого за плечи, ноги его подгибались.

– Что случилось? Где остальные?

– Нет... их... никого... – прошептал Рохан и, потеряв сознание, повис на руках подбежавших людей.

К полуночи врачам удалось привести его в чувство. Лежа под алюминиевой оболочкой барака в кислородной палатке, он рассказал то, что получасом позднее Гаарб передал на «Непобедимый».

ГРУППА РОХАНА

Колонна, которую вел Рохан, состояла из двух больших энергоботов, четырех вездеходов и маленькой амфи-

бии. В ней находился сам Рохан вместе с Яргом и боцманом Тернером. Они двигались строем, соответствующим инструкции третьей степени. Впереди шел энергобот, за ним – амфибия Рохана, потом вездеходы, в каждом из которых находилось по два человека, и замыкал колонну второй энергобот, вместе с первым защищавший всю группу пузырем силового поля.

Рохан решился на это путешествие, поскольку еще в кратере удалось с помощью «электроскопов» – ольфактометрических индикаторов – обнаружить следы четырех исчезнувших людей. Было ясно, что если их не удастся найти, они погибнут от голода или жажды, блуждая в скалах, более беспомощные, чем дети.

Первые километры группа прошла, руководствуясь показателями индикаторов. Около семи часов у входа в одно из широких и мелких в этом месте ущелий обнаружили следы, четко отпечатавшиеся в мягком иле, оставленном высохшим потоком. Три следа хорошо сохранились, четвертый был неясным, его размыла вода, слабо струящаяся вдоль камней. Следы с характерным рисунком, свидетельствующим о том, что их оставили люди из группы Реньяра, направлялись в глубину ущелья и немного дальше исчезали на камнях. Но это не испугало Рохана, так как он видел, что склоны становятся все более крутыми. Вскарabкаться по этой крутизне пораженным амнезией людям было не по силам. Рохан рассчитывал, что скоро найдет их в глубине ущелья, скрывавшегося за крутыми поворотами.

После короткого совещания колонна двинулась дальше и вскоре добралась до места, где на склонах росли стран-

ные, необычайно густые металлические «кусты». Это были приземистые, высотой от одного до полутора метров образования. Они торчали из забитых черноватым илом трещин обнаженной скалы. Сначала они появлялись по одному, по два, а затем слились в монолитную гущу, ржавый, щетинистый слой, покрывавший склоны ущелья почти до самого дна, где, спрятавшись под камнями, сочилась тоненькая ниточка воды.

Между «кустами» виднелись отверстия пещер. Из одних струились тонкие ручейки, другие казались сухими. В те пещеры, отверстия которых находились низко, пробовали заглядывать, освещая их прожекторами. В одной из пещер нашли довольно много мелких, наполовину залитых капавшей со свода водой треугольных кристалликов. Целую горсть их Рохан сунул в карман. Потом они проехали еще с полкилометра вверх по ущелью, делавшемуся все более крутым. Пока что гусеницы машин хорошо справлялись с уклоном, а так как в двух местах снова удалось обнаружить следы ботинок в засохшем по берегам ручейка иле, Рохан не сомневался, что они сдут в нужном направлении. После одного из поворотов радиосвязь с суперкоптером значительно ухудшилась. Рохан приписал это экранирующему действию металлических зарослей. По обеим сторонам ущелья, местами почти вертикально, возносились стены, сплошь покрытые похожими на жесткий черный мех проволочными зарослями.

Проехали через двое довольно широких каменных ворот, — это заняло много времени, так как техникам поля пришлось очень осторожно уменьшать радиус защиты, чтобы не задеть за скалы. Скалы были рыхлые, разъеден-

ные эрозией, и каждый энергетический удар, вызванный случайным соприкосновением поля со скальным массивом, мог вызвать лавину. Они боялись, конечно, не за себя, а за пропавших товарищей, которых такой обвал – если они находились поблизости – мог поранить или убить.

Прошло около часа после того, как прервалась радиосвязь, когда на экранах магнитных индикаторов появились частые вспышки. Пеленгаторы, казалось, вышли из строя, и при попытках выяснить, откуда поступают импульсы, показывали все стороны света одновременно. Только с помощью индикаторов напряженности и поляризаторов удалось установить, что источником переменного магнитного поля являются заросли, покрывающие стены ущелья. Лишь тогда заметили, что здесь заросли выглядят иначе, чем в оставшейся позади части ущелья: пропал ржавый налет, кусты стали выше, больше и словно еще чернее, их стержни или ветви были облеплены странными утолщениями. Рохан решил не заниматься их исследованием: не следовало рисковать, открывая силовое поле.

Поехали немного быстрее, импульсометры и магнитные индикаторы показывали все более разнородную активность. Подняв глаза, можно было увидеть, как кое-где над поверхностью черной чащи дрожит воздух, словно нагретый до высокой температуры, а за вторыми каменными воротами, над кустами, появились едва заметные облачка, похожие на разлетающийся дым. Но это происходило так высоко, что в природе облачков нельзя было разобрать даже с помощью бинокля. Правда, Ярг, одаренный очень острым зрением, утверждал, что эти «дымки» выглядят как рой маленьких насекомых.

Рохан уже начал слегка беспокоиться – путешествие длилось дольше, чем он ожидал, а конца крутому ущелью все еще не было. Они снова поехали быстрее, дорогу больше не преграждали нагромождения камней на дне потока. Поток исчез, спрятавшись под осыпью; только когда машины останавливались, в наступившей тишине чуть слышался шелест невидимой воды.

За очередным поворотом появились третьи каменные ворота, гораздо более узкие, чем те, которые они миновали. Измерив их, техники сообщили, что проехать с включенным полем невозможно (поле не могло приобретать любую произвольную форму, а всегда представляло собой вариант тела вращения). До сих пор им удавалось протиснуться сквозь сужения ущелья, предельно сжимая силовое поле, но теперь ничего не выходило. Рохан посоветовался с физиком Томаном и обоими техниками, и они вместе решили, что рискнут проскочить, на мгновение разорвав силовую защиту. Первый энергобот должен был проехать с выключенным эмиттером и сразу же снова его включить, создав спереди поле в виде выпуклого диска. Во время движения сквозь узкий проход четырех вездеходов и амфибии Рохана они оставались бы без защиты только сверху, замыкающий колонну энергобот, миновав ворота, соединил бы свою энергетическую полусферу с полем первого.

Все шло по плану, и последний из вездеходов уже проезжал между каменными столбами, когда воздух странно, беззвучно всколыхнулся, словно где-то рядом рухнула скала, щетиновые стены ущелья задымились, из них выползла черная туча и с сумасшедшей скоростью ринулась

на колонну. Рохан, который решил пропустить сначала вездеходы и в этот момент как раз намеревался двинуться следом за ними, увидел черный выброс на склонах ущелья и яркую вспышку впереди, где клубы атакующей тучи горели в поле первого энергобота. Но большая часть тучи пронеслась над защитой и упала на машины. Рохан крикнул Яргу, чтобы тот немедленно запустил задний энергобот и соединил его поле с передним, — в этой ситуации опасность каменной лавины уже не имела значения; Ярг попытался выполнить приказ, но безрезультатно. Вероятно, как решил потом главный инженер, перегрелись клистроны приборов. Если бы Ярг подержал аппаратуру под током еще несколько секунд, поле бы, несомненно, возбуждалось, но он потерял голову и, вместо того чтобы попробовать еще раз, рванулся из машины. Рохан вцепился в его комбинезон, но охваченный страхом Ярг вывернулся и помчался вниз по ущелью. Когда Рохан дотянулся до приборов, было уже поздно.

Люди, захваченные врасплох, выпрыгивали из вездеходов и разбегались во все стороны, почти невидимые в клубящихся лохмотьях тучи. Все это выглядело настолько неправдоподобным, что Рохан даже не пытался что-нибудь сделать (впрочем, это было и невозможно — включив поле, он убил бы своих товарищей, которые карабкались на склоны, как будто искали защиты в металлической чаше). Он пассивно стоял в машине, ожидая своей судьбы. За его спиной Тернер, высунувшись по пояс из своей башенки, бил из спаренных лазеров вверх, но этот огонь не имел никакого значения, так как большая часть тучи была уже слишком близко. От остальных машин Рохана отделя-

ло не больше шестидесяти метров. В этом пространстве метались и катались по земле как бы охваченные черным пламенем несчастные люди. Наверное, они кричали, но их крик, как и все другие звуки, вместе с урчанием переднего энергобота, на силовом поле которого все еще сгорали в дрожащих вспышках мириады нападающих, тонул в протяжном басовом гудении тучи.

Рохан все еще стоял, наполовину высунувшись из своей амфибии, даже не пробуя в ней укрыться, не оттого, что в нем пробудилась смелость отчаяния, а, как он сам рассказывал после, просто потому, что об этом – как, впрочем, и ни о чем другом – не думал.

Это зрелище, забыть которое он не мог, – люди под черной лавиной – вдруг поразительно изменилось. Люди перестали кататься по камням, убегать, карабкаться на откосы. Они медленно вставали или садились, а туча, разделившись на несколько воронок, образовала над каждым как бы локальный смерч, который одним прикосновением окружал туловище или только голову человека. Потом туча снова слилась воедино и, волнуясь, завывая, начала подниматься все выше между стенами ущелья, заслонив свет вечернего неба, с протяжным слабеющим шумом заползла в скалы, растворилась в черных джунглях и исчезла. И только маленькие черные пятнышки, разбросанные между неподвижными фигурами, подтверждали реальность того, что произошло здесь мгновение назад.

Рохан, все еще не веря в собственное спасение и не понимая, чем его объяснить, поискал глазами Тернера. Но башенка была пуста; боцман, очевидно, выскочил из нее, – непонятно, как и когда. Рохан увидел его лежащим по-

одаль, с лазерами, приклад которых он все еще прижимал к плечу, глядя перед собой немигающим взглядом.

Рохан выбрался из машины и начал бегать от одного пострадавшего к другому. Они его не узнавали. Ни один из них не отозвался. Большинство казались спокойными, они ложились на камни или садились на них, двое или трое встали и, подойдя к машинам, начали ощупывать их медленными неловкими движениями слепых. Рохан увидел, как превосходный радиооператор, приятель Ярга, Дженлис, с полуоткрытым ртом, словно дикарь, увидевший машины первый раз в жизни, потрогал ручку дверцы вездехода.

В следующий момент Рохан понял, что означала округлая дыра, выжженная в одной из переборок рулевой рубки «Кондора». Он стоял на коленях перед Балмином и встряхивал его за плечи с силой отчаяния, будто был убежден, что таким образом удастся привести ученого в чувство, как вдруг около самой его головы мелькнула струя фиолетового пламени. Это один из пострадавших, сидевший немного поодаль, вытащил из кобуры свой излучатель Вейра и случайно нажал на спуск. Рохан крикнул, но человек не обратил на него никакого внимания. Возможно, блеск понравился ему, как фейерверк ребенку, он начал стрелять, опорожняя атомный магазин, так что воздух зашипел от жары и Рохану, который упал на землю, пришлось втиснуться в камни. В этот момент послышался частый топот, и из-за поворота выбежал запыхавшийся, с лицом, залитым потом, Ярг. Он бежал прямо на сумасшедшего, развлекавшегося стрельбой.

– Стой! Ложись! – заорал Рохан, но, прежде чем Ярг

успел сообразить, в чем дело, разряд с силой ударил его в левое плечо, в воздухе мелькнула оторванная рука и из страшной раны хлынула кровь. Стрелявший этого даже не заметил, а Ярг, с безмерным удивлением взглянув на окровавленное плечо, медленно повернулся и упал. Человек с вейром встал; Рохан видел, как непрерывная струя пламени разогревшегося излучателя выбивала пахнущие дымом кремнезема искры из камней. Человек двигался неуверенно, движения его были словно у младенца, держащего погремушку. Огонь пронзил воздух между двумя сидящими рядом людьми, которые даже не зажмурились, мгновение – и один из них получил бы весь заряд в лицо. Рохан – это было не принятое сознательно решение, а инстинкт – вырвал из кобуры свой вейр и выстрелил. Человек ударил себя с размаху согнутыми руками в грудь, его оружие стукнулось о камень, а сам он рухнул лицом вниз.

Рохан вскочил. Становилось все темнее. Нужно было как можно скорее отвезти всех пострадавших на базу. В его распоряжении оставалась только маленькая амфибия; он хотел воспользоваться вездеходом, но оказалось, что два из них столкнулись в самом узком месте скального коридора и растащить их можно было только краном. Оставался задний энергобот, на который Рохан мог взять максимум пятерых, а их было девять. Он подумал, что лучше всего собрать их всех вместе, связать, чтобы они не могли никуда уйти или покалечиться, включить поле обоих энергоботов, а самому ехать за подмогой. В амфибию он не хотел брать никого, она была совершенно беззащитна, и в случае нападения он предпочитал рисковать только собой.

Уже совсем стемнело, когда Рохан кончил эту жуткую

работу; правда, никто не сопротивлялся. Он отвел задний энергобот, вывел на свободное пространство амфибию, установил оба эмиттера, дистанционно включил защиту, оставив внутри нее всех пострадавших, а сам двинулся в обратный путь.

Итак, на двадцать седьмой день после посадки почти половина команды «Непобедимого» была выведена из строя.

ПОРАЖЕНИЕ

Как каждая правдивая история, рассказ Рохана был странным и нескладным. Почему туча не атаковала ни его, ни Ярга? Почему она не трогала Тернера до тех пор, пока он не покинул амфибию? Почему Ярг сначала убежал, а потом вернулся?

На последний вопрос ответить было сравнительно легко: вернулся, когда вышел из панического состояния и сообразил, что от базы его отделяет около пятидесяти километров, которые не пройти пешком с имевшимся у него запасом кислорода.

Остальные вопросы оставались загадкой. Ответ на них мог стать делом жизни или смерти для всех людей. Но догадки и гипотезы уступили необходимости действовать.

Хорпах узнал о судьбе группы Рохана послу полуночи, а через полчаса он стартовал. Перебросить космический крейсер из одной точки в другую, отдаленную всего на двести километров, задача не из простых. Корабль необходимо вести все время с относительно небольшой скоростью, стоящим вертикально на огне, что вызывает огром-

ный расход топлива. Двигатели, не приспособленные к такой работе, требовали непрерывного вмешательства электронных автоматов, и все равно стальной колосс плыл, слегка раскачиваясь, словно его несла поверхность плавно волнующегося моря. Наверное, это было бы неплохое зрелище для наблюдателя, стоящего на поверхности планеты, – еле различимый в облаке бушующего пламени силуэт, летящий сквозь мрак, как огненная колонна. Удерживать нужный курс было нелегко. Пришлось подняться над атмосферой, потом снова войти в нее, кормой вперед, все это требовало от астрогатора полного внимания, тем более что кратер, который они искали, прятался под тонкой пеленой туч. Наконец, еще до рассвета, «Непобедимый» опустился в кратер, в двух километрах от старой базы Реньяра; суперкоптер, машины и бараки тотчас же были накрыты силовым полем звездолета, а хорошо оснащенная спасательная группа около полудня привезла всех уцелевших людей Рохана. Под лазарет пришлось занять два дополнительных помещения. Только после этого ученые занялись тайной, которая спасла Рохана и – не вмешайся трагическая случайность – спасла бы и Ярга.

Это было совершенно непонятно, так как оба они ни одеждой, ни оснащением, ни внешним видом не отличались от остальных. Очевидно, не могло иметь значения и то, что в амфибии они были втроем с Тернером.

Одновременно перед Хорпахом встал вопрос о дальнейших действиях. Ситуация была настолько ясна, что они могли вернуться на Базу с данными, которые оправдывали бы их возвращение и объяснили трагический конец «Кондора». То, что больше всего интриговало ученых

— металлические псевдонасекомые, их симбиоз с механическими «растениями», укрепившимися на скалах, наконец вопрос, можно ли говорить о «психике» тучи (а не было даже известно, существует одна туча или их много, и могут ли небольшие тучи объединяться в одно целое), — все это, вместе взятое, не заставило бы Хорпаху остаться на Регисе III ни часу более, если бы не исчезновение четверых людей из группы Реньяра.

Следы беглецов привели группу Рохана в ущелье. Никто не сомневался, что они погибнут там, даже если мертвые обитатели планеты оставят их в покое. Поэтому необходимо было прочесать окружающую территорию, так как несчастные могли рассчитывать только на помощь «Непобедимого».

Единственное, что удалось установить с разумным приближением, был радиус поисков: люди, затерявшиеся в районе гротов и ущелий, не могли отдалиться от кратера больше чем на несколько десятков километров. Кислорода в их приборах оставалось уже немного, но врачи уверяли, что, если они будут дышать воздухом планеты, — это наверняка не грозит им смертью, а в том состоянии, в котором находились беглецы, отравление растворенным в крови метаном, естественно, уже не имело никакого значения.

Территория поисков была не слишком большой, но исключительно трудной и плохо просматриваемой. Прочесывание всех закоулков, расщелин и пещер, даже при самых благоприятных условиях, могло продлиться недели. Под скалами извилистых ущелий, соединяясь с ними только кое-где, скрывалась другая система подземных коридоров и гротов, промытых водами. Пропавшие вполне

могли находиться в каком-нибудь из таких укрытий, но не было уверенности даже в том, что их удастся обнаружить в одном месте: лишенные памяти, они были более беспомощны, чем дети, – те хоть держались бы вместе. Мощные сооружения «Непобедимого» и его технические средства мало могли помочь в поисках. Самую надежную защиту – силовое поле – вообще нельзя было использовать в узких подземных коридорах. Итак, оставался выбор между немедленным возвращением, равнозначным смертному приговору для исчезнувших, и проведением рискованных поисков. Шансы на успех были реальны только в течение нескольких дней, до недели. Хорпах знал, что после этого можно будет обнаружить лишь останки этих людей.

Утром астрогатор вызвал специалистов, обрисовал им создавшееся положение и объявил, что рассчитывает на их помощь. В распоряжении ученых находилась горсточка металлических «насекомых», которую принес в кармане куртки Рохан. Их исследованием занимались почти сутки. Хорпах хотел знать, существуют ли какие-нибудь шансы обезвредить эти существа. Вновь встал вопрос: что спасло Ярга и Рохана от атаки тучи?

«Пленники» занимали во время совещания почетное место в закрытом стеклянном сосуде, стоявшем посреди стола. Их осталось всего десятка полтора, остальные были уничтожены в процессе изучения. Все эти создания обладали тройственной симметрией и напоминали формой букву Y, с тремя остроконечными плечами, соединяющимися в центральном утолщении. В падающем свете они казались черными, как уголь, в отраженном – переливались синим и оливковым цветом, как брюшки некоторых зем-

ных насекомых. Наружные их стенки состояли из очень мелких пластин, напоминающих грани бриллианта, а внутри «мушки» содержали одну и ту же микроскопическую конструкцию. Ее элементы, в сотни раз меньшие, чем зернышки песка, образовывали что-то вроде автономной нервной системы, в которой удалось различить две частично независимые друг от друга цепи.

Меньшая часть, занимающая внутренность плеч, представляла собой микроскопическую схему, заведующую движениями «насекомого», что-то вроде универсального аккумулятора и одновременно трансформатора энергии. В зависимости от способа, каким сжимали кристаллы, они создавали то электрическое, то магнитное поле, то переменные силовые поля, которые могли нагревать до относительно высокой температуры центральную часть; тогда накопленное тепло излучалось наружу однонаправленно. Вызванное этим движение воздуха, как реактивная струя, делало возможным движение в любом направлении. Отдельный кристаллик не столько летал, сколько подпрыгивал, и не был, во всяком случае во время лабораторных экспериментов, способен точно управлять своим полетом. Несколько же кристалликов, соединяясь кончиками плеч друг с другом, образовывали систему с тем лучшими аэродинамическими показателями, чем больше их было.

Каждый кристаллик соединялся с тремя; кроме того, он мог соединяться концом плеча с центральной частью любого другого, что давало возможность образования многослойных комплексов. Соединение не обязательно требовало соприкосновения, кристалликам достаточно было сблизиться, чтобы возникшее магнитное поле удерживало их.

живало все образование в равновесии. При определенном количестве насекомых система начинала проявлять многочисленные закономерности; могла в зависимости от того, как ее «дразнили» внешними импульсами, менять направление движения, форму, вид, частоту внутренних пульсаций; при определенных внешних условиях менялись знаки поля, и, вместо того чтобы притягиваться, металлические кристаллики отталкивались, переходили в состояние «индивидуальной россыпи».

Кроме цепи, заведующей такими движениями, каждый черный кристаллик содержал в себе еще одну схему соединений, вернее ее фрагмент, так как она, казалось, составляла часть какой-то большой структуры. Это высшее целое, вероятно возникающее только при объединении огромного количества элементов, и было истинным мотором, приводящим тучу в действие. Здесь, однако, сведения ученых обрывались. Они не ориентировались в возможностях роста этих сверхсистем, и уж совсем темным оставался вопрос об их «интеллекте». Кронотос допускал, что объединяется тем больше элементарных единиц, чем более трудную проблему им нужно решить. Это звучало довольно убедительно, но ни кибернетики, ни специалисты по теории информации не знали ничего соответствующего такой конструкции, то есть «произвольно разрастающемуся мозгу», который свои размеры примеряет к величине намерений.

Часть принесенных Роханом «насекомых» была испорчена. Остальные демонстрировали типовые реакции. Единичный кристаллик мог подпрыгивать, подниматься и висеть в воздухе почти неподвижно, опускаться, прибли-

жаться к источнику импульсов либо удаляться от него. При этом он не представлял абсолютно никакой опасности, не выделял, даже при угрозе уничтожения (а исследователи пробовали уничтожить кристаллы химическими средствами, нагреванием, силовыми полями и излучением), никаких видов энергии, и его можно было раздавить как слабенького земного жучка – с той только разницей, что кристалло-металлический панцирь сокрушить было не так-то легко. Зато объединившись даже в сравнительно небольшую систему, «насекомые» начинали, при воздействии на них магнитным полем, создавать собственное поле, которое уничтожало внешнее, при нагревании стремились избавиться от излишка тепла инфракрасным излучением – а ведь ученые располагали лишь маленькой горсточкой кристалликов.

На вопрос астрогатора от имени «Главных» ответил Кронотос: ученые просили дать им время для дальнейших исследований, для которых желательно добыть возможно большее количество кристалликов. Поэтому они предлагали, чтобы в глубь ущелья была выслана экспедиция, которая преследовала бы две цели: поиски пропавших людей и сбор минимум нескольких десятков тысяч псевдонасекомых.

Хорпах согласился на это. Однако он считал, что рисковать людьми больше нельзя. В ущелье он решил послать машину, которая не принимала до сих пор участия ни в одной операции. Это был восьмидесятитонный вездеход специального назначения, обычно используемый лишь в условиях высокой радиоактивности, огромных давлений и температур. Машина эта, которую прозвали «циклопом»,

находилась на самом дне крейсера, наглухо закрепленная в подъемниках грузового люка. Обычно такие машины не использовались на планетах, а «Непобедимый» вообще никогда не приводил в движение своего циклопа; ситуации, которые требовали такой крайности, можно было — для всего действующего тоннажа Базы — пересчитать на пальцах одной руки. «Послать за чем-нибудь циклопа» — на космическом жаргоне значило примерно то же, что обратиться за помощью к дьяволу; о поражении какого-либо циклопа никто до сих пор не слышал.

Машину, извлеченную двумя подъемниками, установили на аппарели, где за нее взялись техники и программисты. Кроме обычной системы эмиттеров, создающих защитное поле, на циклопе был установлен шаровой излучатель антиматерии; он мог выбрасывать антипротоны либо в каком-то одном направлении, либо во всех одновременно. Встроенная в днище система позволяла циклопу, благодаря интерференции силовых полей, подниматься на несколько метров над грунтом, так что он не зависел ни от местности, ни от колес или гусениц. В лобовой части было приспособление, через которое выдвигался ингаустер — что-то вроде телескопической «руки», которая могла выполнять местное бурение, брать пробы минералов и производить другие работы. Циклоп имел мощную радиостанцию и телепередатчик, а также электронный мозг, позволявший ему действовать автономно. Техники из группы инженера Петерсена ввели в этот мозг соответствующую программу: астрогатор считался с тем, что когда машина попадет внутрь ущелья, связь с ней может прекратиться. Машина получила два задания: найти пропавших

(циклоп должен был накрыть их вторым, дополнительным защитным полем, затем открыть проход в первом и взять людей внутрь) и собрать побольше кристалликов.

Излучатель антиматерии разрешалось использовать лишь в случае крайней необходимости, если бы защитному силовому полю грозило уничтожение: реакция аннигиляции угрожала жизни пропавших, — они могли находиться недалеко от места схватки.

Циклоп имел в длину восемь метров и был соответственно «широкоплеч» — поперечник корпуса составлял больше четырех метров. Если бы какая-нибудь расщелина оказалась для него недоступной, он мог расширить ее либо действуя «стальной рукой», либо расталкивая и сокрушая силовым полем. Но и выключение поля не могло ему повредить, поскольку его собственная керамито-ванадиевая броня обладала твердостью алмаза.

Внутри циклопа поместили автомат, который должен был заняться найденными людьми, для них также подготовили койки. Наконец, после проверки всех приборов и устройств, бронированный гигант удивительно легко соскользнул с аппарели и, словно уносимый невидимой силой — ни одна пылинка не поднялась в воздух, хотя он двигался быстро, — миновал голубые огни прохода в защитном поле «Непобедимого» и быстро исчез из виду.

Около часа радиотелевизионная связь между циклопом и рубкой не оставляла желать лучшего. Рохан узнал вход в ущелье, где произошло нападение, по высокому, похожему на развалившуюся башню обелиску, частично закрывавшему щель в каменной стене. Скорость немного уменьшилась на большой каменной осыпи; стоящие у эк-

ранов слышали даже журчание ручейка, скрытого под камнями, настолько бесшумно работал атомный двигатель циклопа.

Связисты принимали изображение и звук до двух сорока, когда, пройдя плоскую и более доступную часть ущелья, циклоп оказался в лабиринте ржавой металлической чащи. Благодаря усилиям радиотехников в обе стороны удалось передать еще четыре сообщения, но пятое пришло уже с такими искажениями, что можно было только догадываться о его смысле: электронный мозг циклопа докладывал об успешном продвижении вперед.

В соответствии с разработанным планом Хорпах выслал с «Непобедимого» автоматический зонд, снабженный телепередатчиком. Зонд, круто взмыв в небо, исчез через несколько секунд. В рубку начали поступать его сигналы, одновременно появился показанный с высоты полутора километров живописный пейзаж: растерзанные скалы, покрытые пятнами ржавых и черных кустов. Через минуту они без труда заметили внизу циклопа, который продвигался по дну большого ущелья, блестя как стальной кулак. Хорпах, Рохан и руководители специальных групп стояли у экранов рубки. Прием был хорошим, но они предвидели возможность его ухудшения или исчезновения, поэтому к старту подготовили еще несколько зондов. Главный инженер считал, что в случае нападения связь с циклопом пропадет наверняка, но во всяком случае можно будет наблюдать за его действиями.

Электронные глаза циклопа еще не могли этого обнаружить, но стоящие у экранов люди на широкой панораме, открывшейся перед ними, увидели, что всего несколько

сотен метров отделяет машину от брошенных вездеходов, которые загораживали дальнейший путь. Циклоп должен был, выполнив свое задание, на обратном пути взять оба столкнувшихся вездехода на буксир.

Вездеходы выглядели сверху как зеленоватые коробки; рядом с одной точкой виднелась обуглившаяся фигурка – труп безумца, убитого Роханом.

Перед самым поворотом, за которым торчали столбы каменных ворот, циклоп задержался и приблизился к почти достигающей дна ущелья гриве металлических зарослей. С напряженным вниманием следили люди за его движениями. Циклоп открыл спереди силовое поле, чтобы сквозь узкую щель выдвинуть ингаустер, который, словно удлиняющийся орудийный ствол с зубастой горстью на конце, высунулся из своего гнезда, обхватил пучок кустов и, казалось, без всякого усилия вырвал их из каменного основания, потом машина отступила и сползла задом обратно на дно ущелья.

Операция прошла гладко. Через кружащийся над ущельем телезонд была установлена радиосвязь с мозгом циклопа, который сообщил, что «образец», роящийся от черных «насекомых», надежно закрыт в контейнере.

Циклопа от места катастрофы отделяло не больше ста метров. Один из энергоботов Рохана стоял, опершись бронированным задом о скалу, в самом узком месте прохода застряли сцепившиеся вездеходы, а дальше за ними находился второй энергобот; легкое дрожание воздуха свидетельствовало о том, что он все еще создает защитное поле. Циклоп сначала дистанционно выключил эмиттеры этого энергобота, а затем, увеличив мощность реактивной струи,

поднялся высоко в воздух, быстро проплыл над неподвижными машинами и опустился на камни уже выше прохода. И в этот момент кто-то из находящихся в рубке предостерегающе вскрикнул. Черная шерсть склонов задымилась и обрушилась волнами на земную машину с такой стремительностью, что в первый момент машина совершенно исчезла, словно закрытая наброшенным сверху плащом смолистого дыма. И тотчас всю толщину атакующей тучи пробила ветвистая молния. Циклоп не использовал своего страшного оружия, – это образованные тучей энергетические поля столкнулись с его силовой защитой. Теперь она как будто вдруг материализовалась, облепленная толстым слоем клубящейся тьмы, то распухала, как огромный пульсирующий шар лавы, то сжималась, и эта причудливая игра продолжалась довольно долго. У наблюдавших за ней сложилось впечатление, что скрытая от их глаз машина старалась растолкать мириады нападающих, которых становилось все больше и больше, так как все новые тучи целыми лавинами скатывались на дно ущелья. Уже исчез блеск защитной сферы, и только в глухой тишине продолжалась жуткая борьба двух мертвых, но могущественных сил. Вдруг форма тучи изменилась, теперь это было что-то вроде гигантского смерча, который возносился над вершинами самых высоких скал. Зацепившись основанием за невидимого противника, смерч кружился километровым мальстромом, голубовато переливаясь при своем сумасшедшем вращении.

Никто не произнес ни слова; все понимали, что таким образом туча пытается смять силовой пузырь, в котором, словно зернышко в скорлупе, спряталась машина.

Рохан краем глаза заметил, как астрогатор уже открыл рот, чтобы спросить стоящего рядом с ним главного инженера, выдержит ли поле, но не спросил. Не успел.

Черный вихрь, склоны скал — все это исчезло в долю секунды. Казалось, на дне ущелья вспыхнул вулкан. Столб дыма, кипящей лавы, каменных обломков, наконец — огромное, окруженное вуалью пара облако возносилось все выше. Пар, в который, наверно, превратился журчащий поток, достиг полуторакилометровой высоты, где парил зонд.

Циклоп привел в действие излучатель антиматерии.

Никто из стоявших в рубке не шевельнулся, не произнес ни слова, но никто не мог сдержать чувства мстительного удовлетворения; оно было неразумно, но это не уменьшало его силы. Казалось, что наконец туча нашла достойного соперника. Всякая связь с циклопом прекратилась с момента атаки, и теперь люди видели лишь то, что через семьдесят километров вибрирующей атмосферы доносили ультракороткие волны телезонда.

О битве, которая разразилась в замкнутом ущелье, узнали и те, кто был вне рубки. Часть команды, которая разбирала алюминиевый барак, бросила работу. Северовосточный край горизонта посветлел, словно там должно было взойти второе солнце, более яркое, чем то, что висело в небе; потом это сияние погасил столб дыма, расплывающийся тяжелый грибом.

Техники, управляющие работой телезонда, вынуждены были увести его от огня схватки и поднять на четыре километра — только тогда он вышел из зоны резких воздушных потоков, вызванных взрывом. Скал, окружающих

ущелье, косматых склонов, даже черной тучи, которая из них выползла, не было видно. Экраны заполнились кипящими полосами пламени и дыма, перечеркнутыми параболлами сверкающих осколков; акустические индикаторы зонда передавали непрекращающийся грохот, словно значительную часть континента охватило землетрясение.

То, что чудовищная битва не кончилась, было удивительно. Через несколько десятков секунд дно ущелья, все, что окружало циклопа, должно было приобрести температуру плавления, скалы оседали, падали, превращались в лаву. Ее багровый светящийся поток уже начал пробивать себе дорогу к выходу из ущелья, находящемуся в нескольких километрах от места схватки. Какое-то мгновение Хорпах раздумывал, не испортились ли электронные выключатели излучателя; казалось невозможным, чтобы туча продолжала атаку на такого страшного противника, но изображение, появившееся на экране, когда зонд по новому приказу поднялся еще выше, достигнув границы тропосферы, доказало, что он ошибается. Теперь поле зрения охватывало около сорока квадратных километров. На этой изрытой ущельями территории началось странное движение. Со скоростью, которая из-за отдаленности точки наблюдения казалась небольшой, с покрытых темными потоками склонов скал, из расщелин и пещер выплывали новые и новые черные клубы, поднимались высоко вверх, соединялись и, концентрируясь в полете, стремились к месту схватки. Какое-то время могло казаться, что обрушивающиеся в ее центр темные лавины задавят атомный огонь, задушат его, погасят своей массой, но Хорпах хорошо знал энергетические резервы чудовища, сделанного руками людей.

Сплошной, оглушительный, ни на секунду не умолкающий гром, рвущийся из репродукторов, наполнил рубку. Одновременно три языка пламени километровой высоты навывлет пробили массив атакующей тучи и стали медленно вращать ее, образовав что-то вроде огненной мельницы. Циклоп, по неизвестным причинам, начал пятиться и, ни на мгновение не прекращая борьбы, медленно отступал к выходу из ущелья. Возможно, его электронный мозг считался с опасностью окончательного разрушения склонов, которые могли обрушиться на машину. Она, конечно, выбралась бы и из такого положения, но все же рисковала потерять свободу маневра. Так или иначе, но борющийся циклоп старался выйти на свободное пространство, и уже было непонятно в кипящих водоворотах, где огонь его излучателя, где дым пожара, где обрывки тучи, а где обломки обваливающихся скал.

Казалось, битва приблизилась к кульминации. В следующий момент произошло нечто невероятное. Экран вспыхнул, засверкал страшной ослепляющей белизной, покрылся оспой миллиардов взрывов, и в новом приливе антиматерии оказалось уничтоженным все, что окружало циклопа. Воздух, обломки, пар, газы, дым – все это, превращенное в жесткое излучение, расколов надвое ущелье, замкнуло в объятия аннигиляции тучу и вылетело в пространство, словно извергнутое самой планетой.

«Непобедимый», которого от эпицентра этого чудовищного удара отделяло семьдесят километров, заколебался, транспортеры и энергоботы экспедиции, стоящие под аппарелью, оттащило в сторону, а через несколько минут со стороны гор примчался рычащий вихрь, опалил

мгновенным жаром лица людей, ищущих укрытия за машинами, и, подняв стену клубящегося песка, погнал ее дальше, в огромную пустыню.

Какой-то обломок, очевидно, зацепил зонд, несмотря на то что он находился теперь в тридцати километрах от центра катаклизма. Связь не прервалась, но качество изображения резко ухудшилось, экран густо покрылся помехами. Прошла минута, и, когда дым немного осел, Рохан, напрягая глаза, увидел следующий этап борьбы.

Борьба не закончилась, как он решил за минуту до этого. Если бы атакующими были живые существа, избиение, которому они подверглись, наверно, заставило бы следующие шеренги повернуть вспять или хотя бы остановиться у ворот огненного ада. Но мертвое боролось с мертвым, атомный огонь не угас. И тогда Рохан в первый раз понял, как должны были выглядеть битвы, когда-то разворачивавшиеся на пустынной поверхности Региса III, в которых одни роботы сокрушали и уничтожали других, какими методами отбора пользовалась мертвая эволюция и о чем говорил Лауда, утверждавший, что псевдонасекомые победили, как наиболее приспособленные. Одновременно у него мелькнула мысль, что нечто подобное здесь уже происходило, что мертвая, неуничтожимая, закристаллизованная, зафиксированная солнечной энергией память биллионной тучи должна содержать сведения о подобных схватках, что именно с такими отшельниками-одиночками, такими бронированными гигантами, с атомными мамонтами из рода роботов должны были сотни веков назад драться эти мертвые капельки, которые казались ничем рядом с пламенем все уничтожающих разрядов,

пробивающих скалы навывлет. То, что сделало возможным их существование и стало причиной гибели огромных чудовищ, чьи плиты были распороты, как ржавые лохмотья, разметаны по огромной пустыне с засыпанным песком скелетами электронных, некогда чрезвычайно точных механизмов – это какая-то неправдоподобная, не имеющая названия отвага, если можно применить такое слово к кристалликам гигантской тучи. Но какое другое слово он мог здесь применить? И невольно он не мог не восхититься ее дальнейшими действиями, вспоминая о гекатомбе, которую только что видел.

Туча продолжала атаку. Теперь над ее поверхностью на всем обозреваемом сверху пространстве слегка выступали отдельные, наиболее высокие пики. Все остальное, вся страна ущелий исчезла под разливом черных волн, мчащихся концентрическими кольцами со всех сторон горизонта, чтобы рухнуть в глубь огненной воронки, центром которой являлся невидимый за огненным трепещущим щитом циклоп. Этот оплаченный, казалось бы, бессмысленными жертвами напор не был, однако, лишен некоторых шансов на успех.

Рохан и все люди, теперь уже пассивно наблюдавшие зрелище, которое разворачивалось на экране, отдавали себе в этом отчет. Энергетические возможности циклопа практически неисчерпаемы, но, по мере того как продолжалась аннигиляция, несмотря на мощные защитные средства, несмотря на антирадиационное покрытие, маленькая часть звездных температур все же воспринималась излучателем, возвращалась к своему источнику, и внутри машины должно было становиться все жарче и жарче. Ни

один человек уже давно не выдержал бы внутри циклопа. Наверное, его керамитовая броня вишнево светилась, но они видели под куполом дыма только голубой сгусток пульсирующего огня, который медленно полз к выходу из ущелья, так что место первой атаки тучи осталось на расстоянии трех километров к северу, обнажив свою ужасающую, спекшуюся, покрытую слоем шлака и лавы поверхность.

Хорпах приказал выключить репродукторы, до сих пор наполнявшие рубку оглушающим грохотом, и спросил Язона, что произойдет, когда температура внутри циклопа превысит предел устойчивости электронного мозга. Ученый не колебался ни мгновения:

– Излучатель будет выключен.

– А силовое поле?

– Поле – нет.

Огненная битва перенеслась уже на равнину, к выходу из ущелья. Чернильный океан бурлил, разбухал, кружился и огромными скачками обрушивался в пылающий зев.

– Пожалуй, сейчас... – сказал Кронотос, всматриваясь в онемевшую, клубящуюся на экранах картину.

Прошла еще минута. Вдруг сияние огненной воронки резко ослабло. Туча закрыла его.

– Шестьдесят километров от нас, – ответил техник на вопрос Хорпах.

Астрогатор объявил тревогу. Команда разбежалась по местам. «Непобедимый» втянул аппарель, пассажирский подъемник и захлопнул люки.

Экран снова вспыхнул. Огненная воронка появилась опять. На этот раз туча не атаковала. Как только ее обрыв-

ки, охваченные пламенем, посветлели, остальная часть начала отступать к ущельям, вползая в их залитый тенью лабиринт, и перед глазами людей предстал внешне совершенно целый циклоп. Он все еще пятился, очень медленно, продолжая жечь все, что было вокруг, – камни, песок, барханы.

– Почему он не выключает излучатель? – воскликнул кто-то.

Словно услышав эти слова, машина прекратила уничтожающий огонь, развернулась и, набирая скорость, помчалась в пустыню. Телезонд сопровождал ее на высоте. Вдруг люди увидели нитку огня, с огромной скоростью летящую в их лица, и, еще не поняв, что циклоп выстрелил в зонд и что они видят полосу аннигилировавших на трассе выстрела частичек воздуха, инстинктивно отшатнулись, как бы испугавшись, что разряд вылетит из экрана и взорвется внутри рубки. Сразу же после этого изображение исчезло и экран опустел.

– Сбил зонд!!! – крикнул техник. – Командир...

Хорпах приказал запустить другой зонд. Циклоп был уже так близко от «Непобедимого», что они увидели его, едва зонд набрал высоту. Новая ниточка огня, и зонд уничтожен. Прежде чем изображение исчезло, они успели заметить собственный корабль; циклопа отделяло от него не больше десяти километров.

– С ума он сошел, что ли?.. – возбужденно сказал второй техник.

Эти слова как будто разрушили в мозгу Рохана какую-то преграду. Он взглянул на Хорпаху и понял: командиру пришла в голову та же мысль, что и ему. У него было та-

кое впечатление, словно все его тело, голову наливало свинцом бессмысленный вязкий сон. Но приказы были отданы: командир распорядился запустить один за другим еще два зонда. Циклоп уничтожил их по очереди, как снайпер, развлекавшийся стрельбой по тарелочкам.

– Мне нужна вся мощность, – сказал Хорпах, не поворачивая головы от экрана.

Главный инженер, как пианист, берущий аккорд, ударил обеими руками по клавишам пульта.

– Стартовая мощность через шесть минут, – доложил он.

– Мне нужна вся мощность, – повторил Хорпах тем же тоном; в рубке стало так тихо, что слышно было пощелкивание реле за стенками приборов.

– Корпус реактора слишком охлажден, – начал главный инженер, и лишь тогда Хорпах повернулся к нему лицом и в третий раз, все так же, не повышая голоса, сказал:

– Мне нужна ВСЯ мощность.

Инженер молча протянул руку к главному выключателю. В глубине корабля раздался короткий рев сигнала тревоги, и, как далекая дробь барабана, ответил ему топот бегущих на боевые посты людей. Хорпах снова смотрел на экран. Никто ничего не говорил, но теперь все поняли, что невозможное случилось, – астрогатор готовился к бою с их собственным циклопом. Стрелки приборов, поблескивая, стояли, как солдаты в шеренге. В окошках индикатора наличной мощности выскакивали пятизначные, а потом шестизначные числа. Где-то искрился контакт – в рубке запахло озоном. В задней части рубки техники, переговариваясь знаками, включали системы контроля.

Очередной зонд перед гибелью показал удлинённый лоб циклопа, переползающего через гряды скал; экран снова опустел, ослепляя серебряной белизной. Машина вот-вот должна была появиться в зоне непосредственной видимости; боцман радаристов ждал у прибора, выдвигавшего наружную носовую телекамеру над верхушкой корабля, благодаря чему можно было увеличить поле зрения. Техник связи запустил следующий зонд. Циклоп, похоже, не шел прямо к «Непобедимому», который, сжавшись, ожидал в полной боевой готовности за щитом силового поля. Из носовой части корабля равномерно вылетали телезонды.

Рохан знал, что «Непобедимый» может отразить заряд антивещества, но ударную энергию нужно было поглотить, растратив собственную энергию. Самым разумным в этой ситуации ему казалось отступление, то есть старт на стационарную орбиту. Он ожидал такого приказа, но Хорпах молчал, как будто рассчитывал на пробуждение электронного мозга циклопа. В самом деле, наблюдая из-под тяжёлых век за движением темного силуэта, который бесшумно несясь среди барханов, он спросил:

– Вызываете его?

– Так точно. Нет связи.

– Отдайте приказ: «Немедленно стоп».

Техники суежились около пультов. Два, три, четыре раза пробежали искорки огоньков под их руками.

– Он не отвечает, командир.

«Почему он не стартует? – не мог понять Рохан. – Не хочет признать поражения? Хорпах?! Что за чушь! Шельнулся... Сейчас, сейчас отдаст приказ».

Но астрогатор только отступил на шаг.

– Кронотос!

Кибернетик подошел к нему.

– Я здесь.

– Что они могли с ним сделать?

Рохана поразила эта фраза. Хорпах сказал «они», как будто и вправду имел дело с мыслящим противником.

– Автономные контуры на криотронах, – начал Кронотос, и чувствовалось, что его слова будут только предположением. – Температура возросла, они утратили сверхпроводимость...

– Вы знаете, доктор, или пытаетесь угадать? – спросил астрогатор.

Это был странный разговор, все смотрели на экран, на котором, теперь уже без помощи зонда, был виден циклоп,двигающийся плавно, но не совсем уверенно. Он то и дело менял курс, словно еще не решил, куда именно ему идти. Несколько раз выстрелил в ненужный уже зонд, прежде чем сбил. Они видели, как зонд падал, похожий на яркую ракету.

– Единственное, что мне приходит в голову, – это резонанс, – сказал после секундного колебания кибернетик. – Если их поле перекрылось с частотой самовозбуждения мозга...

– А силовое поле?

– Силовое поле не экранирует магнитного.

– Жаль, – сухо заметил астрогатор.

Напряжение понемногу слабело, так как циклоп явно направлялся не к звездолету. Расстояние до него снова начало возрастать. Вырвавшись из-под власти человека, машина ушла в простор северной пустыни.

– Главный инженер займет мое место, – сказал Хорпах. – Остальных прошу вниз.

ДЛИННАЯ НОЧЬ

Рохана разбудил холод. Полусонный, он скорчился под одеялом, втискивая лицо в подушку. Попробовал закрыть лицо руками, но становилось все холоднее. Он знал, что должен проснуться, но почему-то оттягивал эту минуту. Ледяная струя ударила прямо в лицо. Он вскочил и, тихо ругаясь, на ощупь нашел кондиционер. Когда Рохан ложился, ему было так душно, что он передвинул регулятор на полное охлаждение.

Воздух маленькой каюты медленно теплел, но Рохан, полулежавший под одеялом, уже не мог заснуть. Он взглянул на светящийся циферблат наручных часов – три часа бортового времени. «Снова только три часа сна», – подумал он сердито. Ему все еще было холодно. Совещание длилось долго, разошлись около полуночи. «Столько разговоров впустую», – подумал он. Теперь, в этой темноте, он отдал бы все, чтобы снова очутиться на Базе, чтобы ничего не знать об этом проклятом Регисе III, о его мертвом и по-мертвому задуманном кошмаре. Большинство стратегов советовало выйти на орбиту, только главный инженер и главный физик с самого начала склонялись к мнению Хорпах, что нужно оставаться как можно дольше. Шансов найти четырех беглецов было ничтожно мало. Может быть, один на сто тысяч, а может, и меньше. Лишь значительное отдаление от места схватки могло спасти их от атомного ада, если они не погибли еще раньше. Рохан

дорого бы дал за уверенность, что астрогатор не стартовал только из-за них, что не сыграли своей роли другие причины. Одно дело, как они все видели здесь, а другое дело, как бы все это представилось, облеченное в сухие строчки рапорта, в спокойной обстановке Базы, где нужно будет сказать, что утрачена половина основных машин, в том числе главное оружие – циклоп с излучателем антиматерии, отныне представляющий дополнительную опасность для каждого корабля, севшего на планету; что убитыми потеряно шесть человек, а половина людей в лазарете, причем эти люди на годы, а может, и навсегда выведены из строя. И что, потеряв людей, машины и лучшее снаряжение, пришлось бежать – а чем же иным было бы теперь возвращение, как не обычным бегством – от микроскопических кристалликов, мертвого наследства лирянской цивилизации, которую так давно превзошла земная! Но разве Хорпах стал бы принимать это во внимание? Может быть, он и сам толком не знал, почему не стартует? Может, рассчитывал на что-нибудь? Но на что?

Правда, биологи предложили победить «насекомых» их собственным оружием. Поскольку этот вид эволюционировал, рассуждали они, можно взять в руки дальнейшую эволюцию. Необходимо прежде всего подвергнуть значительное количество захваченных экземпляров мутациям, наследственным изменениям определенного типа. В процессе размножения они перейдут в последующие поколения и сделают безопасной всю эту кристаллическую расу. Это изменение должно быть очень частным, таким, которое даст немедленный результат и одновременно создаст в новом виде ахиллесову пяту, слабое место, куда

можно будет ударить. Но все это было типичной болтовней теоретиков, они не имели понятия, какая это должна быть мутация, какое изменение, как его осуществить, как захватить большое количество этих проклятых кристалликов, не вступая с ними в очередную битву, в которой можно было потерпеть поражение, более тяжелое, чем вчерашнее. А если бы даже все удалось, как долго пришлось бы ждать эффекта? Во всяком случае, не день и не неделю. Так что же, крутиться вокруг Региса, как на карусели, год, два, а то и все десять лет?! Все это не имело никакого смысла.

Рохан чувствовал, что перехватил с кондиционером, снова стало слишком жарко. Он встал, отбросил одеяло, умылся, быстро оделся и вышел. Лифта не было. Он вызвал его и в полумраке, освещенном прыгающими огоньками информатора, ожидал, стоя с опущенной головой, ощущая в ней всю тяжесть недоспанных ночей и полных напряжения дней, и сквозь шум крови в висках вслушивался в ночную тишину корабля. Время от времени что-то бормотало в невидимых трубах, из нижних отсеков доносилось приглушенное ворчание работающих вхолостую двигателей, корабль все еще был в полной стартовой готовности. Из вертикальных колодцев по обеим сторонам платформы, на которой он стоял, тянуло сухим воздухом с металлическим привкусом. Двери разошлись, он ступил в лифт. В восьмом отсеке он вышел. Коридор, освещенный линией голубых ламп, поворачивал, повторяя изгиб корпуса. Рохан шел, сам не зная куда, инстинктивно поднимал повыше ноги в нужных местах, перешагивал высокие пороги герметических переборок, пока не заметил тени

людей из команды главного реактора. В помещении было темно, только сверкали на щите лампочки индикаторов. Люди сидели под ними на разложенных креслах.

– Погибли, – сказал кто-то.

Рохан не узнал этого человека.

– Могу поспорить: в радиусе пяти миль была тысяча рентген. Их уже нет. Можешь быть спокоен.

– Так зачем же мы здесь сидим? – пробурчал другой. Не по голосу, а по месту, которое занимал говоривший, – на гравиметрическом контроле – Рохан сориентировался, что это боцман Бланк.

– Старик не хочет возвращаться.

– А ты бы вернулся?

– А что еще можно сделать?

Тут было тепло, и в воздухе витал тот особенный аромат хвои, которым кондиционеры старались подавить запах от пластиков, разогревавшихся во время работы реактора. В результате возникла смесь, не имевшая аналогий вне пределов восьмого отсека. Рохан стоял, невидимый, прислонившись спиной к переборке. Он не прятался, просто ему не хотелось вмешиваться в разговор.

– Он может сейчас подобраться... – заговорил кто-то после короткого молчания.

Лицо говорившего появилось на минуту, когда он наклонился вперед, – полурозовое, полужелтое от света контрольных лампочек, которыми щит реактора, казалось, смотрел на собравшихся под ним людей. Рохан, как и все остальные, сразу же понял, о ком идет речь.

– У нас есть поле и радар, – неохотно ответил боцман.

– Много тебе даст поле, если он подойдет на билиэрг поражения.

– Радар его не подпустит.

– Кому ты это говоришь? Я-то знаю его, как собственный нож.

– Ну и что?

– То, что у него есть антирад. Системы помех...

– Но ведь он расстроен. Электронный псих...

– Ничего себе псих. Ты был в рубке?

– Нет. Я сидел здесь.

– То-то. А я был. Жаль, ты не видел, как он сшибал наши зонды.

– Значит, что же? Они его перестроили? Он уже под их контролем?

«Все говорят «они», – подумал Рохан. – Как будто это живые разумные существа...»

– А протон его знает. Кажется, нарушилась только связь.

– Так чего ему по нам бить?

Снова стало тихо.

– Неизвестно, где он? – спросил тот, который не был в рубке.

– Нет. Последнее сообщение было в одиннадцать. Кралик мне говорил. Видели, как он крутился по пустыне.

– Далеко?

– А что, боишься? Километров полтора отсюда. Для него это час ходу. Если не меньше.

– Может, хватит этого переливания из пустого в порожнее? – сердито вмешался боцман Бланк, чей резкий профиль показался на фоне разноцветных огоньков.

Все замолчали. Рохан медленно повернулся и удалился так же тихо, как и пришел. По дороге он миновал две ла-

боратории. В большой было темно, из маленькой сквозь иллюминатор, находившийся под потолком, в коридор падал свет. Рохан заглянул внутрь. У овального стола сидели только кибернетики и физики – Язон, Кронотос, Сарнер, Ливин, Зорахан. Еще кто-то, повернувшись к остальным спиной, в тени наклонной переборки программировал большой электронный мозг.

– ...есть два эскалационных решения, одно – аннигиляция, другое – самоуничтожение, остальные – планетного масштаба, – говорил Зорахан.

Рохан не переступил порога. Он снова стоял и подслушивал.

– Первое основано на возможности образования лавинного процесса. Нужен антимагнет, который войдет в ущелье и останется там.

– Один уже был... – сказал кто-то.

– Если у него не будет электронного мозга, он сможет работать, даже когда температура превысит миллион градусов. Нужен плазменный излучатель, плазма не боится звездных температур. Туча будет действовать так же, как и раньше, – постарается его уничтожить, войти в резонанс с управляющими контурами, но их не будет. Не будет ничего, кроме субъядерной реакции. Чем больше материи примет участия в реакции, тем более бурной она будет. Таким способом можно стянуть в одно место и аннигилировать всю некротосферу планеты...

«Некротосфера... – подумал Рохан. – Да, ведь кристаллики мертвые... Ученые... Всегда выдумают какое-нибудь красивое новое название».

– Мне больше нравится вариант с самоуничтожением, – сказал Язон. – Но как вы себе это представляете?

– Ну, идея основана на том, чтобы сначала вызвать образование двух больших «тучемозгов», а потом столкнуть их. Нужно заставить тучи отнестись друг к другу, как к конкуренту в борьбе за существование...

– Это я знаю, но как вы хотите это сделать?

– Нелегко, конечно, но возможно, поскольку туча только псевдомозг, а значит, не способна рассуждать...

– Надежнее планетный вариант, с понижением среднего годового облучения... – заговорил Сарнер. – Достаточно четырех водородных зарядов по пятьдесят – сто мегатонн на каждое полушарие, всего максимум восемьсот... Воды океана испарятся, увеличится облачный покров, альбедо возрастет и оседлый симбионт не сможет доставлять нужного для размножения количества энергии...

– Расчеты базируются на непроверенных данных, – запротестовал Язон.

Видя, что начинается спор специалистов, Рохан отступил от двери и пошел дальше. Он возвращался к себе не на лифте, а по крутой стальной лесенке, которой обычно никто не пользовался. Он прошел несколько отсеков. Видел, как в ремонтном цехе люди Девре возились со сварочными аппаратами около больших, неподвижно чернеющих арктанов. Издалека заметил овальные иллюминаторы госпиталя, в которых горел фиолетовый притемненный свет. Какой-то врач в белом халате бесшумно прошел по коридору, за ним автомат нес набор поблескивающих инструментов. Рохан миновал пустую и темную кают-компанию, клуб, библиотеку, наконец очутился в своем отсеке, прошел каюту астрогатора и задержался, словно желая что-то подслушать, но из-за гладкой двери не вырвалось ни зву-

ка, ни луча света, а крышки иллюминаторов были плотно затянуты болтами с медными головками.

Только в каюте Рохан снова почувствовал усталость. Он весь обмяк, тяжело сел на койку, сбросил ботинки и, закинув руки за голову, улегся, глядя в слабо освещенный ночником низкий потолок с делящей его пополам трещинкой на голубом лаке. Он бродил по кораблю не из чувства долга, не из любопытства к разговорам и жизни других людей. Он просто боялся таких ночных часов, потому что мысленно видел картины, которые не хотел вспоминать. Самым тяжелым было воспоминание о человеке, которого он убил, для того чтобы тот не убил других. Рохан должен был так поступить, но от этого не становилось легче. Он знал, что, если сейчас погасить свет, он снова увидит эту сцену, как тот со слабой бессмысленной улыбкой идет за прыгающим в его руках стволом вейра, как перешагивает через лежащее на камнях тело без руки (этим мертвецом был Ярг, вернувшийся, чтобы после чудесного спасения так глупо погибнуть), как роняет вейр и падает лицом вниз... Рохан напрасно пытался прогнать эту картину, чувствовал острый запах озона, горячий удар рукоятки, сжатой его потной рукой, слышал стоны людей, которых, задыхаясь, стаскивал в одно место, чтобы связать, как снопы, и каждый раз близкое, знакомое, как будто вдруг ослепшее лицо пораженного потрясало его своим выражением отчаянной беспомощности.

Что-то стукнуло, упала книжка, которую Рохан начал читать еще на Базе, он заложил тогда страницу белым листом, но до сих пор не прочитал ни одной строчки. Он лег поудобнее. Подумал о стратегах, обдумывающих сейчас

планы уничтожения туч, и его губы искривила пренебрежительная усмешка. «Это бессмысленно, все вместе... — думал он. — Хотят уничтожить... Мы тоже, мы все хотим уничтожить, но никого этим не спасем. Регис безлюден, человеку нечего здесь искать. Откуда же это упорство? Ведь точно так же людей могла бы убить буря или землетрясение. Ничье сознательное намерение, ничья враждебная мысль не стояла на нашем пути. Мертвый процесс самоорганизации... Стоит ли расточать все силы и энергию, чтобы его уничтожить, только потому, что мы сразу же приняли его за подстерегающего нас врага, который сначала из-за угла напал на «Кондор», а потом на нас? Сколько таких зловещих, чуждых человеческому пониманию явлений может таить в себе космос? И мы должны везде побывать с уничтожающей мощью на борту кораблей, чтобы разбить все, что несовместимо с нашим разумом? Как они это назвали? Некросфера. Значит, и некроэволюция, эволюция мертвой материи. Может быть, лирянам и было до нее дело. Регис III был в их сфере. Может, хотели его колонизировать, когда их астрофизики предсказали превращение их солнца в Новую... Возможно, это была для них последняя надежда. Если бы мы оказались в таком положении, мы бы, конечно, боролись, разметали бы этот черный кристаллический помет, но сейчас?.. На расстоянии парсека от Базы, в свою очередь, отдаленной от Земли на столько световых лет... во имя чего мы здесь торчим, теряя людей, для чего ночами стратеги ищут наилучший метод аннигиляции, ведь о мести не может быть и речи...»

Если бы сейчас Хорпах появился перед ним, он бы сказал ему все.

«Каким смешным и одновременно безумным выглядит это «покорение любой ценой», это «героическое упорство человека», это желание отплатить за смерть товарищей, которые погибли, потому что их *послали* на смерть... Мы были просто неосторожны, слишком понадеялись на наши излучатели и индикаторы, наделали ошибок и теперь рас-плачиваемся... Мы, только мы виноваты».

Он размышлял так, лежа с закрытыми глазами, кото-рые горели, словно под веками было полно песка. Чело-век, он понимал это сейчас, еще не поднялся на нужную высоту, еще не заслужил прекрасного звания галактоцен-трической фигуры, прославляемой издавна. Дело не в том, чтобы искать только себе подобных и только таких пони-мать: нужно еще уметь *не лезть* не в свои нечеловеческие дела. Захватить пустоту, конечно... А почему бы нет... Но не нападать на то, что существует, что за миллионы лет создало свое собственное, никому и ничему, кроме зако-нов природы, не подчиняющееся равновесие существова-ния, деятельного, активного существования, которое ни-чем не лучше и не хуже существования белковых соеди-нений, называемых животными или людьми.

Именно такого Рохана, переполненного благородным галактоцентрическим всепониманием любой существую-щей формы, пронзил словно игла, прокалывающая нервы, повторяющийся высокий крик сигнала тревоги.

Все его рассуждения исчезли, сметенные назойливым воем, заполнившим отсеки. В следующий момент он вы-скочил в коридор и побежал вместе с другими, в тяжелом ритме усталых шагов, в теплом людском дыхании, и, пре-жде чем добежал до лифта, почувствовал не каким-то от-

дельным органом чувств и даже не всем своим существом, а как бы восемнадцатитысячетонным корпусом корабля, молекулой которого стал, толчок, правда, показавшийся очень далеким и слабым, но встряхнувший тело крейсера от кормовых опор до носовых отсеков, удар ни с чем не сравнимой силы, который – он и это почувствовал – приняло и отразило нечто еще большее, чем «Непобедимый».

– Это он! Это он! – услышал Рохан крики.

Люди исчезали в лифтах, двери с шипением закрывались, кто-то грохотал по крутым лесенкам, не в силах дожидаться своей очереди, но сквозь мешанину голосов, призывов, свистки боцманов, непрекращающийся крик сирен и топот из верхнего отсека пробился второй, беззвучный и от этого еще более тяжелый толчок следующего удара. Коридорные лампы мигнули. Рохан никогда не думал, что лифт может двигаться так медленно. Он стоял, не замечая, что продолжает изо всех сил втискивать палец в кнопку, а рядом с ним был только один человек, кибернетик Ливин.

Лифт остановился, и, выскакивая из него, Рохан услышал самый тонкий, какой только можно представить, свист, верхние тона которого – он был в этом уверен – уже не могло воспринять человеческое ухо. Словно стонали сразу все титановые соединения крейсера. Рохан влетел в рубку, понимая, что «Непобедимый» ответил ударом на удар.

Но это был уже конец схватки. У экрана, большой и черный на его пылающем фоне, стоял астрогатор. Верхний свет не горел, а сквозь полосы, пересекающие экран и размазывающие изображение, маячил зацепившийся основанием за грунт гигантский, распухший, разбрасывающий

во все стороны шишковатые клубы, внешне совершенно неподвижный гриб взрыва, разметавший на атомы и уничтоживший циклопа, а в воздухе как будто еще висела странная прозрачная дрожь, сквозь которую доносился монотонный голос техника:

– Двадцать шесть в пункте ноль. Девять восемьсот по периметру... Один четыреста двадцать два в поле...

«Тысяча четыреста двадцать два рентгена в поле, значит, излучение пробило силовой барьер», – понял Рохан. Он не знал, что такое возможно. Но, когда взглянул на шкалу мощности, понял, какой заряд использовал астрогатор. Этой энергии хватило бы, чтобы хорошенько вскипятить внутриконтинентальное море средней величины. Что ж, Хорпах предпочитал не рисковать повторными выстрелами. Может, он немного перехватил, но теперь они снова имели только одного противника.

На экранах тем временем разворачивалось невиданное зрелище: похожая на цветную капусту верхушка гриба пылала всеми цветами радуги, от нежно-серебристой зелени до глубокого пурпура. Пустыни – Рохан заметил это только сейчас – вообще не было видно: как плотный туман ее покрыл выброшенный на десятки метров вверх песок, который висел в воздухе, волнуясь, словно превратился в настоящее море. А техник все еще докладывал отсчеты по шкале:

– Девятнадцать тысяч в пункте ноль... Восемь шестьсот по периметру... один сто два в поле...

Победа, одержанная над циклопом, была принята в глухом молчании – немного чести разбить собственное, да еще самое сильное оружие. Люди начали расходиться, а

гриб все еще рос в стратосфере и вдруг вспыхнул у вершины другой гаммой красок, зажженных на этот раз лучами солнца, еще не поднявшегося над горизонтом. Он уже пробил верхние слои холодных облаков и стоял высоко над ними, лилово-золотой, янтарный и платиновый. Отблески с экранов волнами окатывали рубку. Она все время менялась, как будто по белым пультам кто-то разбрасывал охапки земных цветов.

Рохан еще раз удивился, увидев, как одет Хорпах. Астрогатор был в мундире – в том белоснежном парадном мундире, который Рохан последний раз видел на нем во время торжественных проводов на Базе. Наверное, он схватил первое, что попало под руку. Астрогатор стоял, держа руки в карманах, его седые волосы взъерошились у висков. Он оглядел присутствующих.

– Рохан, – сказал он неожиданно мягким голосом, – зайдите ко мне.

Рохан инстинктивно выпрямился. Тогда астрогатор повернулся и пошел к дверям. Так они и шли, один за другим, по коридору, а сквозь вентиляционные шахты в шуме нагнетаемого воздуха из нижних отсеков доносился глухой и гневный гул.

РАЗГОВОР

Рохан вошел в каюту астрогатора, не удивленный его приглашением. Правда, он бывал здесь редко, но после своего возвращения в кратер был вызван на «Непобедимый», и Хорпах разговаривал с ним у себя. Обычно такое приглашение не предвещало ничего хорошего. Правда, то-

гда Рохан был слишком потрясен катастрофой в ущелье, чтобы бояться гнева астрогатора. Впрочем, тот не упрекнул его ни словом, только очень внимательно расспрашивал обо всех подробностях атаки тучи. В разговоре принимал участие доктор Сакс, который высказал предположение, что Рохан уцелел, так как был в состоянии ступора, оцепенения, при котором угнетается электрическая деятельность мозга, и туча приняла его за уже обезвреженного, за одного из пораженных. Что касается Ярга, то нейрофизиолог объяснил спасение водителя случайностью: убегая, он оказался вне зоны атаки. У Тернера же, который почти до конца пытался защитить себя и других, стреляя из лазеров, мозг работал нормально и привлек к себе внимание тучи. Туча была совершенно слепа, в человеческом понимании, и человек представлял для нее только некий подвижный объект, проявляющий свое присутствие электрическими потенциалами коры головного мозга. Они даже обсудили с Хорпахом и врачом возможность защиты людей приведением их в состояние «искусственного столбняка» с помощью соответствующего химического препарата. Но Сакс сказал, что такое средство действовало бы слишком поздно, если бы возникла необходимость в «электрическом камуфляже», а посылать людей на операцию в состоянии ступора невозможно. В конце концов разговор не принес тогда конкретных результатов. Рохан решил, что командир, возможно, хочет вернуться к тому же вопросу.

Рохан остановился посреди каюты, раза в два большей, чем его собственная. В одну из стен были встроены пульт непосредственной связи с рубкой и несколько микрофо-

нов, но, кроме этого, ничего не говорило о том, что здесь годами жил командир корабля. Хорпах сбросил мундир и остался в брюках и рубашке-сетке. Сквозь ее ячейки пробивались густые седые волосы его широкой груди. Он уселся немного боком к Рохану, опершись тяжелыми руками о столик, на котором не было ничего, кроме книжки в потертом кожаном переплете. Подняв глаза с этой незнакомой ему книги на командира, Рохан увидел его словно впервые. Это был смертельно уставший человек, который даже не пытался скрыть, как дрожит его рука, поднятая ко лбу. И тут Рохан, словно озаренный, понял, что вообще не знает Хорпаху, под началом которого служил четвертый год. Ему никогда не приходило в голову удивиться тому, что в каюте астрогатора нет ничего личного, ни одной из тех мелочей, иногда смешных, иногда наивных, которые люди берут с собой в пространство, как память о детстве или доме. В этот момент ему показалось, что он понял, почему Хорпах не имел ничего, почему на стенах отсутствовали какие-нибудь старые фотографии с лицами близких, оставшихся на Земле. Просто астрогатор не нуждался в подобных вещах: он весь был здесь, и Земля не была ему домом. Но, может быть, сейчас, впервые в жизни, он пожалеют об этом? Его тяжелые плечи, руки и шея не поддавались старости. Старой была только кожа на руках, толстая, неохотно складывающаяся в морщины на косточках пальцев. Кожа белела, когда он распрямлял пальцы и смотрел на их легкую дрожь с безразличным и усталым интересом, словно отмечая что-то до сих пор ему чуждое. Рохану не хотелось смотреть на это. Но командир, слегка наклонив голову, взглянул ему в глаза и с какой-то почти застенчивой улыбкой буркнул:

– Я немного пересоллил, а?

Рохана ошеломили не столько эти слова, сколько их тон и все поведение астрогатора. Он не ответил. Стоял молча, а командир, потирая широкой ладонью волосатую грудь, добавил:

– А может, это и лучше.

И через несколько секунд с небывалой для него откровенностью сказал:

– Я просто не знал, что делать...

Это потрясло Рохана. Он как будто и сознавал, что вот уже несколько дней астрогатор так же беспомощен, как все они, но сейчас понял, что не чувствовал этого по-настоящему, верил в глубине души, что астрогатор видит на несколько ходов дальше, чем любой другой человек, что так должно быть. И вот внезапно ему открылся командир как бы в двух планах одновременно. Он видел полуобнаженный торс Хорпах, его усталое тело, дрожащие руки – существование всего этого прежде не доходило до его сознания – и одновременно слышал слова, подтверждающие правильность этого открытия.

– Садись, мальчик, – сказал командир.

Рохан послушно сел. Хорпах поднялся, подошел к умывальнику, плеснул водой на лицо и шею, быстро вытерся, резко накинул куртку, застегнул ее и уселся напротив Рохана. Глядя ему в глаза своими светлыми, немного слезящимися, словно от сильного ветра, глазами, астрогатор нехотя спросил:

– Как там, с твоим... иммунитетом? Тебя исследовали?

«Значит, только это», – мелькнуло в голове у Рохана. Он откашлялся.

– Да, врачи исследовали меня, но ничего не нашли. Кажется, Сакс был прав с этим ступором.

– Так, так. Больше ничего не говорили?

– Мне нет. Но я слышал, они обсуждали, почему туча нападает на человека только один раз, а потом предоставляет его своей судьбе.

– Это интересно. И что же?

– Лауда считает, что туча отличает нормальных людей от пораженных благодаря разнице в электрической активности мозга. У пораженного активность такая же, как у новорожденного. Во всяком случае, очень похожа. Кажется, в том столбняке, в который я впал, картина та же. Сакс предполагает, что можно сделать тонкую металлическую сеточку, которая, если надеть ее на голову, будет излучать слабые импульсы того же типа, что и мозг пораженного. Что-то вроде «шапки-невидимки». Возможно, таким образом удалось бы спрятаться от тучи. Но это только предположение. Неизвестно, получится ли... Они хотят провести кое-какие эксперименты. Но у них слишком мало кристалликов, а те, которые должен был собрать циклоп, мы не получили...

– Ну, ладно, – вздохнул астрогатор. – Я не об этом хотел с тобой говорить... То, о чем мы будем говорить, останется между нами. Да?

– Да... – не сразу ответил Рохан, и напряжение вернулось.

Астрогатор теперь не смотрел на него, как будто ему трудно было начать.

– Я еще не принял решения, – вдруг сказал он. – Кто-нибудь другой на моем месте бросил бы монету. Возвра-

щаться – не возвращаться... Но я не хочу. Я знаю, как часто ты не соглашаешься со мной...

Рохан открыл рот, но командир остановил его легким движением руки.

– Нет, нет... Так вот, ты получишь шанс, я даю его тебе. Ты решишь. Я сделаю то, что ты скажешь.

Он взглянул на Рохана и тотчас же спрятал свои глаза под тяжелыми веками.

– Как это... я? – выдавил Рохан. Он ожидал чего угодно, только не этого.

– Да, именно ты. Разумеется, мы договорились, это останется между нами. Ты примешь решение, а я его осуществлю. Я буду отвечать за него перед Базой. Удобные условия, не правда ли?

– Вы это... серьезно? – спросил Рохан, только бы оттянуть время, – он уже понимал, что это серьезно.

– Да. Если бы я тебя не знал, то дал бы тебе поразмыслить. Но я знаю, что ты ходишь и думаешь свое и уже давно принял решение, но, возможно, я так бы его из тебя и не вытянул. Поэтому скажи мне здесь, сейчас. Это приказ. На это время ты становишься командиром «Непобедимого»... Не хочешь сразу? Хорошо. Даю тебе минуту.

Хорпах встал, подошел к умывальнику, потер ладонью щеки, так что закрипела седая щетина, и, словно ничего не происходило, взял электробритву и начал бриться. Он смотрел в зеркало.

Рохан видел его и одновременно не видел. Первым его чувством был гнев на Хорпаху, который так беспощадно с ним поступил, давая ему право, а вернее, обязанность решения, связывая его словом и одновременно принимая на

себя всю ответственность. Рохан знал достаточно астрогатора, чтобы понимать, что он все обдумал и теперь не отступится от своего...

Секунды бежали, и нужно было говорить. Через мгновение... Сейчас. А он ничего не знал. Все аргументы, которые он так охотно бросил бы астрогатору в лицо, которые как железные кирпичи укладывал во время ночных размышлений, исчезли. Четыре человека умерли почти наверняка. Если бы не это «почти», не нужно было бы ничего взвешивать, выворачивать наизнанку, они просто улетели бы на рассвете. Но теперь это «почти» начало в нем разрастаться. Пока он стоял рядом с Хорпахом, считал, что нужно немедленно стартовать. Сейчас чувствовал, что такой приказ застрянет у него в горле. Знал, что это был бы не конец проблемы Региса, а ее начало. Это не имело ничего общего с ответственностью перед Базой. Те четверо остались бы на корабле, о них бы не забыли. Команда хотела возвращаться. Но он припомнил свою ночную прогулку и понял, что через некоторое время люди начали бы об этом думать, потом говорить. Они говорили бы друг другу: «Видите?! Он бросил четырех человек и стартовал». И только это имело бы значение. Каждый человек должен был знать, что другие его не оставят ни при каких обстоятельствах. Что можно проиграть все, но команда должна быть на борту – живые и мертвые. Этого правила не было в уставах. Но если бы так не поступали, никто бы не мог летать.

– Слушаю, – сказал Хорпах. Он отложил бритву и сел напротив помощника.

Рохан облизал губы:

- Нужно попробовать...
- Что?
- Найти их.

Вот и случилось. Он знал, что астрогатор не будет противиться. Сейчас он был совершенно уверен, что Хорпах именно на это и рассчитывал, что сделал это намеренно. Зачем? Чтобы, идя на риск, не быть одиноким?

- Тех? Понимаю. Хорошо.
- Но нужен план. Какой-то разумный способ...
- Разумными мы были до сих пор, – сказал Хорпах. –

Результаты тебе известны.

- Могу я еще кое-что сказать?
- Слушаю.

– Я был сегодня ночью на совещании стратегов. То есть слышал... Впрочем, я не об этом. Они разрабатывают различные способы уничтожения тучи, но задача ведь не в том, чтобы ее уничтожить, нужно только найти тех четверых. Ведь если мы предпримем какое-то новое избиение тучи, то те из них, кто еще жив, из второго такого ада наверняка не выберутся. Никто. Это невозможно.

- Я тоже так думаю, – медленно ответил астрогатор.
- Вы тоже?! Это хорошо... Значит?..

Хорпах молчал.

- Они... Они нашли какой-нибудь выход?
- Они?.. Нет.

Рохан хотел еще о чем-то спросить, но не решился. Слова замерли у него на губах. Хорпах смотрел на него, словно чего-то ждал. Но Рохан ничего не знал. Не думает же командир, что он сам, в одиночку, сумел придумать что-то лучшее, чем все ученые, чем кибернетики и страте-

ги вместе с их «электронными мозгами». Какая ерунда! А Хорпах терпеливо смотрел на него. Они молчали. Капли воды мерно падали из крана, необычайно громкие в полной тишине. И из этого молчания возникло то, что холодом сжало щеки Рохана. Уже все лицо. Кожа от шеи начала съеживаться, она становилась как бы тесной, когда он смотрел в слезящиеся, невыразимо старые сейчас глаза Хорпаха. Он уже ничего не видел, кроме этих глаз. Он уже знал.

Он медленно кивнул головой. Как будто сказал «да». «Ты понимаешь?» – спрашивали глаза астрогатора. «Понимаю», – ответил взглядом Рохан. Но по мере того как понимание становилось в нем все отчетливее, он чувствовал, что это невозможно. Что этого никто не имеет права требовать от него, даже он сам. И он продолжал молчать. Молчал, но теперь уже притворяясь, что ни о чем не догадывается, ничего не знает. Цеплялся за наивную надежду, что, раз ничего не сказано, от того, что перешло из глаз в глаза, можно отказаться. Можно солгать, что это недогадливость. Он понимал, чувствовал – Хорпах сам этого никогда ему не скажет. Но астрогатор видел это, видел все. Они сидели неподвижно. Взгляд Хорпаха смягчился. Он уже выражал не ожидание, не безоговорочную настойчивость, а только сочувствие. Он словно говорил: «Понимаю. Хорошо. Пусть будет так». Командир опустил веки. Еще мгновение, и это невысказанное исчезло бы, и они оба могли бы вести себя так, как будто вообще ничего не случилось. Но этот отведенный взгляд все решил. Рохан услышал собственный голос:

– Я пойду.

Хорпах тяжело вздохнул, но Рохан, охваченный паникой, которую возбудило в нем произнесенное им самим слово, не заметил этого.

— Нет, — сказал Хорпах. — Так не пойдешь...

Рохан молчал.

— Я не мог тебе этого сказать... — продолжал астрогатор. — Ни даже искать добровольца. Не имею права. Но ты сейчас сам понимаешь, что мы не можем так улететь. Только в одиночку человек может туда войти... И выйти. Без шлема, без машин, без оружия.

Рохан почти не слышал его.

— Сейчас я объясню тебе свой план. Обдумай его. Можешь от него отказаться, все это по-прежнему остается между нами. Я представляю себе это так. Кислородный прибор из силикона. Никакого металла. Я пошлю туда два вездехода, автоматических. Они стянут на себя тучу, которая их уничтожит. В это время пойдет третий вездеход. С человеком. Это самый рискованный момент, нужно подъехать как можно ближе, чтобы не терять времени на переход через пустыню. Запаса кислорода хватит на восемнадцать часов. Вот фотографии всего ущелья и окрестностей. Я думаю, не стоит идти дорогой предыдущих экспедиций, нужно подъехать как можно ближе к северной границе плоскогорья и оттуда пешком спуститься вниз. К верхней части ущелья. Если они вообще еще живы, они только там. Там они могли уцелеть. Местность тяжелая, много пещер и расщелин. Если найдешь всех или кого-нибудь из них...

— Да. Как мне их забрать? — спросил Рохан, испытывая удовлетворение, которое не мог побороть. Здесь план разваливался. Как легко жертвовал им Хорпах...

– У тебя будет нужное средство, слегка дурманящее. Что-то такое есть. Естественно, оно понадобится только в том случае, если они не захотят идти добровольно. К счастью, они в этом состоянии могут ходить.

«К счастью...» – подумал Рохан. Он сжал под столом руки, стараясь, чтобы Хорпах этого не заметил. Он совсем не боялся. Пока нет. Все это было слишком нереально.

– В случае, если туча... заинтересуется тобой, ты должен неподвижно лечь на землю. Я думал о каком-нибудь препарате на этот случай, но он подействовал бы слишком поздно. Остается только этот экран, этот электросимулянт, о котором говорил Сакс...

– Что-нибудь в этом роде уже есть?.. – спросил Рохан.

Хорпах понял скрытый смысл вопроса. Но был по-прежнему спокоен.

– Нет. Но это можно сделать за час. Сеточка, скрытая в волосах. Генератор будет вшит в ворот комбинезона. Теперь... Даю тебе час времени... Дал бы больше, но с каждой минутой шансы спасения тех четверых уменьшаются. И так их слишком мало. Когда решишь...

– Я уже решил.

– Не глупи. Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Я только хотел, чтобы ты понял, нам еще нельзя стартовать...

– Но ведь вы знаете, что я пойду...

– Не пойдешь, если я тебе не позволю. Не забывай, что я еще здесь командир. Перед нами проблема, которая не позволяет считаться с чьим-либо самолюбием.

– Понимаю, – сказал Рохан. – Вы не хотите, чтобы я чувствовал себя вынужденным?.. Ладно. Тогда я... То, что мы сейчас говорим, еще подчиняется нашему договору?

– Да.

– Тогда я хочу знать, что бы вы сделали на моем месте. Поменяемся...

Хорпах мгновение молчал.

– А если бы я тебе сказал, что не пойду?

– Тогда и я не пойду. Но я знаю, что вы скажете правду...

– Значит, не пойдешь? Слово? Нет, нет... Я знаю, что это не нужно...

Астрогатор встал. За ним встал и Рохан.

– Вы мне не ответили.

Астрогатор смотрел на него. Он был выше, крупнее и шире в плечах. Его глаза приобрели то же усталое выражение, что и вначале.

– Можешь идти, – сказал он.

Рохан выпрямился и пошел к двери. Астрогатор сделал такое движение, как будто хотел его задержать, взять за руку. Но Рохан этого не видел. Он вышел, а Хорпах остался у закрытых дверей и долго стоял не двигаясь.

«НЕПОБЕДИМЫЙ»

Первые два вездехода сползли с аппарели на рассвете. Поле, пропуская машины, отворилось и вновь замкнулось, поблескивая голубыми огнями. Под кормой крейсера на задней подножке третьего вездехода, в комбинезоне, без шлема, без защитных очков, только в маленькой маске кислородного прибора сидел Рохан, обняв колени руками, – так ему было удобнее смотреть на скачки стрелки секундомера.

В левом верхнем кармане его комбинезона лежали четыре ампулы, в правом – плоские таблетки питательного концентрата, наколенные карманы заполняла всякая мелочь: индикатор излучения, маленький магнитный датчик, компас, микрофотограмметрическая карта местности размером в почтовую открытку, которую нужно было рассматривать в сильную лупу. Рохан был опоясан тонким пластмассовым тросом, его одежда практически не имела металлических частей. Проволочной сетки, скрытой в волосах, он вообще не чувствовал, разве что когда специально шевелил кожей головы. Не чувствовал он и плывущего в ней тока, но мог проверить работу микрогенератора, вшитого в воротник, приложив к нему палец: твердый цилиндр мерно постукивал, и, касаясь его, Рохан ощущал этот пульс.

На востоке появилась красная полоса, проснулся ветер, подстегивая песчаные верхушки барханов. Закрывающая горизонт низкая пила кратера медленно тонула в багряном половодье. Рохан поднял голову. Двусторонней связи с кораблем не было, работающий передатчик сразу же выдал бы его присутствие. Но в ухе его торчал маленький, величиной с косточку, приемник. «Непобедимый» мог, во всяком случае какое-то время, посылать ему свои сигналы. Приемник заговорил, Рохану показалось, что голос звучит прямо в голове.

– Внимание, Рохан. Я Хорпах... Носовые индикаторы зарегистрировали увеличение магнитной активности. Вероятно, вездеходы уже под тучей... Высылаю зонд...

Рохан смотрел в светлеющее небо. Он не видел самого старта ракеты, которая вдруг взмыла вертикально вверх,

таща за собой полосу белого дыма, окутавшего верхушку корабля, и понеслась на северо-восток. Шли минуты. Из-за горизонта вылезла уже половина распухшего диска тусклого солнца и уселась верхом на валу кратера.

– Небольшая туча атакует первый вездеход... – снова зазвучал голос в его голове. – Второй пока продвигается беспрепятственно. Первый приближается к воротам... Внимание! Контроль над ним утерян. Оптический тоже – туча его закрыла. Второй подходит к повороту у шестого сужения... Он пока не атакован... Началось!.. Мы потеряли над ним контроль. Его тоже накрыла туча... Рохан! Внимание! Твой вездеход отправляется через пятнадцать секунд. С этого момента ты действуешь по собственному усмотрению! Включаю стартовый автомат... Удачи!

Голос Хорпах неожиданно отдалился. Его заменило отсчитывающее секунды тиканье. Рохан устроился поудобнее, уперся ногами, вложил руку в эластичную петлю, прикрепленную к верхнему поручню вездехода... Легкая машина вздрогнула и плавно двинулась вперед. Хорпах держал всех людей внутри корабля. Рохан был ему за это почти благодарен, он бы не вынес никакого прощания. Прилепившись к прыгающей подножке вездехода, он видел только огромную, медленно уменьшающуюся колонну «Непобедимого». Голубые вспышки, затрепетавшие на мгновение на склонах барханов, сообщили ему, что машина пересекает границу силового поля. Сразу же после этого скорость возросла, и рыжее облако, взбитое колесами, заслонило все, – он едва видел небо. Это было не слишком удачно, на него могли напасть незаметно. И, вместо того чтобы сидеть, как было запланировано, он повернулся,

приподнялся и, держась за поручень, встал на подножке. Теперь он мог видеть поверх приплюснутого гребня машины бегущую навстречу пустыню. Вездеход, подскакивая, мчался с максимальной скоростью, иногда машину бросало так сильно, что Рохан был вынужден изо всех сил прижиматься к ее поверхности. Двигатель работал неслышно, только ветер свистел да зерна песка летели в глаза, а с обеих сторон машины взлетали рыжие фонтаны, образуя непроницаемую стену, и Рохан даже не заметил, как оказался вне кольца кратера. Очевидно, вездеход проскочил по одной из плоских перемычек северного вала.

Неожиданно Рохан услышал приближающийся певучий звук. Это был передатчик телезонда, летящего на такой высоте, что Рохан не мог его увидеть, хотя изо всех сил напрягал зрение. Зонд пришлось запустить высоко, чтобы не привлечь внимания тучи: его присутствие было неизбежно, иначе с корабля нельзя было бы управлять движением вездехода.

На заднюю стенку машины специально вынесли спидометр, чтобы облегчить Рохану ориентировку. Он проехал уже девятнадцать километров и с минуты на минуту ожидал появления первых скал. Но низкий солнечный диск, висевший до сих пор с правой стороны и едва пробивавший своим светом завесу пыли, вдруг откатился назад. Значит, вездеход поворачивал влево. Рохан напрасно пытался сообразить, совпадает ли это с разработанным планом или в рубке заметили какой-то непредвиденный маневр тучи и пытаются его увести от нее подальше.

Через некоторое время солнце исчезло за первым, отлогим скальным хребтом. Потом снова появилось. В его

косых лучах местность выглядела дико и не походила на то, что Рохан помнил по своей последней экспедиции.

Вездеход снова стало сильно трясти, и Рохан несколько раз больно ударился грудью. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы жестокие толчки не сбросили его с узкой подножки. Колеса танцевали на камнях, выбрасывали высоко вверх гравий, с шумом скатывавшийся вниз по склонам, иногда яростно буксовали. Рохану казалось, что эту дьявольскую езду видно за многие километры, и он уже собрался остановить машину – на уровне груди торчала выведенная наружу ручка тормоза – и соскочить. Но в этом случае его ожидала многокилометровая прогулка, и ее продолжительность уменьшала бы и без того ничтожные шансы дойти до цели. Стиснув зубы, судорожно вцепившись в поручни, которые уже не казались ему такими надежными, как раньше, он, прищурившись, смотрел вперед поверх плоской крыши машины.

Пение радиозонда иногда затихало, но он еще кружился над Роханом; вездеход ловко маневрировал, обходя нагромождение каменных развалин, иногда наклонялся, замедляя движение, и снова рвался вперед на полной мощности.

Спидометр показывал, что пройдено двадцать семь километров. По вычерченной на карте трассе надо было пройти шестьдесят, но из-за непрерывных зигзагов и поворотов дорога, конечно, удлинялась. Теперь песок совершенно исчез. Огромное почти негреющее солнце висело тяжело и грозно, касаясь диском каменной стены. Подпрыгивающая машина продиралась через осыпи, иногда скользя вместе со скрежещущей лавой, колеса скрипели и

бессильно терлись о камни на все возрастающем уклоне. Двадцать девять километров он ничего не слышал, кроме певучего сигнала зонда. «Непобедимый» молчал. Почему? Ему казалось, что обрисованный черными линиями неясный обрыв, видневшийся под красным солнцем, это и есть верхний обрез ущелья, в которое ему нужно спуститься, но не здесь... Значительно выше... С севера... Тридцать километров... Он не видел и следа черной тучи. Пожалуй, она уже расправилась с теми машинами. Или просто бросила их, удовлетворившись тем, что отсекала их от корабля, нарушив связь. Вездеход метался, как затравленный зверь. Временами от рева двигателя, работавшего на максимальных оборотах, у Рохана к горлу подкатывал комок. Скорость по-прежнему падала, но он все же продвигался на удивление хорошо. Может, имело смысл взять вездеход на воздушной подушке. Но это была слишком большая и тяжелая машина. И вообще не стоило об этом думать, все равно сейчас ничего не изменишь...

Рохан хотел посмотреть на часы. Сделать этого не удалось, нельзя было ни на мгновение оторвать руку от поручня. Согнув ноги, он попытался амортизировать резкие толчки, которые переворачивали ему внутренности. Внезапно машина задрала нос и одновременно рванулась вбок и вниз, завизжали тормоза, камни летели со всех сторон, громко барабанила по тонкому панцирю, вездеход судорожно свернул, его занесло, некоторое время тащило боком через осыпь, наконец это движение прекратилось...

Машина постепенно выпрямилась и снова упорно поползла вверх по склону. Он уже узнавал черноватые, похожие на заплаты, отвратительные заросли, покрывающие

крутые скалы. До начала ущелья оставалось около километра. Тридцать четвертый километр...

Склон, который еще предстояло преодолеть, выглядел, как море хаотически нагроможденных развалин. Казалось, машине не удастся найти среди них дорогу. Рохан уже перестал высматривать возможные проходы, – все равно он не мог управлять маневрами вездехода. Он старался теперь не спускать глаз с окружающих бездну скал. В любой момент оттуда могла появиться туча.

– Рохан... Рохан... – услышал он вдруг. Сердце забилося сильнее. Он узнал голос Хорпах. – Вероятно, вездеход не довезет тебя до цели. Отсюда мы не можем достаточно точно оценить наклон ската, но думаем, что тебе удастся проехать еще пять-шесть километров. Когда вездеход застрянет, пойдешь дальше пешком. Повторяю...

Хорпах еще раз передал то же самое. «Максимум срок два – сорок три километра... Остается около семнадцати. По такой местности это самое малое четыре часа, если не больше, – мгновенно прикинул Рохан. – Но, может, они ошибаются, может, вездеход пройдет...»

Голос пропал, и снова были слышны только ритмично повторяющиеся певучие сигналы зонда. Рохан стиснул зубами мундштук маски, который при резких бросках больно натирал губы. Солнце уже не касалось ближайшей горы, но висело еще невысоко. Он видел большие и маленькие камни, скалы, временами их холодная тень накрывала его. Машина шла теперь гораздо медленнее. Подняв глаза, Рохан увидел призрачные перистые облака, тающие в небе. Над ним горело несколько звезд. Вдруг с вездеходом произошло что-то странное. Его задняя часть осела, нос

взлетел вверх, он весь дрожал, как конь, вставший на дыбы... Секунда – и он, наверное, рухнул бы, подмяв под себя Рохана, если бы тот стремительно не прыгнул в сторону. Он упал на четвереньки, почувствовав через толстые защитные перчатки и наколенники болезненный удар, его проволокло метра два по камням, наконец ему удалось задержаться. Колеса вездехода еще раз взвизгнули, и машина замерла.

– Внимание... Рохан... Ты на тридцать девятом километре. Машина дальше не пройдет. Тебе придется идти пешком. Сориентируешься по карте... Вездеход останется здесь на тот случай, если ты не сможешь вернуться иначе... Ты на пересечении координат сорок шесть и сто девяносто два...

Рохан медленно встал. Все тело у него болело, но трудными были только первые шаги, постепенно он разошелся. Он хотел как можно скорее уйти от застрявшего между двумя каменными плитами вездехода. Дойдя до высокого обелиска, он сел вынул из кармана карту и попробовал сориентироваться. Это было нелегко. Наконец он определил свое место. От верхней границы ущелья его отделял какой-нибудь километр по прямой, но нельзя было даже мечтать, что здесь удастся спуститься вниз, – склоны ущелья покрывала монолитная металлическая чаша. Поэтому он начал карабкаться вверх, все время раздумывая, не попробовать ли ему спуститься на дно ближе намеченной точки. До нее пришлось бы идти не меньше четырех часов. Даже если бы ему удалось вернуться вездеходом, все равно необходимо было рассчитывать на пятичасовой обратный путь, а сколько времени займет спуск

в ущелье, не говоря уже о поисках? Неожиданно весь план показался ему лишенным крупницы здравого смысла. Он был бесполезен, этот героический жест, которым Хорпах мог успокоить собственную совесть. На какое-то время его охватила ярость – дал себя обвести, как какой-нибудь сопляк, астрогатор все так устроил... От ярости он почти не видел ничего вокруг. Постепенно Рохан успокоился. «Возвращения нет, – повторял он себе. – Попробую. Если мне не удастся спуститься, если никого не найду до трех часов, вернусь».

Часы показывали четверть восьмого. Рохан старался идти большими равномерными шагами, но не слишком быстро, так как при любых условиях расход кислорода увеличивался. Он надел компас на запястье, чтобы не сбиться с нужного направления. Однако ему пришлось несколько раз обходить трещины с совершенно вертикальными краями. Сила тяжести на Регисе была значительно меньше, чем на Земле, это давало относительную свободу движений даже в такой тяжелой местности. Солнце поднялось. Слух Рохана, привыкший к постоянному аккомпанементу всех тех звуков, которыми, словно защитным барьером, его окружали в прежних экспедициях машины, был теперь очень обостренным. Время от времени он слышал только ритмичное и очень ослабевшее пение зонда, зато каждый порыв ветра, рвущегося на скальных гранях, привлекал его внимание. Ему казалось, что он слышит слабое, так хорошо запомнившееся гудение.

Постепенно Рохан вошел в ритм и мог спокойно размышлять, автоматически ступая с камня на камень. В кармане у него лежал шагомер, он не хотел смотреть на его

шкалу слишком часто, решил, что сделает это только через час. Но не выдержал и вынул похожий на часы приборчик гораздо раньше. Он испытал болезненное разочарование: не удалось пройти и трех километров. Ему приходилось лезть слишком высоко, и это его задерживало. «Значит, не три, не четыре часа, а минимум еще шесть...» – подумал Рохан. Он вынул карту и, опустившись на колени, сориентировался еще раз. Верхний край ущелья виднелся в каких-нибудь семистах – восьмистах метрах на востоке, Рохан все время двигался более или менее параллельно его направлению. В одном месте черная чаща ущелья разделялась тонкой извивающейся полосой, вероятно, руслом высохшего ручья. Он пытался рассмотреть ее лучше. Стоя на камнях, в порывах ветра, свистящего над головой, он несколько минут колебался. Еще не зная, что будет делать, он встал, машинально спрятал карту в карман и пошел перпендикулярно направлению, которого придерживался до сих пор, прямо к обрыву ущелья.

Он приближался к молчащим ободранным скалам так осторожно, как будто в любой момент под ним могла разверзнуться земля. Отвратительный страх сжимал его сердце. Но он шел, по-прежнему размахивая руками, которые казались ужасно пустыми. Вдруг он остановился и поглядел вниз, в ту сторону, где стоял «Непобедимый». Рохан не мог его увидеть, корабль находился за горизонтом, он знал об этом, но смотрел на рыжее небо, медленно заполнявшееся клубящимися облаками. Пение сигналов зонда стало таким слабым, что он не был уверен, не иллюзия ли это. Почему молчал «Непобедимый»?

«Потому что больше не о чем говорить», – ответил он

сам себе. Похожие на гротескные, съеденные эрозией статуи, торчали вершины скал. Ущелье открылось перед ним, как огромная, залитая тьмой щель, солнечные лучи еще не достигали даже половины черных скал. Кое-где сквозь щетину, покрывавшую их, пробивались белые, словно известковые, иглы. Он одним взглядом охватил все огромное пространство, до самого каменного дна, лежащего на глубине полутора километров, и почувствовал себя таким нагим, таким незащищенным, что инстинктивно присел, чтобы слиться с камнями, стать одним из них. Это было бессмысленно, ему не грозило, что его увидят. То, чего он должен был бояться, не имело глаз. Лежа на слабо нагретой каменной плите, он смотрел вниз. Фотограмметрическая карта была бесполезно точной, она показывала местность с высоты птичьего полета, в соответствующем уменьшении. Нечего было и думать о спуске по узкой просеке между двумя массивами черных зарослей. Для этого понадобилось бы, по меньшей мере, метров сто троса, и все равно еще потребовались бы какие-нибудь крюки, молоток, а у него ничего такого не было, он не готовился к скалолазанию. Сначала этот узкий желобок спускался довольно плавно, дальше он обрывался, исчезал с глаз нависшим горбом лавы и появлялся далеко внизу, едва видный сквозь синеватую завесу воздуха. Ему в голову пришла идиотская мысль, что, если бы он имел парашют...

Он упорно разглядывал склоны по обе стороны от места, где лежал, втиснувшись под большой грибовидный камень. Только теперь он почувствовал, что из пустоты, которая под ним открывалась, плавно поднимается струя на-

гретого воздуха. В самом деле контуры противоположных склонов слегка дрожали. Заросли были аккумулятором солнечной энергии. На юго-западе он отыскивал вершины столбов, основания которых образовывали каменные ворота – место катастрофы. Он не узнал бы их, но в отличие от всех остальных скал они были абсолютно черными и блестели, словно покрытые толстым слоем глазури, – их поверхность наверняка кипела во время битвы циклопа с тучей... Но ни вездеходов, ни даже следов атомного взрыва он не смог рассмотреть из своего укрытия. Он лежал так довольно долго, и внезапно его охватило отчаяние: ему нужно спуститься вниз, а дороги нет. Вместо облегчения от того, что можно возвратиться и сказать астрогатору, что он сделал все возможное, – пришла решимость.

Он встал. Какое-то движение в глубине ущелья, схваченное краем глаза, снова прижало его к камню, но он выпрямился. «Если все время падать ничком, много не сделаешь», – подумал он. Теперь он шел по самому краю скалы, пытаясь найти проход. Через каждые несколько сотен шагов он свешивался в пустоту и видел все ту же картину – там, где склон спускался плавно, его облепляла черная чаша, там, где он был от нее свободен, – падал вертикально. Один раз из-под его ноги выскочил камень и покатился вниз, потащив за собой другие; небольшая лавина с грохотом стремительно ударила в косматую стену в каких-нибудь ста шагах под ним. Оттуда выползла полоса сверкающего в солнечных лучах дыма, развалилась в воздухе и мгновение висела, будто всматриваясь, а он весь помертвел. Потом дым поредел и бесшумно впитался в поблескивающую чашу.

Было около девяти, когда, выглянув из-за очередного камня, он заметил внизу, на самом дне ущелья, которое тут значительно расширялось, – светлое движущееся пятнышко. Дрожащей рукой он достал из кармана маленький бинокль, взглянул...

Это был человек. Слишком маленькое увеличение не позволяло увидеть его лицо, но Рохан хорошо видел равномерные движения ног. Человек шел медленно, слегка прихрамывая, припадая на поврежденную ногу. Окликнуть его? Рохан не решился. Правда, он попробовал, но голос застрял в горле. Он ненавидел себя за этот проклятый страх, но знал, что теперь уже наверняка не уйдет. Он хорошо запомнил направление, в котором двигался человек, – вверх по расширяющейся долине, к беловатым кучам осыпей – и побежал в ту же сторону, перепрыгивая через камни и зияющие трещины. Скоро ему стало не хватать воздуха и сердце заколотилось, как в лихорадке. «Это сумасшествие, так нельзя...» – подумал Рохан беспомощно. Он замедлил шаг, и в этот момент перед ним открылась, словно приглашая, широкая расщелина. Ниже с обеих сторон ее охватывали черные заросли. Внизу наклон увеличивался... Может, там навес?

Все решило время – было почти половина десятого. Он начал спускаться, сначала лицом к пропасти, потом, когда склон стал слишком крутым, повернулся и спускался дальше, помогая себе руками. Черная чаща была близко и, казалось, излучала неподвижное молчаливое тепло. В висках у него стучало. Он остановился на выступе скалы, вбил левый ботинок между ним и другим выступом и посмотрел в пропасть. Под ним в каких-нибудь сорока мет-

рах тянулся широкий карниз, от которого отходила четкая обнаженная каменная гряда, возвышавшаяся над растопыренными щетками черных кустов. Но от этого спасительного карниза его отделял воздух. Он взглянул вверх: позади уже добрых двести метров, а то и больше. Ему казалось, что удары сердца сотрясают воздух. Он несколько раз моргнул. Медленно, слепыми движениями начал разматывать трос. «Не будь же ты таким психом...» — сказала что-то в нем. Двигаясь боком, он добрался до ближайшего куста. Его острые побеги были покрыты налетом ржавчины. Рохан дотронулся до куста, ожидая чего угодно. Но ничего не случилось. Он услышал лишь сухой скрипучий шелест, потянул сильнее, — куст сидел надежно; он обвязал его тросом у основания, потянул еще раз... Во внезапном приступе смелости обмотал второй и третий кусты, уперся, дернул изо всех сил. Они прочно вцепились в потрескавшийся камень. Рохан начал скользить, все еще опираясь ногами о скалу, но потом сорвался и повис. Он все быстрее пропускал трос под коленом, притормаживая его правой рукой, и наконец осторожно опустил на карниз. Теперь он попробовал освободить трос, потянув его за один конец. Кусты не пускали. Он подергал еще несколько раз. Трос зацепился. Тогда он уселся на полку верхом и принялся тянуть изо всех сил. Вдруг трос с ядовитым свистом рассек воздух и хлестнул Рохана по шее. Его аж затрясло. Потом Рохан несколько минут сидел, ноги у него обмякли, и он не решался продолжать путешествие. Зато он снова увидел фигурку, двигавшуюся вниз. Она стала немного больше. Его удивило, что она такая светлая. Было также что-то причудливое в форме головы, вернее, головного убора этого человека.

Он ошибался, если думал, что худшее уже позади. Впрочем, он этого не думал. У него просто была такая надежда, но, как оказалось, ложная. Дальше дорога была гораздо легче технически, но мертвые, ржаво похрустывающие кусты сменились другими, лоснящимися какой-то жирной чернью. Их проволочные клубки, словно мелкими плодами, были осыпаны утолщениями, которые он тотчас узнал.

Время от времени от них отделялись слабо жужжащие дымки, кружились в воздухе, тогда он замирал, но ненадолго, иначе ему никогда не удалось бы достичь дна ущелья. Некоторое время он двигался сидя верхом на гряде, потом гряда стала шире, менее крутой, и он мог идти, правда не без помощи рук. Он едва отдавал себе отчет в последовательности этапов этого длительного спуска, поскольку его внимание было разделено – ему приходилось смотреть одновременно в обе стороны. Иногда ему приходилось передвигаться так близко от роящихся кустов, что их бугристые стержни цеплялись за складки комбинезона. Но ни разу проплывающие по верху облачка, переливающиеся в лучах солнца огоньками, не приблизились к нему.

Когда он наконец добрался до осыпи, всего в нескольких десятках шагов от дна, белеющего похожими на высохшие кости голышами, было около двенадцати. Он уже миновал зону черных кустов, которую наполовину освещало высокое солнце. Теперь он мог бы оценить величину пройденного пути, но даже не обернулся. Он побежал вниз, стараясь переносить тяжесть тела с ноги на ногу, с камня на камень как можно быстрее, но огромная масса неустойчивой осыпи с грохотом начала сползать вместе с

ним, грохот становился все сильнее, и вдруг у самого высохшего потока осыпь под ним развалилась, он упал, от удара у него сдвинулась кислородная маска. Он сразу же вскочил, не обращая внимания на ушибы, так как боялся, что потеряет человека, которого видел сверху, — оба склона, особенно противоположный, были усеяны черными дырами пещер. Но что-то остановило его, и, не отдавая себе отчета, он снова бросился на острые камни и остался лежать, раскинув руки. На него упала легкая тень, и с нарастающим монотонным гудением, охватывающим все регистры — от свиста до басовых нот, — его окутало черное бесформенное облако. Наверное, он должен был закрыть глаза, но не сделал этого. Последней его мыслью было: «Только бы аппаратик, вшитый в воротник, не пострадал при резком падении». Потом он приказал себе погрузиться в полную неподвижность. Он не шевелил даже зрачками, но видел, как роящаяся туча повисла над ним, как выпустила вниз лениво извивающееся щупальце, он увидел его вблизи, оно выглядело как горловина чернильно поблескивающего смерча. Кожей головы, щек, всего лица он почувствовал прикосновение теплого воздуха, как будто раздробленное на миллионы струек дыхание. Что-то пошевелило его комбинезон, его окружил почти полный мрак. Потом это изгибающееся, как миниатюрный смерч, щупальце втянулось обратно в тучу. Жужжание стало резче. От него заломило зубы, оно было где-то внутри черепа. Потом ослабло. Туча почти вертикально пошла вверх, превратилась в черный туман, охвативший оба склона, распалась на отдельные вращающиеся концентрические клубы, заползла в неподвижную шубу зарослей и исчезла.

Он еще долго лежал без движения, как мертвый. В голове мелькнула мысль, что, может быть, это уже случилось. Что, может, отныне он не будет знать, ни кто он, ни откуда здесь появился, ни что должен делать, и от этой мысли его охватил такой страх, что он резко сел. Вдруг ему захотелось смеяться. Ведь если он мог так думать, значит уцелел. Значит, она ему ничего не сделала, он ее обманул. Он старался сдерживать этот поднимающийся в горле щекочущий идиотский смех, который начал его трясти. «Это только истерика», – подумал Рохан, поднимаясь с колен. Он был уже почти спокоен, по крайней мере ему так казалось. Он поправил кислородную маску и осмотрелся. Человека, которого он заметил сверху, не было. Но Рохан слышал его шаги. Тот уже исчез за перегородившей половину ущелья скалой. Рохан побежал за ним. Топот приближался и казался удивительно громким. Как будто человек шел в железных ботинках. Рохан бежал, чувствуя, как иголки боли пронзают ногу, от щиколотки до колена. «Наверное, подвернул...» – подумал он, отчаянно загребая руками; снова не хватало воздуха, Рохан почти задышался, когда увидел того.

Человек шел прямо, большими механическими шагами, ступая с камня на камень. Близкие скалы щелкающим эхом повторяли его шаги. И вдруг все замерло в Рохане. Это был робот, а не человек. Один из арктанов. Рохан совсем не думал об их судьбе, о том, что стало с ними после катастрофы; во время нападения тучи они находились в среднем вездеходе. До робота оставалось всего несколько десятков шагов. Рохан заметил, что левая рука робота бесильно повисла, она была переломана, а его когда-то бле-

стящий выпуклый панцирь исцарапан и покрыт вмятинами. Разочарование было велико, но через мгновение Рохан приободрился при мысли, что будет иметь в дальнейших поисках хоть такого товарища. Он хотел окликнуть робота, но что-то удержало его. Он прибавил шагу, обогнал арктана и, встав на его дороге, ждал, но двухсполовиной-метровый гигант словно не замечал его. Вблизи Рохан увидел, что похожая на тарелкообразное ухо радарная антенна разбита, а там, где находился раньше объектив левого глаза, зияет дыра с неровными краями. Но шел робот, уверенно ступая своими огромными ногами, немного прихрамывая на левую. Рохан позвал его, когда расстояние между ними сократилось до нескольких метров, но машина шла прямо на него, как слепая, и в последний момент ему пришлось уступить дорогу. Он подскочил к арктану и хотел схватить его за металлическую лапу, тот безразличным и плавным движением вырвался и продолжал шагать дальше. Рохан понял, что арктан тоже стал жертвой атаки и рассчитывать на него нельзя. Но ему тяжело было оставить беспомощную машину одну, и, кроме того, он заинтересовался, куда робот направляется. Тот шел, выбирая по возможности ровную дорогу, будто имел определенную цель.

После короткого размышления, во время которого робот ушел вперед, Рохан решился и побежал за ним. Арктан дошел до основания осыпи и начал карабкаться на нее, не обращая ни малейшего внимания на потоки камней, вылетающих из-под его больших ступней. Он взобрался примерно до половины осыпи, но свалился и съехал вниз, все еще перебирая в воздухе ногами. В другое время Рохан

бы, пожалуй, расхохотался. Потом арктан поднялся и снова начал восхождение. Рохан повернулся и ушел, но до него еще долго доносились грохот камней и повторяющиеся тяжелые металлические щелчки, которые многократным эхом отражались от стен ущелья.

Теперь он двигался быстро, дорога по плоским камням, выстилающим ложе потока, была довольно ровной и слегка спускалась вниз. Никаких следов тучи не было, только временами слабое дрожание воздуха над склонами свидетельствовало о деятельности, бурлящей в черных зарослях. Так он дошел до самой широкой части ущелья, переходящего здесь в долину, окруженную отлогими возвышенностями. Каменные ворота находились в каких-нибудь двух километрах отсюда. Только теперь Рохан понял, как ему будет не хватать ольфактометрического индикатора, который помог бы в поисках человеческих следов, но для пешехода это был слишком тяжелый прибор. Рохан задержался и начал осматривать скалы. О том, чтобы кто-нибудь мог спрятаться в самой металлической чаще, не было и речи. Оставались только гроты, пещеры и котловины, которых отсюда он насчитал четыре; их загораживали от него высокие выступы с вертикальными стенами, обещающие, что восхождение будет нелегким. Поэтому он решил сначала осмотреть гроты. Уже до этого на корабле он вместе с врачами и психологами решил, где нужно искать беглецов, где они могли бы спрятаться. Но, по сути дела, это совещание дало ему немного, так как предвидеть поведение человека, пораженного амнезией, было практически невозможно. То, что эти четверо ушли от остальных людей Реньяра, говорило об их активности:

то, что следы этих четверых на всем прослеженном пути не разошлись, позволяло рассчитывать, что их удастся найти всех вместе. Естественно, если они вообще были живы и если выше каменных ворот не разошлись в разные стороны.

Рохан по очереди осмотрел два маленьких и четыре больших грота, входы которых были легко доступны, требовалось только несколько минут безопасного восхождения по большим каменным плитам, стоящим наклонно. В последнем из гротов он наткнулся на частично залитые водой металлические обломки, которые сначала показались ему скелетом второго арктана, но они были страшно старые и не напоминали ни одну из знакомых ему конструкций. В неглубокой луже, видной благодаря тому, что немного дневного света отражалось от гладкого, словно полированного потолка, покоился странный продолговатый предмет, отдаленно напоминающий крест пятиметровой длины. Его наружные пластины давно распались и образовали на дне рыжий от ржавчины ил.

Рохан не мог себе позволить долго рассматривать необычную находку, вероятно являющуюся остатками одного из макроавтоматов, уничтоженных победившей в мертвой эволюции тучей. Он лишь запомнил его форму, размазанные контуры каких-то ячеек и стержней, которые служили скорее для полетов, чем для ходьбы. Часы торопили, и он, не оттягивая, начал осматривать следующие пещеры. Их было так много, что в высоких стенах скал они казались залитыми тьмой окнами зданий; а коридоры и подземные галереи, часто затопленные водой, то и дело обрывающиеся вертикальными колодцами и водопадами с

журчащими ледяными потоками, шли так круто, что он не решался далеко в них углубляться. Впрочем, у него был только небольшой фонарик, дававший сравнительно мало света, бессильный разогнать тьму, особенно в обширных многоэтажных пещерах с высокими потолками, — он и в такие попал несколько раз.

Наконец, просто падая от усталости, он уселся на огромном, нагретом солнечными лучами, плоском камне у входа из только что обследованной пещеры и начал жевать плитку концентрата, запивая сухие куски водой из ручья. Раза два ему показалось, что он слышит шум приближающейся тучи, но это были только отголоски сизифовых усилий арктана. Перекусив, он почувствовал себя значительно бодрее. Самым удивительным для него самого было то, что он все меньше внимания обращал на грозное соседство, — черные заросли облепили склоны целиком.

Он опустился с возвышения перед пещерой, где отдыхал, и сразу заметил что-то вроде тонкой ржавой ленты на сухих камнях по другую сторону долины. Добравшись туда, он узнал следы крови. Кровь уже совершенно засохла, изменила свой цвет, и, если бы не удивительная белизна скалы, похожей на известняк, он, наверно, ничего бы не заметил. Он попробовал определить, в каком направлении шел раненый, но из этого ничего не вышло. Тогда он наугад пошел вверх по ущелью, рассуждая, что человек, возможно, раненный во время схватки циклопа с тучей, удалялся от ее центра. Следы петляли, в нескольких местах пропадали и наконец привели его к пещере, которую он осмотрел одной из первых. Тем больше было его удивле-

ние, когда он обнаружил рядом с входом в нее узкую расщелину, похожую на колодец, которой раньше не заметил. Кровавый след вел туда.

Рохан опустился на колени и наклонился над полутемным отверстием, и, хотя он подготовился к самому худшему, ему не удалось сдержать глухого восклицания. Прямо на него пустыми светлыми глазами смотрело окровавленное лицо Бенигсена. Он узнал его сразу по золотой оправе очков, стекла которых по слепой иронии случая уцелели и чисто поблескивали в отраженном от наклонившейся над каменной могилой известняковой плиты свете. Геолог висел, застряв между двумя камнями. Рохан не хотел оставлять его так, но, когда он попробовал вытащить труп, почувствовал сквозь толстый материал комбинезона, как тело расползается под руками. Разложение, ускоренное действием солнца, которое заглядывало сюда, сделало свое дело. Рохан только расстегнул «молнию» нагрудного кармана комбинезона и вынул из него личный знак ученого. Прежде чем уйти, он, напрягая все силы, придвинул одну из ближних каменных плит и накрыл ею могилу.

Это был первый. Уже отдалившись от этого места, Рохан подумал, что надо было определить радиоактивность останков. Ее уровень в какой-то мере мог бросить свет на судьбу самого Бенигсена и других, – высокий уровень радиоактивности доказывал бы, что умерший находился близко от атомной битвы. Но он забыл это сделать, а сейчас ничто не заставило бы его снова поднять могильный камень. Одновременно Рохан понял, какую большую роль в его поисках играет случай, ведь ему казалось, что это место он осмотрел очень внимательно.

Новая мысль заставила его поспешно вернуться по кровавому следу в поисках его начала. След шел почти по прямой линии вниз, словно направляясь к месту побоища. Геолог потерял огромное количество крови, и было непонятно, каким образом он мог уйти так далеко. Камни, на которые с момента катастрофы не упало ни капли дождя, были обильно залиты кровью. Рохан вскарабкался по шатким большим глыбам и очутился в обширной неглубокой впадине под обнаженным каменным выступом. Первое, что он увидел, была неестественно большая подошва металлической стопы робота. Он лежал боком почти разрубленный, очевидно, очередью из вейра. Немного дальше, опершись о скалу, полусидел, сложившись почти пополам, человек в черном от копоти шлеме. Он был мертв. Излучатель еще держался в его обвисшей руке, касаясь блестящим стволом земли. Рохан не решился сразу притронуться к мертвецу, он пытался, присев, заглянуть ему в лицо, но оно было так же обезображено разложением, как и у Бенигсена. Наконец он узнал широкую плоскую геологическую сумку, висевшую у человека через плечо. Это был сам Реньяр, руководитель экспедиции, атакованной в кратере. Измерение радиоактивности показало, что арктан разбит выстрелами из вейра, индикатор регистрировал характерное присутствие редкоземельных элементов. Рохан хотел взять личный знак ученого, но на это у него не хватило духа. Он только отстегнул сумку, — при этом не нужно было прикасаться к телу. В сумке лежали образцы минералов.

Подумав, Рохан отодрал ножом прикрепленную к сумке монограмму геолога, спрятал ее в карман и, глядя свер-

ху на застывшую картину, попытался понять, что же здесь произошло. По всей вероятности, Реньяр стрелял в робота. Возможно, тот напал на него или Бенигсена. Впрочем, могли человек, пораженный амнезией, защищаться от нападения? Рохан понимал, что не разгадает загадки, а в перспективе у него были дальнейшие поиски. Он снова взглянул на часы: скоро пять. Если он рассчитывал на собственный запас кислорода, пора было подумать о возвращении. Рохану пришло в голову, что он может вывернуть кислородные баллоны из аппарата Реньяра. Он снял аппарат с трупа, убедился, что один баллон еще полон, и, оставив свой пустой, начал наваливать камни вокруг останков. Это заняло у него целый час, но мертвый уже щедро с ним расплатился, отдав свой запас кислорода. Когда невысокий курган был готов, Рохан подумал, что хорошо было бы вооружиться, наверно, еще заряженным излучателем. Но идея возникла слишком поздно, ему пришлось уйти ни с чем.

Было уже почти шесть. Он так устал, что едва двигал ногами. У него оставалось еще четыре тонизирующие таблетки, он принял одну и через минуту встал, чувствуя прилив сил. Он не имел ни малейшего понятия, откуда начать дальнейшие поиски, и пошел прямо к каменным воротам. До них оставалось около километра, когда индикатор показал возрастающий уровень радиоактивности. Пока он был довольно низким, и Рохан шел дальше, внимательно оглядываясь по сторонам. Поскольку ущелье поднималось круто, лишь некоторые скалы носили следы плавления. По мере того как он приближался к месту схватки, этой характерной потрескавшейся глазури стано-

вилось все больше. Потом он увидел огромные камни, целиком покрытые застывшими пузырями, их поверхность варилась в атомном котле. Здесь ему уже нечего было делать, но он шел вперед; индикатор щелкал все быстрее, стрелка металась как сумасшедшая, танцуя по шкале. Наконец он издали заметил остатки каменных ворот. Черная прежде шуба металлических зарослей превратилась в испепеленные лохмотья; в глубине, в скалистых стенах, виднелись огромные светлые проломы. Рохан поспешно вернулся.

И снова ему на помощь пришел случай. Когда он уже поднимался к следующим, значительно более широким каменным воротам, вблизи от места, которое он уже проходил, он заметил блеск какого-то металлического предмета. Это был алюминиевый редуктор кислородного прибора. В неглубокой расщелине между скалой и ложем высохшего потока темнела спина в обгоревшем комбинезоне. Труп был без головы. Страшная сила взрывной волны перебросила человека через груды камней и раздробила его о скалу. Поодаль лежала совершенно целая кобура, из нее торчал сверкающий, словно только что вычищенный веер. Рохан взял его себе. Он пытался опознать убитого, но это ему не удалось. Он снова пошел вверх по ущелью. Свет на его восточном склоне становился уже красным и, словно пылающий занавес, подымался все выше, по мере того как солнце опускалось за горный хребет. Было без четверти семь. Рохан не знал, что делать. До сих пор ему везло, во всяком случае в том смысле, что он выполнил задание и мог возвращаться. В смерти четвертого человека он был совершенно уверен. Но, в конце концов, он почти навер-

няка знал это еще на «Непобедимом». Он пришел сюда, чтобы убедиться. Имел ли он право возвращаться? Запаса кислорода, которым он был обязан Реньяру, хватало еще на шесть часов. Но наступала ночь, во время которой он ничего не мог делать, если не из-за тучи, то хотя бы потому, что силы его были на исходе. Рохан принял очередную тонизирующую таблетку и, ожидая, когда она подействует, попытался составить какой-нибудь разумный план дальнейших действий.

Высоко над ним, у края скал, черные заросли заливало багровое зарево захода, в котором острия отдельных кустов искрились и переливались глубоким фиолетовым светом.

Рохан все еще не мог ничего решить. Сидя под большим изломом, он услышал надвигающееся издали тяжелое гудение тучи. Странно – он совсем не испугался. Его отношение к ней в течение одного этого дня удивительно переменялось. Он знал, во всяком случае думал, что знает, что именно он может себе позволить как альпинист, которого не пугает смерть, подстерегающая его на леднике. По правде говоря, Рохан сам еще не очень хорошо разобрался в происшедшей перемене, его память не отметила, в какой момент он заметил мрачную красоту черных зарослей, переливавшихся всеми оттенками фиолетового цвета. Но теперь, уже рассмотрев черные тучи – а их было две, они выползли из обоих склонов ущелья, – он даже не шевельнулся, не пытался спрятаться, прижимая лицо к камням. В конце концов положение, которое он занимал, не имело значения, если только маленький аппаратик еще работал. Сквозь материал комбинезона он коснулся кончиками

пальцев его круглого, как монета, донышка и почувствовал легкие толчки. Он не хотел испытывать судьбу и уселся поудобнее, чтобы лишний раз не менять положения.

Тучи занимали сейчас обе стороны ущелья. В их черных клубах происходило какое-то упорядоченное движение, они сгущались по краям, образуя почти вертикальные колонны, а их внутренние части вытягивались и сближались все больше. Казалось, какой-то гигантский скульптор с необыкновенной быстротой формировал их невидимыми движениями. Несколько коротких разрядов пронзили воздух между ближайшими точками туч, казалось, рвавшихся друг к другу, но каждая осталась на своей стороне, вибрируя центральными клубами во все убыстряющемся темпе. Блеск этих молний был удивительно темным, он на мгновение освещал обе тучи – застывшие в полете миллиарды серебристо-черных кристалликов. Потом, когда скалы повторили несколько раз эхо ударов, слабое и приглушенное, словно их покрыл поглощающий звук материал, обе черные тучи, дрожа, напрягаясь до предела, соединились и перемешались. Сразу потемнело, как будто зашло солнце, и одновременно в воздухе появились неясные изгибающиеся линии, и Рохан только через некоторое время понял, что это гротескно изуродованное отражение дна ущелья.

Воздушные зеркала волновались и таяли под покровом тучи; вдруг он увидел гигантскую, уходящую головой во тьму человеческую фигуру, которая неподвижно смотрела на него, хотя само изображение непрерывно дрожало и колебалось, гаснущее и вновь вспыхивающее в таинственном ритме. И снова ушли секунды, прежде чем он узнал

собственное отражение, висящее в пустоте между боковыми полотнищами тучи. Он был так удивлен, до такой степени поражен непонятными действиями тучи, что забыл обо всем. У него блеснула мысль, что, возможно, туча знает о нем, о микроскопическом присутствии последнего живого человека среди камней ущелья.

Но и этой мысли он не испугался. Не потому, что она была слишком неправдоподобна – он уже ничто не считал невозможным, – просто он жаждал участвовать в этой мрачной мистерии, значение которой – в этом он был уверен – не поймет никогда. Его гигантское отражение, сквозь которое слабо просвечивали далекие склоны верхней части ущелья, куда не достигала тень тучи, таяло. Одновременно из тучи высунулись бесконечные щупальца, если какое-нибудь втягивалось обратно, его место занимали другие. Из них пошел черный дождь, становившийся все более густым. Мелкие кристаллики падали и на Рохана, легко ударяли его в голову, осыпались по комбинезону, собирались в складках. Черный дождь все еще шел, а голос тучи, это всеобъемлющее, охватившее не только долину, но, казалось, всю атмосферу планеты гудение, усиливался.

В туче образовывались локальные вихри, окна, сквозь которые просвечивало небо; черный покров разорвался посередине и двумя валами, тяжело, как бы неохотно, попятился к зарослям, заполз в неподвижную чащу и растворился в ней. Рохан по-прежнему сидел без движения. Он не знал, можно ли стряхнуть кристаллики, которыми был обсыпан. Множество их лежало на камнях, все, до сих пор белевшее как кость, ложе ручья было словно забрызгано

черной краской. Он осторожно взял один из треугольных кристалликов, и тот будто ожил, деликатно дунул на руки теплой струей и, когда Рохан инстинктивно разжал руку, взлетел в воздух.

Тогда, будто по сигналу, все вокруг зароилось. Это движение только в первый момент представлялось хаотичным. Черные точки образовали над самой землей слой дыма, сконцентрировались, объединились и столбами пошли наверх. Казалось, скалы задымились какими-то жертвенными факелами несветящегося пламени. Потом произошло что-то еще более непонятное. Когда взлетающий рой повис, как огромный пушистый черный шар, над серединой ущелья, на фоне медленно темнеющего неба, тучи снова вынырнули из зарослей и стремительно бросились на него. Рохану показалось, что он слышит скрежещающий звук воздушного удара, но это была иллюзия. Он уже решил, что наблюдает схватку, что тучи извергли из себя и сбросили на дно ущелья этих мертвых «насекомых», от которых хотели избавиться, но понял, что ошибается. Тучи разошлись, и от пушистого шара не осталось и следа. Они поглотили его. Мгновение, и снова только вершины скал кровоточили под последними лучами солнца, а раскинувшаяся долина снова стала пустынной.

Рохан поднялся на ослабевшие ноги. Он вдруг показался себе смешным с этим поспешно взятым у мертвеца излучателем; больше того – он чувствовал себя ненужным в этой стране абсолютной смерти, где могли победить только мертвые формы, победить для того, чтобы совершать таинственные действия, которых не должны были видеть ничьи чужие глаза. Не с ужасом, но с полным оше-

ломления удивлением участвовал он мгновение назад в том, что произошло. Он знал, что никто из ученых не в состоянии разделить его чувств, но хотел вернуться теперь уже не только как вестник гибели товарищей, но и как человек, который будет добиваться, чтобы планету оставили нетронутой. «Не все и не везде существует для нас», – подумал он, медленно спускаясь вниз. Светлые сумерки позволили ему быстро дойти до поля битвы. Там ему пришлось ускорить шаги, так как излучение остекленевших скал, кошмарными силуэтами встающих в густеющих сумерках, становилось все сильнее. Наконец он побежал. Отзвук его шагов от одних каменных стен передавался другим, и в этом непрерывном эхе, в этом гуле, усиливавшем его торопливость, он прыгал с камня на камень. Он миновал неузнаваемые, расплавившиеся обломки машин, выскочил на крутой склон, но и здесь индикатор пылал ярким рубиновым огнем.

Задерживаться было нельзя. Он задыхался, но не снизил темпа, только до предела открыл вентиль редуктора. Если даже кислород кончится у выхода из ущелья, если придется дышать воздухом планеты, все равно это наверняка лучше, чем оставаться лишние минуты здесь, где каждый сантиметр скалы выбрасывал смертоносное излучение. Кислород бил ему в горло холодной волной. Бежать было легко, поверхность застывшего потока лавы, который оставил на пути своего поражения отступающий циклоп, местами была гладкой почти как стекло. К счастью, на нем были горные ботинки с шипами, и он не скользил. Теперь совсем стемнело, только кое-где выглядывающие из-под остекленевшей оболочки светлые камни показыва-

ли дорогу вниз, только вниз. Он знал, что впереди по крайней мере еще три километра такого пути. Делать какие-либо вычисления при этой сумасшедшей гонке было не совсем удобно, но он время от времени посматривал на пульсирующий огонек индикатора. Он мог здесь быть еще около часа, тогда доза не превысит двухсот рентгенов. Ну пусть час с четвертью, но если и после этого он не доберется до начала пустыни, спешить будет уже некуда.

Где-то на двадцатой минуте наступил кризис. Сердце он чувствовал как жестокое, непреодолимое существо, которое раздирало и сжимало ему грудь, кислород жег горло пылающим огнем, в глазах мелькали искры, но самым плохим было то, что он начал спотыкаться. Правда, излучение стало немного слабее, индикатор тлел в темноте как гаснувший уголек, но он знал, что должен бежать, бежать дальше, а ноги уже отказывались слушаться. Все его мышцы работали на пределе, все в нем кричало, требовало остановиться, стоять, а то и рухнуть на кажущиеся такими холодными, такими безопасными глыбы потрескавшегося стекла. Он хотел посмотреть вверх, на звезды, споткнулся и полетел вперед, едва успев выставить руки. Всхлипывая, он глотал воздух. С трудом приподнялся, встал, несколько шагов пробежал, качаясь из стороны в сторону, потом нужный ритм вернулся и понес его. Он уже потерял ощущение времени. Как он вообще ориентировался в этой глухой тьме? Он забыл о мертвых, которых нашел, о костяной улыбке Бенигсена, о Реньяре, лежащем под камнями рядом с разбитым арктаном, о безголовом, которого ему не удалось опознать, забыл даже о туче. Мрак давил на него, наливал кровью его глаза, напрасно искавшие большое

звездное небо равнины, песчаная пустота которой казалась ему избавлением. Соленый пот заливал лицо, он бежал вслепую, увлекаемый силой, неисчезающему присутствию которой в себе мгновениями еще мог удивляться. Этот бег, эта ночь, казалось, не имели конца.

Рохан уже ничего не видел, когда вдруг ему стало гораздо тяжелее передвигать ноги, он несколько раз провалился, почувствовал последний приступ отчаяния, поднял голову и вдруг понял, что он в пустыне. Он еще заметил звезды над горизонтом, потом, когда ноги его подогнулись, искал шкалу индикатора, но не увидел ее, она была темной, молчала, — он оставил смерть за спиной, в глубине застывшего корыта лавы, — это была последняя его мысль. Он почувствовал лицом шершавый холод песка и погрузился не в сон, а в оцепенение. Все тело еще отчаянно работало, ребра ходили ходуном, сердце разрывалось, но сквозь этот мрак полного изнурения он проваливался в другой мрак, более глубокий, и, наконец, потерял сознание.

Рохан очнулся сразу, не понимая, где находится. Пошевелил руками, почувствовал холод песка, высыпавшегося из ладони, сел и невольно застонал. Ему было душно. Светящаяся стрелка манометра на кислородном приборе показывала нуль. В другом баллоне давление было восемнадцать атмосфер. Он переключил вентиль и встал. Был час ночи. Звезды резко сверкали в черном небе. Он определил по компасу нужное направление и пошел прямо вперед. В три он принял последнюю таблетку. Незадолго до четырех у него кончился кислород. Он отшвырнул кислородный прибор, сделал неуверенный вдох, но, когда

холодный предрассветный воздух наполнил его легкие, пошел быстрее, стараясь не думать ни о чем, кроме этого похода через барханы, в которые он то и дело проваливался по колено. Он шел как пьяный и не знал, действие ли это газов атмосферы или просто усталость. Он подсчитал, что если будет делать четыре километра в час, то доберется до корабля в одиннадцать утра. Рохан попробовал определить скорость шагомером, но ничего не получилось.

Гигантская белая полоса Млечного Пути делила небо на две неравные части. Он уже привык к призрачному свету звезд, который позволял ему обходить самые большие барханы. Он шел и шел, пока не заметил на фоне горизонта какой-то угловатый силуэт, казавшийся странным правильным пространством без звезд. Еще не понимая, что это, он повернул в ту сторону, побежал, проваливаясь все глубже, и наконец вытянутыми руками, словно слепец, ударился о твердый металл. Это был вездеход, пустой, возможно один из тех, которые накануне утром выслал Хорпах, а может, какой-нибудь другой, например брошенный группой Реньяра. Рохан не думал об этом, просто стоял, задыхаясь, обнимая плоский лоб машины обеими руками. Усталость тянула к земле. Упасть около машины, заснуть рядом с ней, чтобы утром, с солнцем, отправиться в путь...

Рохан медленно вскарабкался на броневою крышу, на ощупь нашел рукоять люка и открыл его. Зажегся свет. Он сполз на сиденье. Да, теперь он уже знал, что немного опьянел, наверняка отравленный метаном, он никак не мог отыскать стартер, не помнил, не знал ничего... Наконец рука сама нашла потертую ручку, толкнула ее, двигатель

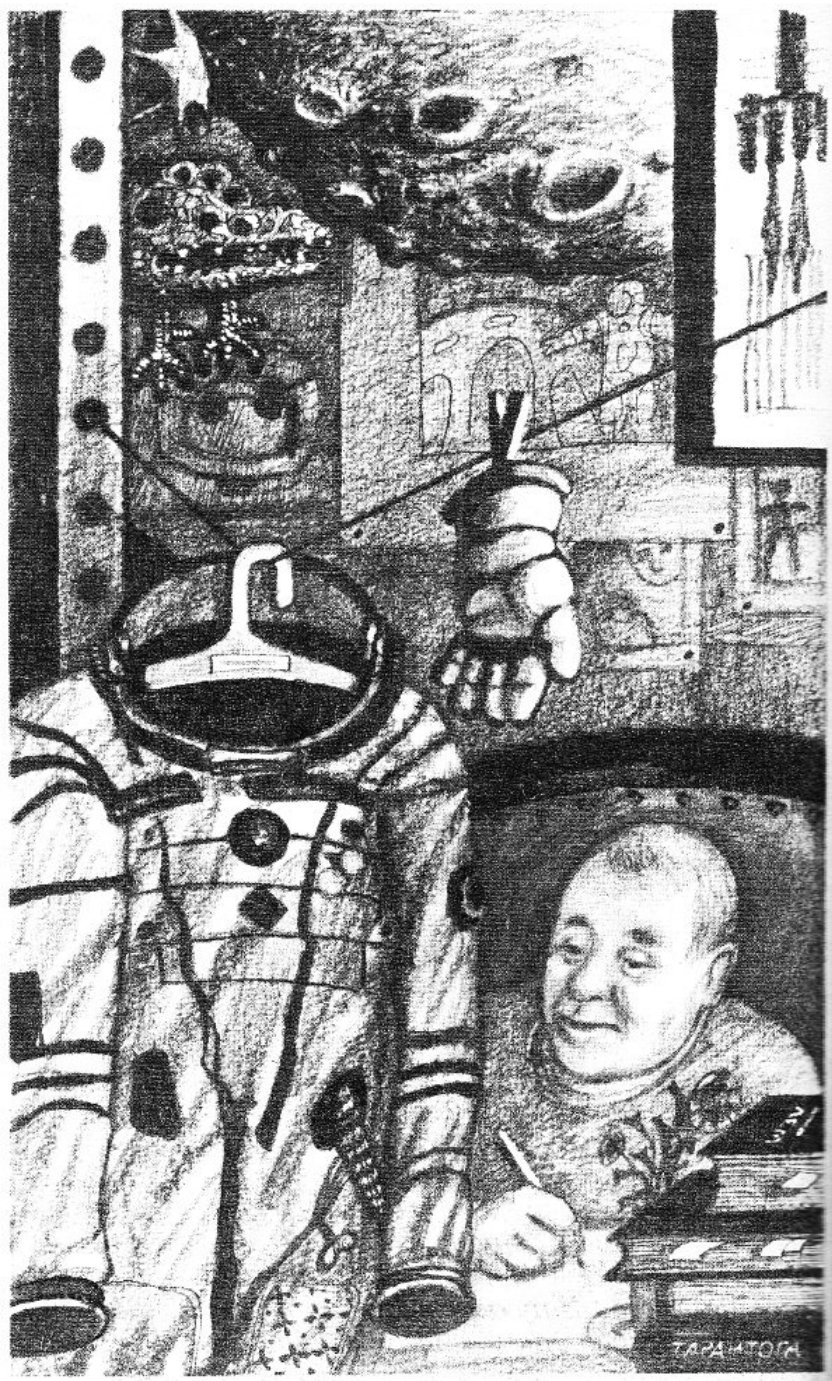
негромко мяукнул и заработал. Он откинул крышку гиро-компасов, теперь он знал наверняка только одну цифру – курс возвращения. Некоторое время вездеход шел в темноте. Рохан забыл о существовании фар...

В пять было еще темно. Он увидел прямо перед собой, далеко, среди белых и голубоватых звезд, одну, висящую над самым горизонтом, рубиновую. Он тупо уставился на нее. Красная звезда?.. Не было таких... Ему казалось, что рядом с ним кто-то сидит, наверное Ярг. Рохан хотел спросить его, что это может быть за звезда, и вдруг – будто его ударили – понял. Это был носовой огонь крейсера. Он направил вездеход прямо на эту рубиновую капельку. Она постепенно поднималась, пока не стала ярко горящим шариком, в отсвете которого переливался панцирь звездолета. Между приборами замигал красный огонек и раздался звонок, сигнализируя о близости силового поля. Рохан выключил двигатель. Машина сползла по склону бархана и остановилась. Он не был уверен, что сумеет забраться в вездеход, если вылезет из него. Поэтому он залез в ящик и достал ракетницу. Она прыгала у него в руке. Рохан оперся локтем о руль, сжал запястье другой рукой и потянул спусковой крючок. Оранжевая черта пронзила темноту. Черта кончилась взрывом, выбросившим яркие звездочки, – ракета ударилась в стену силовой защиты. Он стрелял раз за разом, пока не услышал сухие щелчки ударника. Кончились патроны. Но его уже заметили. Почти сразу же на вершине корабля вспыхнули два больших прожектора и, лизнув песок белыми языками, скрестились на вездеходе. Одновременно осветилась аппарель, и, как холодный огненный столб, вспыхнула шахта пассажирского подъем-

ника. Трапы мгновенно заполнились бегущими людьми, под кормой на барханах заметались огоньки. Голубые светлячки показали проход внутрь поля.

Ракетница выпала из рук Рохана. Он не помнил, как сполз по холодному боку машины, и, пошатываясь, преувеличенно большими шагами, неестественно выпрямившись, стиснув кулаки, чтобы подавить неприятную дрожь в пальцах, пошел прямо к кораблю, который стоял в половодье огней на фоне бледного неба такой величественной неподвижной громадой, как будто и в самом деле был непобедим.

Закопане,
июнь 1962 – июнь 1963.

ЗВЕЗДНЫЕ ДНЕВНИКИ ИЙОНА ТИХОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая читателю избранные фрагменты «Звездных дневников» Ийона Тихого, издатель не станет понапрасну тратить чернила на описание достоинств этого путешестввенника, имя которого хорошо известно в обоих сегментах Млечного Пути. Знаменитый звездoproходец, капитан дальнего галактического плавания, охотник за метеорами и кометами, неутомимый исследователь и первооткрыватель восьмидесяти тысяч трех миров, доктор *honoris causa* университетов обеих Медведиц, член Общества Охраны малых планет и многих других обществ, кавалер орденов Млечного Пути и туманностей, Ийон Тихий сам отрекомендуется читателю в публикуемых «Дневниках», которые ставят его в один ряд с такими неустрашимыми деятелями прошлого, как Карл Фредерик Иероним Мюнхгаузен, Павел Маслобойников, Лемюэль Гулливер или мэтр Алькофрибас.

Целиком «Дневники» – восемьдесят семь томов *in Quarto* с приложением (звездный словарь и комплект наглядных пособий), а также карта всех путешествий – обрабатываются коллективом ученых, астрогаторов и планетников, и ввиду огромного объема работ выйдут в свет не скоро. Считая, что было бы неверно держать в тайне от широкой общественности великие открытия Ийона Тихого, издатель выбрал из «Дневников» лишь небольшую их часть и предлагает ее читателю в необработанном виде, без примечаний, сносок, комментариев и словаря космических терминов.

В подготовке «Дневников» для печати мне, в сущности никто не помогал; тех, кто мне мешал, я не называю, так как это заняло бы слишком много места.

Астрал Стерну Тарантога,
профессор звездной зоологии
Фомальгаутского университета.
Фомальгаут 18. VI Космической
Пульсации

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕДЬМОЕ

Когда в понедельник второго апреля я пролетал вблизи Бетельгейзе, метеор размером не больше фасолины пробил обшивку, вывел из строя регулятор мощности и повредил рули – ракета потеряла управление. Я надел скафандр, выбрался наружу и попробовал исправить повреждение, но убедился, что установить запасной руль, который я предусмотрительно захватил с собой, без посторонней помощи невозможно. Конструкторы спроектировали ракету так нелепо, что один человек не мог затянуть гайку: кто-нибудь другой должен был придерживать ключом головку болта. Сначала это меня не очень беспокоило, и я потратил несколько часов, пытаясь удержать один ключ ногами и в то же время рукой завернуть с другой стороны гайку. Но прошло уже время обеда, а мои усилия все еще ни к чему не привели. В тот момент, когда мне это почти удалось, ключ вырвался у меня из-под ноги и умчался в космическое пространство. Так что я не только ничего не исправил, но еще и потерял ценный инструмент и лишь беспомощно смотрел, как он удаляется, все уменьшаясь на фоне звезд.

Через некоторое время ключ вернулся по вытянутому эллипсу, но, хоть он и стал спутником ракеты, все не приближался к ней настолько, чтобы я мог его схватить. Я вернулся в ракету и, наскоро перекусив, задумался над тем, каким образом выйти из этого дурацкого положения.

Корабль тем временем летел по прямой со все увеличивающейся скоростью – ведь проклятый метеор испортил мне и регулятор мощности. Правда, на курсе было никаких небесных тел, но не мог же этот полет вслепую продолжаться до бесконечности. Некоторое время мне удавалось сдерживать гнев. Но когда принявшись после обеда за мытье посуды, я обнаружил, что разогревшийся от перегрузки атомный реактор погубил лучший кусок говяжьего филе, который я оставил в холодильнике на воскресенье, я на мгновение потерял душевное равновесие и, изрыгая ужаснейшие проклятия, разбил часть сервиза. Это было не очень разумно, но принесло мне некоторое облегчение. Вдобавок выброшенная за борт говядина, вместо того чтобы улететь в пространство, не хотела расставаться с ракетой и кружила около нее, как второй искусственный спутник, вызывая регулярные, каждые одиннадцать минут и четыре секунды, кратковременные солнечные затмения. Чтобы успокоить нервы, я до вечера рассчитывал элементы ее движения, а также пертурбации орбиты, вызванные движением потерянного ключа. У меня получилось, что в течение ближайших шести миллионов лет говядина будет догонять ключ, обращаясь вокруг ракеты по круговой орбите, а потом обгонит его.

Устав от вычислений, я лег спать. Среди ночи мне показалось, что кто-то трясет меня за плечо. Я открыл глаза

и увидел наклонившегося над постелью человека, лицо которого показалось мне удивительно знакомым, хотя я понятия не имел, кто бы это мог быть.

– Вставай, – сказал он, – и бери ключи. Пойдем наружу закрепим руль...

– Во-первых, мы не настолько хорошо знакомы, чтобы вы мне «тыкали», – ответил я, – а во-вторых, я точно знаю, что вас нет. Я в ракете один вот уже второй год, так как лечу с Земли в созвездие Тельца. Поэтому вы мне только снитесь.

Но он по-прежнему тряс меня, повторяя, чтобы я немедленно шел с ним за инструментами.

– Идиотизм, – отмахнулся я, уже начиная злиться, так как боялся, что эта ссора во сне разбудит меня. А я по опыту знаю, как трудно мне заснуть после такого внезапного пробуждения. – Никуда я не пойду, это же бессмысленно. Болт, затянутый во сне, не изменит положения, существующего наяву. Прошу не надоедать мне и немедленно растаять или исчезнуть каким-нибудь другим способом, а то я могу проснуться.

– Но ты совсем не спишь, клянусь тебе! – воскликнуло упрямое привидение. – Ты не узнаешь меня? Взгляни!

С этими словами он прикоснулся пальцами к двум большим, как земляничины, бородавкам на левой щеке. Я инстинктивно схватился за свое лицо, потому что у меня на том же самом месте две точно такие же бородавки. И тут я понял, *почему* приснившийся напоминал мне кого-то знакомого: он был похож на меня, как одна капля воды на другую.

– Оставь меня в покое! – крикнул я и закрыл глаза, ис-

пугавшись, что проснусь. — Если ты являешься мной, то мне действительно незачем говорить тебе «вы», но вместе с тем это доказывает, что ты не существуешь.

Затем я повернулся на другой бок и натянул одеяло на голову. Я слышал еще, как он говорил что-то об идиотизме и наконец, поскольку я не реагировал, выкрикнул:

— Ты еще пожалеешь об этом, болван! И убедишься, что это вовсе не сон, но будет поздно!

Я даже не шелохнулся. Когда я утром открыл глаза, мне сразу вспомнилось это странное ночное происшествие. Я сел на кровати и задумался о том, какие шутки играет с человеком его собственный разум: перед лицом безотлагательной необходимости, не имея на борту ни одной родственной души, я раздвоился в сонных грезах, чтобы победить опасность.

После завтрака я обнаружил, что за ночь ракета получила дополнительную порцию ускорения, и принялся листать книги бортовой библиотеки, разыскивая в справочниках совет, который помог бы мне в этом безвыходном положении, но ничего не нашел. Тогда я разложил на столе звездную карту и в свете близкой Бетельгейзе, которую время от времени заслоняла вращающаяся вокруг ракеты говядина, стал искать поблизости очаг какой-нибудь космической цивилизации, обитатели которого могли бы оказать мне помощь. Но это была настоящая звездная глушь, которую все корабли обходили стороной как исключительно опасный район, — здесь возникали грозные, таинственные гравитационные вихри в количестве ста сорока семи штук, существование которых объясняют шесть астрофизических теорий, и все по-разному. Календарь кос-

монавта предостерегал от них в связи с тем, что невозможно учесть последствий релятивистских эффектов, которые может повлечь за собой прохождение сквозь вихрь, особенно при высокой собственной скорости.

Но я был беспомощен. Я лишь подсчитал, что край первого вихря заденет мою ракету около одиннадцати, и поэтому поспешил приготовить завтрак, чтобы не бороться с опасностью натошак.

Едва я вытер последнее блюдо, ракету начало швырять во все стороны; плохо закрепленные предметы метались от стены к стене. Я с трудом добрался до кресла, и, привязавшись к нему, в то время как корабль швыряло все сильнее, заметил, что словно какая-то бледно-лиловая мгла заволокла противоположную часть каюты и там между раковиной и плитой появилась туманная фигура человека в переднике. Человек лил взболтанные яйца на скороду. Он взглянул на меня внимательно, но без удивления, потом видение заколебалось и исчезло. Я протер глаза. Разумеется, я был один и приписал это видение временному помрачению рассудка.

Я по-прежнему сидел в кресле, вернее, подпрыгивал вместе с ним, и тут меня осенило: я понял, что это совсем не галлюцинация. Когда толстый том «Общей теории относительности» пролетал мимо моего кресла, я попробовал его схватить, что удалось мне только на четвертой попытке. Листать тяжелую книгу в таких условиях было трудно – страшные силы играли кораблем, он мотался, как пьяный, но мне все-таки удалось найти нужное место. Там говорилось о феноменах так называемой петли времени, то есть об искривлении вектора времени в пределах грави-

тационных полей большой мощности; это явление может иногда привести даже к тому, что время повернет вспять и произойдет так называемое удвоение настоящего. Вихрь, сквозь который я сейчас проходил, не принадлежал к *самым* мощным. Я знал, что, если бы мне удалось хоть немного развернуть корабль к полюсу Галактики, я бы проткнул так называемый *vortex gravitativus Pinckenbachii*, в котором многократно наблюдалось удвоение и даже утроение настоящего.

Правда, рули не действовали, но я прошел в моторный отсек и возился там до тех пор, пока не добился небольшого изменения курса ракеты. Эта операция заняла у меня несколько часов. Результат превзошел все ожидания. Корабль попал в центр вихря около полуночи, вибрируя и постанывая всеми сочленениями. Я уже испугался за его сохранность, но он вышел из испытания с честью, а когда снова попал в объятия мертвой космической тишины, я покинул моторный отсек и увидел самого себя сладко спящим на кровати. Я сразу понял, что это я из предыдущих суток, то есть из ночи понедельника. Не раздумывая над философской стороной этого весьма своеобразного явления, я тотчас стал трясти спящего за плечо, требуя, чтобы он быстро вставал, — я ведь не знал, как долго его понедельничное существование будет продолжаться в моем вторичном, и поэтому нам нужно было как можно скорее выйти наружу, чтобы вместе исправить руль.

Но спящий открыл только один глаз и заявил, что не желает, чтобы я его «тыкал», а также что я только его сновидение.

Напрасно я нетерпеливо тряс его, напрасно пытался

силой вытащить из постели. Он отбивался, упрямо повторяя, что я ему снюсь; я начал ругаться, он логично объяснил мне, что никуда не пойдет, так как болты, завинченные во сне, не будут держать рулей наяву. Напрасно я клялся, что он ошибается, поочередно то уговаривая, то проклиная; даже продемонстрированные мною бородавки не убедили его в правоте моих слов. Он повернулся ко мне спиной и захрапел.

Я уселся в кресло, чтобы спокойно обдумать создавшееся положение. Я пережил его дважды, один раз, как этот спящий, в понедельник, а теперь как безрезультатно будивший его во вторник. Я понедельничный не верил в реальность явления дубликации, но я вторничный уже знал о нем. Это была самая обычная петля времени.

Что же делать, как исправить рули? Поскольку понедельничный продолжал спать, а также поскольку я помнил, что в ту ночь я превосходно проспал до утра, я понял бесполезность дальнейших попыток разбудить его.

Карта предвещала еще множество больших гравитационных вихрей, и я мог рассчитывать на удвоение настоящего в течение следующих дней. Я хотел написать себе письмо и приколоть его булавкой к подушке, чтобы я понедельничный, проснувшись, мог воочию убедиться в реальности мнимого сна.

Но не успел я сесть к столу и взяться за перо, как в двигателях что-то загрохотало, я бросился к ним и до утра поливал водой перегревшийся атомный реактор; а понедельничный я сладко спал, да еще время от времени облизывался, что меня здорово злило.

Голодный, усталый, так и не сомкнув глаз, я занялся

завтраком и как раз вытирал тарелки, когда ракета вошла в следующий гравитационный вихрь. Я видел себя понедельничного, видел, как он ошалело смотрит на меня, привязавшись к креслу, в то время как я жарю яичницу. Потом от резкого толчка я потерял равновесие, у меня потемнело в глазах, и я упал. Очнувшись на полу среди битой посуды, я обнаружил у самого своего лица ноги стоящего надо мной человека.

– Вставай, – сказал он, поднимая меня. – Ты не ушибся?

– Нет, – ответил я, опираясь руками о пол; у меня кружилась голова. – Ты из какого дня недели?

– Из среды. Идем, надо быстро исправить рули, жаль терять время...

– А где тот, понедельничный? – спросил я.

– Его уже нет, то есть, очевидно, это ты.

– Как это я?

– Ну да, понедельничный стал в ночь с понедельника на вторник вторничным и так далее...

– Не понимаю!

– Неважно, это с непривычки. Ну, пошли, не будем терять времени!

– Сейчас, – ответил я, не поднимаясь с пола. – Сегодня вторник. Если ты из среды и до этой минуты в среду рули еще не исправлены, значит, что-то помешает нам их исправить; в противном случае ты в среду не уговаривал бы меня, чтобы я во вторник исправлял их вместе с тобой. Может, лучше не стоит рисковать и лезть наружу?

– Бред! – воскликнул он. – Послушай, я из среды, а ты из вторника, что же касается ракеты, то я допускаю, что

она, так сказать, слоистая, то есть местами в ней вторник, местами среда, а кое-где возможно даже немного четверга. Просто время перемешалось при прохождении сквозь вихри. Но какое нам до этого дело если нас двое и, значит, есть возможность исправить рули?!

– Нет, ты не прав, – ответил я. – Если в среду, где ты уже находишься, прожив весь вторник, если, повторяю, в среду рули неисправны, то из этого следует, что они не были исправлены во вторник, потому что сейчас вторник, и если бы мы должны были их через некоторое время исправить, то для тебя этот момент был бы уже прошлым, и нечего было бы исправлять. А потому...

– А потому ты упрям, как осел! – рявкнул он. – Ты еще расквесишься в своей глупости! Меня утешает только одно: ты будешь точно так же беситься из-за своего тупого упрямства, как я сейчас, – когда сам доживешь до среды!

– Ах, позволь! – воскликнул я. – Значит ли это, что в среду, став тобой, я буду пытаться уговаривать меня вторничного так, как ты это делаешь сейчас, только все будет наоборот, то есть ты будешь мной, а я тобой? Понимаю! В этом и заключается петля времени! погоди, я иду, сейчас иду, я уже понял...

Однако прежде чем я встал с пола, мы попали в новый вихрь, и страшная тяжесть распластала нас на потолке.

Ужасные толчки и тряска продолжались всю ночь со вторника на среду. Когда стало немного поспокойнее, летающий по каюте том «Общей теории относительности» с такой силой ударил меня по голове, что я потерял сознание. Открыв глаза, я увидел осколки посуды и лежащего среди них человека. Я вскочил и, поднимая его, воскликнул:

– Вставай! Ты не ушибся?

– Нет, – ответил он, открывая глаза. – Ты из какого дня недели?

– Из среды. Идем, надо быстро исправить рули, жаль терять время.

– А где тот, понедельничный? – спросил он, садясь. Под глазом у него был синяк.

– Его уже нет, – сказал я. – То есть, очевидно, это ты.

– Как это я?

– Ну да, понедельничный стал в ночь с понедельника на вторник вторничным и так далее...

– Не понимаю!

– Неважно, это с непривычки. Ну, пошли, не будем терять времени!

Говоря это, я начал осматриваться в поисках инструментов.

– Сейчас, – ответил он не спеша, даже не шевельнув пальцем. – Сегодня вторник. Если ты из среды и до этой минуты в среду рули еще не исправлены, значит, что-то помешает нам их исправить; в противном случае ты в среду уже не уговаривал бы меня, чтобы я во вторник исправлял их вместе с тобой. Может, лучше не стоит рисковать и лезть наружу?

– Бред! – заорал я, рассвирепев. – Послушай, я из среды, а ты из вторника...

Мы начали ругаться, поменявшись ролями, причем он в самом деле довел меня до бешенства, потому что никак не соглашался чинить со мной рули, и я тщетно называл его упрямым ослом. А когда мне наконец удалось его уговорить, мы попали в очередной гравитационный вихрь. Я

обливался холодным потом, так как подумал, что теперь мы будем крутиться в этой петле времени, как в клетке, до бесконечности, но, к счастью, этого не случилось. Когда тяготение уменьшилось настолько, что я смог подняться, я снова был один в кабине. Очевидно, локальный вторник, застрявший в районе раковины, исчез, бесповоротно став прошлым. Я немедленно сел за карту, отыскивая какой-нибудь порядочный вихрь, в который мог бы ввести ракету, вызвать новое искривление времени и таким образом обрести помощника.

Наконец я нашел один, довольно многообещающий, и, маневрируя двигателями, с большим трудом направил ракету так, чтобы пересечь его в самом центре. Правда, конфигурация этого вихря была, как показывала карта, весьма необычна – он имел два расположенных рядом центра. Но я уже настолько отчаялся, что не обратил внимания на эту аномалию.

Во время многочасовой возни в моторном отсеке я сильно испачкал руки и решил помыться, так как до входа в вихрь времени оставалось еще много. Ванная была закрыта. Из нее доносились звуки, словно кто-то полоскал горло.

- Кто там? – крикнул я удивленно.
- Я, – ответил голос изнутри.
- Какой еще «я»?
- Ийон Тихий.
- Из какого дня?
- Из пятницы. Тебе чего?
- Хочу помыть руки... – бросил я машинально, заставив свой мозг работать с максимальной интенсивностью:

сейчас среда, вечер, он из пятницы, значит, гравитационный вихрь, в который должен был войти корабль, искривил время из пятницы в среду, но я никак не мог сообразить, что будет внутри вихря дальше. Особенно занимало меня, куда мог деваться четверг?

Пятничный между тем все еще не впускал меня в ванную, продолжая возиться внутри, несмотря на то что я упорно стучал в дверь.

– Перестань полоскать горло! – заорал я наконец, потеряв терпение. – Дорога каждая минута – выходи немедленно, починим рули!

– Для этого я тебе не нужен, – флегматично ответил он. – Где-то должен быть четверговый, иди с ним...

– Какой еще четверговый? Это невозможно...

– Наверное, я лучше знаю, возможно это или нет. Я-то уже в пятнице и, стало быть, пережил и твою среду и его четверг...

Ощущая легкое головокружение, я отошел от двери и действительно услышал шум в каюте: там стоял человек и вытаскивал из-под кровати футляр с инструментами.

– Ты четверговый?! – воскликнул я, вбегая в каюту.

– Да, – ответил он. – Да... Помоги мне...

– А удастся нам сейчас исправить рули? – спросил он, когда мы вместе вытаскивали из-под кровати сумку с инструментами.

– Не знаю, в четверг они еще не были исправлены, спроси у пятничного...

Действительно, как это я не догадался! Я быстро подбежал к двери ванной.

– Эй! Пятничный! Рули уже исправлены?..

– В пятницу нет.

– Почему?

– Потому, – ответил он, одновременно отворяя дверь.

Его голова была обмотана полотенцем, а ко лбу он прижимал лезвие ножа, пытаясь остановить рост большой, как яйцо, шишки. Четверговый, подошедший в это время с инструментами, остановился рядом со мной, спокойно и внимательно разглядывая пострадавшего, который свободной рукой ставил на полку бутылку со свинцовой примочкой. Это ее бульканье я принимал за звуки полоскания горла.

– Что это тебя так? – спросил я сочувственно.

– Не что, а кто. Это был воскресный.

– Воскресный? Зачем... Не может быть!

– Это долгая история...

– Все равно! Быстро наружу, может, успеем! – повернулся ко мне четверговый.

– Но ракета вот-вот войдет в вихрь, – ответил я. – Толчок может выбросить нас в пустоту, и мы погибнем...

– Не болтай глупостей, – произнес четверговый. – Если существует пятничный, с нами ничего не может случиться. Сегодня только четверг...

– Среда! – возразил я.

– Ладно, это безразлично, во всяком случае, в пятницу я буду жить. И ты тоже.

– Но ведь это только кажется, что нас двое, – заметил я, – на самом деле я один, только из разных дней недели....

– Хорошо, хорошо, открывай люк...

Но тут оказалось, что у нас на двоих только один ска-

фандр. Следовательно, мы не могли оба выйти из ракеты одновременно, и план исправления рулей провалился.

– А, черт возьми! – воскликнул я зло, швыряя сумку с инструментами. – Нужно было надеть скафандр и не снимать его. Я об этом не подумал, но ты, как четверговый, должен был об этом помнить!

– Скафандр у меня отобрал пятничный.

– Когда? И зачем?

– Э, не все ли равно, – пожал он плечами и, повергшись, ушел в каюту.

Пятничного в ней не было. Я заглянул в ванную, но и она была пуста.

– Где пятничный? – спросил я, пораженный. Четверговый аккуратно разбивал ножом яйца и выливал их содержимое в шипящий жир.

– Наверное, где-нибудь в районе субботы, – спокойно ответил он, быстро помешивая яичницу, как это обычно делаю я.

– О, прошу прощения, – запротестовал я, – свой рацион за среду ты уже съел, ты не имеешь права второй раз за среду ужинать.

– Эти запасы настолько же твои, насколько мои, – он спокойно приподнимал пригорающие края яичницы ножом. – Я являюсь тобой, а ты – мной, так что это все равно...

– Что за софистика! Не клади так много масла! Ошалел? У меня не хватит запасов на такую ораву!

Сковородка выскочила у него из рук, а я отлетел к стенке – мы вошли в новый вихрь. Корабль снова трясся как в лихорадке, но я думал только о том, чтобы попасть в

коридор, где висел скафандр, и надеть его. Таким образом, рассуждал я, когда после среды придет четверг, я четверговый буду уже в скафандре, и если только ни на мгновение его не сниму, как я твердо решил, то он окажется на мне и в пятницу. Тогда я из четверга, так же как я из пятницы, мы оба будем в скафандрах и, встретившись в одном настоящем, сможем наконец исправить эти чертовы рули. Из-за увеличения силы тяжести я потерял сознание, а когда открыл глаза, заметил, что лежу по правую руку четвергового, а не по левую, как несколько минут назад. Придумать план со скафандром было несложно, гораздо труднее было привести его в исполнение – из-за возросшей тяжести я едва мог шевелиться. Как только тяготение хоть немного ослабевало, я проползал несколько миллиметров к двери, ведущей в коридор. При этом я заметил, что четверговый, так же как и я, понемногу продвигается к двери. Наконец примерно час спустя – вихрь был очень обширный – мы встретились, распластанные, на полу у порога. Я подумал, что напрасно трачу силы, стараясь дотянуться до ручки, – пусть дверь откроет четверговый. Одновременно я начал припоминать разные вещи, из которых следовало что это я теперь четверговый, а не он.

– Ты из какого дня? – спросил я, чтобы удостовериться окончательно.

Мой подбородок был прижат к полу, мы лежали нос к носу. Он с трудом разжал губы и простонал:

– Из чет... верга...

Это было странно. Неужели я все еще в среде? Перебрав в уме последние события, я решил, что это исключено. Значит, он должен быть уже пятничным. Поскольку он

до сих пор обгонял меня на день, так должно было быть и сейчас. Я ждал, чтобы он открыл дверь, но, кажется, он ожидал того же от меня. Тяготение заметно уменьшилось, я встал и побежал в коридор. Когда я схватил скафандр, он подставил мне ножку и вырвал скафандр у меня из рук, а я во весь рост растянулся на полу.

– Ах ты мерзавец, скотина! – крикнул я. – Надуть самого себя, какая подлость!

Но он не обращал на меня внимания и молча надевал скафандр. Это было просто наглостью. Вдруг какая-то непонятная сила вышвырнула его из скафандра, в котором, как оказалось, уже кто-то сидел. В первый момент я растерялся, совершенно не понимая, кто кем является.

– Эй, средовый! – закричал тот, в скафандре. – Не пускай четвергового, помоги мне!

Четверговый и в самом деле попытался сорвать с него скафандр.

– Давай скафандр! – рычал четверговый.

– Отвяжись! Чего ты пристал! Ты что, не понимаешь, он должен быть у меня, а не у тебя?! – отвечал голос из скафандра.

– Интересно, почему?

– Потому, дурень, что я ближе к субботе, чем ты, а в субботу нас будет уже двое в скафандрах!

– Ерунда, – вмешался я, – в лучшем случае в субботу ты будешь в скафандре один, как последний идиот, и ничего не сможешь сделать. Отдай скафандр мне: если я его сейчас надену, то ты тоже будешь иметь его в пятницу, как пятничный, так же как и я в субботу, как субботный, а значит, в этом случае нас будет двое с двумя скафандрами... Четверговый, помоги!!!

– Перестань! – отбивался пятничный, с которого я силой сдирал скафандр. – Во-первых, тебе некого звать «четверговый», минула полночь, и ты сам теперь четверговый, а во-вторых, будет лучше, если я останусь в скафандре, – тебе он все равно ни к чему...

– Почему? Если я его сегодня надену, то он будет на мне и завтра.

– Сам убедишься...Я ведь уже был тобой в четверг, мой четверг уже миновал, я знаю, что говорю...

– Хватит болтать. Пусти сейчас же, – заорал я.

Но он вырвался от меня, и я начал за ним гоняться сначала по моторному отсеку, а потом мы один за другим ввалились в каюту. Случилось как-то так, что нас осталось только двое. Теперь я понял, почему четверговый сказал, когда мы стояли с инструментами у люка, что пятничный отнял у него скафандр: за это время я сам стал четверговым, и это у меня его забрал пятничный. Но я и не думал сдаваться. «Погоди, я тебе покажу», – подумал я, выбежал в коридор, оттуда в моторный отсек, где во время погони заметил лежащую на полу тяжелую железную палку, служившую для помешивания в атомном котле. Я схватил ее и, вооружившись таким образом, помчался в каюту. Пятничный был уже в скафандре, только шлема он еще не успел надеть.

– Снимай скафандр! – бросил я ему в лицо, сжимая палку.

– И не подумаю.

– Снимай, говорят тебе!

На мгновение я заколебался, не решаясь его ударить. Меня немного смущало, что у него не было ни синяка под

глазом, ни шишек на лбу, как у того пятничного, обнаруженного мною в ванной, но вдруг я сообразил, что именно так и должно быть. Тот пятничный теперь уже наверняка стал субботним, а возможно, даже шатается где-нибудь в районе воскресенья, зато присутствующий здесь пятничный недавно был четверговым, в которого я превратился в полночь, так что по нисходящей кривой петли времени я приближался месту, где пятничный, еще не побитый, должен был превратиться в побитого пятничного. Но ведь он сказал, что его стукнул воскресный, а того пока не было и в помине – в каюте мы находились только вдвоем, он и я. Вдруг у меня мелькнула блестящая идея.

– Снимай скафандр! – рявкнул я грозно.

– Четверговым, отцепись! – закричал он.

– Я не четверговым! Я воскресный! – заорал я, бросаюсь в атаку.

Он попытался меня лягнуть, но ботинки скафандра очень тяжелы, и, пока он поднимал ногу, я успел ударить его палкой по голове. Разумеется, не слишком сильно – я уже настолько разобрался во всем этом, чтобы понимать, что, в свою очередь, я сам, став из четвергового пятничным, получу по лбу, а у меня не было никакого желания проламывать самому себе череп. Пятничный упал и, застонав, схватился за голову, а я грубо сорвал с него скафандр. Он, пошатываясь, пошел в ванную, бормоча: «Где вата... где свинцовая примочка...», а я начал быстро влезать в скафандр, как вдруг заметил торчащую из-под кровати ногу. Встав на колени, я заглянул туда. Под кроватью лежал человек, стараясь заглушить чавканье, он поспешно пожирал последнюю плитку молочного шоколада, кото-

рую я оставил в сундучке на черный галактический день; негодяй так спешил, что ел шоколад вместе с кусочками станиоля, поблескивавшими у него на губах.

– Оставь шоколад! – заорал я, дергая его за ногу. – Ты кто такой? Четверговый? – спросил я тише.

Меня охватило беспокойство: может быть, я сам становлюсь сейчас пятничным и мне теперь придется получить побои, которыми я недавно наградил пятничного.

– Я воскресный, – пробормотал он набитым ртом.

Мне стало не по себе. Либо он врал, и тогда это не имело значения, либо говорил правду, и в таком случае перспектива получения шишек была неминуема: это ведь воскресный поколотил пятничного. Мне сам пятничный об этом говорил, и я потом, прикинувшись воскресным, стукнул его палкой. Но, подумал я, если даже он врет, что он воскресный, то, во всяком случае, возможно, он более поздний, чем я, а раз так – помнит все, что помню я, следовательно, он уже знает, как я обманул пятничного, и потому, в свою очередь, может надуть меня аналогичным образом, – то, что было моей военной хитростью, для него просто воспоминание, которым можно воспользоваться. Пока я раздумывал, как быть, он доел шоколад и вылез из-под кровати.

– Если ты воскресный, где твой скафандр?! – воскликнул я, осененный новой мыслью.

– Сейчас он у меня будет, – сказал он спокойно, и вдруг я заметил в его руке палку.

Я увидел сильную вспышку, словно взорвались десятки суперновых одновременно, и потерял сознание. Очнулся я, сидя на полу в ванной, в которую кто-то ломился. Я

начал осматривать синяки и шишки, а снаружи все еще стучали в дверь: оказалось, это средовый. Я показал ему мою голову, украшенную шишками, он пошел с четверговым за инструментами, потом началась погоня, драка за скафандр, наконец я как-то пережил и это и субботним утром влез под кровать, чтобы проверить, не завалялось ли в сундучке хоть немного шоколада. Кто-то потянул меня за ногу, когда я доедал последнюю плитку, найденную под рубашками; это был я, не знаю уж, из какого дня, но на всякий случай я стукнул его палкой по голове, снял с него скафандр и уже собирался одеться, как ракета вошла в новый вихрь.

Когда я пришел в себя, каюта была набита людьми. Передвигаться по ней было почти невозможно. Как оказалось, все они были мною из разных дней, недель, месяцев, а один, кажется, даже из будущего года. Много было побитых, с синяками, а пятеро из присутствующих были в скафандрах. Но вместо того чтобы немедленно выйти наружу и исправить повреждение, они начали спорить, ругаться, торговаться и ссориться. Они выясняли, кто кого побил и когда. Положение осложнялось тем, что уже появились предполуденные и послеполуденные «я», и я начал опасаться, что, если так пойдет дальше, я раздроблюсь на минутных и секундных и, кроме того, большинство присутствующих ввали как по нотам, и я до сих пор не знаю, кого я действительно бил и кто бил меня, когда вся эта история крутилась в треугольнике четверговый-пятничный-средовый, которыми я был поочередно. По-моему, оттого, что я сам врал пятничному, будто я воскресный, меня поколотили на один раз больше, чем следовало по календа-

рю. Но я предпочитаю даже мысленно не возвращаться к этим неприятным воспоминаниям – человеку, который целую неделю ничего не делал другого, как только лупил самого себя, гордиться особенно нечем.

Тем временем ссоры продолжались. Меня охватило отчаяние при виде этой бессмысленной потери времени, а ракета между тем неслась вслепую, то и дело попадая в гравитационные вихри.

В конце концов те, что были в скафандрах, подрались с остальными. Я пробовал установить хоть какой-нибудь порядок в этом теперь уже полном хаосе, и наконец после нечеловеческих усилий мне удалось организовать что-то вроде собрания, причем тот, который явился из будущего года, как самый старший, был единодушно избран председателем.

Потом мы выбрали еще счетную комиссию, комиссию по текущим делам и редакционную комиссию, а четверым из будущего месяца поручили охрану порядка. Но в промежутке мы успели пройти сквозь отрицательный вихрь, уменьшивший наше количество наполовину, так что при тайном голосовании не оказалось кворума и перед выдвижением кандидатов на ремонт рулей пришлось менять регламент. Карта предвещала приближение к очередным вихрям, которые свели бы на нет достигнутые успехи. И вот началось: исчезали уже избранные кандидаты, вновь появлялись вторичный и пятничный с обмотанными полотенцами головами и начинали некрасивые скандалы... После прохода через мощный положительный вихрь мы едва помещались в каюте и коридоре, а о том, чтобы открыть люк, из-за недостатка места нечего было и думать.

Хуже всего было, однако, то, что размеры временных сдвигов все увеличивались, появлялись какие-то седоватые личности, и даже кое-где виднелись коротко остриженные мальчишечьи головы; разумеется, всеми этими мальчишками был я сам.

Честно говоря, я не знаю, был ли я все еще воскресным или уже понедельникным. Впрочем, это все равно не имело никакого значения. Дети плакали – их придавили в толпе – и звали маму; председатель – Тихий из будущего года – ругался как сапожник, потому что Тихий из среды, который в напрасных поисках шоколада залез под кровать, укусил председателя за ногу, когда тот наступил ему на палец.

Я увидел, что все это кончится плохо; появились уже седые бороды. Между сто сорок вторым и сто сорок третьим вихрями я пустил по рукам анкету, но оказалось, что многие из присутствующих бессовестно лгут. Зачем – одному богу известно. Возможно, царящая на корабле атмосфера помутила их разум. Шум и галдеж были такие, что приходилось кричать. Вдруг одному из прошлогодних Ийонов пришла в голову удачная, как всем показалось, идея, чтобы старейший из нас рассказал историю своей жизни; это позволило бы выяснить, кто именно должен исправить рули. Ведь самый старший вмещал в своем опыте опыт всех присутствующих из разных месяцев, дней и лет.

С этой просьбой мы обратились к седовласому старцу, который, слегка трясясь, стоял у стены. Он начал длинно и подробно рассказывать нам о своих детях и внуках, а потом перешел к космическим путешествиям, – за свои, по-

жалуй, девяносто лет он совершил их несметное количество. Того, которое происходило сейчас и которое нас интересовало, старец не помнил вообще вследствие общего склероза и возбуждения, но он был настолько самонадеян, что никак не хотел в этом признаться и нес что-то уклончивое, упорно возвращаясь к своим крупным связям, орденам и внучатам; мы не выдержали, наорали на него и велели замолчать.

После двух следующих вихрей толпа значительно поубавилась. После третьего не только стало свободнее, но исчезли и все в скафандрах. Остался только один пустой скафандр, мы сообща повесили его в коридоре и продолжали заседать. После очередной драки за овладение этим столь ценным нарядом ракета вошла в новый вихрь, и вдруг стало пусто.

Я сидел на полу, со вспухшими глазами, в удивительно просторной каюте, среди разбитой мебели, обрывков одежды и разодранных книг. Пол был засыпан бюллетенями для голосования. Карта сообщила, что я уже прошел всю зону гравитационных вихрей. Потеряв надежду на дубликацию, а значит, и на устранение дефекта, я впал в полное отчаяние.

Выглянув через некоторое время в коридор, я с удивлением заметил отсутствие скафандра. Тогда, как сквозь туман, я вспомнил, что перед последним вихрем двое мальчишек украдкой выскользнули из каюты. Неужели они вдвоем надели один скафандр?! Пораженный внезапной мыслью, я бросился к рулям. Они действовали! Значит, ребята исправили повреждение, пока мы барахтались в бесплодных спорах. Вероятно, один всунул руки в рука-

ва скафандра, а другой – в штанины; так они могли одновременно держать два ключа по обеим сторонам рулей. Пустой скафандр я нашел в кессоне, за люком. Я внес его в ракету словно реликвию, испытывая бесконечную благодарность к тем отважным ребятам, которыми я был так давно!

Так кончилось, пожалуй, одно из наиболее удивительных моих приключений. Я благополучно долетел до цели благодаря уму и отваге, проявленным мною в облике двоих детей.

Потом говорили, что эту историю я выдумал, а злопыхатели позволяли себе распространять гнусные сплетни, будто я питаю слабость к алкоголю и, тщательно скрывая это на Земле, целиком предаюсь своему пороку в течение долгих лет космических путешествий. Одному богу известно, какие еще сплетни распространялись по этому поводу, но таковы уж люди: они охотней верят самой невероятной ерунде, чем подлинным фактам, которые я позволил себе здесь изложить.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Пожалуй, ни в одном из путешествий я не подвергался таким ужасным опасностям, как в экспедиции на Амауропию, планету в созвездии Циклопа.

Переживаниям, выпавшим там на мою долю, я обязан профессору Тарантоге.

Этот ученый-астрозоолог не только великий исследователь. Как известно, в свободное время он занимается изобретательством. Так, например, он открыл жидкость

для выведения неприятных воспоминаний, банкноты с горизонтальной восьмеркой, обозначающие бесконечно большую сумму денег, три способа окраски темноты в приятные для глаза цвета, а также специальный порошок, посыпая которым тучи, можно придавать им устойчивые солидные формы. Он же создал аппаратуру для использования бесполезно растрачиваемой энергии детей, которые, как известно, ни минуты не могут посидеть спокойно. Это устройство представляет собой систему расположенных в разных местах квартиры ручек, блоков и рычагов; дети их толкают, тянут и передвигают во время игры и незаметно для себя качают таким образом воду, стирают белье, чистят картошку, производят электроэнергию и т. д. Заботясь о самых маленьких, которых родители иногда оставляют дома одних, профессор придумал также незажигающиеся спички, массовое производство которых на Земле уже налажено.

Однажды профессор показал мне свое последнее изобретение. В первый момент мне показалось, что я вижу железную печку, и Тарантога признался мне, что действительно использовал этот предмет в качестве основной детали.

— Это, дорогой мой Ийон, воплотившаяся в реальность извечная мечта человека, — объяснил он, — а именно расширитель или, если хочешь, замедлитель времени. Он позволяет произвольно удлинять жизнь. Одна минута внутри него продолжается около двух месяцев, если я не ошибся в расчетах. Хочешь попробовать?..

Я всегда интересовался техническими новинками и потому с готовностью кивнул головой и втиснулся в аппарат.

Едва я присел на корточки, профессор захлопнул дверцу. У меня засвербило в носу, так как от сотрясения, с которым закрылась печурка, поднялись в воздух остатки сажи, и, сделав вздох, я чихнул. В этот момент профессор включил ток. В результате замедления времени мой чих длился пять суток, и когда Тарантога снова открыл аппарат, он увидел меня полуживым от изнеможения. Сначала он удивился и обеспокоился, но, узнав, что произошло, добродушно усмехнулся и сказал:

– А на самом деле по моим часам прошло всего четыре секунды. Ну, Ийон, что ты скажешь об этом изобретении?

– Честно говоря, мне кажется, что прибор еще далек от совершенства, хотя и заслуживает внимания, – ответил я, как только мне удалось перевести дух.

Почтенный профессор несколько огорчился, но потом великодушно подарил мне аппарат, объяснив, что он одинаково хорошо может служить как для замедления, так и для ускорения времени. Чувствуя усталость, я временно отказался от дальнейших испытаний, сердечно поблагодарил профессора и отвез аппарат к себе. Честно говоря, я не очень хорошо знал, что с ним делать, поэтому сунул его на чердак моего ракетного ангара, где он пролежал около полугода.

Работая над восьмым томом своей знаменитой «Астрозоологии», профессор особенно подробно изучал материалы, относящиеся к существам, населяющим Амауропию. И ему пришло в голову, что это превосходный объект для испытаний расширителя (и одновременно ускорителя) времени.

Ознакомившись с этим проектом, я так им увлекся, что

в три недели погрузил на ракету провиант и топливо, мало изученные мною карты этой области Галактики и аппарат Тарантоги и стартовал без малейшего промедления. Это было тем более понятно, что путешествие на Амауropsию продолжается около тридцати лет. О том, что я делал все это время, я напишу как-нибудь в другой раз. Упомяну только об одном из интереснейших событий, каким была встреча в окрестностях галактического ядра (кстати сказать, немногие районы космоса запылены так, как этот) с племенем межзвездных бродяг, называемых выгонтами.

У этих несчастных вообще нет родины. Мягко говоря, это существа, наделенные богатейшей фантазией, – почти каждый из них рассказывал мне историю племени по-новому. Потом я слышал, что они просто от жадности транжировали свою планету, хищнически разрабатывая ее недра и экспортируя различные минералы. Они всю ее так изрыли и перекопали, что осталась только большая яма, которая в один прекрасный день рассыпалась у них под ногами. Некоторые, правда, утверждают, что выгонты, отпавившись однажды пьянствовать, просто заблудились и не сумели вернуться домой. Как было в действительности, неизвестно, во всяком случае, этим космическим бродягам никто особенно не радуется; если, кочуя в пространстве, они натываются на какую-нибудь планету, вскоре обнаруживается, что там чего-то не хватает: то исчезло немного воздуха, то вдруг высохла какая-нибудь река, то жители недосчитываются острова.

Однажды на Арденурии они будто бы стащили целый континент, к счастью бесхозный, так как он был покрыт льдом. Они охотно подражаются чистить и регулировать

луны, но мало кто доверяет им эту ответственную работу. Их детвора забрасывает кометы камнями, катается на ветхих метеорах — словом, хлопот с ними не оберешься. Я решил, что нельзя мириться с подобными условиями существования, и, прервав ненадолго путешествие, занялся этим вопросом, и очень успешно. Мне по случаю удалось достать еще вполне приличную луну. Ее подремонтировали и благодаря моим связям перевели в ранг планеты.

Правда, на ней не было воздуха, но я организовал складчину: окрестные жители пожертвовали кто сколько мог, и нужно было видеть, с какой радостью купили добрые выгонты их собственную планету. Их благодарности просто не было границ. Сердечно попрощавшись с ними, я продолжал свой путь. До Амауропии оставалось не больше шести квинтильонов километров; преодолев последний отрезок трассы и разыскав нужную планету (а их там несметное количество), я начал спускаться на ее поверхность.

Включив тормоза, я вдруг с ужасом обнаружил, что они не действуют и что корабль *падает* на планету. Выглянув в люк, я увидел, что тормозов вообще нет. С возмущением подумал я о неблагодарных выгонтах, но времени на размышления не оставалось: ракета уже пробивала атмосферу, и обшивка начала рубиново светиться, — еще мгновение, и я сгорел бы заживо. К счастью, в последний момент я вспомнил о расширителе времени; включив его, я сделал течение времени таким медленным, что мое падение на планету длилось три недели. Выкарабкавшись из этого отчаянного положения, я начал осматривать окрестности.

Ракета опустилась на обширную поляну, окруженную

бледно-голубым лесом. Над деревьями, ветви которых напоминали щупальца каракатиц, с огромной скоростью кружили какие-то изумрудные животные. При моем появлении в лиловые заросли бросилось множество существ, удивительно похожих на людей, только кожа у них была синяя и блестела. Кое-что о них я уже знал от Тарантоги, а достав карманный справочник космонавта, почерпнул оттуда дополнительные сведения.

Справочник сообщал, что планету населяют человекообразные существа, называемые микроцефалами, которые находятся на крайне низком уровне развития. Все попытки установить с ними контакт кончились неудачей. Несомненно, справочник говорил правду. Микроцефалы ходили на четвереньках, то и дело приседая на корточки, сновисто искали насекомых, а когда я к ним приближался, сверкали на меня изумрудными глазами, бормоча что-то невнятное. Несмотря на полное отсутствие интеллекта, они отличались добродушным и мягким характером.

Два дня я изучал голубой лес и окружающие его обширные степи, а вернувшись в ракету, решил отдохнуть. Уже лежа в постели, я вспомнил об ускорителе и решил запустить его на пару часов, чтобы проверить на завтра, даст ли это какой-нибудь эффект. Не без труда я вынес аппарат из ракеты, установил под деревом, включил ускорение времени и, вернувшись в постель, заснул сном праведника.

Проснулся я оттого, что меня кто-то сильно тряс. Удивленно открыв глаза, я увидел лица склонившихся надо мной микроцефалов, которые уже стояли на двух ногах, визгливо переговаривались и с огромным интересом дер-

гали меня за руки, а когда я попробовал сопротивляться, едва не вывернули их из суставов. Самый большой из микроцефалов, лиловый гигант, насильно открыв мне рот и засунув в него пальцы, считал мои зубы.

Как я ни отбивался, меня вытащили на поляну и привязали к хвосту ракеты. Из этой неудобной позиции я наблюдал, как микроцефалы выносят из ракеты все, что попало; крупные предметы, не пролезавшие в отверстие люка, они предварительно разбивали камнями на куски. Вдруг на ракету и хлопочущих вокруг нее микроцефалов обрушился град камней, один из которых попал мне в голову. Связанный, я не мог посмотреть в ту сторону, откуда летели камни. Я только слышал шум боя. Наконец микроцефалы, которые связали меня, бросились бежать. Появились другие, освободили меня от пут и, оказывая знаки величайшего почтения, на плечах понесли в глубь леса.

Процессия остановилась у подножия раскидистого дерева. Среди его ветвей на лианах висело что-то вроде воздушного шалаша с маленьким окошком. Сквозь это окошко меня запихнули внутрь, причем собравшаяся под деревом толпа упала на колени, издавая молитвенные вопли. Процессии микроцефалов подносили мне цветы и фрукты. В течение следующих дней я был объектом всеобщего поклонения, причем жрецы предсказывали будущее по выражению моего лица, а когда оно казалось им зловещим, они окуривали меня дымом, так что я едва не задохся. К счастью, во время жертвоприношений жрец раскачивал часовенку, в которой я сидел, благодаря чему время от времени я мог перевести дух.

На четвертый день на моих почитателей напал отряд

вооруженных палицами микроцефалов под предводительством гиганта, который считал мне зубы. Переходя во время борьбы из рук в руки, я становился попеременно объектом то поклонения, то оскорблений. Битва закончилась победой агрессоров, чьим вождем и был этот гигант, звали его Глистолот. Я участвовал в его триумфальном возвращении в лагерь, привязанный к высокому шесту, который несли родственники вождя. Это превратилось в традицию, и с тех пор я стал своего рода знаменем, которое таскали с собой во всех военных экспедициях. Это было утомительно, но давало мне некоторые привилегии.

Получившись диалекту микроцефалов, я начал объяснять Глистолоту, что именно мне он и его родственники обязаны столь быстрым развитием. Дело продвигалось туго, но мне кажется, что у него начало уже проясняться в голове... Увы, он был отравлен своим племянником Одлопезом. Этот вождь объединил враждовавших до сих пор лесных и степных микроцефалов, женившись на Мастозимае, жрице лесных.

Увидев меня во время свадебного пира (я был отведывателем блюд – эту должность учредил Одлопез), Мастозимаза издала радостный крик: «Какая у тебя беленькая кожица!» Это наполнило меня дурными предчувствиями, которые вскоре оправдались. Мастозимаза задушила мужа, когда он спал, и вступила со мной в морганатический брак. Я пробовал теперь уже ей объяснить мои заслуги перед микроцефалами, но она поняла меня превратно и после первых слов крикнула: «Ах, я тебе уже надоела!», и мне пришлось долго успокаивать ее.

При следующем дворцовом перевороте Мастозимаза

погибла, а я спасся бегством через окно. От нашего союза остался только бело-лиловый цвет государственных флагов. После бегства я нашел в лесу поляну с ускорителем и хотел его выключить, но мне пришло в голову, что разумнее будет подождать, пока микроцефалы создадут более демократическую цивилизацию.

Некоторое время я жил в лесу, питаюсь исключительно кореньями, и только ночью подходил к становищу, которое быстро превращалось в город, окруженный частоколом.

Сельские микроцефалы обрабатывали землю, городские же нападали на них, насиловали их жен, а их самих грабили и убивали. В это же время окрепли религиозные верования, обряды с каждым днем усложнялись. К моему великому огорчению, микроцефалы перетащили ракету с поляны в город и установили ее посреди главной площади в качестве идола, окружив это место стеной и стражей. Несколько раз земледельцы объединялись, нападали на Лиловец (так назывался город) и общими усилиями разрушали его до основания, но каждый раз его добросовестно отстраивали заново.

Конец этим войнам положил король Сарцепанос, который сжег села, вырубил леса и истребил земледельцев, а оставшихся в живых поселил как военнопленных на землях в окрестностях города. Мне некуда было деться, и я приплелся в Лиловец. Благодаря моим знакомствам (дворцовая прислуга знала меня еще со времени Мастозимазы) я получил должность тронного массажиста. Сарцепанос полюбил меня и решил присвоить мне звание помощника государственного палача в чине старшего истязателя. В

отчаянии я отправился на поляну, где работал ускоритель, и установил его на максимальное ускорение. Естественно, в ту же ночь Сарцепанос умер от обжорства, и на трон сел Тримон Синеватый, командовавший армией. Он ввел чиновничью иерархию, подати и обязательную воинскую повинность. От военной службы меня спас цвет кожи. Меня признали альбиносом и запретили приближаться к королевской резиденции. Я жил вместе с невольниками, и они называли меня Ийоном Бледным.

Я начал проповедовать всеобщее равенство и объяснял мою роль в общественном развитии микроцефалов. Вокруг меня быстро образовалась большая группа сторонников этого учения; их называли машинистами. Начались волнения и беспорядки, беспощадно подавлявшиеся гвардией Тримона Синеватого. Машинизм был запрещен под страхом смертной казни через зачекотание.

Несколько раз мне приходилось убегать из города и прятаться в городских прудах, а мои приверженцы подвергались жестоким преследованиям. Потом на мои проповеди начало собираться все больше представителей высших сфер, разумеется инкогнито. Когда Тримон трагически скончался, по рассеянности перестав дышать, к власти пришел Карбагаз Рассудительный. Это был сторонник моего учения, которое он возвел в ранг государственной религии. Я получил титул Хранителя Машины и великолепную резиденцию при дворце. У меня была масса забот, и я сам не знаю, как случилось, что подчиненные мне жрецы стали проповедовать мое небесное происхождение. Напрасно я пытался с этим бороться. В это время начала действовать секта антимашинистов, возвестившая, что

микроцефалы развиваются естественным путем, а я – бывший невольник – побелился известью и дурачу народ.

Вождей секты схватили, и король потребовал, чтобы я как Хранитель Машины приговорил их к смерти. Не видя иного выхода, я убежал через окно дворца и некоторое время скрывался в городских прудах. Однажды до меня дошла весть, что жрецы оповестили о вознесении на небо Ийона Бледного, который, выполнив свою миссию, вернулся к божественным родителям. Я пошел в Лиловец, чтобы опровергнуть это, но толпа, преклонявшая колени перед моими изображениями, после первых же моих слов хотела забросать меня камнями. Меня спасла жреческая стража, но только для того, чтобы как самозванца и богохульника бросить в подземелье. Три дня меня терли и скребли, чтобы стереть мнимую побелку, благодаря которой – как гласило обвинение – я выдавал себя за вознесенного на небо Бледного. Поскольку я не голубел, решили подвергнуть меня пыткам. Этой опасности мне удалось избежать благодаря одному стражнику, который дал мне немного голубой краски. Я помчался в лес, где находился ускоритель, и после длительных манипуляций отрегулировал его на еще большее сжатие времени в надежде, что ускорю таким образом наступление какой-нибудь приличной цивилизации, после чего две недели прятался в городских прудах.

Я вернулся в столицу, когда провозгласили республику, инфляцию, амнистию и равенство сословий. На заставах уже требовали документы, а так как я их не имел, меня арестовали за бродяжничество. Выйдя на свободу и оставшись без средств к существованию, я стал курьером в

министерстве просвещения. Кабинеты министров порой сменялись по два раза в сутки, а так как каждое новое правительство начинало свое существование с аннулирования декретов предыдущего и издания новых, мне приходилось непрерывно бегать с циркулярами. В конце концов у меня начали отекать ноги, и я подал в отставку, которую не приняли, так как в это время было введено военное положение. Пережив республику, две директории, реставрацию просвещенной монархии, авторитарное правление генерала Розгроза и его казнь как государственного изменника, выведенный из терпения медлительностью развития цивилизации, я снова принялся копаться в аппарате и мудрил до тех пор, пока в нем не сломался винтик. Я не принял этого особенно близко к сердцу, но через несколько дней заметил, что происходит что-то странное.

Солнце вставало на западе, с кладбища доносились разнообразные звуки, по улицам стали разгуливать бывшие покойники, причем состояние их здоровья с каждым мгновением улучшалось, а взрослые молодели на глазах.

Вернулось правление генерала Розгроза, просвещенная монархия, директория, наконец, республика. Когда я собственными глазами увидел птящуюся похоронную процессию короля Карбагаза, который через три дня встал с катафалка и был разбальзамирован, я понял, что испортил аппарат и время теперь течет вспять. Хуже всего было то, что я стал замечать признаки омоложения на собственной особе. Я решил ждать, когда воскреснет Карбагаз I и я снова стану Великим Машинистом, так как, пользуясь своим тогдашним влиянием, я мог бы попасть в ракету.

Однако ужасный темп изменений меня пугал; я не был

уверен, что дотяну до нужного момента. Ежедневно я подхожка к дереву на дворе и проводил черточку на уровне головы – я уменьшался с невероятной быстротой. Когда я стал Хранителем Машины при Карбагазе, то выглядел самое большее девятилетним, а ведь нужно было еще собрать провизию на дорогу. Я носил ее в ракету ночами, это давалось мне с немалым трудом, ибо я непрерывно слабел. К своему ужасу, я обнаружил, что у меня появляется непреодолимое желание поиграть в салки.

Когда корабль был уже готов к старту, я ранним утром спрятался в нем и хотел взяться за стартовую рукоятку, но она оказалось слишком высоко. Мне пришлось вскарабкаться на табурет, только тогда удалось ее передвинуть. Я хотел выругаться, но с ужасом обнаружил, что только хныкаю. В момент старта я еще ходил, но, очевидно, полученный импульс некоторое время продолжал действовать, так как уже после взлета с планеты, когда ее диск маячил вдалеке белесым пятном, мне с трудом удалось поползти на четвереньках до бутылки с молоком, которую я предусмотрительно приготовил. Мне пришлось питаться таким образом целых шесть месяцев.

Путешествие на Амауропию, как я говорил вначале, продолжается около тридцати лет, так что, вернувшись на Землю, я не возбудил своим видом беспокойства друзей. Жаль только, что я лишен способности фантазировать, иначе мне не пришлось бы избегать встреч с Тарантой и я смог бы, не обижая профессора, выдумать какую-нибудь басню, льстящую его изобретательскому таланту.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

19.VIII. Отдал ракету в ремонт. В последний раз я прошел слишком близко от Солнца: вся краска облезла. Заведующий мастерской советует покрасить в зеленый цвет. Еще не решил. С утра наводил порядок в моей коллекции. В шкуре прекраснейшего гаргауна полно моли. Насыпал нафталину. Вторая половина дня – у Тарантоги. Пели марсианские песни. Одолжил у него «Два года среди курдлей и осмиолов» Бризарда. Читал до рассвета – страшно интересно.

20.VIII. Согласился на зеленый цвет. Заведующий уговаривает меня купить электронный мозг. У него есть вполне приличный, мало использованный, мощностью в двенадцать паровых душ. Говорит, что без мозга теперь никто не сунется даже за Луну. Колеблюсь – очень дорого. Всю вторую половину дня читал Бризарда – захватывающая книга! Просто стыдно, что я никогда не видел курдля.

21.VIII. Утром – в мастерской. Заведующий показал мне мозг. Действительно, приличный, с кассетой анекдотов на пять лет. Пожалуй, это решает проблему космической скуки.

– Прохочете все путешествие, – сказал заведующий.
– После истощения кассеты можно поставить новую.

Велел покрасить рули в красный цвет. Что касается мозга – надо подумать. До полуночи читал Бризарда. Не поохотиться ли самому?

22.VIII. Все-таки купил мозг. Велел вмонтировать его в стену. Заведующий добавил к нему электрическую грелку. Наверно, порядочно с меня содрал! Говорит, что я сэко-

номлю кучу денег. Дело в том, что при посадке на планету обычно нужно платить въездную пошлину. А установив мозг, можно оставить ракету в пустоте, свободно обращающейся вокруг планеты, как искусственный спутник, и, не платя ни гроша пошлины, пройти остаток дороги пешком. Мозг рассчитывает астрономические элементы движения и сообщает, где потом искать ракету. Кончил Бризарда. Уже почти решил ехать на Интеропию.

23.VIII. Забрал ракету из мастерской. Очень хорошо выглядит, только рули не в тон с остальным. Перекрасил их сам в желтый цвет. Гораздо лучше. Одолжил у Тарантоги том Космической энциклопедии на «И» и переписал статью об Интеропии. Вот она:

«Интеропия. 6-я планета двойного (красного и голубого) солнца в созвездии Тельца. 8 континентов, 2 океана, 167 действующих вулканов, 1 сцьорг (см. Сцьорг). Сутки – 20 часов, климат теплый, условия обитания, за исключением периода хмепов (см. Хмеп) хорошие.

Обитатели:

а) Ардриты – господствующая раса, разумные существа, многопрозрачностенные, симметрично непарноветвистые (3), относящиеся к тину Siliconoidae, класс Luminifera, отряд Polytheria. Как все Политерии (см.), ардриты подвергаются периодическому произвольному расщеплению. Образуют семьи шарового типа. Система правления: градархия ПБ, с введенным 340 лет назад Пенитенциарным Трансмом (см. Трансм). Высокоразвитая промышленность, главным образом пищевая. Основные статьи экспорта: фосфоресцирующие манубрии, сердецклеты и лаупании нескольких десятков разновидностей,

реброватые и обожженные на медленном огне. Столица – Эоттам, 1400000 жителей. Главные промышленные центры: Гаупр, Друр, Арбагеллар. Культура люминарная с признаками загрибания, в связи с пропитыванием реликтами цивилизации истребленных ардритами фитокозян (грибосков, см.). В последние годы все большую роль в общественной и культурной жизни играют сепульки (см.). Верования: господствующая религия – монодрумизм. Согласно М. мир был сотворен Множественным Друмой в виде Первичной Кашвы, из которой образовались солнца и планеты во главе с Интеропией. Ардриты строят храмы Кашвы, постоянные и сборные. Кроме М., существует несколько сект, из них важнейшая – Плакотралов (см.). Плакотралы не верят ни во что, кроме Эмфезы (см.), да и то не все. Искусство: танец (катальный), радиоакты, сепуление, басновая драма. Архитектура: в связи с хмепами – прессонадувная, гмазевая. Чашечные гмазники достигают 130 этажей. На искусственных лунах постройки преимущественно овицелларные (яйцевидные).

б) Животные. Фауна силиконоидального типа, главные представители: мерзавли, дендрогидруманные, асманиты, курдлы и осьмиолы визговатые. Во время хмепов охота на курдлей и осьмиолов запрещена. Для человека эти животные несъедобны, за исключением курдлей (только район зарда, см. Зард). Водная фауна является сырьем для пищевой промышленности. Главные представители: брюшан (орухи), близвы, псиветы и смедзи. К особенностям Интеропии относится сцъорг с его мутнявой фауной и флорой. В нашей Галактике его единственным эквивалентом являются алы в бапневых улесах Юпитера. Как показывают

исследования школы профессора Тарантоги, жизнь на Интеропии развилась в пределах сцёрга из залежей бальбазила. В связи с массовым материковым и водным строительством следует учитывать быстрое исчезновение остатков сцёрга. Подпадая под действие § 6 закона об охране планетных памятников старины (Галактический кодекс, т. MDDD VII, ч. XXXII, стр. 4670), сцёрг подлежит охране; в особенности запрещено его тупание в темноте».

В этой статье все для меня ясно, за исключением упоминаний о сепульках, трансме и хмепе. Увы, последний вышедший в свет том энциклопедии кончался статьей «Соус грибной», значит, ни о трансме, ни о хмепе ничего нет. Все-таки я пошел к Тарантоге, чтобы посмотреть статью о сепульках. Нашел короткую информацию:

«Сепульки – играющий значительную роль элемент цивилизации ардритов (см.) с планеты Интеропия (см.). См. Сепулькарии».

Я последовал этому совету и прочитал:

«Сепулькарии – устройства, служащие для сепуления (см.) ».

Поискал сепуление, там было:

«Сепуление – занятие ардритов (см.) с планеты Интеропия (см.). См. Сепульки».

Круг замкнулся, больше искать было негде. Я ни за что не признаюсь профессору Тарантоге в своем невежестве, а спросить больше не у кого. Жребий брошен – еду на Интеропию. Отправляюсь через три дня.

28.VIII. Стартовал в два, сразу же после обеда. Никаких книг не взял, у меня ведь есть этот новый мозг. До самой Луны слушал анекдоты, которые он рассказывал. Смеялся довольно много. Потом ужин и сон.

29.VIII. Кажется, я простудился в лунной тени, непрерывно чихаю. Принял аспирин. На курсе – три грузовые ракеты с Плутона; машинист радировал, чтобы я освободил дорогу. Я спросил, какой груз, думал, бог весь что, а это обыкновенные брынды. Сразу же за ними – курьерская с Марса, битком набита. Видел в окна – пассажиров как сельдей в бочке. Мы махали платочками, пока не потеряли друг друга из виду. До ужина слушал анекдоты. Отлично, только все еще чихаю.

30.VIII. Увеличил скорость. Мозг работает безупречно. Я чуть живот не надорвал со смеху, поэтому выключил мозг на два часа и включил электрическую грелку. Почувствовал себя хорошо. Днем поймал радиосигнал, который Попов отправил с Земли в 1896 году. Я уже порядочно отдалился от Земли.

31.VIII. Солнце едва видно. Перед обедом – прогулка вокруг ракеты, чтобы не засидеться. До вечера анекдоты. Большинство с бородой. По-моему, заведующий мастерской дал мозгу прочитать старые юмористические журналы, а сверху присыпал все это горсткой новых острот. Я забыл о картошке, которую поставил в атомный реактор, – вся сгорела.

32.VIII. Вследствие большой скорости время удлиняется – должен быть сентябрь, а у меня все август и август. В окне что-то начало мелькать. Думал, уже Млечный Путь, но оказалось, что это всего-навсего облезает краска. Халтурщики чертовы! Прямо по курсу – станция обслуживания. Прикидываю, стоит ли там задерживаться.

33.VIII. Все еще август. После обеда долетел до станции. Она стоит на маленькой, совершенно пустой планете.

Здание как будто вымерло, вокруг ни души. Взял ведро и пошел взглянуть, нет ли здесь какой-нибудь краски. Ходил, пока не услышал пыхтение. Смотрю, за зданием станции стоят несколько паровых машин и беседуют.

Одна говорит:

— Ясно ведь, что тучи — форма загробного существования паровых машин. Следовательно, главное — выяснить, что было сначала — паровые машины или водяной пар? Я утверждаю, что пар!

— Молчи, проклятая идеалистка! — зашипела другая.

Я попытался спросить их о краске, но они так шипели и свистели, что я не слышал собственного голоса. Сделал запись в книге жалоб и полетел дальше.

34.VIII. Неужели конца не будет этому августу? До полудня чистил ракету. Ужасно скучное занятие. Поспешил внутрь, к мозгу. Вместо смеха на меня напала такая зевота, что я испугался за челюсти. Справа по борту маленькая планета. Пролетая мимо нее, заметил какие-то белые точки. В бинокль увидел, что это таблички с надписью: «Не высовываться». С мозгом что-то не в порядке — глотает знаки препинания.

1.X. Пришлось задержаться на Строглоне: кончилось горючее. Тормозя, с разгона проскочил весь сентябрь.

На космодроме оживленное движение. Оставил ракету в пространстве, чтобы не платить пошлины, взял только банки для горючего. Перед этим рассчитал с помощью мозга координаты эллиптической орбиты. Через час вернулся с полными банками, а ракеты нет и следа. Естественно, принялся ее искать. Думал, ноги протяну: пришлось пройти около четырех тысяч километров пешком.

Ну, конечно, мозг напутал. Придется побеседовать с заведующим мастерской, когда вернусь.

2.X. Скорость так велика, что звезды превратились в огненные полосы, словно кто-то в темной комнате размахивает миллионами горящих папирос. Мозг заикается. Хуже всего то, что сломался выключатель, и я не могу его остановить. Болтает без умолку.

3.X. Насколько можно судить, мозг истощается – он уже бормочет по слогам. Постепенно я к этому привыкаю. Стараюсь подольше сидеть снаружи, только ноги спускаю в ракету: довольно холодно.

7.X. в половине двенадцатого добрался до въездной станции Интеронии. При торможении ракета сильно разогрелась. Пришвартовался на верхней платформе искусственной луны (там размещается станция) и спустился внутрь, чтобы уладить формальности. В спиральном коридоре столпотворение; существа, прибывшие из отдаленнейших мест Галактики, ходили, переливались и прыгали от окошка к окошку. Я встал в очередь за светло-голубым алголянином, который вежливым жестом предупредил меня, чтобы я не слишком приближался к его заднему электрическому органу. За мной сразу же встал какой-то молодой сатурнянин в бежевом шлаулоне. Тремя присосками он держал чемоданы, а четвертой вытирал пот. Действительно, было очень жарко. Когда подошла моя очередь, чиновник-ардрит, прозрачный, как хрусталь, внимательно оглядел меня, позеленел (ардриты выражают чувства изменением окраски, зеленый цвет соответствует улыбке) и спросил:

– Вы позвоночный?

- Да.
- Двоякодышащий?
- Нет, только воздухом.
- Благодарю вас, отлично. Всеядный?
- Да.
- Можно узнать, с какой планеты?
- С Земли.
- Тогда пожалуйста к соседнему окошку.

Я подошел к следующему окну и, заглянув внутрь, убедился, что передо мной тот же самый чиновник, вернее, другая его часть. Он листал большую книгу.

– Ага! Есть, – сказал он. – Земля... Гм, очень хорошо. Вы к нам как турист или коммерсант?

- Как турист.
- Тогда разрешите...

Одним щупальцем он заполнил бланк и одновременно другим протянул мне второй бланк для подписи, сообщив при этом:

– Хмеп начинается через неделю. В связи с этим будьте любезны пройти в комнату сто шестнадцать, там наше бюро резервов, которое вами займется. Потом прошу пройти в комнату шестьдесят семь, это фармацевтический пункт. Там вы получите пилюли эвфруглиум, которые нужно принимать каждые три часа, чтобы нейтрализовать вредное для вашего организма действие радиоактивности нашей планеты... Не желаете ли светиться во время пребывания на Интеропии?

- Благодарю вас, нет.
- Как вам будет угодно. Прошу, вот ваши бумаги. Вы млекопитающий, не правда ли?

– Да.

– В таком случае приятного вскармливания.

Простившись с любезным чиновником, я по его указанию пошел в бюро резервов. В яйцевидном помещении на первый взгляд было пусто. Там стояло несколько электрических аппаратов, под потолком сверкал хрустальный светильник. Оказалось, однако, что это был ардрит, дежурный техник, который сразу же спустился с потолка. Я сел в кресло, он же, развлекая меня беседой, произвел нужные измерения, а потом сказал:

– Благодарю, вашу почку мы передадим всем инкубаторам планеты. Если с вами что-нибудь случится во время хмепы, вы можете быть совершенно спокойны... Мы немедленно доставим резерв!

Я не совсем понял, что он имеет в виду, но многолетние путешествия научили меня сдержанности: нет ничего неприятнее для обитателей любой планеты, чем объяснять чужестранцу местные нравы и обычаи. В фармацевтическом кабинете я снова встал в очередь, которая двигалась, однако, очень быстро, так что вскоре проворная ардритка в фаянсовом абажуре дала мне порцию пиллюль. Еще небольшая таможенная формальность (я уже не полагался на электронный мозг), и с визой в руке я вернулся на платформу.

Тут же за спутником начинается хорошо оборудованная космотрасса с большими рекламными надписями по обе стороны ее. Буквы их удалены друг от друга на тысячи километров, чтобы при нормальной скорости езды слова складывались так быстро, словно они напечатаны в газете. Некоторое время я читал рекламы с интересом, например:

«Охотники, пользуйтесь только охотничьей пастой МЛИН!» или: «Хочешь быть веселым – охоться на осьмиола!» и т. д.

В семь вечера я сел на этоттамском космодроме. Голубое солнце только что зашло. В лучах красного, которое было еще довольно высоко, все вокруг казалось хваченным пожаром – необыкновенное зрелище. Рядом с моей ракетой величественно опустился галактический лайнер. Под его хвостом разыгрывались трогательные сцены встреч. Ардриты после многомесячной разлуки с возгласами восторга падали в объятия друг друга, потом все, отцы, матери, дети, нежно слившись в семейные шары, красочно переливающиеся в солнечных лучах, спешили к выходу. Я тоже двинулся вслед за гармонично катящимися семьями; у самого космопорта находится остановка гламбуса, в который я и сел. Этот экипаж, украшенный сверху золотыми буквами, образующими надпись: «Паста Раус охотится сама!», представляет собой нечто вроде швейцарского сыра; в его больших дырах размешаются взрослые, в маленьких – детвора. Едва я сел, гламбус тронулся. Окруженный его кристаллической мякотью, над собой, под собой и вокруг я видел симпатично просвечивающие разноцветные силуэты пассажиров. Я полез в карман за томиком Бедекера: самое время было познакомиться с его советами. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что держу путеводитель по планете Интевропии, отдаленной от места, где я находился, на три миллиона световых лет! Нужный мне Бедекер остался дома. Проклятая рассеянность!

Не оставалось другого выхода, как пойти в этоттам-

ское отделение известного космического агентства Галакс. Кондуктор, к которому я обратился, любезно остановил гламбус, показал мне щупальцем на огромное здание и на прощание сердечно изменился в цвете.

Несколько минут я стоял неподвижно, наслаждаясь необыкновенным зрелищем, какое представлял собой погружающийся в сумерки центр города. Красное солнце только что опустилось за горизонт. Ардриты не пользуются искусственным освещением, так как светятся сами. Аллея Мрудр, на которой я стоял, была заполнена мерцающими прохожими; какая-то молодая ардритка, проходя мимо меня, игриво вспыхнула внутри своего абажура золотистыми полосками, но, видимо, признав во мне чужестранца, стыдливо пригасла.

Близкие и далекие дома искрились, озаряясь возвращающимися домой жителями; в глубине храмов сверкали толпы молящихся; дети с бешеной быстротой переливались всеми цветами радуги по лестничным клеткам – все это было так прекрасно, так живописно, что просто не хотелось уходить. К сожалению, приходилось торопиться, я боялся, что закроется Галакс.

В вестибюле бюро путешествий меня направили на двадцать третий этаж, в периферийный отдел. Увы, это горькая, но неоспоримая истина: Земля находится в малоизвестной, глухой провинции космоса!

Сотрудница отдела обслуживания туристов, к которой я обратился, затуманилась от смущения и сказала мне, что, к сожалению, Галакс не располагает ни путеводителями, ни туристскими справочниками для землян, поскольку они посещают Интеропию не чаще, чем раз в столетие. Учи-

тая общая солнечное происхождение Юпитера и Земли, она предложила мне справочник для юпитерян. За неимением лучшего я взял его и попросил забронировать для меня номер в отеле «Космония». Я также записался на охоту, организуемую Галаксом, и пошел бродить по городу. То, что я сам не светился, оказалось весьма неудобным, пришлось остановиться на перекрестке около ардрита, регулирующего движение, и в его свете просмотреть полученный справочник. Как и следовало ожидать, он содержал информацию о том, где можно получить продукты переработки метана, что делать со щупальцами на оффдиальных приемах и т. п. Я выбросил справочник в урну для мусора, остановил проезжавший мимо эборет и велел отвезти себя в район гмазников. Эти великолепные чашеобразные строения сверкали издали разноцветными огоньками ардритов, предававшихся прелестям семейной жизни, а в административных зданиях очаровательно переливались светящиеся ожерелья служащих.

Отпустив эборет, я некоторое время прогуливался пешком.

Когда я восхищался вознесшимся над площадью гмазником Управления супсов, из него вышли два высокопоставленных служащих, которых можно узнать по интенсивному свечению и красным гребням вокруг абажура. Они остановились неподалеку, и я услышал их беседу.

— Розмазь каймистости уже необязательна? — спрашивал один, высокий, весь в орденах.

Другой отвечал, посветлев:

— Нет. Директор говорит, что мы не выполняем плана, и все из-за Грудруфса. Не остается ничего другого, сказал директор, как заменить его.

– Грудруфса?

– Ну да.

Первый погас, только ордена продолжали светиться разноцветными венчиками, и, понизив голос, сказал:

– Вот закружится, бедняга.

– Пускай себе кружится, ничего ему не поможет. Иначе порядка не будет. Не для того столько лет трансмутируют всяких типов, чтобы сепулек становилось все больше!

Заинтересованный, я невольно приблизился к ардритам, но они, замолчав, удалились.

Странное дело, но после этого случая до меня все чаще стало доноситься слово «сепульки». Когда я шагал по тротуарам, стремясь погрузиться в ночную жизнь столицы, из глубины переливающихся толп меня настигало это загадочное выражение, то произнесенное приглушенным шепотом, то выкрикиваемое со страстью; его можно было прочесть на шарах объявлений, которые сообщали об аукционах и публичных торгах редких сепулек, и в сверкающих неоновых рекламах, recommending приобрести модные сепульки. Напрасно пытался я догадаться, что бы это могло быть; наконец, когда около полуночи я освежался бокалом курдлевых сливок в баре на восьмидесятом этаже универмага, а ардритская певица начала исполнять модную песенку «Моя маленькая сепулечка», мое любопытство возросло до такой степени, что я спросил подошедшего кельнера, где можно приобрести сепульку,

– Напротив, – ответил он машинально, получая по счету. Потом внимательно посмотрел на меня и слегка потемнел. – Вы один? – спросил он.

– Да. А что?

– Нет, ничего. К сожалению, у меня нет мелочи.

Так и не получив сдачи, я на лифте спустился вниз. Действительно, напротив я увидел огромную рекламу сепулек, толкнул стеклянные двери и очутился внутри пустого в это время магазина. Я подошел к прилавку и с наигранным безразличием спросил сепульку.

– Для какого сепулькария? – поинтересовался продавец, снимаясь со своей вешалки.

– Ну, для какого... Для обычного, – ответил я.

– Как это для обычного? – удивился он. – Мы держим только сепульки с присвистом...

– Вот и дайте одну...

– А где у вас щересь?

– Э, мгм... Я не захватил с собой...

– Но как же вы возьмете ее без жены? – произнес продавец, в упор посмотрев на меня. Он медленно мутнел.

– У меня нет жены, – воскликнул я неосторожно.

– У вас... нет... жены?! – пробормотал почерневший продавец, глядя на меня с ужасом. – И вы хотите сепульку?.. Без жены?..

Он дрожал всем телом. Несолоно хлебавши я выскочил на улицу, поймал свободный эборет и, злясь, приказал ехать в какой-нибудь ночной ресторан. Меня привезли в «Миргиндрагг». Я вошел в тот момент, когда оркестр перестал играть. В зале висело больше трехсот посетителей. Осматриваясь в поисках свободного места, я шел сквозь толпу, как вдруг меня кто-то окликнул. Я с радостью увидел знакомое лицо. Это был один коммивояжер, с которым я познакомился когда-то на Аутронии. Он висел с

женой и дочкой. Я представился дамам и начал развлекать беседой уже изрядно подгулявшую компанию, которая то и дело вставала, чтобы под звуки какой-нибудь танцевальной мелодии покататься по паркету. Поощряемый женой знакомого, я наконец отважился пуститься в пляс; крепко обнявшись, мы вчетвером покатались в огненном мамбрине. Честно говоря, я несколько раз ушибся, но делал хорошую мину при плохой игре и притворялся восхищенным. Когда мы возвращались к столику, я задержал в проходе моего знакомого и на ухо спросил его о сепульках.

– Простите, что? – не расслышал он.

Я повторил вопрос, добавив, что хотел бы приобрести сепульку. Очевидно, я говорил слишком громко, – висящие поблизости поворачивались с помутневшими лицами и рассматривали меня, а мой знакомый от страха умоляюще сложил щупальца.

– Ради Друмы, Тихий, ведь вы один!

– Ну и что? – выпалил я, уже немного разозлившись. – Неужели из-за этого мне нельзя увидеть сепульку?

Эти слова прозвучали во внезапно возникшей тишине. Жена моего знакомого, потеряв сознание, рухнула а пол, он кинулся к ней, а ближайшие ардриты поплыли ко мне, выдавая окраской свои враждебные намерения; в этот момент появились три официанта, взяли меня за шиворот и вышвырнули на улицу.

Я был в ярости, остановил эборет и велел ехать в отель. Всю ночь я не сомкнул глаз, меня что-то немилосердно кололо и кусало. Только утром я обнаружил, в чем дело. Не получив точных данных из Галакса, гостиничная

прислуга, по собственному горькому опыту зная, что некоторые гости прожигают матрасы насквозь, постелила асбест.

Утро было прекрасное, и неприятные впечатления вчерашнего дня перестали меня волновать. Я с радостью приветствовал представителя Галакса, который в десять часов заехал за мной на эборете, набитом припасами, банками с пастой для охоты и целым арсеналом охотничьего снаряжения.

– Вы никогда не охотились на курдлей? – справился мой провожатый, когда экипаж на большой скорости мчался по улицам Этоттама.

– Нет. Может быть, вы будете любезны проинструктировать меня? – произнес я с улыбкой.

С моим опытом охотничьих экспедиций за самыми крупными животными Галактики, я мог позволить себе сохранять полнейшее хладнокровие.

– К вашим услугам, – ответил любезный провожатый.

Это был щуплый ардрит с бесцветным лицом, без абажура, закутанный в темно-синюю ткань. Такой одежды я еще не видел на планете. Когда я сказал ему об этом, он ответил, что это охотничий костюм, необходимый для того, чтобы подкрасться к зверю; то, что я принял за ткань, было специальной субстанцией, которой покрывалось тело. Короче говоря, набрызгиваемая одежда, удобная, практичная и, что самое важное, совершенно маскирующая естественное свечение ардритов, которое могло спугнуть курдля.

Гид достал из папки лист бумаги с напечатанным на нем текстом и подал мне для ознакомления. Я сохранил этот листок в своих бумагах. Вот он:

ОХОТА НА КУРДЛЯ

Инструкция для чужестранцев

Курдль как промысловое животное предъявляет очень высокие требования как к личным качествам, так и к снаряжению охотника. Поскольку у животного, в процессе эволюции приспособившегося к метеоритным дождям, образовался непробиваемый панцирь, на курдля охотятся изнутри.

Для охоты на курдля необходимы:

а) в начальной фазе – грунтовочная паста, грибной соус, зеленый лук, соль и перец.

б) в основной фазе – рисовая метелка, бомба с часовым механизмом.

I. Приготовление на месте.

На курдля охотятся с приманкой. Охотник, предварительно натершись грунтовочной пастой, садится на корточки в борозде сцьорга, после чего спутники посыпают его мелко накрошенным луком и приправляют по вкусу.

II. В этой позиции нужно ожидать курдля. Когда животное приблизится, нужно, сохраняя спокойствие, взять в обе руки бомбу, находившуюся до этого между колен. Голодный курдль обычно глотает сразу. Если курдль не хочет брать, можно для поощрения легонько похлопать его по языку. В случае, если грозит неудача, некоторые советуют дополнительно посолиться, но это чрезвычайно рискованный шаг, так как курдль может чихнуть. Мало кто из охотников пережил чихание курдля.

III. Курдль, который взял, облизывается и уходит. После заглатывания охотник незамедлительно приступает к

активной фазе, то есть с помощью метелки стряхивает с себя лук и приправы, чтобы паста могла свободно проявить свое слабительное действие, после чего устанавливает часовой механизм бомбы и как можно быстрее удаляется в сторону, противоположную той, откуда прибыл.

IV. Покидая курдля, нужно стараться упасть на руки и на ноги и не ушибиться.

Примечания. Использование острых приправ запрещено. Также запрещено подкладывать курдлям бомбы с приведенным в действие часовым механизмом и посыпанные луком. Такие действия преследуются и караются как браконьерство.

На границе охотничьего заповедника нас уже ожидал управляющий Ваувр в окружении сверкающей на солнце, как хрусталь, семьи. Он оказался чрезвычайно сердечным и гостеприимным, пригласил нас пообедать, и мы провели среди его милых домочадцев несколько часов, слушая истории из жизни курдлей и охотничьи воспоминания Ваувра и его сыновей. Вдруг появился запыхавшийся гонец, сообщивший, что выслеженного курдля загонщики погна-ли в лес.

– Курдля, – объяснил мне управляющий, – нужно сначала хорошенько погонять, чтобы он проголодался!

Намазанный пастой, с бомбой и приправами я отправился в обществе Ваувра и проводника в глубь сцъорга. Дорога вскоре исчезла в непроходимой чаще. Мы продвигались с трудом, время от времени обходя похожие на ямы следы курдлей пятиметрового диаметра. Поход длился довольно долго. Вдруг земля задрожала, и проводник оста-

новился, щупальцем призывая к молчанию. Послышался грохот, словно за горизонтом бесновалась буря.

– Слышите? – шепнул проводник.

– Слышу. Это курдль?

– Да. *Бобчит*.

Мы двигались теперь медленнее и осторожнее. Грохот утих, и сцѳорг погрузился в тишину. Наконец в зарослях проглянула обширная поляна. На ее краю мои спутники отыскиали удобное место, приправили меня и, убедившись, что метелка и бомба у меня наготове, на цыпочках удалились, посоветовав мне сохранять терпение. Некоторое время тишину нарушало только чавканье осьмиолов; ноги у меня совсем занемели, и тут земля задрожала. Я увидел вдали какое-то движение – верхушки деревьев на краю поляны наклонялись и падали, отмечая путь животного. Очевидно, это был солидный экземпляр. Вскоре курдль выглянул на поляну, перешагнул через поваленные стволы и пошел вперед. Величественно колыхаясь и шумно пригнувшись, он направился в мою сторону. Обеими руками я схватил ушастую бомбу и хладнокровно ждал. Курдль остановился метрах в пятидесяти от меня и облизнулся. Сквозь прозрачные ткани я видел внутри него останки многих охотников, которым не повезло.

Некоторое время курдль размышлял. Я уже начал опасаться, что он уйдет, когда зверь подошел и *отведал* меня. Я услышал глубокое чавканье, и земля ушла у меня из-под ног.

«Есть! Наша взяла!» – подумал я. Внутри курдля было совсем не так темно, как мне показалось сначала. Отряхнувшись, я поднял тяжелую бомбу и занялся установкой

часового механизма, когда до меня донеслось чье-то покашливание. Я поднял голову и, удивленный, увидел перед собой неизвестного ардрита, так же, как и я, наклонившегося над бомбой. Мгновение мы смотрели друг на друга.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

— Охочусь на курдля, — ответил он.

— Я тоже, — произнес я. — Но, пожалуйста, не обращайтесь на меня внимания. Вы пришли сюда первым.

— Ничего подобного, — возразил он. — Вы чужестранец.

— Ну и что из этого? — запротестовал я. — Оставляю свою бомбу на другой раз. Прошу вас! Пусть вас не стесняет мое присутствие.

— Никогда в жизни! — воскликнул он. — Вы наш гость.

— Прежде всего я охотник.

— А я прежде всего — хозяин и не позволю, чтобы из-за меня вам пришлось отказаться от этого курдля. Очень прошу вас поторопиться, паста уже начинает действовать.

Действительно, курдль забеспокоился: даже сюда доносилось его мощное пыхтение, можно было подумать, что десятки локомотивов одновременно выпускают пар. Видя, что переубедить встреченного мной ардрита не удастся, я установил бомбу и подождал нового товарища, который, однако, настоял, чтобы я шел впереди. Вскоре мы покинули курдля. Падая с высоты двух этажей, я немного ушиб лодыжку. Курдль, которому явно полегчало, понесся в чащу и с ужасным шумом ломал там деревья. Наконец раздался страшный грохот, и все утихло.

— Готов! От души поздравляю, — крикнул охотник, крепко пожимая мне руку.

В этот момент подошел проводник и управляющий заповедником.

Поскольку уже темнело, нужно было спешить в город; управляющий обещал мне собственноручно сделать из курдюка чучело и прислать его на Землю ближайшим ракетным транспортом.

5.XI. Четыре дня не записывал ни слова – был страшно занят.

Каждое утро – представители Общества культурных связей с космосом, музеи, выставки, радиоакты, а во второй половине дня визиты, официальные приемы и выступления. Я уже изрядно устал. Представитель ОКСК, который надо мной шефствует, сказал мне вчера, что приближается хмеп, но я забыл его спросить, что это значит. Должен встретиться с профессором Разулом, выдающимся ардритским ученым, но еще не знаю когда.

6.XI. Утром в отеле меня разбудил страшный грохот. Я вскочил с постели и увидел возносящиеся над городом столбы дыма и огня. Я позвонил в справочное бюро отеля и спросил, что происходит.

– Ничего особенного, – ответила телефонистка. – Не волнуйтесь, это только хмеп.

– Хмеп?

– Хаотический метеорный поток, с которым мы сталкиваемся каждые десять месяцев.

– Но ведь это ужасно! – закричал я. – Может быть, нужно пойти в убежище?!

– О, ни одно убежище не выдержит попадания метеора. Но ведь вы, как всякий гражданин, имеете резерв, можете не тревожиться.

– Какой еще резерв? – спросил я, но телефонистка уже положила трубку.

Я быстро оделся и вышел в город. Движение на улицах было совершенно нормальное; прохожие спешили по своим делам, сановники, сверкающие разноцветными орденами, ехали в учреждения, а в садиках играли дети, светясь и распевая. Взрывы через некоторое время стали реже, и только издалека доносился мерный гул. Я подумал, что, наверное, хмеп не очень опасное явление, поскольку никто на него не обращает внимания, и поехал, как и планировал раньше, в зоологический сад.

Меня сопровождал сам директор, худой, нервный ардит с очень красивым блеском. Этоттамский зоопарк содержится великолепно; директор с гордостью рассказывал мне, что он располагает коллекцией животных из самых отдаленных областей Галактики, в том числе и земными животными. Растроганный, я захотел их увидеть.

– Увы, сейчас это невозможно, – ответил директор, а заметив мой недоверчивый взгляд, добавил: – Период спячки. Вы знаете, у нас были большие трудности с акклиматизацией, и я боялся, что не выживет ни один экземпляр, но, к счастью, витаминизированная диета, разработанная нашими учеными, дала великолепные результаты.

– Ах, вот как. А что это, собственно, за животные?

– Мухи. Вы любите курдлей?

Он смотрел на меня каким-то особенным выжидающим взглядом, так что я ответил, стараясь говорить с неподдельным энтузиазмом:

– О, очень люблю, это чрезвычайно милые существа!

Он посветлел.

– Это хорошо. Мы пойдем к ним, но до этого я вас на минутку оставляю, извините.

Он сразу же вернулся с мотком троса на плече и проводил меня в загон курдлей, окруженный девяностометровой стеной. Отворив двери, он пропустил меня вперед.

– Можете идти спокойно, – сказал директор, – мои курдли совершенно ручные.

Я очутился на искусственном сцѳоргище. Здесь паслось шесть или семь курдлей: отборные экземпляры величиной около трех гектаров. Самый большой, услышав голос директора, приблизился к нам и подставил хвост. Директор взобрался на него и жестом пригласил меня следовать за ним. Когда крутизна стала слишком велика, директор размотал трос, дал мне один конец, и я обвязался. Связанные, мы поднимались около двух часов. На вершине курдля директор молча уселся, явно взволнованный. Я не нарушал молчания из уважения к его чувствам. Через некоторое время он произнес:

– Какой прекрасный вид, не правда ли?

Действительно, под нами открывался почти весь Этоттам с его башнями, храмами и гмазниками; по улицам ползли прохожие, маленькие, как муравьи.

– Вы очень привязаны к курдлям? – спросил я тихо, видя, как нежно директор гладит спину животного у самой вершины.

– Я люблю их, – сказал он просто и посмотрел мне в лицо. – Ведь курдли – это колыбель нашей цивилизации, – добавил он.

На мгновение задумавшись, директор продолжал:

– Когда-то, много тысяч лет назад, у нас не было ни

городов, ни великолепных домов, ни техники, ни резервов... В те времена эти добрые, могучие существа выпестовали нас, спасали нас в тяжелые периоды хмепов. Без курдлей ни один ардрит не дожил бы до нынешних прекрасных дней, и вот теперь он охотится на них, уничтожает и губит – какая чудовищная, черная неблагодарность!

Я не осмеливался перебивать его. Через несколько секунд, поборов волнение, он снова заговорил:

– Как же я ненавижу этих охотников, которые за добро платят подлостью! Вы, наверное, видели рекламы охотничьей пасты, не так ли?

– Да.

До глубины души пристыженный словами директора, я дрожал при мысли, что он мог узнать о моем недавнем поступке; ведь я собственными руками убил курдля. Желая отвлечь директора от этой щекотливой темы, я спросил:

– Вы действительно так многим им обязаны? Я не знал об этом...

– Как это вы не знали? Ведь курдли носили нас в своем чреве двадцать тысяч лет. Живя в них, защищенные их мощными панцирями от града убийственных метеоров, наши предки стали тем, чем мы являемся сегодня: существами разумными, прекрасными, светящимися в темноте. Вы об этом не знали?

– Я чужестранец... – прошептал я, в глубине души давая клятву никогда больше не поднимать руки на курдля.

– Ну да, да... – ответил директор, не слушая меня, и встал. – К сожалению, нужно возвращаться, меня ждет работа.

Из зоологического сада я поехал эборетом в Галакс,

где мне должны были оставить билет на дневной спектакль.

В центре города снова стали слышны громовые раскаты, все более сильные и частые. Над крышами взметались столбы огня и дыма. Видя, что никто из прохожих не обращает на это ни малейшего внимания, я помалкивал. Наконец эбoret остановился у Галакса. Дежурный спросил, как мне понравился зоопарк.

– Очень, очень интересно, – ответил я, – но... о господи!

Здание Галакса подскочило. Два административных корпуса, которые были видны в окно как на ладони, разлетелись от прямого попадания метеора. Я оглох и отлетел к стене.

– Это не страшно, – сказал дежурный. – Поживете у нас подольше, привыкнете. Прошу, вот ваш би...

Он не договорил. Вспышка, грохот, облако пыли, а когда пыль осела, вместо моего собеседника я увидел огромную дыру в полу. Я стоял, словно окаменев. Не прошло и минуты, как несколько ардритов в комбинезонах заделали дыру и прикатали низкую тележку с большим пакетом. Когда его развернули, перед моими глазами предстал дежурный с билетом в руке. Он стряхнул с себя обрывки упаковки и, устраиваясь на вешалке, сказал:

– Вот ваш билет. Я говорил вам, что ничего страшного. Каждый из нас в случае необходимости дублируется. Вас удивляет наше спокойствие? Но ведь это продолжается уже тридцать тысяч лет, мы привыкли... Если желаете пообедать, ресторан Галакса уже открыт. Внизу, слева от входа.

– Благодарю вас, у меня нет аппетита, – ответил я и, слегка покачиваясь, вышел среди непрекращающихся взрывов и грохота. Вдруг меня охватил гнев.

«Не видать им страха землянина! » – подумал я и, взглянув на часы, приказал отвезти себя в театр.

По дороге метеор разбил эборет, и я пересел в другой. На том месте, где вчера стояло здание театра, громоздились дымящиеся развалины.

– Вы возвращаете деньги за билеты? – спросил я стоящего на улице кассира.

– Ни в коем случае. Спектакль начнется нормально.

– Как это нормально? Ведь метеор...

– До начала еще двадцать минут.

– Но...

– Не будете ли вы любезны отойти от кассы? Мы хотим купить билеты! – заволновалась уже образовавшаяся за мной очередь.

Пожав плечами, я отошел. Две большие машины тем временем грузили обломки и куда-то их увозили. Через несколько минут площадь была очищена.

– А что, спектакль состоится под открытым небом? – спросил я одного из ожидающих начала зрителей, который обмахивался программой.

– Ничего подобного; думаю, что все будет как обычно, – ответил он.

Рассерженный, я умолк, решив, что он меня разыгрывает.

На площадь въехала большая цистерна. Из нее вылилась смолистая рубиново-светящаяся субстанция, образовав довольно большой бугор; в эту кашеобразную пышу-

щую жаром массу сразу же воткнули трубы и начали накачивать в нее воздух. Каша превратилась в пузырь, увеличивавшийся с головокружительной быстротой. Через минуту он представлял собой точную копию театрального здания, только совершенно мягкую, колеблющуюся под порывами ветра. Еще через пять минут свежевыдутое здание затвердело; в этот момент метеор разнес часть крыши. Поддули новую крышу, и сквозь широко открытые двустворчатые двери внутрь хлынул поток зрителей. Садясь на свое место, я обнаружил, что оно еще теплое, но это было единственным свидетельством недавней катастрофы. Я спросил соседа, как называется масса, из которой вновь построили театр, и узнал, что это и есть знаменитая ардритская гмазь.

Спектакль начался с опозданием на одну минуту. После удара гонга зал потемнел, стал похожим на топку, полную гаснущих углей, зато актеры величественно засветились. Давали историко-символическую пьесу, и, честно говоря, понял я немного, тем более что большинство сцен разыгрывалось цветовыми пантомимами. Первый акт происходит в храме; группа молодых ардриток возлагала венки к статуе Друмы и пела о своих возлюбленных.

Вдруг появился янтарный жрец, который прогнал всех девушек, кроме самой красивой, прозрачной, как родниковая вода. Жрец запер ее внутри статуи. Узница пением звала возлюбленного, который вбежал и погасил старца. В этот момент метеор сокрушил потолок, часть декораций и влюбленную героиню, но из суфлерской будки сразу же выдвинули резерв, так ловко, что те из зрителей, кто в этот момент кашлял или прикрыл глаза, вообще ничего не за-

метили. Действие развивалось, влюбленные решили создать семью. В конце акта жреца бросили в пропасть.

Когда занавес поднялся после антракта, я увидел изящный шар супругов и потомства, раскачивающийся под звуки музыки то в одну, то в другую сторону. Появился слуга, сообщивший, что неизвестный доброжелатель прислал супругам охапку сепулек. На сцену внесли большой ящик. Затаив дыхание, следил я за тем, как его открывают. Когда поднимали крышку, что-то сильно ударило меня по макушке, и я потерял сознание. Очнулся я на том же самом месте. О сепульках на сцене уже не говорили, там среди трагически светящихся детей и родителей извивался погашенный жрец, изрыгая ужаснейшие проклятия. Я схватился за голову – шишки не было.

– Что со мной случилось? – спросил я шепотом соседку.

– Простите? А, вас убил метеор, но вы ничего не потеряли, этот дуэт был ужасен. Правда, это безобразие: за вашим резервом пришлось посылать в Галакс, – зашептала в ответ любезная ардритка.

– За каким резервом? – спросил я, чувствуя, что у меня темнеет в глазах.

– За вашим, конечно...

– А я где?

– Как где? В театре. Вам нехорошо?

– Так я резерв?

– Ну да.

Мой сосед, оранжевый от гнева, начал звать служителей. Я как безумный выбежал из театра, на первом попавшемся эборете вернулся в отель и тщательно осмотрел се-

бя в зеркало. Я немного приободрился, ибо выглядел совершенно так же, как раньше, но при более тщательной проверке сделал жуткое открытие. Рубаха на мне была надетая наизнанку, а пуговицы застегнуты не на ту сторону – явное доказательство того, что одевавшие меня не имели ни малейшего понятия о земной одежде. В довершение всего из носка я вытряхнул остатки забытой в спешке упаковочной стружки. У меня перехватило дыхание; в этот момент зазвонил телефон.

– Я звоню вам уже четвертый раз, – услышал я голос сотрудницы ОКСК, – профессор Разул хотел бы увидеться с вами сегодня.

– Кто? Профессор? – повторил я, огромным усилием воли собираясь с мыслями. – Хорошо, когда?

– Когда вы пожелаете. Хоть сейчас.

– Тогда я еду к нему немедленно! – решил я вдруг. – И... И приготовьте, пожалуйста, счет!

– Вы уже уезжаете? – удивилась сотрудница ОКСК.

– Да, приходится. Я очень плохо себя чувствую! – объяснил я и бросил трубку на рычаг.

Переодевшись, я спустился вниз. Последние события так на меня подействовали, что, хотя в тот момент, когда я садился в эборет, метеор разнес на куски здание отеля, я даже не вздрогнул и спокойно назвал адрес профессора. Он жил в пригороде среди мягко серебрящихся холмов. Я остановил эборет довольно далеко от его дома, радуясь возможности немного пройтись после нервного напряжения последних часов. Шагая по дороге, я заметил низенького пожилого ардрита, который медленно толкал перед собой что-то вроде тележки с крышкой. Он вежливо по-

здоровался со мной; я ответил. Некоторое время мы шли рядом. Из-за поворота показалась живая изгородь, окружающая дом профессора, из-за нее к небу поднимались рваные клубы дыма. Ардрит, идущий рядом со мной, споткнулся; тотчас из-под крышки послышался голос:

– Что, уже?

– Нет еще, – ответил возчик.

Я немного удивился, но ничего не сказал. Когда мы подошли к ограде, я вдруг заметил дым, валивший из того места, где, судя по всему, должен был находиться профессорский дом. Я обратил на это внимание возчика, он кивнул:

– Да, да. Упал метеор. Четверть часа назад.

– Что я слышу!! – воскликнул я испуганно. – Ведь это ужасно!

– Сейчас приедет гмазильня, – ответил возчик, – в пригород они не очень-то спешат. Не то что мы.

– Ну что, уже? – снова послышался из тележки тот же скрипучий голос.

– Нет еще, – сказал возчик и обратился ко мне: – Будьте добры, откройте калитку.

Я машинально выполнил его просьбу и спросил:

– Так вы тоже к профессору?..

– Да, привез резерв, – ответил он, поднимая крышку.

Застыв от ужаса, я увидел старательно перевязанный большой пакет. В одном месте бумага была надорвана, оттуда смотрел живой глаз.

– Вы ко мне... а... а, значит, вы ко мне... – заскрипел из пакета старческий голос. – Я сейчас... сейчас. Пройдите, пожалуйста, в беседку.

– Да... да... Уже бегу... – ответил я.

Возчик покати́л свой груз дальше, я же повернулся, перепрыгнул через ограду и что было сил понесся на космодром. Через час я уже мчался среди звездных просторов. Надеюсь, что профессор Разул не обиделся на меня за это.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Сейчас я очень занят: привожу в порядок редкости, которые привез из своих путешествий в самые отдаленные уголки Вселенной. Я уже давно решил передать эту единственную в своем роде коллекцию в музей; позавчера хранитель музея сообщил мне, что подготавливает для этого специальный зал.

Не все экспонаты мне одинаково дороги: одни пробуждают приятные воспоминания, другие напоминают о зловещих, мрачных происшествиях, но все они в равной мере являются свидетельством подлинности моих путешествий.

К экспонатам, воскрешающим особенно яркие воспоминания, относится помещенный на маленькой подушечке под колпаком совершенно здоровый зуб с двумя большими корнями; я сломал его на приеме у Октопуса, повелителя мемногов с планеты Уртама; там подавали превосходные, но слишком твердые кушанья.

Такое же почетное место в собрании занимает трубка, расколотая на две неравные части; она выпала у меня из ракеты, когда я пролетал над каменистой планетой в системе Пегаса. Я не мог смириться с потерей и потратил

полтора дня на поиски, блуждая над пропастями скалистого мира.

Немного дальше в маленькой коробочке лежит камешек чуть крупнее горошины. Его история весьма своеобразна. Когда я отправился на Герузию, отдаленную звезду в двойной туманности NGC887, я несколько переоценил свои силы; путешествие длилось так долго, что я чуть не отступил; особенно мучила меня тоска по Земле, и я себе места не находил в ракете. Бог знает как бы все это кончилось, если бы на двести шестьдесят восьмой день путешествия я вдруг не почувствовал, что в левом ботинке что-то мешает, я снял его и со слезами на глазах вытряхнул из носка камешек, крупинку настоящего земного гравия — очевидно, он попал в носок еще на космодроме. Прижимая к груди этот крохотный, но такой близкий кусочек родной планеты, я воодушевился и долетел до цели; эта реликвия мне особенно дорога.

Неподалеку на бархатной подушечке покоится обыкновенный желто-розовый кирпич из обожженной глины, немного потрескавшийся и выкрошенный с одной стороны; если бы не счастливое стечение обстоятельств и не моя находчивость, из-за этого кирпича я бы уже никогда не вернулся из экспедиции в туманность Гончих Псов. Я привык брать его в путешествие в наиболее холодные районы космоса; у меня была привычка на некоторое время совать его в атомный двигатель, чтобы потом, когда он как следует нагреется, положить в постель перед сном. В верхнем левом квадранте Млечного Пути, там, где звездное облако Ориона соединяется с созвездием Стрельца, я был свидетелем столкновения двух огромных метеоров.

Зрелище огненного взрыва в темноте так меня взволновало, что я схватил полотенце, чтобы вытереть лоб. Я совсем забыл, что перед этим завернул в полотенце кирпич, и, взмахнув рукой, чуть не проломил себе череп. К счастью, у меня великолепная реакция.

Рядом с кирпичом стоит небольшая деревянная шкапулка, в ней лежит перочинный нож, мой товарищ по многочисленным экспедициям. О том, насколько я к нему привязан, свидетельствует история, которую я расскажу, поскольку она действительно того заслуживает.

Я покинул Сателлину в два часа пополудни с ужасным насморком. Местный лекарь, к которому я обратился, прописал мне отсечение носа, операцию, для аборигенов привычную, поскольку носы у них отрастают, как у нас ногти. Обиженный этим предложением, я прямо от лекаря отправился на космодром, чтобы полететь в те области неба, где медицина развита лучше. Путешествие было неудачным. Уже в самом начале, когда я удалился от планеты всего на 900 тысяч километров, я услышал сигнал вызова какой-то ракеты и запросил по радио, кто меня вызывает. В ответ раздался тот же самый вопрос.

– Скажи ты первый! – буркнул я довольно резко, раздраженный невежливостью чужака.

– Скажи ты первый! – ответил он.

Это передразнивание очень рассердило меня, и я откровенно сообщил ему, что я думаю о его наглости. Он в долгу не остался. Мы начали ругаться все ожесточеннее, пока спустя некоторое время, возмущенный до предела, я не догадался, что никакой другой ракеты нет, а голос, который я слышу, – просто эхо моих собственных радиосиг-

налов, отражающихся от поверхности луны Сателлины, мимо которой я как раз пролетал. До сих пор я не замечал ее, потому что она была обращена ко мне своим ночным темным полушарием.

Немного позже, намереваясь очистить себе яблоко, я обнаружил, что потерял перочинный ножик. Я сразу же вспомнил, где держал его в последний раз, — это было в буфете на сателлинском космодроме; я положил его на наклонную стойку, и он, наверное, соскользнул на пол. Я представил себе все это так отчетливо, что мог найти нож с закрытыми глазами. Я повернул обратно и только тут понял, в каком затруднительном положении оказался: все небо кишело подмигивающими огоньками, и я не знал, где искать Сателлину. Она является одним из 1480 миров, обращающихся вокруг солнца Эрипелазы. Большинство этих миров имеет к тому же по несколько лун, крупных, как планеты, что еще больше затрудняет ориентацию. Обеспокоенный, я пытался вызвать Сателлину по радио. Мне ответило несколько десятков станций, так что получилась ужасная какофония; вы должны знать, что обитатели системы Эрипелазы столь же вежливы, сколь и безалаберны, и присвоили название «Сателлина», пожалуй, 200 различным планетам. Я смотрел в окно на мириады крохотных огоньков; на одном из них находился мой перочинный ножик, но легче было найти иголку в стоге сена, чем нужную планету в этом звездном муравейнике. В конце концов я отдался на волю случая и помчался к планете, которая находилась прямо по носу.

Через четверть часа я уже опустился на космодром. Он был точно такой же, как тот, с которого я недавно выле-

тел, и, обрадовавшись, что мне так повезло, я направился прямо в буфет. Но каково же было мое разочарование, когда, несмотря на самые тщательные поиски, я не нашел ножика. Поразмыслив, я пришел к выводу, что либо его кто-нибудь уже забрал, либо я нахожусь на совершенно другой планете. Расспросив туземцев, я убедился, что правильным было второе предположение. Я находился на Андригоне, ветхой, рассыпающейся планете, которую давно уже следовало изъять из обращения, но до нее никому нет дела, так как она лежит в стороне от главных ракетных трасс. В порту меня спросили, какую Сателлину я ищу, ибо планеты эти пронумерованы. Я оказался в тупике, нужный номер вылетел у меня из головы. Тем временем, уведомленные космодромным начальством, в порт прибыли местные власти, чтобы торжественно меня приветствовать.

Это был большой день для андригонов: во всех школах проходили экзамены на аттестат зрелости. Один из представителей власти спросил, не желаю ли я своим присутствием придать экзаменам особую торжественность. Поскольку меня приняли чрезвычайно гостеприимно, я не мог отказать в этой просьбе. Таким образом, прямо с космодрома мы поехали на пидлаке (это большие безногие пресмыкающиеся, похожие на змей, которые широко используются здесь для верховой езды) в город. Представив меня многочисленной молодежи и учителям как уважаемого гостя с планеты Земля, представитель власти покинул зал. Учителя усадили меня на почетном месте у жрава (разновидность стола), после чего прерванный экзамен продолжался. Ученики, возбужденные моим присутстви-

ем, сначала смущенно запинаясь, но я ободрил их сердечной улыбкой, иногда подсказывал кому-нибудь нужное слово, так что вскоре лед был сломан. В конце все отвечали гораздо лучше. Но вот перед комиссией предстал молодой андригон, обросший такими прелестными здрыгами (род устриц, используемых как одежда), каких я давно не видел, и начал отвечать на вопросы с несравненным красноречием и выразительностью. Я слушал его с удовольствием, отметив, что уровень науки здесь весьма высок.

Но вот экзаменатор спросил:

– Можете ли вы доказать, почему жизнь на Земле невозможна?

Изящно поклонившись, юноша приступил к исчерпывающим, логически построенным рассуждениям, в которых неоспоримо доказал, что большую часть Земли покрывают холодные, чрезвычайно глубокие воды, температура которых около нуля из-за постоянно плавающих ледяных гор; что не только полюсы, но и окружающие их пространства – это районы жестоких вечных холодов и в течение полугода там царит вечная ночь; что, как это отлично видно в астрономические приборы, сушу, даже в областях с более теплым климатом, несколько месяцев в году покрывает замерзший водяной пар, так называемый снег, толстым слоем лежащий на горах и в низинах; что большая Луна Земли создает на ней приливные и отливные волны, имеющие уничтожающее эрозионное действие; что с помощью мощнейших зрительных приборов можно увидеть, как часто огромные пространства планеты тонут в полумраке, вызванном облачным покровом; что в атмосфере возникают страшные циклоны, тайфуны и бури

и что все это, вместе взятое, полностью исключает возможность существования жизни в каких бы то ни было формах. Если же, закончил звучным голосом молодой андригон, какие-нибудь существа попытались бы высадиться на Земле, они неминуемо погибли бы, сокрушенные огромным давлением тамошней атмосферы, которое на уровне моря составляет один килограмм на квадратный сантиметр, или 760 миллиметров ртутного столба.

Такой исчерпывающий ответ вызвал полное одобрение комиссии. Застыв от изумления, я некоторое время сидел окаменев и, только когда экзаменатор уже переходил к следующему вопросу, воскликнул:

– Простите меня, достойные андригоны, но... Но я как раз родом с Земли; не сомневайтесь же вы, что я живой, и вы слышали, как меня вам представляли...

Воцарилось неловкое молчание. Учителя были глубоко задеты моим бестактным выступлением и едва сдерживались; молодежь, которая еще не умеет скрывать своих чувств так хорошо, как взрослые люди, смотрела на меня с явной неприязнью. Наконец экзаменатор холодно сказал:

– Извини нас, пришелец, но не слишком ли большие требования ты предъявляешь нашему гостеприимству? Разве мало тебе торжественного приема, банкета и знаков уважения? Разве ты не удовлетворен приглашением к высокой экзаменационной жраве? Тебе этого мало, и ты домогаешься, чтобы мы сознательно, ради тебя изменили... школьную программу?!

– Но... Земля действительно обитаема... – выдавил я, смешавшись.

– Если бы это было правдой, – сказал экзаменатор,

глядя на меня так, словно я был прозрачный, — это являлось бы нарушением законов природы.

Я счел его слова оскорблением моей родной планеты, поэтому, не простившись ни с кем, немедленно вышел, сел на первого попавшегося пидлака, поехал на космодром и, отряхнув прах Андригоны с ног своих, вылетел на дальнейшие поиски ножа.

Таким образом я садился поочередно на пяти планетах группы Линденблада, на планетах стереотропов и мелациан, на семи больших телах планетного семейства солнца Кассиопеи, посетил Остерилию, Аверанцию, Мелтонию, Латерниду; все рукава большой спиральной туманности в Андромеде, системы Плезиомаха, Гастрокланция, Эвтремы, Сименофоры и Паралбиды; в следующем году я систематически обыскал окрестности всех звезд Сапонны и Меленваги, а также планеты Эритродонию, Арреноиду, Эодоцию, Артенурию и Строглон со всеми его восемьюдесятью лунами, иногда такими маленькими, что на них едва можно было посадить ракету. На Малой Медведице я сесть не мог, там как раз был переучет; потом очередь дошла до Цефеид и Арденид; и у меня просто руки опустились, когда я еще раз по ошибке сел на Линденблад. Но я не сдался и, как подобает настоящему исследователю, двинулся дальше. Через три недели я заметил планету, поразительно похожую на памятную мне Сателлину; сердце забилося у меня быстрее, когда я облетал ее по сужающейся спирали, напрасно высматривая космодром, я уже хотел направиться обратно в бесконечность и тут вдруг заметил, что какая-то малюсенькая фигурка подает мне снизу знаки.

Заглушив двигатель, я быстро спланировал и посадил ракету вблизи группы живописных скал, на которых высилось большое строение из тесаного камня. Навстречу мне бежал полем рослый старец в белой рясе доминиканца. Как оказалось, это был отец Лацимон, руководитель всех миссий, действующих на территории ближайших систем в радиусе шестисот световых лет.

Эта область насчитывает около пяти миллионов планет, в том числе два миллиона четыреста тысяч обитаемых. Отец Лацимон, узнав о причине, которая привела меня в эти края, выразил сочувствие и одновременно радость по случаю моего прибытия, потому что, как он сказал, я первый человек, которого он видит за последние семь месяцев.

— Я так привык, — сказал он, — к обычаям меодрацитов, населяющих эту планету, что неоднократно ловил себя на забавной ошибке: когда я хочу внимательно к чему-нибудь прислушаться, то поднимаю вверх руки, совсем как они... (У меодрацитов, как известно, уши находятся под мышками.)

Отец Лацимон оказался очень гостеприимным, мы вместе съели обед, приготовленный из местных продуктов (тухлые пизжюльки в трясне, тощистые спичавы, а на десерт мякоти — я давно уже таких не пробовал), после чего вышли на веранду миссии. Лиловое солнце припекало, птеродактили, которых на планете было несметное количество, пели в кустах, и в полуденной тишине почтенный приор доминиканцев начал поверять мне свои печали — жаловался на трудности, мешающие миссионерской деятельности в этих районах. Так, например, пятиронцы, оби-

татели горячей Антилены, которые мерзнут уже при шестистах градусах по Цельсию, даже слышать не хотят о рае, зато описания ада пробуждают в них живейший интерес в связи с удобствами (кипящая смола, пламя), которые там имеются. Кроме того, совершенно неизвестно, кто из пятиронцев может принимать священный сан, поскольку у них различается пять полов; это непростая проблема для богословов.

Я выразил свое сочувствие; отец Лацимон пожал плечами.

— Ах, это еще ничего. Бжуты, например, считают восхождение из мертвых таким же естественным делом, как ежедневное одевание, и никоим образом не хотят признать этого явления чудом. Партриды с Эгилии не имеют ни рук, ни ног; они могли бы креститься только хвостом, но я не в состоянии сам решить этого вопроса; жду ответа из апостольской столицы — а Ватикан молчит уже второй год... А разве вы слышали об ужасной судьбе несчастного отца Орибазия из нашей миссии?

Я отрицательно покачал головой.

— Так послушайте. Уже первооткрыватели Уртамы не могли нарадоваться на ее жителей, могучих мемногов. Распространено убеждение, что эти разумные существа принадлежат к наиболее отзывчивым, добродушным, кротким и альтруистическим созданиям во всем космосе. И, рассчитывая на то, что на такой почве отлично примется зерно веры, мы послали к мемногам отца Орибазия, назначив его епископом *in partibus infidelium*. Прибывшего на Уртаму отца Орибазия мемноги встретили так, что трудно было желать лучшего; они окружили его материн-

ской заботой, почитали, прислушивались к каждому его слову, угадывали каждое его желание и немедленно исполняли, они просто упивались его проповедями – одним словом, были бесконечно преданы ему. В своих письмах он не мог ими нахвалиться, бедняга...

Тут отец доминиканец смахнул рукавом рясы слезу и продолжал:

– В такой благоприятной атмосфере отец Орибазий не уставал ни днем ни ночью проповедовать догматы веры. Изложив мемногам Ветхий и Новый завет. Апокалипсис и Послания апостолов, он перешел к Житиям святых; особенно много жара он вложил в воспевание мучеников господних. Бедняга... Это всегда было его слабостью...

Превозмогая волнение, отец Лацимон снова заговорил дрожащим голосом:

– Поэтому он рассказывал об Иоанне, который приобщился к лику святых, когда его живьем сварили в масле, о святой Агнессе, которой за веру отрубили голову, о проткнутом многочисленными стрелами святом Себастьяне, который терпел свирепые пытки, за что в раю его встретили ангельским пением, о святых девах, четвертованных, удушенных, ломанных на колесе и сожженных на медленном огне. Муки эти они принимали с восторгом, понимая, что тем самым приобретают место у десницы господя нашего. Когда он рассказал им множество подобных, достойных подражания житий, мемноги начали переглядываться, а потом один из них спросил робко:

– Преподобный отец наш, проповедник и глубокочтимый наставник, скажи нам, если только ты захочешь снизить до недостойных слуг твоих, каждая ли душа того, кто готов к мученичеству, попадает на небо?

– Без сомнения, дети, мои! – ответил отец Орибазий.

– Да? Это очень хорошо, – протяжно сказал мемног. –

А ты, отец наш духовный, желаешь ли попасть на небо?

– Это самая заветная моя мечта, сын мой.

– А святым ты бы хотел стать? – продолжал выпрашивать огромный мемног.

– Сын мой, кто бы не хотел им стать, но где мне, грешному, удостоиться такой высокой чести; нужно напрячь все силы и неустанно стремиться в величайшем смирении к тому, чтобы вступить на этот путь...

– Значит, ты хотел бы стать святым? – еще раз переспросил мемног, призывно поглядывая на товарищей, которые привстали со своих мест.

– Конечно, сын мой.

– Ну тогда мы тебе поможем.

– Каким образом, милые мои овечки? – с улыбкой спросил отец Орибазий, ибо его радовало наивное рвение верной паствы.

В ответ на это мемноги деликатно, но крепко взяли его под руки и сказали:

– Таким образом, дорогой отец наш, какому ты нас научил!

Затем они сначала содрали у него кожу со спины и намазали это место смолой, как это сделал ирландский палач со святым Гиацинтом, потом отрубили ему левую ногу, как язычники святому Пафнуцию, затем распоролли ему живот и воткнули туда пучок соломы, как это выпало на долю блаженной Елизаветы Нормандской, посадили его на кол, как эмалкиты святого Гуго, поломали ему все ребра, как жители Сиракуз святому Генриху Падуанскому, и

не спеша сожгли его на медленном огне, как бургундцы Орлеанскую деву. Потом отдышались, умылись и начали проливать горькие слезы над утраченным пастырем. За этим занятием я и застал мемногов, когда, объезжая все звезды епархии, заглянул в их приход. Едва я узнал, что произошло, волосы у меня встали дыбом. Ломая руки, я воскликнул:

– Недостойные злодеи! Всех мук ада не хватит, чтобы наказать вас! Знаете ли вы, что обрекли свои души на вечные муки?

– А как же, – ответили они, рыдая, – знаем!

А самый большой мемног встал и так сказал мне:

– Преподобный отец, мы хорошо знаем, что будем подвергаться мучениям и пыткам до скончания света, и нам пришлось вести страшную внутреннюю борьбу, прежде чем принять это решение, но отец Орибазий неустанно повторял нам, что нет такой вещи, которой бы добрый христианин не сделал для своего ближнего, нужно отдать ему все и на все быть ради него готовым; и мы с отчаянием отказались от спасения души, думая только о том, чтобы дражайший отец Орибазий приобрел мученический венец и святость. Я не могу передать тебе, как трудно нам было решиться на это, ведь до того, как к нам прибыл отец Орибазий, ни один из нас даже мухи не обидел. Мы снова и снова молили его, на коленях молили дать послабление и смягчить суровость требований веры, но он настойчиво твердил, что для возлюбленного ближнего нужно делать все без исключения. И мы не смогли отказать ему. При этом мы понимаем, что являемся существами незначительными и недостойными по сравнению с сим достопоч-

тенным мужем и что он заслуживает полнейшего самоотречения с нашей стороны.

Мы горячо верим, что сделали все правильно и отец Орибазий сейчас в царствии небесном. Вот, высокочтимый отец, кошель с суммой, которую мы собрали на церемонию канонизации, как это требуется, нам отец Орибазий все подробно объяснил. Должен сказать, что мы применили только его излюбленные пытки, о которых он говорил нам с особой страстностью. Мы хотели доставить ему удовольствие, но он сопротивлялся, а особенно не хотел пить кипящий свинец. Но мы и мысли не допустили, что наш пастырь говорил нам одно, а думал другое. Крик же, который он поднял, был только доказательством недовольства низких, телесных частиц его естества, и мы пренебрегли этим, помня, что нужно унижать плоть, чтобы возвеличиться духом. Желая поддержать его, мы напомнили ему догматы веры, которые он нам проповедовал, на это отец Орибазий ответил только одним словом, совершенно непонятным и невразумительным; мы не знаем, что оно значит, так как не нашли его ни в божественных книгах, ни в Священном писании.

Окончив свое повествование, отец Лацимон отер со лба крупные капли пота, и мы долго сидели в молчании, наконец почтенный доминиканец заговорил снова:

– Ну скажите сами, как быть духовным пастырем в таких условиях?! Или вот такая история! – Отец Лацимон ударил рукой по письму, лежавшему на столе. – Отец Ипполит сообщает с Арпетузы, небольшой планеты в созвездии Весов, что ее обитатели совершенно перестали вступать в брак, не рожают больше детей и им грозит полное вымирание.

– Почему? – спросил я, изумленный.

– Потому что, услышав о греховности телесного общения, они так сильно возжаждали спасения, что все дали обет и сохраняют чистоту! Уже две тысячи лет церковь проповедует превосходство заботы о спасении души над мирскими делами, но никто не воспринимал этого буквально, о господи. Эти арпетузианцы все до одного ощутили призвание и поголовно вступают в монастыри; они неукоснительно соблюдают уставы, молятся, постятся и умерщвляют плоть, а тем временем разваливается промышленность, земледелие, надвигается голод, и гибель грозит всей планете. Я сообщил об этом в Рим, но там, как всегда, молчат...

– Да, это было очень рискованно, – заметил я, – нести веру на другие планеты...

– А что было делать? Церковь не спешит, *Ecclesia non festinat*, как известно, ибо власть ее не от мира сего, но пока кардинальская коллегия совещалась и колебалась, на планетах, как грибы после дождя, начали вырастать миссии кальвинистов, баптистов, редемптористов, мариавитов, адвентистов и еще бог знает какие! Мы должны были спасти что возможно. Но, дорогой мой, раз уж я это рассказал... Идите за мной...

Отец Лацимон ввел меня в свой кабинет. Одну его стену занимала огромная лазурная карта звездного неба; вся ее правая сторона была заклеена бумагой.

– Видите? – показал он на эту заклеенную часть.

– Что это значит?

– Утрату, дорогой мой. Окончательную утрату, так как эти пространства населяют существа с необыкновенно вы-

соким интеллектом. Они проповедуют материализм, атеизм и рекомендуют сосредоточивать все усилия на развитии промышленности, техники и улучшении условий жизни на планетах. Мы посылали к ним наших лучших миссионеров, отцов салезианцев, бенедиктинцев, доминиканцев, даже иезуитов, вдохновенных проповедников слова божия, медоустых ораторов; все, все возвращались атеистами!!!

Отец Лацимон нервно подошел к столу.

– Был у нас отец Бонифаций, я помню его как одного из наиболее набожных монахов; дни и ночи проводил он в молитвах, прахом были для него все мирские дела, он не знал иного занятия, кроме чтения молитв, и большей радости, чем месса, а после трех недель пребывания там, – тут отец Лацимон ткнул в заклеенную часть карты, – поступил в политехникум и написал эту книгу! – отец Лацимон поднял и тут же с отвращением бросил на стол солидный том.

Я прочитал название: «О способах увеличения безопасности ракетных полетов».

– Безопасность брэнного тела он предпочел спасению души, разве это не ужасно?! Мы посылали тревожные рапорты, и на этот раз апостольская столица не медлила. С помощью специалистов из американского посольства в Риме Папская академия создала вот этот труд.

Отец Лацимон подошел к большому сундуку и открыл его, сундук был набит толстыми томами.

– Здесь около двухсот томов, описывающих в мельчайших подробностях методы насилия, террора, внушений, шантажа, принуждений, гипноза, травли, пыток и ус-

ловных рефлексов, которые они используют для уничтожения веры. У меня волосы поднимались на голове, когда я это просматривал. Там есть фотографии, показания, протоколы, вещественные доказательства, рассказы очевидцев и бог знает что еще. Просто голова кружится – как быстро они все это сделали, что значит американская техника, ведь... действительность гораздо страшнее!

Отец Лацимон подошел ко мне и, обжигая мне ухо своим дыханием, зашептал:

– Я ведь здесь на месте и ориентируюсь лучше... Они не мучают, ни к чему не принуждают, не пытаются, не вкручивают в голову винты, они просто учат, что такое Вселенная, как возникла жизнь, как рождается сознание и как применять науку на благо общества. У них есть аргументы, с помощью которых можно доказать, как дважды два – четыре, что весь мир исключительно материален. Из всех моих миссионеров сохранил веру один только отец Серваций, да и то лишь потому, что он глух как пень и не слышал, что ему говорили! Это хуже пыток, дорогой мой! Была у меня молодая монашенка-кармелитка, одухотворенное дитя, преданное только небу; она без конца постилась, умерщвляла плоть, имела стигматы, видения, общалась со святыми, особенно любила она святую Меланию и всем сердцем подражала ей; мало того, время от времени ей являлся даже архангел Гавриил... Однажды она отправилась туда, – отец Лацимон показал на правую половину карты. – Я ей спокойно позволил это, поскольку она была убога духом, а таким принадлежит царствие небесное; как только человек начинает думать: а что, а откуда, а как, – сразу же разверзается бездна ереси. Я был уверен, что ар-

гументы этой их мудрости не подействуют на нее. И вот, когда она туда прибыла, при первом же публичном явлении ей святых, соединенном с припадком религиозного экстаза, ее признали невротичкой, или как это еще называется, лечили купаниями, работой в саду, дали ей какие-то игрушки, каких-то кукол; через четыре месяца она вернулась, но в каком состоянии!

Отец Лацимон задрожал.

– У нее прекратились видения, она поступила на курсы ракетных пилотов и полетела с научной экспедицией к ядру Галактики, бедное дитя! Недавно я слышал, что ей явилась святая Мелания, и сердце у меня задрожало от радостной надежды, но, как оказалось, ей просто приснилась тетка. Я вам говорю: крушение, разорение, упадок. Эти американские специалисты наивны: присылают мне пять тонн литературы, описывающей свирепость врагов веры. О, если бы они захотели преследовать религию, если бы закрывали церкви, разгоняли верующих, но, увы, ничего подобного, все позволяют: и богослужения, и духовное образование, только распространяют свои взгляды и теории. Некоторое время мы пробовали применять этот метод, – отец Лацимон показал на карту, – но он не дал результатов.

– Простите, какой метод?

– Ну, заклеили ту часть Вселенной бумагой и игнорировали ее существование, но это не помогло. Сейчас в Риме говорят о крестовом походе в защиту веры.

– А что вы об этом думаете?

– Да, это было бы неплохо; если бы взорвать их планеты, разрушить города, сжечь книги, а их самих перебить

до одного, может, и удалось бы спасти учение о любви к ближнему. Но кого привлечет этот поход? Мемногов? Может быть, арпетузианцев? Смешно и страшно!..

Наступило глухое молчание. Охваченный глубоким сочувствием, я положил руку на плечо старого священника, чтобы ободрить его; в этот момент что-то выскользнуло из моего рукава, блеснуло и стукнулось об пол. Как описать мою радость и удивление, когда я узнал свой ножик. Оказалось, все это время он спокойно лежал за подкладкой куртки, куда попал через дыру в кармане!

ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Одна из главных космических трасс в созвездии Большой Медведицы соединяет планеты Мутрию и Латриду. На этой же дороге лежит Таирия – скалистый шар, пользующийся дурной славой из-за окружающих его огромных каменных туч. Диск планеты едва проглядывает сквозь этот каменный заслон; его непрестанно пронизывают яркие вспышки и грохот сталкивающихся глыб; короче говоря – настоящий первозданный хаос.

Несколько лет назад пилоты, курсирующие между Мутрией и Латридой, стали рассказывать о каких-то страшных чудищах, которые внезапно выскакивают из туч, клубящихся над Таирией, нападают на ракеты, оплетают их длинными щупальцами и стараются затянуть в свое мрачное логово. Пока все ограничивалось паникой среди пассажиров. Немного позднее разнеслась весть, что эти чудовища напали на одного путешественника, который, наслаждаясь послеобеденной прогулкой, расхаживал

в скафандре по поверхности своей собственной ракеты. Правда, многое здесь было преувеличено – путешественник (мой хороший знакомый) облил скафандр чаем и вывесил его из люка для просушки, в этот момент налетели странные извивающиеся существа и, схватив скафандр, умчались.

Все эти слухи вызвали такое волнение на близлежащих планетах, что специальной экспедиции было поручено исследовать окрестности Таирии. Некоторые участники экспедиции утверждали, что якобы в глубине туч Таирии они заметили каких-то змееподобных, похожих на спрутов чудовищ, но это не получило подтверждения, и через месяц экспедиция, не отважившаяся углубиться в район кремневых туч Таирии, вернулась на Латриду ни с чем. Позднее предпринимались и другие экспедиции, но ни одна из них не дала результатов.

Наконец известный космический бродяга, отважный Ао Мурбрас, выбрался на Таирию с двумя псами в скафандрах, чтобы поохотиться на загадочных страшилищ. Через пять дней он вернулся один, совершенно измотанный. Как он рассказал, недалеко от Таирии из тучи вдруг выскочило множество чудовищ, которые оплели щупальцами его и собак; храбрый охотник выхватил нож и, нанося удары вслепую, сумел вырваться из смертельных объятий, чего не удалось, увы, сделать псам. Скафандр Мурбраса и снаружи и изнутри носил следы борьбы, а в некоторых местах к нему прилипли какие-то зеленые лохмотья, похожие на волокнистые стебли. Ученая комиссия, добросовестно исследовав лохмотья, определила, что это обрывки многоклеточного организма, отлично известного

на Земле: речь шла о *Solanum tuberosum*, многосемянном клубнеплоде, завезенном испанцами из Америки в Европу в XVI веке. Это известие взбудоражило умы, и невозможно описать, что творилось, когда кто-то перевел научное название на нормальный язык и выяснилось, что Мурбрас принес на своем скафандре кусочки картофельной ботвы.

Отважный звездный бродяга, задетый за живое подозрением, что в течение четырех часов он бился с картофелем, потребовал от комиссии опровергнуть эту гнусную клевету, но ученые отказались что-либо изменить в своем заключении. Это известие взбудоражило всех. Образовались партии Картофельников и Антикartoфельников, борьба охватила сначала Малую, а потом и Большую Медведицу; противники обменивались тяжелейшими оскорблениями. Но все это было пустяком по сравнению с тем, что началось, когда в спор вмешались философы.

Из Англии, Франции, Австралии, Канады и Соединенных Штатов съехались самые выдающиеся теоретики познания и представители чистого разума, и результаты их деятельности потрясли всех.

После всестороннего изучения вопроса физикалисты заявили, что, когда два тела А и Б движутся, одинаково правильно будет сказать, что А движется относительно Б и что Б движется относительно А. Поскольку движение относительно, можно с одинаковым основанием утверждать и что человек движется относительно картофеля, и что картофель движется относительно человека. Поэтому вопрос, может ли картофель двигаться — бессмыслен, а вся проблема — мнимая, то есть вообще не существует.

Семантики заявили, что все зависит от того, как пони-

мать слова «картофель», «является» и «подвижный». Поскольку ключ здесь – глагол «является», его необходимо исследовать детально. После этого они приступили к созданию Энциклопедии Космической Семасиологии, посвятив первые четыре тома рассмотрению слова «является».

Неопозитивисты заявили, что непосредственно нам даны не пучки картофеля, а пучки чувственных восприятий; затем они создали логические символы, означающие «пучок восприятий» и «пучок картофеля», составили специальное уравнение суждений из одних только алгебраических знаков и, исписав море чернил, пришли к математически точному и, вне всякого сомнения, верному результату: $0 = 0$.

Томисты заявили, что бог для того создал законы природы, чтобы иметь возможность творить чудеса, так как чудо есть нарушение законов природы, а где нет законов, там нечего нарушать. В указанном случае картофель движется, если такова воля Всевышнего, но неизвестно, не фокусы ли это проклятых материалистов, которые стремятся дискредитировать церковь; следовательно, нужно ждать решения Ватиканской Курии.

Неокантианцы заявили, что предметы являются творениями духа, а не познаваемыми вещами; если разум создает идею подвижного картофеля, то подвижный картофель будет существовать. Однако это только первое впечатление, поскольку дух наш так же непознаваем, как и его творения; и потому ничего не известно.

Холисты–плюралисты–бихевиористы–физикалисты заявили, что, как известно из физики, закономерность в природе является только статистической. Так же как не-

возможно с абсолютной точностью предвидеть путь единичного электрона, так же неизвестно наверное, как будет вести себя единичная картофелина. Все прежние наблюдения показывают, что миллионы раз человек копал картофель, но не исключено, что один раз из миллиарда случится наоборот, то есть картофель будет копать человека.

Профессор Урлипан, мыслитель-одиночка школы Рассела и Рейхенбаха, подверг все эти выводы уничтожающей критике. Он утверждал, что человек не получает чувственных восприятий, ибо никто не наблюдает чувственного восприятия стола, а только сам стол; но поскольку, с другой стороны, известно, что о внешнем мире ничего не известно, то нет ни внешних вещей, ни чувственных восприятий. «Нет ничего, – заявил профессор Урлипан. – А если кто-нибудь думает иначе, он заблуждается». Следовательно, о картофеле сказать ничего нельзя, но совсем по другой причине, чем считают неокантианцы.

Пока профессор Урлипан работал, не выходя из дома, перед которым ожидали Антикартофельники с гнилой картошкой, ибо страсть затуманила все умы, на сцене появился, а говоря точнее, на Латриде высадился профессор Тарантога. Не обращая внимания на бесплодные споры, он решил исследовать тайну *sine ira et studio* как подобает настоящему ученому. Он начал исследования с посещения окрестных планет, где собрал информацию у местных жителей. Таким образом, профессор установил, что загадочные существа известны под названиями: «гортохля», «картосы», «картыши», «корфеты», «бараболя», «картовка», «барабошка», «картопля», «гулена», «бульба», «картоха»; это дало ему пищу для размышлений, поскольку, как со-

общали словари, все эти названия были синонимами обыкновенного картофеля.

С достойным удивления упорством и несокрушимой страстью пробивался Тарантога к сути загадки, и через пять лет у него была готова теория, которая все объяснила.

Когда-то в окрестностях Таирии сел на метеоритный риф корабль, шедший на Латриду с грузом картофеля для колонистов. Через образовавшуюся в обшивке пробоину высыпался весь груз. Корабль сняли с рифа, и спасательные ракеты отбуксировали его на Латриду, после чего вся эта история была забыта. Тем временем картофелины, упавшие на поверхность Таирии, пустили ростки и начали как ни в чем не бывало развиваться. Но все-таки условия существования были чрезвычайно тяжелыми: сверху то и дело падал каменный град, уничтожая молодые побеги и даже убивая целые растения. В результате уцелели только самые хитрые картофелины, которые умели устраиваться и находить себе убежище. Возникшая таким образом порода сообразительного картофеля развивалась все более бурно.

Через несколько поколений картофелю наскучил оседлый образ жизни, он самостоятельно выкопался и перешел к кочевому существованию. Одновременно он утратил кротость и пассивность, присущие земному картофелю, прирученному заботой и уходом. Все больше дичая, картофель в конце концов стал хищным. Постепенно ему на планете становилось все теснее, наступил новый кризис; молодое поколение картофеля распирала жажда деятельности; оно мечтало вершить дела необыкновенные и для растений совершенно новые. Обратив ботву в сторону не-

ба, оно увидело летающие там каменные обломки и решило на них поселиться.

Слишком далеко увело бы нас изложение всей теории профессора Тарантоги, показывающей, как картофель сначала научился летать, трепеща листьями, как затем он поднялся за пределы атмосферы Таирии, чтобы, наконец, обосноваться на летающих вокруг планеты скальных обломках. Во всяком случае, картофелю это удалось благодаря тому, что, сохраняя растительный обмен веществ, он мог длительное время находиться в пустоте, обходясь без кислорода и черпая жизненную энергию из солнечного света. Окончательно обнаглев, картофель начал нападать на ракеты, пролетающие вблизи Таирии.

Любой ученый на месте Тарантоги опубликовал бы эту замечательную гипотезу и почил бы на лаврах, но профессор решил отказаться от отдыха, пока не поймает хотя бы один экземпляр хищного картофеля.

Теперь, после создания теории, наступила очередь практики. Новая задача была по меньшей мере такой же трудной. Выяснилось, что картофель прячется в трещинах больших камней; пускаться на его поиски в подвижный лабиринт мчащихся скал было бы равносильно самоубийству. С другой стороны, Тарантога не собирався убивать картофель, он хотел иметь живую особь, здоровую, полную сил. Некоторое время профессор подумывал об охоте с загонщиками, но и этот проект отбросил как неудачный и остановился на абсолютно новом, который должен был широко прославить его имя.

Тарантога решил ловить картофель на наживку. С этой целью он купил в магазине учебных пособий на Латриде

самый большой глобус, какой только сумел достать, — прекрасный лакированный шар шестиметрового диаметра. Профессор приобрел также большое количество меда, сапожного вара и рыбьего клея, хорошенько смешал это в равных пропорциях и полученной субстанцией вымазал поверхность глобуса. Потом он привязал его длинным тросом к ракете и полетел в сторону Таирии. Приблизившись на достаточное расстояние, профессор укрылся за краем ближайшей туманности и закинул трос с приманкой. Весь план был построен в расчете на огромное любопытство картофеля. Через некоторое время легкое подрагивание троса показало, что добыча близка. Осторожно выглянув, Тарантога заметил, как несколько хищников, потряхивая ботвой и медленно перебирая клубнями, направляются к глобусу: вероятно, они приняли его за какую-то неизвестную планету. Немного погодя они набрались храбрости и присели на глобус, приклеившись к его поверхности. Профессор быстро выдернул трос, привязал его к хвосту ракеты и полетел в сторону Латриды.

Трудно описать энтузиазм, с которым был встречен смелый ученый. Пойманный на удочку картофель вместе с глобусом заперли в клетку и выставили для публичного обозрения. Охваченный яростью и страхом картофель рассекал воздух ботвой, топал клубнями, но, естественно, ему ничего не помогло.

На другой день к Тарантоге явилась ученая комиссия, чтобы вручить ему почетный диплом и большую медаль за заслуги, но профессора уже не было. Выполнив свою задачу, он ночью улетел в неизвестном направлении.

Причина такого внезапного отъезда мне хорошо из-

вестна. Тарантога спешил, потому что через девять дней должен был встретиться со мной на Цырулее. Что касается меня, то в это же самое время я мчался к условленной планете с противоположного конца Млечного Пути. Мы намеревались вместе отправиться в экспедицию к еще не исследованному рукаву Галактики, растянувшемуся за темной туманностью в Орионе. Я еще не был знаком с профессором лично и, желая приобрести репутацию человека обязательного и пунктуального, выжимал из двигателя всю мощность. Но, как это часто бывает, когда очень спешишь, мне помешал непредвиденный случай. Какой-то маленький метеор пробил топливный бак и, застряв в выхлопной трубе двигателя, наглухо ее закупорил.

Недолго думая, я надел скафандр, вооружился сильным фонарем и инструментами и вышел из кабины наружу. Вытаскивая метеор клещами, я случайно выронил фонарик, который улетел довольно далеко и стал самостоятельно парить в пространстве. Я заткнул дыру в баке и вернулся в кабину. Гоняться за фонариком я не мог, поскольку лишился почти всего запаса топлива и едва добрался до ближайшей планеты – Процитии.

Проциты – существа разумные и очень на нас похожие; одно, впрочем, несущественное различие заключается в том, что до колен у них обычные ноги, а ниже – колесики, не искусственные, а являющиеся частью тела. Проциты передвигаются очень быстро и изящно, не хуже, чем циркачи на одноколесных велосипедах. У них весьма развиты науки, особенно они увлекаются астрономией; изучение звезд там так распространено, что вы не встретите никого – ни старого, ни молодого процита – без портатив-

ного телескопа. На этой планете используются исключительно солнечные часы, и публично посмотреть на механические часики – значит совершить аморальный поступок. У процитов имеются также многочисленные культурные учреждения. Помню, как при первом своем посещении Процитии я был приглашен на банкет в честь старого Маратилитеца, их знаменитого астронома. Мы с ним начали обсуждать какую-то астрономическую проблему. Профессор возражал мне, дискуссия с каждой минутой становилась все острее; старец испепелял меня взглядом, и казалось, он вот-вот взорвется. Вдруг он вскочил и поспешно покинул зал. Через пять минут Маратилитец вернулся и сел рядом со мной, добродушный, улыбающийся, спокойный, как ребенок. Заинтересованный этим, я потом спросил, что вызвало такое чудесное изменение в его настроении.

– Как, – воскликнул процит, к которому я обратился с вопросом, – ты не знаешь? Профессор воспользовался бесильней.

– А что это?

– Название этого заведения происходит от слова «беситься». Индивид, охваченный гневом или разозлившей на кого-нибудь, входит в маленькую кабину, обитую пробкой, и дает волю своим чувствам.

Теперь же, садясь на Процитию, я еще с воздуха увидел на улицах толпы народа: они размахивали разноцветными лампами и издавали радостные крики. Оставив ракету под присмотром механиков, я отправился в город. Как мне объяснили, праздновалось открытие новой звезды, которая появилась на небе прошлой ночью. Это заста-

вило меня задуматься, а когда после сердечной встречи Маратилитец пригласил меня к своему мощному телескопу, я, едва взглянув в окуляр, понял, что мнимая звезда — это просто мой фонарик, летающий в пространстве! Вместо того чтобы сказать об этом процитам, я несколько легкомысленно решил разыграть из себя лучшего, чем они, астронома и, быстро прикинув в уме, насколько еще хватит батареек, громко объявил собравшимся, что новая звезда будет в течение шести часов белой, потом пожелтеет, покраснеет, а затем совсем погаснет. К моему предсказанию проциты отнеслись с недоверием, а Маратилитец с присущей ему запальчивостью воскликнул, что, если это случится, он готов съесть собственную бороду.

Звезда начала меркнуть в предсказанное мною время, а когда вечером я явился в обсерваторию, то застал группу расстроенных ассистентов, которые сообщили мне, что Маратилитец, чья гордость была сильно уязвлена, закрылся в кабинете, чтобы выполнить поспешно данное обещание. Тревожась за его здоровье, я попытался поговорить с ним через дверь, но безрезультатно. Приложив ухо к замочной скважине, я слышал звуки, которые подтверждали слова ассистентов. В полном замешательстве я написал письмо, в котором все объяснил, отдал его ассистентам с просьбой вручить профессору сразу же после моего отлета и со всех ног бросился на космодром. Я вынужден был так поступить, ибо не был уверен, что перед разговором со мной профессор успеет воспользоваться бесильней.

Я покинул Процитию в час ночи с такой поспешностью, что забыл совершенно о горячем. Через какой-нибудь миллион километров баки опустели, и я очутился в

роли потерпевшего крушение в космосе, на корабле, беспомощно блуждающем в пустоте. Всего три дня оставалось до условленного времени встречи с Тарантогой.

Цирулея была отлично видна в окно; она светилась на расстоянии каких-нибудь трехсот миллионов километров, но я мог только смотреть на нее в бессильной ярости. Вот так иногда незначительные причины порождают серьезные последствия.

Через некоторое время я заметил медленно растущую планету. Корабль, пассивно поддаваясь ее тяготению, летел все быстрее и наконец стал падать камнем. Я сделал хорошую мину при плохой игре и сел за рули.

Планета была довольно маленькой, пустынной, но уютной. Я рассмотрел оазисы с вулканическим отоплением и проточную воду. Вулканов было много, они извергали огонь и столбы дыма. Маневрируя рулями, я летел уже в атмосфере, стараясь, как только мог, снизить скорость, но это лишь оттягивало момент падения. Внезапно, когда я пролетал над скоплением вулканов, меня осенила блестящая идея, мгновение я колебался, а потом, приняв отчаянное решение, направил нос ракеты вниз и как молния ринулся прямо в зияющее подо мной жерло самого большого вулкана. В последний момент, когда его раскаленная пасть уже готова была поглотить меня, я ловким маневром рулей перевернул ракету носом вверх и в таком положении погрузился в пучину kloкочущей лавы.

Я очень рисковал, но другого выхода у меня не было. Я рассчитывал на то, что, пробужденный резким ударом, который нанесет ему ракета, вулкан среагирует взрывом — и не ошибся. Раздался гром, от которого заходили стены, и

в многомильном столбе огня, лавы, пепла и дыма я вылетел в небо. Я направил ракету так, чтобы выйти на курс, ведущий прямо к Цирулее; это превосходно мне удалось.

Я был на ней уже через три дня, опоздав на двадцать минут. Но Тарантоги не застал: он уже улетел, оставив лишь письмо до востребования. Вот оно.

«Дорогой коллега, обстоятельства вынуждают меня немедленно отправиться в путь, поэтому я предлагаю встретиться в глубине еще не исследованной территории; поскольку тамошние звезды не имеют названий, сообщая вам ориентиры: летите прямо, за голубым солнцем сверните налево, за следующим, оранжевым, – направо: там будут четыре планеты, – встретимся на третьей, если считать слева. Жду!

Преданный вам Тарантога».

Заправившись, я стартовал на закате. В дороге я находился неделю, а углубившись в неизвестный район, без труда нашел нужные звезды и, точно придерживаясь указаний профессора, наутро восьмого дня увидел планету, о которой он писал. Массивный шар утопал в косматом зеленом мхе; это были гигантские тропические джунгли. Такая картина несколько смутила меня – я не представлял, как приняться за поиски Тарантоги. Но я рассчитывал на его находчивость и не ошибся. Двигаясь прямо к планете, в, одиннадцать утра я увидел на ее северном полушарии какие-то неясные знаки, при виде которых у меня перехватило дыхание.

Я всегда говорю молодым наивным космонавтам: не верьте, когда кто-нибудь вам рассказывает, что, подлетев

к планете, он прочитал ее название, – это только обычная космическая шутка. Однако на этот раз я был поставлен в тупик, потому что на фоне зеленых лесов отчетливо выделялась надпись:

«Не мог ждать. Встреча на следующей планете.

Тарантога».

Буквы были километровой величины, иначе я бы, естественно, их не заметил. Не помня себя от изумления и любопытства, я снизился, пытаюсь понять, как удалось профессору вывести эту гигантскую надпись. Тут я увидел, что контуры букв представляют собой широкие просеки поваленного и поломанного леса, четко выделявшиеся на фоне девственных зарослей.

Не разгадав загадки, я помчался в соответствии с указанием к следующей планете, обитаемой и цивилизованной. В сумерки сев на космодроме, я начал расспрашивать в порту о Тарантоге, но напрасно: и на этот раз вместо него меня ожидало письмо:

«Дорогой коллега, приношу свои самые горячие извинения за причиненное разочарование, но срочные семейные дела вынуждают меня, к сожалению, немедленно вернуться домой. Чтобы смягчить ваше неудовольствие, оставляю в бюро порта пакет, прошу вас получить его: в нем находятся плоды моих последних исследований. Вам, наверное, интересно узнать, каким образом я сумел оставить на предыдущей планете письменное сообщение; это было совсем просто. Эта планета переживает эпоху, со-

ответствующую каменноугольному периоду Земли. Ее населяют гигантские ящеры, в частности ужасные сорокаметровые атлантозавры. Высадившись на планете, я подкрался к большому стаду атлантозавров и дразнил их до тех пор, пока они не бросились за мной. Я помчался через лес с таким расчетом, чтобы путь моего бегства образовал контур букв, а стадо, гнавшееся за мной, валило деревья. Таким образом, возникла широкая, около восьми-десяти метров, просека! Это было, повторяю, просто, но несколько утомительно: мне пришлось пробежать больше тридцати километров, причем довольно быстро.

Искренне сожалею, что и на этот раз мы не познакомились лично, жму вашу мужественную руку и преклоняюсь перед вашими достоинствами и отвагой.

Тарантога.

Р. С. Горячо рекомендую вам пойти вечером в город на концерт – это великолепно».

Я получил оставленный мне пакет, велел отвезти его в отель, а сам отправился в город. Он выглядел чрезвычайно интересно. Планета вращается с такой скоростью, что время суток изменяется ежечасно. Большая скорость вращения создает значительную центробежную силу, и свободно опущенный отвес здесь не вертикален к поверхности, как на Земле, а образует с ней угол в сорок пять градусов. Все дома, башни, стены, вообще все строения возводятся здесь наклоненными к поверхности под углом сорок пять градусов, что создает картину, очень странную для человеческого глаза. Дома с одной стороны улицы как будто ложатся навзничь, с другой же, наоборот, нависают

над мостовой. Обитатели планеты, чтобы не падать, вследствие естественного приспособления имеют одну ногу короче, а другую длиннее; человек же должен во время ходьбы подгибать одну ногу, что через некоторое время начинает изрядно досаждать и утомлять. Потому я шел так медленно, что когда добрался до здания, в котором должен был состояться концерт, там уже запирали двери. Я поспешно купил билет и вбежал внутрь.

Едва я уселся, дирижер постучал палочкой, и все притихли. Музыканты оркестра проворно зашевелились, играя на неизвестных мне инструментах, похожих на трубы с продырявленными воронками, как у лейки; дирижер то взволнованно вздымал передние конечности, то разводил их, как бы приказывая играть пиано, но меня охватывало все возрастающее изумление, так как я не слышал ни одного, даже самого слабого звука. Я осторожно огляделся и увидел выражение экстаза, написанное на лицах соседей; все больше смущаясь и беспокоясь, я попробовал незаметно прочистить себе уши, но без всякого результата. Наконец, решив, что я оглох, я тихонько постучал ногтем о ногу, но этот тихий звук услышал отчетливо. Совершенно не понимая, что и думать обо всем этом, ошеломленный всеобщим выражением эстетического наслаждения, я решил досидеть до конца. Раздалась буря аплодисментов; дирижер, поклонившись, снова постучал палочкой, и оркестр приступил к следующей части симфонии. Все вокруг были восхищены; я слышал громкое сопение и принимал его за признак глубокой взволнованности. Наконец настало время бурного финала — я мог судить об этом только по темпераментным движениям дирижера и по

крупному поту, катившемуся по лицам музыкантов. Вновь вспыхнули аплодисменты. Сосед повернулся ко мне, выражая восхищение симфонией и ее исполнителями. Я пробормотал что-то невразумительное и, абсолютно сбитый с толку, выскочил на улицу.

Я уже отошел на несколько десятков шагов от концертного зала, но что-то заставило меня обернуться и посмотреть на его фасад. Как и все другие здания, зал был наклонен к улице под острым углом; со стены кричала огромная надпись: «ГОРОДСКАЯ ОЛФАКТОРИЯ», а ниже были расклеены афиши, на которых я прочитал:

Мускусная симфония Одонтрона

I. Preludium Odoratum

II. Allegro Aromatoso

III. Andante Olens

Дирижирует

находящийся на гастролях известный носист

ХРАНТР

Я зло выругался и, повернувшись, поспешил в отель. Я не винил Тарантогу за то, что не получил эстетического удовольствия, ведь он не мог знать, что мне все еще досаждают насморк, который я схватил на Сателлине.

Чтобы вознаградить себя за разочарование, сразу же после прихода в отель я открыл пакет. В нем находился звуковой киноаппарат, бобина пленки и письмо следующего содержания:

«Мой дорогой коллега!

Вероятно, вы помните наш телефонный разговор, когда вы находились на Малой, а я на Большой Медведице. Я тогда сказал вам, что, по-моему, бывают существа, которые способны жить при высокой температуре на горячих, полужидких планетах, и что я намереваюсь предпринять исследования в этом направлении. Вы выразили сомнение в том, что это предприятие увенчается успехом. Так вот, доказательства перед вами. Выбрав огненную планету, я на ракете приблизился к ней на возможно малое расстояние, а затем на длинном асбестовом шнуре спустил вниз огнеупорный киноаппарат и микрофон; таким образом мне удалось снять много интересных кадров. Некоторые из них я позволяю себе приложить к письму.

Ваш Тарантога».

Я сгорал от любопытства и, едва кончив читать, вставил пленку в аппарат, сдернутую с кровати простыню повесил на дверь и, погасив свет, включил проектор. Сначала на импровизированном экране мелькали только цветочные пятна, до меня доносились хриплые звуки и щелканье, словно в печи трещали поленья, потом изображение стало резким.

Солнце опускалось за горизонт. Поверхность океана волновалась, по ней пробегали маленькие синие огоньки. Огненные тучи бледнели, становилось все темнее. Появились первые бледные звезды. Молодой Кралош, утомленный дневными занятиями, снялся со своего шпенька, чтобы насладиться вечерней прогулкой. Он никуда не спешил; медленно шевеля скрипками, он с удовольствием

вдыхал свежие, ароматные клубы разогретого аммиака. К нему приближалась какая-то фигура, едва видная в сгущающихся сумерках. Кралош напряг смых, но только когда фигура оказалась совсем близко, юноша узнал своего приятеля.

– Какой чудесный вечер, не правда ли? – сказал Кралош.

Приятель переступил с одной хожни на другую, до половины высунулся из огня и ответил:

– Действительно, хороший. Знаешь, нашатырь в этом году уродился великолепно.

– Да, да, урожай обещает быть отличным.

Кралош лениво покачался, перевернулся на живот и, тараща все зрявни, засмотрелся на звезды.

– Знаешь, мой дорогой, – сказал он через минуту, – когда я смотрю в ночное небо, вот так, как сейчас, во мне зарождается уверенность, что там, далеко-далеко, есть иные миры, похожие на наш, также населенные разумными существами...

– Кто здесь говорит о разуме?! – раздалось поблизости.

Оба юноши повернулись задом в сторону, откуда слышался голос, чтобы рассмотреть пришельца. Они увидели суковатую, но еще крепкую фигуру Фламенты. Мاستитый ученый приблизился к ним величественной походкой, а будущее потомство, похожее на кисти винограда, уже поднималось, выпускало первые ростки на его раскидистых плечах.

– Я говорил о разумных существах, населяющих другие миры... – ответил Кралош, поднимая клусты в почти-тельном приветствии.

– Кралош говорит о разумных существах с иных миров?... – произнес ученый. – Посмотрите-ка на него! С иных миров!!! Ах, Кралош, Кралош! Чем ты занимаешься, юноша? Открыл фонтан фантазии? Что ж... хвалю... в такой прекрасный вечер можно... Правда, изрядно похолодало, вы заметили?

– Нет, – одновременно ответили оба юноши.

– Конечно, молодой огонь, известное дело. А все-таки сейчас всего лишь восемьсот шестьдесят градусов; надо было взять накидку на двойной лаве. Что поделаешь, старость. Так ты говоришь, – начал он, поворачиваясь задом к Кралошу, – что в иных мирах существуют разумные создания? И каковы же они, по-твоему?

– Точно знать этого нельзя, – несмело проговорил юноша. – Думаю, что они разные. По-видимому, не исключено, что на более холодных планетах из субстанции, называемой белком, могли бы образоваться живые организмы.

– От кого ты это слышал? – гневно вскричал старец.

– От Имплоза. Это тот молодой студент-биохимик, который...

– Скажи лучше, молодой балбес! – сердито выкрикнул Фламент. – Белковая жизнь?! Живые существа из белка? И ты не стыдишься нести такой вздор при своем учителе?! Вот они, плоды невежества и нахальства, которые сейчас устрашающе разрастаются! Знаешь, что следовало бы сделать с твоим Импломом? Обрызгать его водой, вот что!

– Но, почтенный Фламент, – отважился заговорить друг Кралоша, – за что ты хочешь так сурово наказать Имплоза? Не мог бы ты нам сказать, как могут выглядеть

существа на других планетах? По-твоему, они не могут иметь вертикальную фигуру и передвигаться на так называемых ногах?

– Кто это тебе сказал?

Кралош испуганно молчал.

– Имплуз... – прошептал его приятель.

– Да отвяжитесь вы от меня со своим Имплузом и его выдумками! – воскликнул ученый. – Ноги! Ну, конечно! Как будто еще двадцать пять пламеней тому назад я не доказал математически, что любое двуногое существо, стоит его поставить, немедленно опрокинется! Я даже изготовил соответствующую модель и чертеж, но что вы, бездельники, можете об этом знать! Как выглядят разумные существа иных миров? Прямо не скажу, подумай сам, научись мыслить. Прежде всего они должны иметь органы для усвоения аммиака, не правда ли? Какое устройство сделает это лучше, чем скрипла? Разве они не должны перемещаться в среде в меру упругой, в меру теплой, как наша? Должны, а? Вот видишь! А как это делать, если не хожнями? Аналогично будут формироваться и органы чувств – зрявни, клуствицы и скрябы. Но они должны быть похожими на нас, пятиронцев, не только строением, но и образом жизни. Ведь известно, что пятерка является основной ячейкой нашей семейной жизни – попробуй пофантазировать, выдумай что-нибудь другое, напрягай сколько угодно воображение, и я ручаюсь тебе, что ты потерпишь поражение! Для того чтобы создать семью, чтобы дать жизнь потомству, должны соединиться Дада, Гага, Мама, Фафа и Хаха. Ни к чему взаимные симпатии, ни к чему планы и мечты, если отсутствует представитель хоть одного из

этих пяти полов. Такая ситуация, к сожалению, иногда встречается в жизни. Мы называем ее драмой четверки или несчастной любовью... Как видишь, если рассуждать без малейших предубеждений, опираясь исключительно на научные факты, если пользоваться точным инструментом логики, мыслить холодно и объективно, мы придем к неопровержимому выводу, что каждое разумное существо должно быть похоже на пятиронца... Да. Ну, надеюсь, я вас убедил?

ПУТЕШЕСТВИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Вскоре вложу я эти исписанные листки в пустой бочонок из-под кислорода и брошу его в водоворот за бортом, чтобы помчался он в черную даль, хотя вовсе не рассчитываю, что его кто-нибудь найдет! *Navigare necesse est*⁶, но, видимо, в этом безмерно долгом путешествии исчерпалась даже моя сопротивляемость. Лечу и лечу долгие годы, а конца этому не видно. Хуже того: время запутывается, перехлестывается, я проникаю в какие-то внекалендарные протоки и заводи; не то в прошлое, не то в будущее, хотя иной раз пахнет средневековьем.

Существует особый метод спасения рассудка в чрезмерном одиночестве, разработанный моим дедом Косьмой; состоит он в придумывании для себя того или иного количества попутчиков, даже обоих полов, — но потом уж надо последовательно придерживаться своего вымысла. Пользовался придумыванием и мой отец, но иногда это

---

⁶ Заниматься мореплаванием необходимо (*лат.*).

бывает небезопасно. В космической тишине попутчики становятся слишком самостоятельными, возникают затруднения и осложнения, кое-кто посягал на мою жизнь, я вынужден был защищаться, каюта превратилась прямо-таки в побоище – а прекратить применение метода я не мог, соблюдая лояльность по отношению к деду. Слава богу, они пали в бою, и теперь можно передохнуть.

Примусь я, пожалуй, как давно уже собирался, за изложение истории рода Тихих, чтобы там, в минувших поколениях, набраться сил, подобно Антею.

Основоположником главной ветви Тихих был Анонимус, окутанный тайной, которая теснейшим образом связана со знаменитым парадоксом Эйнштейна о близнецах: один из них летит в космос, а другой остается на Земле, после чего вернувшийся оказывается младше того, кто оставался. Когда затеяли первый эксперимент, чтобы разрешить этот парадокс, два молодых человека, Каспар и Иезекииль, вызвались добровольцами. В предстартовой суматохе усадили в ракету обоих вместе. Эксперимент таким образом сорвался и, хуже того, ракета вернулась через год лишь с одним близнецом. Он заявил, глубоко скорбя, что брат слишком сильно высунулся из ракеты, когда они пролетали над Юпитером. Этим полным боли словам не поверили и под аккомпанемент ожесточенной газетной травли обвинили его в братоедстве. Вещественным доказательством служила обвинению найденная в ракете поваренная книга, в которой глава «О засолке мяса в пустоте» была обведена красным. Нашелся, однако же, человек и благородный и рассудительный, а именно адвокат близнеца. Посоветовал он, чтобы обвиняемый рта не раскрывал

во время процесса, независимо от того, что будет твориться. Ведь суд, даже при наличии злой воли, не мог вынести обвинительный приговор моему предку, поскольку в тексте приговора необходимо проставить и фамилию, и имя обвиняемого. По-разному говорят об этом старые хроники: одни утверждают, что он и раньше назывался Тихим, другие – что это прозвище дали ему за упорное молчание, ибо он сохранил инкогнито до самой смерти.

Судьбе этого моего предка нельзя позавидовать. Клеветники и лгуны, которые всегда найдутся, утверждали, будто во время судебного разбирательства он облизывался каждый раз, когда упоминали имя брата; и ничуть их не смущало при этом, что неизвестно было, кто же тут чей брат. О дальнейшей жизни этого своего пращура я знаю не слишком много. Было у него восемнадцать детей, и он всякого навидался – некоторое время даже торговал вразнос детскими скафандрами.

Под старость он сделался доработчиком окончаний к литературным произведениям. Профессия эта малоизвестная, а потому следует объяснить, что состоит она в исполнении желаний, выражаемых любителями романов и пьес. Доработчик, приняв заказ, должен вжиться в атмосферу, в стиль и дух произведения, чтобы затем придать ему окончание, не сходное с авторским. В семейных архивах сохранились некоторые черновики, свидетельствующие о том, какими незаурядными способностями был наделен Тихий. Есть там версии «Отелло», в которых Дездемона душит мавра, а есть и такие, где он, она и Яго живут себе в добром согласии. Есть варианты Дантова ада, где особым мучениям подвергаются те люди, каких назвал заказчик.

Причем редко приходилось заменять трагические финалы счастливыми, чаще бывало наоборот. Богачи-гурманы заказывали моему предку эпилоги, в которых добродетель так и не могла восторжествовать, наоборот, тешился победой порок. Эти богатые заказчики безусловно руководствовались низменными побуждениями; однако предок мой, выполняя то, что ему заказано, создавал прямо-таки мастерские вещицы, а к тому же, хоть вроде и неумышленно, больше приближался к правде жизни, чем авторы произведений. Да и в конце концов он должен был заботиться о пропитании многочисленного семейства, поэтому делал что умел, раз навсегда возымев отвращение к космонавтике (что нетрудно понять).

От него повелись в роду нашем люди особого склада — талантливые, сосредоточенные, с оригинальным умом, часто даже склонные к чудачествам, упорные в достижении намеченной цели. В семейном архиве хранится множество документов, подтверждающих эти характерные черты.

Кажется, одна из побочных линий рода Тихих обитала в Австрии, а точнее говоря, в некогда существовавшей Австро-Венгерской монархии, ибо среди страниц древнейшей хроники нашел я выцветшую фотографию красивого юноши в кирасирском мундире, с моноклем и подкрученными усами, снабженную надписью на обороте: «К. и К⁷. кибер-лейтенант Адальберт Тихий». О деяниях сего лейтенанта я ничего не знаю, кроме того, что — как

---

⁷ К. и К (Kaiserlich und Koniglich — «императорский и королевский») обозначало службу в армии «двуетиной» Австро-Венгерской монархии.

предтеча технической микроминиатюризации во времена, когда она никому и не снилась, – выдвинул он проект пересадки кирасиров с коней на пони.

Гораздо больше сохранилось материалов, касающихся Эстебана Франциска Тихого, блестящего мыслителя, который – будучи несчастливым в личной жизни – жаждал изменить климат Земли, посыпая полярные области порошком сажи. Зачерненный снег должен был растаять, поглощая солнечные лучи; а освобожденные таким образом ото льдов просторы Гренландии и Антарктиды мечтал этот мой предок превратить в некий рай для человечества. Поскольку не нашел он сторонников этого плана, начал на свой страх и риск накапливать запасы сажи, что привело к супружеским раздорам, закончившимся разводом. Вторая его жена, Эвридика, была дочерью аптекаря, который за спиной у зятя выносил сажу из подвалов и продавал ее как лечебный уголь (*carbo animalis*). Когда аптекаря разоблачили, ни о чем не подозревавший Эстебан Франциск был также обвинен в изготовлении шарлатанских лекарств и поплатился за это конфискацией всего запаса сажи, накопленного в подвалах его дома за долгие годы. Глубоко разочаровавшись в людях, несчастливец преждевременно умер. Единственной его утехой в последние месяцы жизни было посыпать сажей заснеженный садик и наблюдать за оттепелью, которая от этой процедуры начиналась. Дед мой поставил ему в садике небольшой монумент с соответствующей надписью.

Дед этот, Иеремия Тихий, является одним из самых выдающихся представителей нашего рода. Воспитывался он в доме старшего брата, Мельхиора, известного своей

набожностью кибернетика и изобретателя. Не отличаясь особо радикальными взглядами, Мельхиор не стремился целиком автоматизировать богослужение, а хотел только прийти на помощь самым широким массам духовенства; поэтому сконструировал он несколько надежных, быстродействующих и удобных в обращении устройств, как-то: анафематор, отлучатель, а также специальный аппарат для проклятий с обратным ходом (чтобы их можно было отменить). Работы его, к сожалению, не нашли признания у тех, для кого он трудился, и, более того, их сочли еретическими. Со свойственным ему великодушием Мельхиор предоставил тогда своему приходскому священнику экземпляр отлучателя, давая таким образом возможность испытать его на самом себе. К сожалению, даже в этом ему было отказано. Опечаленный, разочарованный, он прекратил все работы в этом направлении и переметнулся — лишь как конструктор — в сферу восточных религий. Еще и сейчас пользуются известностью электрифицированные им буддийские молитвенные колеса — особенно сверхскоростные модели, достигающие 18000 молитв в минуту.

Иеремия, в противоположность Мельхиору, отнюдь не был склонен к примиренчеству. Не окончив школы, он продолжал обучение дома, по преимуществу в подвале, которому суждено было сыграть в его жизни весьма значительную роль. Отличительной чертой Иеремии была прямо-таки необычайная последовательность. Девяти лет от роду решил он создать Общую Теорию Всего, и ничто его от этого не удержало. Значительные трудности с формулированием мысли, которые он испытывал с самых

юных лет, возросли в результате несчастного случая на улице (дорожный каток сплющил ему голову). Но даже увечье не отвратило Иеремию от философии. Решил он стать Демосфеном мысли, верней, ее Стефенсом, ибо, подобно тому как изобретатель локомотива, сам не очень-то быстро передвигавшийся, принудил пар приводить в движение колеса, Иеремия хотел добиться, чтобы энергия электронов приводила в движение мысли.

Идею эту часто извращают, утверждая, что Иеремия Тихий проповедовал избиение электронных мозгов. Его девиз, по этим клеветническим вымыслам, якобы звучал так: «ЭНИАКа́м – по морде!» Это недостойное искажение его мысли; попросту имел он несчастье выступить со своими концепциями раньше времени.

Иеремия немало всего натерпелся. Малевали на стенках его дома оскорбительные прозвища вроде «мозгодав» и тому подобные; соседи писали доносы, что он нарушает ночную тишину криками и ругательствами, доносящимися из подвала, и осмеливались даже утверждать, будто он посягает на жизнь их детей, рассыпая всюду отравленные конфеты. Иеремия и вправду, подобно Аристотелю, не любил детей, но конфеты были предназначены для галок, опустошающих сад, о чем свидетельствовали сделанные на них надписи. Что же касается так называемых богохульств, которым он якобы обучал свои аппараты, то это были лишь возгласы разочарования, вырывавшиеся у него во время изнурительной лабораторной работы, когда ее результаты оказывались ничтожными.

Безусловно, было с его стороны неосторожностью применять в брошюрах (которые он издавал на собствен-

ный счет) термины грубоватые, даже вульгарные, поскольку такие выражения, как «трахнуть по лампе», «дать пинка», «гвоздануть», попадаясь в контексте рассуждений об электронных машинах, вполне могли сбить читателей с толку. Единственно также из духа противоречия – в этом я уверен – рассказывал он мистификаторскую побасенку, будто без дубинки никогда не принимался за программирование.

Иеремия отличался эксцентричностью, которая не облегчала его взаимоотношений с окружающими; его шутки не всякий мог оценить по достоинству (отсюда и возникло, например, дело о молочнике и обоих почтальонах, которые наверняка и без того свихнулись бы из-за наследственного отягощения, тем более что скелеты были на колесах, а яма не достигала и двух с половиной метров глубины). Кто способен, однако же, постичь извилистые пути гения? Говорили, будто Иеремия разорился, скупая электронные мозги для того, чтобы разбивать их вдребезги, и что груды обломков громоздились у него во дворе. Но разве он виноват был, что тогдашние электронные мозги, слишком ограниченные и недостаточно выносливые, не могли справиться с поставленными перед ними задачами? Если б они не разваливались так легко, Иеремия наверняка довел бы их в конце концов до создания Общей Теории Всего. Неудача ни в коей мере не дискредитирует его основной идеи.

Что касается семейных осложнений, то женщина, на которой женился Иеремия, находилась под сильным влиянием враждебно относившихся к нему соседей, которые склонили ее к даче ложных показаний; да и вообще –

электрические шоки очень полезны для формирования характера.

Чувствовал он себя одиноким и осмеянным и из-за тугоголовых специалистов, вроде профессора Груммбера, который назвал его электронным душегубом за то, что Иеремия однажды применил индукционный дроссель не по назначению. Груммбер был злюка и человек нестойкий, однако же за мгновение праведного гнева Иеремия поплатился четырехлетним перерывом в научной работе. И все потому, что не добился успеха. Ибо кто стал бы тогда интересоваться несовершенством его манер, поведения, образа жизни? Кто станет сплетничать о частной жизни Ньютона или Архимеда? К сожалению, Иеремия был преждевременным пророком, и ему пришлось за это расплачиваться.

Под конец жизни – точнее, на склоне лет – претерпел Иеремия поразительную метаморфозу, которая совершенно изменила его судьбу. А именно, наглухо запершись в своем подвале, из которого предварительно убрал все до одного обломки аппаратов, так что остался в пустых стенах, если не считать сбитого из досок лежака, табуретки да старого железного рельса, Иеремия уже до самой смерти не покинул своего убежища – вернее, добровольной темницы.

Была ли это темница? Был ли его поступок бегством от мира, покорным отступлением, отходом в бытие умерщвляющего плоть отшельника? Факты явно противоречат такому предположению. Не в тихих раздумьях проводил свою жизнь Иеремия, добровольно приняв затворничество. Через маленькое оконце в дверях подвала, кроме скуд-

ной порции хлеба и воды, подавали ему предметы, которые он требовал, – а требовал он все эти шестнадцать лет одно и то же: молотки различной формы и тяжести. Использовал он в итоге 3219 штук, а когда великое сердце перестало биться, нашли в подвале разбросанные по углам многие сотни молотков, проржавевших, сплюснутых от неимоверной нагрузки. Днем и ночью из подвала доносились звонкие удары, смолкавшие лишь когда добровольный узник подкреплял изнуренное тело либо после недолгого сна вносил в дневник записи, которые лежат сейчас передо мной. Видно из этих записей, что Иеремия не ослаб духом – наоборот, более, чем когда-либо собранный, сосредоточился он на одной цели. «Уж я с ней справлюсь!», «Уж я ее доведу до точки!», «Еще немножко, и я ее прикончу!» – такими заметками, набросанными характерным неразборчивым почерком, заполнены эти толстые тетради, все в металлических опилках. С кем хотел он справиться, кого собирался прикончить? Тайна эта остается неразгаданной, ибо Иеремия ни разу не назвал имени столь же загадочной, сколь, по-видимому, и мощной своей противницы.

Мне представляется, что решил он, во внезапном озарении, которое нередко посещает великие души, совершить на самом высоком уровне то, за что ранее принимался в гораздо более скромных масштабах. Тогда он ставил некоторые устройства в принудительные ситуации и наказывал их, чтобы добиться своего. Теперь же гордый старец добровольным заточением отгородился от своры низменных критиканов и через двери подвала вошел в историю, ибо – такова моя гипотеза – схватился с противницей, са-

мой могучей из возможных: за все шестнадцать труженических лет ни на миг не покидало его сознание, что он штурмует суть бытия – словом, что без колебаний, сомнений и жалости неустанно бьет материю!

С какой же целью он это делал? О, это ничуть не походило на поступок некоего монарха в древности, который велел высечь море, поглотившее его корабли. Провижу я в этом сизифовом труде, совершавшемся с таким героизмом, идею более чем поразительную. Будущие поколения поймут: Иеремия бил во имя человечества. Хотел он довести материю до предела, замучить ее, выбить из нее окончательную суть и таким образом победить. Что должно было тогда наступить? Полнейшая анархия поражения, физическое беззаконие? Или же возникновение новых законов? Это нам неизвестно. Узнают об этом когда-нибудь те, которые пойдут по стопам Иеремии.

Охотно закончил бы я на этом его историю, но как не добавить, что клеветники и далее плели немыслимый вздор, будто бы Иеремия укрывался в подвале от жены или кредиторов! Вот как оплачивает мир необычным людям за их величие!

Следующий, о ком говорится в записях, был Игорь Себастиан Тихий, сын Иеремии, аскет и кибермистик. На нем оканчивается земная ветвь нашего рода, ибо с той поры все потомки Анонимуса отправлялись в Галактику. Игорь Себастиан был созерцателем, и лишь поэтому, а не вследствие недоразвития, в чем его ложно обвинили, заговорил впервые на одиннадцатом году жизни. Как всякий истинный мыслитель-реформатор, он критическим взглядом заново окинул человека и, сделав это, пришел к убеж-

дению, что источником зла являются существующие в нас пережитки звериного, пагубные и для индивидуума, и для общества. В том, что он противопоставил мраку инстинктов ясность духа, не было еще ничего нового, но Игорь Себастиан шагнул дальше, чем отваживались его предшественники. «Человек, – сказал он себе, – должен вступить духом туда, где ранее властвовало лишь тело! »

Будучи необычайно одаренным стерохимиком, он после долгих лет поисков создал в реторте субстанцию, которая превратила эту мечту в реальность. Я говорю, разумеется, о знаменитом отвратине, пентазолидиновой производной C1=CC=C(C=C1)C2=CC=CC=C2C3=CC=CC=C3C4=CC=CC=C4C5=CC=CC=C5C6=CC=CC=C6C7=CC=CC=C7C8=CC=CC=C8C9=CC=CC=C9C10=CC=CC=C10C11=CC=CC=C11C12=CC=CC=C12C13=CC=CC=C13C14=CC=CC=C14C15=CC=CC=C15C16=CC=CC=C16C17=CC=CC=C17C18=CC=CC=C18C19=CC=CC=C19C20=CC=CC=C20C21=CC=CC=C21C22=CC=CC=C22C23=CC=CC=C23C24=CC=CC=C24C25=CC=CC=C25C26=CC=CC=C26C27=CC=CC=C27C28=CC=CC=C28C29=CC=CC=C29C30=CC=CC=C30C31=CC=CC=C31C32=CC=CC=C32C33=CC=CC=C33C34=CC=CC=C34C35=CC=CC=C35C36=CC=CC=C36C37=CC=CC=C37C38=CC=CC=C38C39=CC=CC=C39C40=CC=CC=C40C41=CC=CC=C41C42=CC=CC=C42C43=CC=CC=C43C44=CC=CC=C44C45=CC=CC=C45C46=CC=CC=C46C47=CC=CC=C47C48=CC=CC=C48C49=CC=CC=C49C50=CC=CC=C50C51=CC=CC=C51C52=CC=CC=C52C53=CC=CC=C53C54=CC=CC=C54C55=CC=CC=C55C56=CC=CC=C56C57=CC=CC=C57C58=CC=CC=C58C59=CC=CC=C59C60=CC=CC=C60C61=CC=CC=C61C62=CC=CC=C62C63=CC=CC=C63C64=CC=CC=C64C65=CC=CC=C65C66=CC=CC=C66C67=CC=CC=C67C68=CC=CC=C68C69=CC=CC=C69C70=CC=CC=C70C71=CC=CC=C71C72=CC=CC=C72C73=CC=CC=C73C74=CC=CC=C74C75=CC=CC=C75C76=CC=CC=C76C77=CC=CC=C77C78=CC=CC=C78C79=CC=CC=C79C80=CC=CC=C80C81=CC=CC=C81C82=CC=CC=C82C83=CC=CC=C83C84=CC=CC=C84C85=CC=CC=C85C86=CC=CC=C86C87=CC=CC=C87C88=CC=CC=C88C89=CC=CC=C89C90=CC=CC=C90C91=CC=CC=C91C92=CC=CC=C92C93=CC=CC=C93C94=CC=CC=C94C95=CC=CC=C95C96=CC=CC=C96C97=CC=CC=C97C98=CC=CC=C98C99=CC=CC=C99C100=CC=CC=C100C101=CC=CC=C101C102=CC=CC=C102C103=CC=CC=C103C104=CC=CC=C104C105=CC=CC=C105C106=CC=CC=C106C107=CC=CC=C107C108=CC=CC=C108C109=CC=CC=C109C110=CC=CC=C110C111=CC=CC=C111C112=CC=CC=C112C113=CC=CC=C113C114=CC=CC=C114C115=CC=CC=C115C116=CC=CC=C116C117=CC=CC=C117C118=CC=CC=C118C119=CC=CC=C119C120=CC=CC=C120C121=CC=CC=C121C122=CC=CC=C122C123=CC=CC=C123C124=CC=CC=C124C125=CC=CC=C125C126=CC=CC=C126C127=CC=CC=C127C128=CC=CC=C128C129=CC=CC=C129C130=CC=CC=C130C131=CC=CC=C131C132=CC=CC=C132C133=CC=CC=C133C134=CC=CC=C134C135=CC=CC=C135C136=CC=CC=C136C137=CC=CC=C137C138=CC=CC=C138C139=CC=CC=C139C140=CC=CC=C140C141=CC=CC=C141C142=CC=CC=C142C143=CC=CC=C143C144=CC=CC=C144C145=CC=CC=C145C146=CC=CC=C146C147=CC=CC=C147C148=CC=CC=C148C149=CC=CC=C149C150=CC=CC=C150C151=CC=CC=C151C152=CC=CC=C152C153=CC=CC=C153C154=CC=CC=C154C155=CC=CC=C155C156=CC=CC=C156C157=CC=CC=C157C158=CC=CC=C158C159=CC=CC=C159C160=CC=CC=C160C161=CC=CC=C161C162=CC=CC=C162C163=CC=CC=C163C164=CC=CC=C164C165=CC=CC=C165C166=CC=CC=C166C167=CC=CC=C167C168=CC=CC=C168C169=CC=CC=C169C170=CC=CC=C170C171=CC=CC=C171C172=CC=CC=C172C173=CC=CC=C173C174=CC=CC=C174C175=CC=CC=C175C176=CC=CC=C176C177=CC=CC=C177C178=CC=CC=C178C179=CC=CC=C179C180=CC=CC=C180C181=CC=CC=C181C182=CC=CC=C182C183=CC=CC=C183C184=CC=CC=C184C185=CC=CC=C185C186=CC=CC=C186C187=CC=CC=C187C188=CC=CC=C188C189=CC=CC=C189C190=CC=CC=C190C191=CC=CC=C191C192=CC=CC=C192C193=CC=CC=C193C194=CC=CC=C194C195=CC=CC=C195C196=CC=CC=C196C197=CC=CC=C197C198=CC=CC=C198C199=CC=CC=C199C200=CC=CC=C200C201=CC=CC=C201C202=CC=CC=C202C203=CC=CC=C203C204=CC=CC=C204C205=CC=CC=C205C206=CC=CC=C206C207=CC=CC=C207C208=CC=CC=C208C209=CC=CC=C209C210=CC=CC=C210C211=CC=CC=C211C212=CC=CC=C212C213=CC=CC=C213C214=CC=CC=C214C215=CC=CC=C215C216=CC=CC=C216C217=CC=CC=C217C218=CC=CC=C218C219=CC=CC=C219C220=CC=CC=C220C221=CC=CC=C221C222=CC=CC=C222C223=CC=CC=C223C224=CC=CC=C224C225=CC=CC=C225C226=CC=CC=C226C227=CC=CC=C227C228=CC=CC=C228C229=CC=CC=C229C230=CC=CC=C230C231=CC=CC=C231C232=CC=CC=C232C233=CC=CC=C233C234=CC=CC=C234C235=CC=CC=C235C236=CC=CC=C236C237=CC=CC=C237C238=CC=CC=C238C239=CC=CC=C239C240=CC=CC=C240C241=CC=CC=C241C242=CC=CC=C242C243=CC=CC=C243C244=CC=CC=C244C245=CC=CC=C245C246=CC=CC=C246C247=CC=CC=C247C248=CC=CC=C248C249=CC=CC=C249C250=CC=CC=C250C251=CC=CC=C251C252=CC=CC=C252C253=CC=CC=C253C254=CC=CC=C254C255=CC=CC=C255C256=CC=CC=C256C257=CC=CC=C257C258=CC=CC=C258C259=CC=CC=C259C260=CC=CC=C260C261=CC=CC=C261C262=CC=CC=C262C263=CC=CC=C263C264=CC=CC=C264C265=CC=CC=C265C266=CC=CC=C266C267=CC=CC=C267C268=CC=CC=C268C269=CC=CC=C269C270=CC=CC=C270C271=CC=CC=C271C272=CC=CC=C272C273=CC=CC=C273C274=CC=CC=C274C275=CC=CC=C275C276=CC=CC=C276C277=CC=CC=C277C278=CC=CC=C278C279=CC=CC=C279C280=CC=CC=C280C281=CC=CC=C281C282=CC=CC=C282C283=CC=CC=C283C284=CC=CC=C284C285=CC=CC=C285C286=CC=CC=C286C287=CC=CC=C287C288=CC=CC=C288C289=CC=CC=C289C290=CC=CC=C290C291=CC=CC=C291C292=CC=CC=C292C293=CC=CC=C293C294=CC=CC=C294C295=CC=CC=C295C296=CC=CC=C296C297=CC=CC=C297C298=CC=CC=C298C299=CC=CC=C299C300=CC=CC=C300C301=CC=CC=C301C302=CC=CC=C302C303=CC=CC=C303C304=CC=CC=C304C305=CC=CC=C305C306=CC=CC=C306C307=CC=CC=C307C308=CC=CC=C308C309=CC=CC=C309C310=CC=CC=C310C311=CC=CC=C311C312=CC=CC=C312C313=CC=CC=C313C314=CC=CC=C314C315=CC=CC=C315C316=CC=CC=C316C317=CC=CC=C317C318=CC=CC=C318C319=CC=CC=C319C320=CC=CC=C320C321=CC=CC=C321C322=CC=CC=C322C323=CC=CC=C323C324=CC=CC=C324C325=CC=CC=C325C326=CC=CC=C326C327=CC=CC=C327C328=CC=CC=C328C329=CC=CC=C329C330=CC=CC=C330C331=CC=CC=C331C332=CC=CC=C332C333=CC=CC=C333C334=CC=CC=C334C335=CC=CC=C335C336=CC=CC=C336C337=CC=CC=C337C338=CC=CC=C338C339=CC=CC=C339C340=CC=CC=C340C341=CC=CC=C341C342=CC=CC=C342C343=CC=CC=C343C344=CC=CC=C344C345=CC=CC=C345C346=CC=CC=C346C347=CC=CC=C347C348=CC=CC=C348C349=CC=CC=C349C350=CC=CC=C350C351=CC=CC=C351C352=CC=CC=C352C353=CC=CC=C353C354=CC=CC=C354C355=CC=CC=C355C356=CC=CC=C356C357=CC=CC=C357C358=CC=CC=C358C359=CC=CC=C359C360=CC=CC=C360C361=CC=CC=C361C362=CC=CC=C362C363=CC=CC=C363C364=CC=CC=C364C365=CC=CC=C365C366=CC=CC=C366C367=CC=CC=C367C368=CC=CC=C368C369=CC=CC=C369C370=CC=CC=C370C371=CC=CC=C371C372=CC=CC=C372C373=CC=CC=C373C374=CC=CC=C374C375=CC=CC=C375C376=CC=CC=C376C377=CC=CC=C377C378=CC=CC=C378C379=CC=CC=C379C380=CC=CC=C380C381=CC=CC=C381C382=CC=CC=C382C383=CC=CC=C383C384=CC=CC=C384C385=CC=CC=C385C386=CC=CC=C386C387=CC=CC=C387C388=CC=CC=C388C389=CC=CC=C389C390=CC=CC=C390C391=CC=CC=C391C392=CC=CC=C392C393=CC=CC=C393C394=CC=CC=C394C395=CC=CC=C395C396=CC=CC=C396C397=CC=CC=C397C398=CC=CC=C398C399=CC=CC=C399C400=CC=CC=C400C401=CC=CC=C401C402=CC=CC=C402C403=CC=CC=C403C404=CC=CC=C404C405=CC=CC=C405C406=CC=CC=C406C407=CC=CC=C407C408=CC=CC=C408C409=CC=CC=C409C410=CC=CC=C410C411=CC=CC=C411C412=CC=CC=C412C413=CC=CC=C413C414=CC=CC=C414C415=CC=CC=C415C416=CC=CC=C416C417=CC=CC=C417C418=CC=CC=C418C419=CC=CC=C419C420=CC=CC=C420C421=CC=CC=C421C422=CC=CC=C422C423=CC=CC=C423C424=CC=CC=C424C425=CC=CC=C425C426=CC=CC=C426C427=CC=CC=C427C428=CC=CC=C428C429=CC=CC=C429C430=CC=CC=C430C431=CC=CC=C431C432=CC=CC=C432C433=CC=CC=C433C434=CC=CC=C434C435=CC=CC=C435C436=CC=CC=C436C437=CC=CC=C437C438=CC=CC=C438C439=CC=CC=C439C440=CC=CC=C440C441=CC=CC=C441C442=CC=CC=C442C443=CC=CC=C443C444=CC=CC=C444C445=CC=CC=C445C446=CC=CC=C446C447=CC=CC=C447C448=CC=CC=C448C449=CC=CC=C449C450=CC=CC=C450C451=CC=CC=C451C452=CC=CC=C452C453=CC=CC=C453C454=CC=CC=C454C455=CC=CC=C455C456=CC=CC=C456C457=CC=CC=C457C458=CC=CC=C458C459=CC=CC=C459C460=CC=CC=C460C461=CC=CC=C461C462=CC=CC=C462C463=CC=CC=C463C464=CC=CC=C464C465=CC=CC=C465C466=CC=CC=C466C467=CC=CC=C467C468=CC=CC=C468C469=CC=CC=C469C470=CC=CC=C470C471=CC=CC=C471C472=CC=CC=C472C473=CC=CC=C473C474=CC=CC=C474C475=CC=CC=C475C476=CC=CC=C476C477=CC=CC=C477C478=CC=CC=C478C479=CC=CC=C479C480=CC=CC=C480C481=CC=CC=C481C482=CC=CC=C482C483=CC=CC=C483C484=CC=CC=C484C485=CC=CC=C485C486=CC=CC=C486C487=CC=CC=C487C488=CC=CC=C488C489=CC=CC=C489C490=CC=CC=C490C491=CC=CC=C491C492=CC=CC=C492C493=CC=CC=C493C494=CC=CC=C494C495=CC=CC=C495C496=CC=CC=C496C497=CC=CC=C497C498=CC=CC=C498C499=CC=CC=C499C500=CC=CC=C500C501=CC=CC=C501C502=CC=CC=C502C503=CC=CC=C503C504=CC=CC=C504C505=CC=CC=C505C506=CC=CC=C506C507=CC=CC=C507C508=CC=CC=C508C509=CC=CC=C509C510=CC=CC=C510C511=CC=CC=C511C512=CC=CC=C512C513=CC=CC=C513C514=CC=CC=C514C515=CC=CC=C515C516=CC=CC=C516C517=CC=CC=C517C518=CC=CC=C518C519=CC=CC=C519C520=CC=CC=C520C521=CC=CC=C521C522=CC=CC=C522C523=CC=CC=C523C524=CC=CC=C524C525=CC=CC=C525C526=CC=CC=C526C527=CC=CC=C527C528=CC=CC=C528C529=CC=CC=C529C530=CC=CC=C530C531=CC=CC=C531C532=CC=CC=C532C533=CC=CC=C533C534=CC=CC=C534C535=CC=CC=C535C536=CC=CC=C536C537=CC=CC=C537C538=CC=CC=C538C539=CC=CC=C539C540=CC=CC=C540C541=CC=CC=C541C542=CC=CC=C542C543=CC=CC=C543C544=CC=CC=C544C545=CC=CC=C545C546=CC=CC=C546C547=CC=CC=C547C548=CC=CC=C548C549=CC=CC=C549C550=CC=CC=C550C551=CC=CC=C551C552=CC=CC=C552C553=CC=CC=C553C554=CC=CC=C554C555=CC=CC=C555C556=CC=CC=C556C557=CC=CC=C557C558=CC=CC=C558C559=CC=CC=C559C560=CC=CC=C560C561=CC=CC=C561C562=CC=CC=C562C563=CC=CC=C563C564=CC=CC=C564C565=CC=CC=C565C566=CC=CC=C566C567=CC=CC=C567C568=CC=CC=C568C569=CC=CC=C569C570=CC=CC=C570C571=CC=CC=C571C572=CC=CC=C572C573=CC=CC=C573C574=CC=CC=C574C575=CC=CC=C575C576=CC=CC=C576C577=CC=CC=C577C578=CC=CC=C578C579=CC=CC=C579C580=CC=CC=C580C581=CC=CC=C581C582=CC=CC=C582C583=CC=CC=C583C584=CC=CC=C584C585=CC=CC=C585C586=CC=CC=C586C587=CC=CC=C587C588=CC=CC=C588C589=CC=CC=C589C590=CC=CC=C590C591=CC=CC=C591C592=CC=CC=C592C593=CC=CC=C593C594=CC=CC=C594C595=CC=CC=C595C596=CC=CC=C596C597=CC=CC=C597C598=CC=CC=C598C599=CC=CC=C599C600=CC=CC=C600C601=CC=CC=C601C602=CC=CC=C602C603=CC=CC=C603C604=CC=CC=C604C605=CC=CC=C605C606=CC=CC=C606C607=CC=CC=C607C608=CC=CC=C608C609=CC=CC=C609C610=CC=CC=C610C611=CC=CC=C611C612=CC=CC=C612C613=CC=CC=C613C614=CC=CC=C614C615=CC=CC=C615C616=CC=CC=C616C617=CC=CC=C617C618=CC=CC=C618C619=CC=CC=C619C620=CC=CC=C620C621=CC=CC=C621C622=CC=CC=C622C623=CC=CC=C623C624=CC=CC=C624C625=CC=CC=C625C626=CC=CC=C626C627=CC=CC=C627C628=CC=CC=C628C629=CC=CC=C629C630=CC=CC=C630C631=CC=CC=C631C632=CC=CC=C632C633=CC=CC=C633C634=CC=CC=C634C635=CC=CC=C635C636=CC=CC=C636C637=CC=CC=C637C638=CC=CC=C638C639=CC=CC=C639C640=CC=CC=C640C641=CC=CC=C641C642=CC=CC=C642C643=CC=CC=C643C644=CC=CC=C644C645=CC=CC=C645C646=CC=CC=C646C647=CC=CC=C647C648=CC=CC=C648C649=CC=CC=C649C650=CC=CC=C650C651=CC=CC=C651C652=CC=CC=C652C653=CC=CC=C653C654=CC=CC=C654C655=CC=CC=C655C656=CC=CC=C656C657=CC=CC=C657C658=CC=CC=C658C659=CC=CC=C659C660=CC=CC=C660C661=CC=CC=C661C662=CC=CC=C662C663=CC=CC=C663C664=CC=CC=C664C665=CC=CC=C665C666=CC=CC=C666C667=CC=CC=C667C668=CC=CC=C668C669=CC=CC=C669C670=CC=CC=C670C671=CC=CC=C671C672=CC=CC=C672C673=CC=CC=C673C674=CC=CC=C674C675=CC=CC=C675C676=CC=CC=C676C677=CC=CC=C677C678=CC=CC=C678C679=CC=CC=C679C680=CC=CC=C680C681=CC=CC=C681C682=CC=CC=C682C683=CC=CC=C683C684=CC=CC=C684C685=CC=CC=C685C686=CC=CC=C686C687=CC=CC=C687C688=CC=CC=C688C689=CC=CC=C689C690=CC=CC=C690C691=CC=CC=C691C692=CC=CC=C692C693=CC=CC=C693C694=CC=CC=C694C695=CC=CC=C695C696=CC=CC=C696C697=CC=CC=C697C698=CC=CC=C698C699=CC=CC=C699C700=CC=CC=C700C701=CC=CC=C701C702=CC=CC=C702C703=CC=CC=C703C704=CC=CC=C704C705=CC=CC=C705C706=CC=CC=C706C707=CC=CC=C707C708=CC=CC=C708C709=CC=CC=C709C710=CC=CC=C710C711=CC=CC=C711C712=CC=CC=C712C713=CC=CC=C713C714=CC=CC=C714C715=CC=CC=C715C716=CC=CC=C716C717=CC=CC=C717C718=CC=CC=C718C719=CC=CC=C719C720=CC=CC=C720C721=CC=CC=C721C722=CC=CC=C722C723=CC=CC=C723C724=CC=CC=C724C725=CC=CC=C725C726=CC=CC=C726C727=CC=CC=C727C728=CC=CC=C728C729=CC=CC=C729C730=CC=CC=C730C731=CC=CC=C731C732=CC=CC=C732C733=CC=CC=C733C734=CC=CC=C734C735=CC=CC=C735C736=CC=CC=C736C737=CC=CC=C737C738=CC=CC=C738C739=CC=CC=C739C740=CC=CC=C740C741=CC=CC=C741C742=CC=CC=C742C743=CC=CC=C743C744=CC=CC=C744C745=CC=CC=C745C746=CC=CC=C746C747=CC=CC=C747C748=CC=CC=C748C749=CC=CC=C749C750=CC=CC=C750C751=CC=CC=C751C752=CC=CC=C752C753=CC=CC=C753C754=CC=CC=C754C755=CC=CC=C755C756=CC=CC=C756C757=CC=CC=C757C758=CC=CC=C758C759=CC=CC=C759C760=CC=CC=C760C761=CC=CC=C761C762=CC=CC=C762C763=CC=CC=C763C764=CC=CC=C764C765=CC=CC=C765C766=CC=CC=C766C767=CC=CC=C767C768=CC=CC=C768C769=CC=CC=C769C770=CC=CC=C770C771=CC=CC=C771C772=CC=CC=C772C773=CC=CC=C773C774=CC=CC=C774C775=CC=CC=C775C776=CC=CC=C776C777=CC=CC=C777C778=CC=CC=C778C779=CC=CC=C779C780=CC=CC=C780C781=CC=CC=C781C782=CC=CC=C782C783=CC=CC=C783C784=CC=CC=C784C785=CC=CC=C785C786=CC=CC=C786C787=CC=CC=C787C788=CC=CC=C788C789=CC=CC=C789C790=CC=CC=C790C791=CC=CC=C791C792=CC=CC=C792C793=CC=CC=C793C794=CC=CC=C794C795=CC=CC=C795C796=CC=CC=C796C797=CC=CC=C797C798=CC=CC=C798C799=CC=CC=C799C800=CC=CC=C800C801=CC=CC=C801C802=CC=CC=C802C803=CC=CC=C803C804=CC=CC=C804C805=CC=CC=C805C806=CC=CC=C806C807=CC=CC=C807C808=CC=CC=C808C809=CC=CC=C809C810=CC=CC=C810C811=CC=CC=C811C812=CC=CC=C812C813=CC=CC=C813C814=CC=CC=C814C815=CC=CC=C815C816=CC=CC=C816C817=CC=CC=C817C818=CC=CC=C818C819=CC=CC=C819C820=CC=CC=C820C821=CC=CC=C821C822=CC=CC=C822C823=CC=CC=C823C824=CC=CC=C824C825=CC=CC=C825C826=CC=CC=C826C827=CC=CC=C827C828=CC=CC=C828C829=CC=CC=C829C830=CC=CC=C830C831=CC=CC=C831C832=CC=CC=C832C833=CC=CC=C833C834=CC=CC=C834C835=CC=CC=C835C836=CC=CC=C836C837=CC=CC=C837C838=CC=CC=C838C839=CC=CC=C839C840=CC=CC=C840C841=CC=CC=C841C842=CC=CC=C842C843=CC=CC=C843C844=CC=CC=C844C845=CC=CC=C845C846=CC=CC=C846C847=CC=CC=C847C848=CC=CC=C848C849=CC=CC=C849C850=CC=CC=C850C851=CC=CC=C851C852=CC=CC=C852C853=CC=CC=C853C854=CC=CC=C854C855=CC=CC=C855C856=CC=CC=C856C857=CC=CC=C857C858=CC=CC=C858C859=CC=CC=C859C860=CC=CC=C860C861=CC=CC=C861C862=CC=CC=C862C863=CC=CC=C863C864=CC=CC=C864C865=CC=CC=C865C866=CC=CC=C866C867=CC=CC=C867C868=CC=CC=C868C869=CC=CC=C869C870=CC=CC=C870C871=CC=CC=C871C872=CC=CC=C872C873=CC=CC=C873C874=CC=CC=C874C875=CC=CC=C875C876=CC=CC=C876C877=CC=CC=C877C878=CC=CC=C878C879=CC=CC=C879C880=CC=CC=C880C881=CC=CC=C881C882=CC=CC=C882C883=CC=CC=C883C884=CC=CC=C884C885=CC=CC=C885C886=CC=CC=C886C887=CC=CC=C887C888=CC=CC=C888C889=CC=CC=C889C890=CC=CC=C890C891=CC=CC=C891C892=CC=CC=C892C893=CC=CC=C893C894=CC=CC=C894C895=CC=CC=C895C896=CC=CC=C896C897=CC=CC=C897C898=CC=CC=C898C899=CC=CC=C899C900=CC=CC=C900C901=CC=CC=C901C902=CC=CC=C902C903=CC=CC=C903C904=CC=CC=C904C905=CC=CC=C905C906=CC=CC=C906C907=CC=CC=C907C908=CC=CC=C908C909=CC=CC=C909C910=CC=CC=C910C911=CC=CC=C911C912=CC=CC=C912C913=CC=CC=C913C914=CC=CC=C914C915=CC=CC=C915C916=CC=CC=C916C917=CC=CC=C917C918=CC=CC=C918C919=CC=CC=C919C920=CC=CC=C920C921=CC=CC=C921C922=CC=CC=C922C923=CC=CC=C923C924=CC=CC=C924C925=CC=CC=C925C926=CC=CC=C926C927=CC=CC=C927C928=CC=CC=C928C929=CC=CC=C929C930=CC=CC=C930C931=CC=CC=C931C932=CC=CC=C932C933=CC=CC=C933C934=CC=CC=C934C935=CC=CC=C935C936=CC=CC=C936C937=CC=CC=C937C938=CC=CC=C938C939=CC=CC=C939C940=CC=CC=C940C941=CC=CC=C941C942=CC=CC=C942C943=CC=CC=C943C944=CC=CC=C944C945=CC=CC=C945C946=CC=CC=C946C947=CC=CC=C947C948=CC=CC=C948C949=CC=CC=C949C950=CC=CC=C950C951=CC=CC=C951C952=CC=CC=C952C953=CC=CC=C953C954=CC=CC=C954C955=CC=CC=C955C956=CC=CC=C956C957=CC=CC=C957C958=CC=CC=C958C959=CC=CC=C959C960=CC=CC=C960C961=CC=CC=C961C962=CC=CC=C962C963=CC=CC=C963C964=CC=CC=C964C965=CC=CC=C965C966=CC=CC=C966C967=CC=CC=C967C968=CC=CC=C968C969=CC=CC=C969C970=CC=CC=C970C971=CC=CC=C971C972=CC=CC=C972C973=CC=CC=C973C974=CC=CC=C974C975=CC=CC=C975C976=CC=CC=C976C977=CC=CC=C977C978=CC=CC=C978C979=CC=CC=C979C980=CC=CC=C980C981=CC=CC=C981C982=CC=CC=C982C983=CC=CC=C983C984=CC=CC=C984C985=CC=CC=C985C986=CC=CC=C986C987=CC=CC=C987C988=CC=CC=C988C989=CC=CC=C989C990=CC=CC=C990C991=CC=CC=C991C992=CC=CC=C992C993=CC=CC=C993C994=CC=CC=C994C995=CC=CC=C995C996=CC=CC=C996C997=CC=CC=C997C998=CC=CC=C998C999=CC=CC=C999C1000=CC=CC=C1000C1001=CC=CC=C1001C1002=CC=CC=C1002C1003=CC=CC=C1003C1004=CC=CC=C1004C1005=CC=CC=C1005C1006=CC=CC=C1006C1007=CC=CC=C1007C1008=CC=CC=C1008C1009=CC=CC=C1009C1010=CC=CC=C1010C1011=CC=CC=C1011C1012=CC=CC=C1012C1013=CC=CC=C1013C1014=CC=CC=C1014C1015=CC=CC=C1015C1016=CC=CC=C1016C1017=CC=CC=C1017C1018=CC=CC=C1018C1019=CC=CC=C1019C1020=CC=CC=C1020C1021=CC=CC=C1021C1022=CC=CC=C1022C1023=CC=CC=C1023C1024=CC=CC=C1024C1025=CC=CC=C1025C1026=CC=CC=C102

бо по привычке. Акт этот должен был отныне стать жертвой на алтарь общественной пользы, мукой, добровольно принятой, и каждый плодящийся благодаря проявленной отваге включался в ряды героев, все, все, кто жертвует собой для других.

Как истинный исследователь, испробовал Игорь Себастиан действие отвратина сначала на самом себе, а чтобы доказать, что и после больших его доз можно иметь потомство, без устали, с величайшей самоотверженностью наплодил тринадцать детей. Жена его, говорят, не единожды сбегала из дому; кроется в этих слухах крупца истины, однако же главной причиной супружеских раздоров были, как и при жизни Иеремии, соседи, которые подстрекали не очень-то смышленную женщину против мужа, обвиняя Игоря Себастиана в издевательствах над женой, хотя он неоднократно объяснял им, что вовсе не мучит ее и лишь известный акт, ставший теперь источником страданий, превращает его дом в обиталище криков и стонов. Но что поделаешь, тупицы твердили свое как попугаи: мол, отец бил электромозги, а сын бьет жену.

Было это, однако, лишь прологом трагедии, ибо когда Игорь, не сыскав сторонников, вдохновленный идеей навеки очистить человека от похоти, приправил все колодцы городка отвратинном, разъяренная толпа избила его и лишила жизни, совершив постыдный самосуд. Ощущение грозящей опасности не было чуждо Игорю. Он понимал, что победа духа над телом сама собой не придет, о чем свидетельствуют многие страницы его работы, изданной посмертно на средства семьи. Писал он там, что за всякой великой идеей должна стоять сила, как об этом свидетель-

ствуют многочисленные примеры из истории, доказывающие, что лучше всех аргументов и уговоров защищает идею полиция. К сожалению, собственной полиции он не имел, а потому и кончил так грустно.

Нашлись, разумеется, клеветники, которые утверждали, что отец был садистом, а сын – мазохистом. В этом поклепе нет ни словечка истины. Хотя придется коснуться щекотливых вопросов, я должен это сделать, чтобы уберечь доброе имя нашей семьи от позора. Так вот, Игорь не был мазохистом: несмотря на самоотверженность, нередко приходилось ему прибегать к физической помощи двух преданных кузенов, которые, особенно после больших доз отвратина, придерживали его на супружеском ложе, откуда он, сделав дело, бежал как ошпаренный.

Сыновья Игоря не продолжили отцовского дела. Старший некоторое время занимался синтезом эктоплазмы, субстанции, хорошо знакомой спиритам (ее выделяют медиумы в трансе), но это у него не получалось, потому что – как он утверждал – маргарин, служивший исходным сырьем, был плохо очищен. Младший был вырождением в семье. Купили ему билет на корабль, идущий к звезде Мира Кита, которая вскоре после его прибытия погасла. О судьбе дочерей мне ничего не известно.

Одним из первых – после стопятидесятилетнего перерыва – космонавтов, или, как уже тогда говорили, космонаров, в нашей семье был прадед Пафнутий. Этот владелец звездного парома в одном из небольших галактических проливов перевез своим суденышком неисчислимое множество путешественников. Вел он тихую и мирную жизнь среди звезд в противоположность брату своему, Эв-

зебию, который стал корсаром – впрочем, уже в довольно солидном возрасте. Весельчак по натуре, отличающийся развитым чувством юмора, Эвзебий, которого вся команда звала «a practical joker⁸», замазывал звезды гуталином и разбрасывал по Млечному Пути маленькие фонарики, чтобы вводить в заблуждение капитанов; на сбившиеся же с курса ракеты он нападал и грабил пассажиров. Потом, однако, все возвращал ограбленным, приказывал лететь дальше, снова догонял их на своем черном ракетнике, шел на abordаж и грабил заново, – бывало, по шесть, а то и по десять раз подряд. Пассажиры света не видели из-за синяков.

И все же не был Эвзебий извергом. Попросту, годами подкарауливая корабли на звездных перекрестках, он ужасно скучал, и, если кто-нибудь ему наконец попадался, Эвзебий прямо не в силах был расстаться со своей жертвой сразу по окончании грабежа. Как известно, межзвездное корсарство с точки зрения финансовой не окупается – о чем лучше всего свидетельствует то, что оно практически не существует. Эвзебий Тихий действовал не из низких материальных побуждений, наоборот, вдохновлялся он древними идеалами, ибо жаждал возродить достопочтенную земную традицию морского пиратства, считая это своим предназначаем. Обвиняли его во многих отвратительных склонностях; нашлись и такие, что звали Эвзебия некрофилом, поскольку корабль его был окружен многочисленными останками космонаров. Нет ничего более ложного, чем эти мерзкие оговоры. В пустоте попросту невозможно похоронить безвременно усопшего, и нет

---

⁸ Шутник (англ.).

иного выхода, как вытолкнуть его через люк ракеты; то же, что он не отходит от ракеты, а кружит около осиротевшего корабля, объясняется законами ньютоновской механики, но не чьими-то извращенными вкусами. С течением времени количество тел, окружающих корабль этого моего родственника, действительно, порядком возросло: маневрируя, он двигался, словно в ореоле смерти, прямо как на гравюрах Дюрера; но, повторяю, творилось это не по его воле, а согласно законам природы.

Племянник Эвзебия и мой кузен, Аристарх Феликс Тихий, сосредоточил в себе самые ценные дарования, дотоле проявлявшиеся в нашей семье порознь. Он же, единственный из всех, добился успеха и прочного благосостояния благодаря гастронимической инженерии, именуемой также гастронавтикой, которую он блестяще развил.

Начатки этой отрасли техники относятся еще к концу XX века, но тогда она была известна в грубом и примитивном облике так называемой каннибализации ракет. Чтобы сэкономить материалы и место, начали применять для изготовления ракетных переборок и перегородок прессованные пищевые концентраты: крупяные, мучные, бобовые и тому подобные. Позже расширили сферу этой конструкторской деятельности – охватили ею также меблировку ракеты. Кузен мой лапидарно оценил качество тогдашней продукции, сказав, что на вкусном стуле не усидишь, а удобный вызывает несварение желудка.

Аристарх Феликс подошел к этому делу совершенно по-новому. Неудивительно, что Объединенная Альдебаранская Верфь первую свою трехступенчатую ракету (Закуска-Жаркое-Десерт) назвала его именем.

Теперь никого уже не изумляют распределительные щиты на сдобной основе (так называемые электропесочники), слоеные конденсаторы, макаронная изоляция, пряники (катушки из миндаля с медом, который хорошо проводит ток), наконец, окна из бронированного сахара; хотя, конечно, не всякому нравятся костюмы из яичницы или, к примеру, подушки из бисквита с орехами, либо из сдобы (из-за крошек в постели). Все это – дело рук моего кузена. Это он изобрел буксирные тросы-колбасницы, струдельные покрывала, одеяла из суфле, а также лапшево-манный привод; он же первый применил швейцарский сыр для охладителя. Заменив азотную кислоту лимонной, он сделал горючее превосходным освежающим напитком (и вдобавок безалкогольным!). Отлично действуют также его огнетушители с клюквенным кисельком – они одинаково надежно спасают и от пожара, и от жажды.

Были у Аристарха последователи, но никто из них не смог с ним сравниться. Некто Глобкинс пытался ввести в обиход ромовый торт с фитилем в качестве источника освещения; он потерпел полнейшее фиаско, потому что и света этот торт давал мало, и весь пропитывался копотью. Не нашлось также покупателей ни на его бифштексовые коврики для вытирания ног, ни на изоляционные пластины из халвы, которые лопались при первом же столкновении с метеорами. Это лишний раз доказывает, что мало иметь общую идею, ибо каждое конкретное решение, с ней связанное, должно быть творческим – как, например, гениальная в своей простоте придумка моего кузена, чтобы все пустые места ракетной конструкции заполнять пустой похлебкой, благодаря чему и вакуум получается, и наесться можно.

Думаю, что этого Тихого вполне по заслугам можно было бы назвать благодетелем космонавтики. Ее провозвестники не слишком давно, когда мы смотреть не могли на биточки из водорослей и супы из мхов и лишайников, уверяли нас, что именно на таких вот харчах человечество отправится к звездам. Благодарю покорно! Хорошо, что я дожил до лучших времен, — а то ведь сколько экипажей в дни моей юности погибло с голоду, дрейфуя среди темных течений пространства и имея на выбор всего лишь системе жеребьевки либо демократические выборы обычным большинством голосов. Со мной согласится каждый, кто помнит гнетущую атмосферу собраний, на которых обсуждались эти неприятные вопросы. Существовал даже проект Драплюсса, который некогда наделал немало шума, — чтобы по всей Солнечной системе равномерно рассеять в помощь потерпевшим крушение кашу манную либо гречневую, а также какао в порошке; но проект этот не был принят: во-первых, это обошлось бы дорого, а во-вторых, сквозь тучи какао нельзя было бы разглядеть навигационные звезды. И лишь гастронавтика освободила нас от этих проблем прошлого.

Когда вот так, по ветвям генеалогического древа, приближаюсь я, вступая в новейшие времена, к собственному появлению на свет, задача моя как хроникера нашего рода становится все более трудной. Не только потому, что легче обрисовать давних предков, которые вели оседлый образ жизни, чем их звездных потомков, но и потому, что в пустоте проявляется пока еще непонятное влияние физических явлений на семейную жизнь. Чувствуя себя беспомощным перед документами, которые не могу даже как

следует рассортировать, я отказываюсь от всякой попытки привести их в порядок и представлю их попросту в той очередности, в которой они сохранились. Вот опаленные скоростью страницы путевого дневника, который вел капитан звездного флота Всемир Тихий:

Запись 116303. Сколько уж лет живем мы без тяготения! Песочные часы не действуют, маятниковые остановились, в заводных отказывают пружины. Некоторое время мы наугад срывали листки календаря – но и это уже в прошлом. Единственными вехами остались для нас завтраки, обеды и ужины, но первое же расстройство пищеварения может начисто прикончить и этот счет времени. Приходится прервать запись, кто-то вошел – не то близнецы, не то это интерференция света.

Запись 116304. По бакборту планета, не обозначенная на картах. Несколько позже, во время полдника, метеор, к счастью маленький, пробил три камеры – барокамеру, камеру заключения и вытрезвительную. Велел зацементировать. За ужином – отсутствует кузен Патриций. Разговор с дедом Арабеусом о соотношении неопределенностей. Что же мы, собственно, знаем наверняка? Что мы в молодости отправились с Земли, что корабль свой назвали «Космоциклом», что дед и баба взяли с собой еще двенадцать супружеских пар, которые теперь составляют уже единую семью, связанную кровными узами. Беспокоюсь о Патриции; и кот тоже куда-то исчез. Заметил положительное влияние отсутствия гравитации на плоскостопых.

Запись 116305. Первенец дяди Хомутия такой быстрогоглазый и такой еще маленький, но уже невооруженным

глазом наблюдает нейтроны. Поиски Патриция дали негативный результат. Увеличиваем скорость. Во время маневра пересекли кормой изохрон. После ужина пришел ко мне тесть Хомутия, Амфотерик, и признался, что стал отцом самому себе, потому что его время захлестнулось в виде петли. Просил никому об этом не говорить. Я посоветовался с кузенами-физиками: они ничем помочь не могут. Кто знает, что еще ждет нас впереди!

Запись 116306. Я заметил, что подбородки и лбы у некоторых пожилых дядюшек и тетюшек постепенно отодвигаются назад. Эффект гироскопической рецессии, укорочение Лоренца-Фитцжеральда или следствие выпадения зубов и частых ударов лбом в переборки, когда раздается звонок, приглашающий к столу? Мчимся вдоль довольно большой туманности; тетка Барабелла выворожила – домашним способом, на кофейной гуще, – нашу дальнейшую траекторию. Провел расчеты на электрокалькуляторе – результат весьма приближенный!

Запись 116307. Короткая стоянка на планете Шатунов. Четыре человека не вернулись на корабль. При старте – левое сопло закупорено. Велел продуть. Бедный Патриций! В графе «причина смерти» я написал «рассеянность» – а что же еще?

Запись 116308. Дяде Тимотеусу снилось, что напали на нас разбивахи. К счастью, обошлось без жертв и потерь. На корабле становится тесно. Сегодня трое новорожденных и четыре переселения по причине разводов. У первенца дяди Хомутия глаза, как звезды. Чтобы увеличить метраж, велел всем теткам, которые постарше, отправиться в холодильники-гибернаторы. Сработал лишь аргумент,

что в состоянии обратимой смерти они не будут стареть. Теперь очень тихо и приятно.

Запись 116309. Приближаемся к скорости света, множество неизвестных феноменов. Появился новый тип элементарных частиц – шкварки. Не очень большие, слегка подгоревшие. Что-то странное творится с моей головой. Помню, что отца моего звали Барнаба, но был у меня и другой, по имени Балатон. А может, это озеро в Венгрии? Придется проверить по энциклопедии. Вижу, как младшие тетки квантово диффрагируют, не переставая при этом вязать на спицах. На третьей палубе воняет. Ребенок Хомутия совсем не ползает, а летает, пользуясь попеременно то передним, то задним выхлопом. Как чудесна эта биологическая адаптация организма!

Запись 116310. Был в лаборатории кузена Иезайи. Там не прекращается работа. Кузен сказал, что высшей фазой гастронавтики будет мебель не только съедобная, но и живая. Она не испортится, и не нужно будет до поры до времени держать ее в холодильнике. Только у кого поднимется рука зарезать живой стул? Пока их еще нет, но Иезайя утверждает, что вскоре угостит нас холодцом из ножек. Вернувшись в рулевую рубку, я долго размышлял над его словами. Он говорил о живых ракетах будущего. Можно ли будет иметь ребенка от такой ракеты? Что за мысли приходят мне в голову!

Запись 116311. Дед Арабеус жаловался мне, что его левая нога касается Полярной звезды, а правая – Южного Креста. Кроме того, он, пожалуй, что-то замышляет, потому что все время ходит на четвереньках. Придется мне повнимательней следить за ним. Исчез Балтазар, брат Ие-

зайи. Неужели квантовая дисперсия? Разыскивая его, я обнаружил, что в атомной камере полно пыли. Год не подметали! Снял Бартоломея с должности камергера, назначил его свояка Титуса. Вечером в салоне, во время выступления тетки Мелании, внезапно взорвался дед. Я велел его зацементировать. Сделал это чисто рефлекторно. Не отменил приказа, чтобы не поставить под сомнение свой авторитет капитана. Очень мне жалко деда. Что это у него, гнев или аннигиляция? Он всегда был нервный. Захотелось мне во время вахты чего-нибудь мясного, и я съел кусочек мороженой телятины из холодильника. Вчера оказалось, что пропал листок, на котором была записана цель путешествия; жаль, ведь летим мы уже примерно лет тридцать шесть. В телятине, странное дело, было полным-полно дробы – с каких это пор в телят стреляют из дробовиков? Рядом с нами летит метеор, на котором кто-то сидит. Это Бартоломей первым его заметил. Я пока делаю вид, что не замечаю.

Запись 116312. Кузен Бруно утверждает, что это был не простой холодильник, а губернатор, что он сам для смеху перевесил таблички и мне попалась не дробь, а бу-сы. Я подскочил до потолка: в безгравитационном пространстве никакие сцены не получаются – нельзя ни топнуть, ни кулаком по столу хватить. Напрасно я этого Бруно взял к звездам. Послал его на самую паскудную работу – будет распутывать пряжу на корме.

Запись 116313. Космос поглощает нас. Вчера оторвало часть кормы с туалетами. Там как раз был дядя Палександр. Бессильный, смотрел я, как он тает во мраке, а развешивающиеся ленты туалетной бумаги тоскливо трепетали в

пустоте. Настоящая группа Лаокоона среди звезд. Что за несчастье! Тот, что на метеоре, никакой не родственник, совершенно чужой человек. Летит, сидя верхом. Это наводит на размышления. Дошли до меня слухи, будто бы немало народу украдкой высадилось. Действительно, становится как-то просторнее. Неужели это правда?

Запись 116314. У кузена Роланда, который ведет нашу бухгалтерию, масса трудностей. Вчера он при мне мучился, подсчитывая перевезенные уже невесто-тонны с эйнштейновской поправкой на потерю невинности. Подсчитывая, вдруг поднял голову, посмотрел мне в глаза и сказал: «Человек – как это звучит!» Эта мысль озадачила меня. Дядя Хомутий закончил свою «Теорию роботов» и теперь разрабатывает новую систему – там будут особые посты или так называемые голодни (речь идет о времени). Дед Арабеус мне не нравится. Сочиняет каламбуры. «Каламбур, – сказал он мне, – это значит, что я засоряю лес, а много детей мужского пола – это синкопы». Маленький Пызя, тот, что реактивно летает и вместо «п» говорит «ф» («фланета» вместо «планета», а зато – «планелевые штаны») бросил – это лишь теперь выяснилось – кот в резервуар с содой, которая поглощает у нас двуокись углерода. Бедный котик распался на двукотан соды.

Запись 116315. Сегодня нашел у дверей младенца мужского пола с пришпиленной к пеленкам запиской: «Это твой». Ничего не знаю, неужели это стечение обстоятельств? Выстелил ему ящик старыми документами.

Запись 116316. В космосе пропадает масса носков и носовых платков, кроме того, время совершенно распадается: я заметил за завтраком, что дед и бабка намного мо-

ложе меня. Были также случаи дяделизма. Велел кузену Роланду произвести переучет – гибернаторы открыты, всех размораживаю. У многих теток насморк, кашель, синие носы, распухшие красные уши; некоторые закатили истерику. Я ничего не мог поделывать. Что наиболее странно – среди воскресших оказался теленок. Зато не хватает тетки Матильды: неужели Бруно и вправду не шутил или, вернее, и вправду шутил?

Запись 116317. Перед входом в атомную камеру есть каморка. Когда я сидел там, пришла мне в голову забавная мысль – может, мы вообще не стартовали и торчим на Земле! Но нет – ведь тяготение-то отсутствует. Это сообщение успокаивает. Однако же я проверил, что держу в руке, – оказалось, молоток. Может, меня зовут вообще-то Иеремией? Бил я по какой-то болванке и что-то странно себя почувствовал. Надо привыкать. Принцип Паули, что отдельная личность может вмещать лишь одну индивидуальность, мы оставили далеко позади. Возьмем хотя бы родительскую эстафету, для нас в космосе уже привычную, когда несколько женщин по очереди рожают одного и того же ребенка (это касается также и отцов) вследствие громадной скорости. Пызя еще совсем недавно был малышом, а сегодня, когда мы с ним в столовой, одновременно потянувшись за мармеладом, стукнулись лбами, он отбросил меня под самый потолок! Хоть время и запуталось, и перекрутилось, даже петлями захлестнулось, а все же – как оно летит!

Запись 116318. Арабеус рассказывал мне сегодня, что он всегда питал тайную надежду, будто звезды и ракеты имеют одну только сторону – ту, что обращена к нам, а

позади лишь пыльные стеллажи да веревки. Так вот почему он полетел к звездам! Открыл он мне также, что некоторые женщины что-то кладут в бельевые шкафы – по его мнению, не только белье, но и яйца. Это могло бы свидетельствовать о стремительном регрессе в эволюционном смысле. Ему, наверное, было неудобно вот так задирать ко мне голову, стоя на четвереньках. Беспокоит меня его младший брат. Восьмой год стоит у меня в передней, вытянув вперед указательные пальцы. Может, у него начинается кататония? Сначала машинально, а потом по привычке начал я вешать на него пальто и шляпу. Он может по крайней мере сказать себе, что и от него есть какая-то польза.

Запись 116319. Становится все более пусто. Дифракция, сублимация – или попросту все переходят вследствие эффекта Допплера в инфракрасную область спектра? Орал сегодня во весь голос на средней палубе, и никто не появился, кроме тетки Клотильды со спицами и недоконченной перчаткой. Пошел в лабораторию – кузены Митрофан и Аларик, чтобы исследовать траекторию шкварок, топили свиное сало и лили жир в воду. Аларик заявил мне, что в нашем положении гаданье надежней, чем камера Вильсона. Но почему, окончив расчеты, он все съел? Не понимаю, а спросить его не решился. Исчез прадеда Эмерик.

Запись 116320. Прадеда Эмерик нашелся. Каждые две минуты он восходит с регулярностью, достойной лучшего применения, на бакборте; в верхнем оконце видно, как он достигает зенита, после чего заходит на штирборте. Ни чуточки не изменился, даже на орбите последнего отдохновения! Но кто и когда его выпихнул? Ужасная мысль!

Запись 116321. Дядя так точен, что по его восходам и заходам можно секундомеры регулировать. Что самое странное, он начал отбивать часы. Не могу этого понять.

Запись 116322. Он просто задевает ногами о верх корпуса в самой низкой точке своей орбиты, и края его подошв либо каблуки ударяют по головкам заклепок на обшивке. Сегодня после завтрака он пробил тринадцать – случай или предзнаменование? Незнакомец на метеоре несколько отстал. Продолжает лететь неподалеку. Сел я сегодня за стол, чтобы сделать запись, а стул говорит мне: «Как странен этот мир!» Я подумал, что кузен Иезайя добился успеха, но это был всего лишь дед Арабеус. Сообщил мне, что он – инвариант, то есть тот, кому все равно, так что я могу не вставать. Кричал я сегодня целый час на верхней палубе и на пандусе. Ни души нигде. Только клубки шерсти и спицы летали в воздухе да пара карточных колод для пасьянса.

Запись 116323. Существует особый метод, чтобы сохранить душевное равновесие, – выдумывают разных несуществующих людей. Что, если я давно уже этим подсознательно занимаюсь? Но как давно? Сiju на упорно молчащем Арабеусе с хнычущим ребенком в ящике – я назвал мальчика Ийоном – и кормлю его из бутылочки, тревожась, где же я теперь найду ему жену; пока еще время вроде есть, но в этих условиях ничего не известно. Сiju вот так и лечу...

Это последние слова моего отца, записанные в дневнике, – остальные страницы отсутствуют. Я тоже сiju в ракете и читаю, как кто-то другой, то есть он, сидел в ракете

и летел. Итак, он сидел и летел, и я тоже сижу и лечу. Так кто же, собственно, сидит и летит? Неужели меня вообще нет? Но корабельный дневник сам себя читать не может. Значит, я все же существую, поскольку читаю его. А может, все это подстроено? Вымышлено? Странные мысли...

Допустим, что он не сидел и не летел, однако я по-прежнему сижу летя, то есть лечу сидя. Это несомненно. В самом ли деле? Самое несомненное – что я читаю о том, который летит и сидит. Что же касается моего сидения и полета, то как я могу в этом удостовериться? Комнатка обставлена довольно убого, это скорей каморка – наверное, в межпалубном пространстве; но на чердаке у нас была точь-в-точь такая. Достаточно, правда, выйти за порог, чтобы проверить, не иллюзия ли это. Ну, а если это иллюзия и если она продолжится за порогом? И нет ничего решающего? Этого не может быть! Потому что, если бы дело обстояло так, что я не лечу и не сижу, а только читаю о том, что отец летел и сидел (причем на самом деле и он не летел), то это означало бы, что я через свою иллюзию познаю его иллюзию или же мне кажется, что ему кажется. Или, может, мне кажется то, что ему представляется? Иллюзия в иллюзии? Допустим, но отец ведь писал еще и о том, который летит, сидя верхом на метеоре. С ним-то получается, пожалуй, совсем плохо. Мне кажется, что отцу казалось, что тот сидит верхом, а если и тому тоже лишь казалось, так совсем уж ничего не известно.

Голова у меня разболелась, и опять, как вчера и позавчера, приходится думать о епископах в фиолетовых сутанах и о синих носах, о васильковых глазах, о голубом Дунае и фиолетовой телятине. Почему? И я знаю, что в пол-

ночь, когда прибавлю скорость, буду думать о яичнице – точнее, о глазунье с большими желтками, о моркови, меде и о пятках тети Марины – так же, как всегда в полночь... Ах! Понимаю! Это же эффект передвижения мысли то в ультрафиолетовую область спектра, то – из-за разлития желчи – в инфракрасную, то есть психический эффект Допплера! Это очень важно! Ведь это могло бы служить доказательством, что я лечу! Доказательство движением, *demonstratio ex motu*, как говорили схоласты! Значит, я и вправду лечу...

Да. Но ведь кому угодно могут прийти в голову яйца, пятки и епископ. Это не точное доказательство, а лишь предположение. Что же тогда остается? Солипсизм? Существоваю лишь я сам, никуда не летя... Но это означало бы, что не существовали ни Анонимус Тихий, ни Иеремия, ни Игорь, ни Эстебан, ни Всемир, что не было Барнабы, Эвзебия, «Космоцикла», что я никогда не лежал в ящике отцовского письменного стола и что отец не летел, усевшись на деда Арабеуса, – ну, а это невозможно! Что ж я, из ничего вывел такую массу людей и семейных историй? Ведь *ex nihilo nihil fit*⁹! А значит, семья существовала; это она помогла мне вернуть веру в мир и в этот полет мой, с неисповедимым концом! Все спасено благодаря вам, мои предки!

Вскоре вложу я эти исписанные листки в пустой бочонок из-под кислорода и брошу его в водоворот за бортом – пускай плывет в черную даль, ибо я лечу и лечу долгие годы...

---

⁹ Ничто не бывает из ничего (*лат.*).

СПАСЕМ КОСМОС

Открытое письмо Ийона Тихого

После длительного пребывания на Земле я собрался в дорогу, чтобы посетить места, полюбившиеся мне по моим прежним путешествиям, – гигантские шары Персея, созвездие Тельца и большое звездное облако у ядра Галактики. Везде я нашел перемены, о которых мне тяжело писать, потому что эти перемены не к лучшему. Сейчас много говорят о распространении космического туризма. Без сомнения, туризм – прекрасная вещь, но все хорошо в меру.

Беспорядок начинается сразу же за порогом. Пояс астероидов между Землей и Марсом в плачевном состоянии. Эти некогда монументальные каменные глыбы, погруженные в вечную ночь, сейчас освещаются электричеством, и вдобавок каждый утес все больше и больше покрывается трудолюбиво высеченными инициалами и монограммами.

Особенно полюбившийся флиртующим парочкам Эрос сотрясается от ударов, которыми разные доморощенные каллиграфы выбивают в его коре памятные надписи. Несколько оборотистых ловкачей дают напрокат молоты, долота и даже пневматические дрели, и теперь невозможно найти ни одной девственной скалы в когда-то диком урочище.

Куда ни глянь, везде наталкиваешься на кошмарные тексты, вроде: «В твою любовь я окунулся, словно в море, на этом старом метеоре», «Над этим астероидом чудесным

вся наша страсть парила, словно песня» и тому подобные, вкупе с безвкусными, пробитыми стрелами сердцами.

На Церере, которую почему-то облюбовали многодетные семьи, процветает настоящий фотографический бандитизм. Там рыскает множество фотографов, которые не только предлагают скафандры для позирования, но и покрывают скалы специальной эмульсией и за небольшую плату увековечивают на них целые экскурсии, а выполненные таким образом огромные снимки для прочности покрывают глазурью. Семьи – отец, мать, дедушки и бабушки, дети, – приняв соответствующие позы, улыбаются с каменных утесов, что, как я прочитал в каком-то рекламном проспекте, должно создавать «семейную атмосферу».

Что касается Юноны, то этой некогда такой прекрасной планетки почти не существует: каждый, кому заблагорассудится, отковыривает от нее куски и разбрасывает их в пространство. Не пощадили ни железоникелевых метеоритов – они пошли на запонки и перстни-сувениры, – ни комет. Редко какая из них появляется теперь с целым хвостом.

Я надеялся, что сбегу от этой толчеи космобусов, семейных портретов на скалах и графоманских стишков, когда выберусь за пределы Солнечной системы, но где там!

Профессор Брюкке из обсерватории жаловался мне недавно, что меркнет свет обеих звезд Центавра. А как же может быть иначе, если все окрестности завалены мусором?! Вокруг тяжелой планеты Сириуса, которая является, так сказать, гвоздем этой системы, образовались кольца, напоминающие кольца Сатурна, но состоящие из бутылок

из-под пива и лимонада. Пролетающим здесь космонавтам приходится обходить не только метеорные потоки, но и пустые консервные банки, яичную скорлупу и старые газеты. Есть места, где за всем этим мусором не видно звезд. Астрофизики годами ломают себе голову над причиной неравномерного распределения космической пыли в различных галактиках. Я думаю, что разгадка проста — чем выше цивилизация галактики, тем больше там намусорено, отсюда вся эта пыль, сор и отбросы.

Это проблема не столько для астрофизиков, сколько для подметальщиков. Как видно, и в других галактиках не умеют ее решать, но, по правде говоря, это слабое утешение.

Достойной осуждения забавой является также плевание в пустоту, ведь слюна, как и всякая другая жидкость, при низкой температуре замерзает, и столкновение с ней может легко привести к катастрофе. Неловко даже говорить об этом, но лица, плохо переносящие путешествия, похоже, считают Космос чем-то вроде плевательницы, словно не знают, что следы их недомогания кружатся потом миллионы лет по своим орбитам, возбуждая у туристов неприятные ассоциации и понятную брезгливость.

Особую проблему составляет алкоголизм.

За Сириусом я попытался сосчитать развешенные в пустоте гигантские надписи, рекламирующие «Марсианскую горькую», «Галактик», «Лунную особую» или «Спутник отборный», но вскоре, сбившись со счета, прекратил это бесполезное занятие. Знакомые пилоты рассказывали мне, что некоторые небольшие космодромы вынуждены были перейти со спиртового топлива на азотную

кислоту: иногда из-за отсутствия горючего откладывались срочные полеты. Патрульная служба утверждает, что в пространстве трудно распознать пьяного издалека: все объясняют свои неверные движения и шатающуюся походку отсутствием силы тяжести. Но надо сказать, что отношение к клиентам на некоторых станциях обслуживания вызывает негодование. Я как-то попросил наполнить резервные баллоны кислородом, затем, удалившись на неполный парсек, услышал странное бульканье и обнаружил в баллонах чистый спирт! Начальник станции, когда я на нее вернулся, утверждал, что я, говоря с ним, якобы моргал. Возможно, я действительно моргал, так как страдаю конъюнктивитом, но разве это оправдывает такое положение вещей?

Совершенно невыносим балаган на основных трассах. Не вызывает удивления и огромное количество аварий, поскольку множество лиц систематически летает с недозволенной скоростью. Это относится главным образом к женщинам, так как, путешествуя с большой скоростью, они замедляют течение времени и поэтому меньше стареют. Часто также встречаются старые космобусы, которые загрязняют всю эклиптику выхлопными газами.

Когда на Полиндронии я потребовал книгу жалоб, мне ответили, что накануне ее уничтожил метеор. Плохо обстоят дела и со снабжением кислородом. В шести световых годах от Белурии его уже нигде нельзя достать; в результате люди, которые приехали туда в туристских целях, вынуждены укладываться в холодильники и ждать в состоянии обратимой смерти, пока придет очередной транспорт с воздухом, так как им просто нечем дышать, чтобы

поддерживать жизнь. Когда я туда прилетел, на космодроме не было ни одной живой души, все охлаждали в гибернаторах, но в буфете я обнаружил полный комплект напитков – от ананасов в коньяке до плзеньского пива...

Санитарное состояние, особенно на планетах, относящихся к Большому заповеднику, – вопиющее. В «Голосе Мерситурии» я читал статью, автор которой призывал перебить до единого таких прекрасных животных, как подкрады-проглотники. У этих хищников на верхней губе имеются полосы самосветящихся бородавок, образующих различные узоры. Дело в том, что на протяжении последних лет все чаще появляется разновидность, у которой бородавки образуют узоры в виде двух нулей. Такие особи обычно подбираются к туристским кемпингам и ночью в темноте ждут с широко разинутой пастью туристов, ищущих укромного местечка. Но разве автор статьи не понимает, что животные совершенно не виноваты и что нужно обвинять не их, а организации, ответственные за отсутствие необходимых санитарных устройств.

На той же Мерситурии отсутствие коммунальных удобств вызвало целую серию генетических мутаций у насекомых.

В местах, с которых открывается хорошая перспектива, нередко можно увидеть удобные плетеные кресла, словно приглашающие отдохнуть усталого пешехода. Но если поддавшийся искушению турист опустится в такое кресло, на него обрушится туча насекомых. То, что казалось мебелью, превращается в тысячи пятнистых муравьев (муравей стульник мучипула, *multipodium pseudostellatum Trylopilii*), которые, соответствующим образом распо-

живших друг на друге, прикидываются плетеным креслом. До меня дошли слухи, что некоторые другие разновидности членистоногих (хрипула недовлетка, мочистик пресник и мокрец грубный) прикидывались киосками с газированной водой, гамаками и даже душами с кранами и полотенцами, но за точность этих сообщений я не могу поручиться, поскольку сам ничего подобного не видел, а специалисты мимикрологи хранят молчание. Зато необходимо предостеречь от довольно редкой разновидности змеенога телескопника (*anencephalus pseudoopticus tripediklaczkinensis*). Телескопник также устраивается в местах с привлекательным видом, расставляя свои тоненькие длинные ноги в форме треножника, расширенным тубусом хвоста нацеливается на красивый пейзаж, слюной же, наполняющей полость рта, имитирует линзу подзорной трубы и таким образом может соблазнить заглянуть в него, что для неосторожного кончится весьма неприятно. Другая змея, уже на планете Гауримахия, двуличка подставная (*serpens vitiosus Reichenmantlii*), укрывается в кустах и подставляет неосторожному прохожему хвост, чтобы тот споткнулся и упал, но, во-первых, этот гад питается исключительно блондинами, а во-вторых, никем не прикидывается. Космос – не детский садик, а биологическая эволюция – не идиллия. Нужно издавать брошюры типа тех, которые я видел на Дердимоне. В них ботаников-любителей предостерегают от свирепки чудливой (*Pliximiglaguia bombardans* L.). Она расцветает великолепными цветами, но не стоит поддаваться искушению их сорвать, поскольку свирепка живет в тесном симбиозе с дробилкой каменкой – деревом, дающим плоды размером

с тыкву, но рогатые. Достаточно сорвать один цветок, и на голову неосторожного коллекционера растений обрушится град твердых, как камень, снарядов. Ни свирепка, ни каменка не делают умерщвленному ничего плохого, ибо довольствуются естественными результатами его гибели — он удобряет почву вокруг них.

Впрочем, чудеса мимикрии встречаются на всех планетах Заповедника. Так, например, саванны Белурии переливаются радугой от покрывающих их разнообразнейших цветов, среди которых выделяется изумительной красотой и запахом пунцовая роза (*rosa mendatrix Tichiana*, как пожелал назвать ее профессор Пингль, потому что я первый ее описал). Мнимый цветок на самом деле является наростом на хвосте удальца, белурийского хищника. Проголодавшийся удилец прячется в чаще, выбросив далеко вперед свой необыкновенно длинный хвост, так, что из травы выступает только цветок. Ничего не подозревающий турист подходит, чтобы его понюхать, и тогда чудовище прыгает на него сзади. Хищник имеет клыки почти такой же длины, как у слона. Вот как удивительно сбывается космический вариант поговорки: «Нет розы без шипов!»

Хотя я и уклоняюсь от темы, не могу удержаться от соблазна рассказать о другом белурийском чуде, каковым является дальняя родственница картофеля — горечница *разумная* (*gentiana sapiens suicidalis Pruck*). У нее очень вкусные клубни, а название ее происходит от некоторых душевных свойств. Дело в том, что у горечницы из-за мутаций иногда образуются вместо обычных мучнистых клубней маленькие мозги. Эта ее разновидность, горечница *безумная* (*gentiana mentecapta*), по мере роста начинает ис-

пытывать беспокойство, выкапывается, уходит в лес и предаётся там одиноким размышлениям. Обычно она приходит к выводу, что жить не стоит, и кончает самоубийством, поняв всю горечь существования. Для человека горечница не опасна в противоположность другому белурийскому растению – бешонии. С помощью естественной адаптации она приспособилась к тем условиям среды, какие создают несносные дети, которые, неустанно бегая, толкаясь и пиная все, что попадаетеся, с особым удовольствием колотят яйца быстропрыга заднекрылого. Плоды бешонии идеально похожи на эти яйца. Ребенок, считая, что видит яйцо, дает выход жажде уничтожения и, пиная его, разбивает скорлупу; благодаря этому замкнутые в псевдо-яйце споры вырываются на свободу и проникают в детский организм. Зараженный ребенок развивается в индивида, внешне совершенно нормального, но через некоторое время его охватывает неизлечимая лихорадка: игра в карты, пьянство, распутство составляют очередные этапы, после которых наступает либо смертельный исход, либо головокружительная карьера. Не раз я слышал мнение, что бешонию необходимо истребить. Тем, кто это говорит, не приходит в голову более простой выход – воспитывать детей так, чтобы они не пинали все, что попадаетеся на чужих планетах.

По природе я оптимист и стараюсь в меру своих сил сохранить хорошее мнение о человеке, но, честно говоря, это не всегда удастся. На Протостенезе живет маленькая птичка, аналогичная нашему земному попугаю, но она не разговаривает, а пишет на заборах, и чаще всего, увы, непристойные выражения, которым ее учат земные туристы.

Эту птичку некоторые люди умышленно приводят в ярость, указывая ей на орфографические ошибки. От злости она начинает проглатывать все, что увидит. Ей под клюв подсовывают имбирь, перец, а также род травы, издающий в момент восхода солнца протяжный вопль (это приправа, используемая также иногда вместо будильника). Когда птичка погибает от обжорства, ее нанизывают на вертел. Птичка называется писачек-передразник (*grafomanus spasmaticus Essenbachii*). Этому редкому виду грозит полное уничтожение, поскольку каждый турист, естественно, точит зубы на деликатес, каким считается печеный писачек в соусе.

И опять-таки некоторые лица считают, что если мы употребляем в пищу существа других планет, то все в порядке, когда же происходит обратное, они поднимают ужасный шум, вызывают о помощи, требуют карательных экспедиций и т. п. А ведь любые обвинения космической фауны или флоры в двуличии и коварстве являются антропоморфическим абсурдом.

Если путальник прохвостный, который своим обликом напоминает истлевший пень, встав на задние лапы и приняв соответствующую позу, притворяется дорожным указателем на горной тропе, чтобы путешественники сбились с пути, а когда они падают в пропасть, спускается вниз, чтобы подкрепиться, если, повторяю, он так делает, то лишь потому, что служба порядка не следит в Заповеднике за дорожными знаками, с которых облезает краска, от этого они гниют и становятся похожи на упомянутое животное. Каждый на его месте делал бы то же самое.

Пресловутые миражи Стредогенции обязаны своим

существованием исключительно низким человеческим наклонностям. Прежде на Стредогенции росли многочисленные студники, а тепляки почти не встречались. В настоящее время эти последние неслыханно размножились, над их зарослями искусственно нагретый воздух, дифрагируя, создает миражи баров, которые привели к гибели уже многих пришельцев с Земли. Говорят, что виной всему тепляки. Но почему же создаваемые ими миражи не копируют школы, книжные магазины или концертные залы? Почему они всегда показывают только места продажи алкогольных напитков? Несомненно, поскольку мутации были ненаправленными, сначала тепляки создавали всевозможные миражи, но те из них, которые показывали проходим лектории, библиотеки или клубы, погибли с голоду, и осталась жить только баровая разновидность (*thermomendax spirituosus halucinogenes* из семейства Антропофагов). Так воистину замечательное явление, каким является это совершенство приспособляемости, сделавшее возможным для тепляков ритмичное выбрасывание теплого воздуха, в котором образуется мираж, становится убедительным разоблачением наших пороков. Победу баровой разновидности вызвал сам человек – его поистине достойная жалости натура.

Меня возмутило письмо в редакцию, опубликованное в «Стредогентском эхе». Читатель этой газеты добивался выкорчевывания как тепляков, так и очаровательных брызгалий (этих великолепных деревьев, составляющих лучшее украшение любого парка), потому что, если надрезать их кору, из-под нее брызжет ядовитый ослепляющий сок. Брызгалия – последнее стредогентское дерево, не ис-

пещренное сверху донизу надписями и монограммами, и теперь мы должны от него отказаться! Аналогичная судьба, очевидно, ждет такие ценные творения природы, какими являются мстиль беспутень, топлец булькатый, раскус-ния тайничная или помешотка электрическая, которая, чтобы спасти себя и свое потомство от разрушающего нервную систему шума, принесенного в лесную глушь бесчисленными радиоаппаратами туристов, образовала благодаря естественному отбору разновидность, заглушающую слишком громкие передачи, особенно джазовую музыку! Электрические органы помешотки испускают волны, словно супергетеродин; это необычайное творение природы необходимо срочно взять под охрану.

Что касается гнусницы зловонки, то должен признаться, что запах, который она издает, не имеет себе равных — доктор Хопкинс из Милуокского университета подсчитал, что наиболее энергичные экземпляры в состоянии испускать до пяти тысяч смрадов (единица зловония) в секунду. Но даже маленький ребенок знает, что зловонка ведет себя так только тогда, когда ее фотографируют.

Вид нацеленного на нее фотоаппарата вызывает так называемый линзово-подхвостный рефлекс, которым природа пытается защитить это невинное создание от навязчивости зевак. Правда, зловонка, будучи немного близорукой, иногда принимает за фотоаппарат такие предметы, как портсигар, зажигалку, часы и даже орденские знаки, продетые в петлицу, но происходит это отчасти потому, что некоторые туристы используют миниатюрные фотоаппараты, а при этом ошибиться нетрудно. Тот факт, что зловонка в последние годы активизировала свою деятель-

ность и иногда производит до восьми мегасмрадов на гектар, вызван массовым применением телеобъективов.

Мне не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, будто я считаю неприкосновенными всех космических животных и все растения. Вероятно, убильница выжималя, нравник крушилец, жевалень обжорчик, ножовница ягодичная, трупяник недотьмуций или всеяд неразборный не заслуживают особой симпатии. Так же как все эти выхватники из семейства автаркических, к которым относится *Gauleiterium Fragellans*, *Syphonophiles Pruritualis*, или пытонь клянчевник ножесгребный; а также склочень визгнявый и охраня ласкодавка (*lingula stranguloides Erdmenglerbeyeri*). Но если как следует поразмыслить и постараться быть объективным, неясно, почему, собственно, человек может рвать цветы и засушивать их в гербарии, а растение, которое срывает и вымачивает уши, нужно считать чем-то противоестественным? Если эхон дерзивый (*echolalium impudicum Schwamps*) размножился на Аэдоноксии сверх всякой меры, то и в этом виноваты люди. Ведь эхон черпает жизненную энергию из звуков — раньше ему для этого служили громы, поэтому он до сих пор охотно прислушивается к отголоскам бури, но сейчас он перестроился на туристов, каждый из которых считает своей обязанностью угостить его серией отвратительнейших проклятий. Они говорят, что их забавляет вид этого создания, которое прямо на глазах расцветает под потоком брани. Оно действительно расцветает, но благодаря усваиваемой энергии звуковых вибраций, а не омерзительному смыслу слов, изрыгаемых возбужденными туристами.

К чему же все это ведет? Уже исчезли с поверхности

планет такие виды, как брюзгай голубой или задолом упрямяк. Гибнут тысячи иных. От туч мусора увеличиваются пятна на солнцах. Я еще помню времена, когда лучшей наградой для ребенка было обещание воскресной поездки на Марс, а теперь капризный мальчишка не станет завтракать, если отец не устроит специально для него вспышки Сверхновой!

Растрачивая для таких прихотей космическую энергию, загрязняя метеоры и планеты, опустошая сокровищницу Заповедника, на каждом шагу оставляя после себя в галактических просторах скорлупу, огрызки, бумажки, мы разоряем Вселенную, превращая ее в огромный мусорный ящик. Пора опомниться и любыми, даже драконовскими мерами заставить туристов соблюдать установленные правила. Убежденный, что опасна каждая минута промедления, я бью тревогу и призываю спасти Космос.

ЧЕЛОВЕК В ЗЕРКАЛЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

В Варшаве я видел картину замечательного художника Бронислава Линке «Море пролитой крови». Алые волны выбрасывали на берег пробитые каски, стреляные гильзы, облепленные разлагающимся тряпьем кости. И откатывали назад, взвихряясь нечистой пеной, перемывая, словно гальку, позеленевшие монеты, солдатские пуговицы. А затем вновь лизали горький песок... Больное, мучительное воспоминание о минувшей войне, терзающее память, неотступно стоящее перед глазами.

И хотя смысл полотна, его осязаемая символика были предельно ясны, я почему-то вспомнил о другом алом море – об океане планеты Солярис, созданном крылатым воображением Станислава Лема. И здесь, и там была отчужденная от человека стихия, наделенная имманентной волей, чьи проявления никак не вмещались в привычные рамки добра и зла.

Ничего подобного мировая фантастика до Лема не знала. Ему удалось создать метафорический сплав невиданной силы и емкости, в коем богоборческие мотивы «Фауста» неуловимо сливаются с абстрактными построениями Платона. Мыслящий океан, погруженный в себя, непостижимым образом управляющий орбитальным полетом планеты. Словно некий Абсолют, лишенный видимых сенсорных органов, он порождает фантомы, чья основа лишена атомарной структуры, творя и разрушая свои призрачные фигуры. Игры чистого разума. Неразрешимая загадка вселенского уровня.

Философ и врач, знаток физики, кибернетики, биоло-

гии, социологии, искусствоведения, автор повестей, романов, радиопьес и юморесок, Станислав Лем каждый раз удивляет нас новой неожиданной стороной своего многообразного таланта.

В предисловии к русскому переводу «Соляриса» он говорил: «Думаю, что дорога к звездам и их обитателям будет не только долгой и трудной, но и наполненной многочисленными явлениями, которые не имеют никакой аналогии в нашей земной действительности. Космос – это не «увеличенная до размеров Галактики Земля». Это новое качество. Установление взаимопонимания предполагает существование сходства. А если этого сходства не будет? Обычно считается, что разница между земной и неземными цивилизациями должна быть только количественной (те опередили нас в науке, технике и т. п. либо, наоборот, мы их опередили). Но если та цивилизация шла дорогой, отличной от нашей?

Впрочем, я хотел эту проблему трактовать еще шире. Это значит, что для меня важно было не столько показать какую-то конкретную цивилизацию, сколько показать Неизвестное как определенное материальное явление, до такой степени организованное и таким способом проявляющееся, чтобы люди поняли, что перед ними нечто большее, чем неизвестная форма материи. Что они стоят перед чем-то, с некоторых точек зрения напоминающим явление биологическое, а может быть, даже психического типа, но совершенно непохожим на наши ожидания, предположения, надежды...

«Солярис» должен был быть (я воспользуюсь терминологией точных наук) моделью встречи человечества на

его дороге к звездам с явлением неизвестным и непонятным. Я хотел сказать этой повестью, что в космосе нас наверняка подстерегают неожиданности, что невозможно всего предвидеть и запланировать заранее, что этого «звездного пирога» нельзя попробовать иначе, чем откусив от него. И совершенно неизвестно, что из всего этого получится».

Конечно, все это давнее и глубокое убеждение Лема, с которым трудно не согласиться. Еще в его раннем рассказе «Вторжение» символически выражена эта декларативная идея. Но что вмещает в себя небольшой рассказ, может быть тесным для романа. «Солярис» гораздо шире того, о чем писал в предисловии его автор.

Океан, непознаваемый, загадочный, самотворящий океан Соляриса действительно оказался тем самым «пирогом», о котором говорил Лем. Но есть и другая сторона — реакция героев романа на «пирог», обратная связь людей с Непонятным. Вот это действительно достойный объект для писателя, блистательный плацдарм исследования человеческой души. Мы видели, как ответил океан на жесткое облучение и как реагировали люди на этот неожиданный отпор.

Едва ли можно однозначно охарактеризовать нарисованную Лемом ситуацию. Может быть, именно поэтому он не уделил ей места в предисловии, но не исключено, что эта многозначная и странная, пугающая обстановка и есть художественное выражение всего того сложного комплекса эмоций, который способна породить в человеке неразрешимая загадка. И вновь приходится задавать вопрос, аналогичный тому, который задал Кобо Абэ в «Четвертом

ледниковом периоде»: «Готово ли человечество к встрече с таким Неизвестным? » Мне кажется, что именно в этом основной смысл романа.

За короткий срок Лем успел создать целую библиотеку. Здесь фантастические романы и повести «Астронавты», «Магелланово облако», «Солярис», «Непобедимый», «Возвращение со звезд», «Эдем», «Дневник, найденный в ванне», циклы рассказов «Звездные дневники Ийона Тихого», «Воспоминания Ийона Тихого», «Сезам», «Голос неба», «Вторжение с Альдебарана», «Охота», «Книга роботов», остроумные телевизионные пьесы; публицистический сборник «Выход на орбиту»; интересные философские работы «Литература и кибернетика», «Диалоги», «Summa technologiae», роман «Непотерянное время», посвященный трагическим событиям в оккупированной Польше.

В «Астронавтах» Лем показал на примере испепеленной атомным пламенем Венеры катастрофические опасности гонки вооружений, в «Магеллановом облаке» описал величественные картины далекого коммунистического общества, объединившего обитаемые миры Галактики. «Возвращение со звезд» – роман-предупреждение о неожиданных последствиях вмешательства в человеческую природу, причем вмешательства, сделанного с самыми гуманными побуждениями. Эти вещи Лема хорошо известны, и я не стану на них останавливаться.

«В конечном счете я пишу для современников о современных проблемах, только надеваю на них галактические одежды», – повторим сказанное однажды фантастом, подарившим нам поэтический и обобщенный символ не-

познаваемой для человека сущности – Солярис, тайну тайн, грезящий, подобно индуистскому Вишне, галактический разум.

Не ради холодного света абстрактных истин люди так упорно штурмуют тайны мироздания. Не только технический прогресс и материальное изобилие зовут нас в глубины космоса и микромира. Главная и не всегда осознанная причина поисков лежит в нас самих. Так уж мы устроены, что в познании для нас слились и смысл и цель. Другое дело, что оно всегда вознаграждало любые усилия. Это свойство мира, непреложным компонентом которого является информация. Наука же в конечном счете – наиболее эффективный способ добычи новой информации. Поэтому она и стала самостоятельной производительной силой. Информационная жажда постоянно звала человека вперед. Она обрекла его на нескончаемые поиски нового: новых истин и новых земель, иных миров и иных существ.

В 1869 году в Париже вышла в свет любопытная книга «Средства связи с планетами», автором которой был изобретатель Шарль Кро. Насколько мне известно, это был первый научный труд по весьма современной проблеме контакта с внеземными цивилизациями. Наблюдаемые иногда на Венере и Марсе светящиеся точки Кро принял за попытку жителей этих соседних с Землей миров установить с нами связь и предложил послать ответные сигналы с помощью огромного зеркала. Причем изготовить его мыслилось с такой ничтожной кривизной, чтобы фокус приходился как раз на поверхность одной из планет.

Что ж, идеи Кро, как и все почти научные идеи, были плодами своего времени, своего века. В равной мере сме-

лыми и ограниченными, крылатыми и приземленными. Интересно, что кое-кто из современников назвал книгу Кро «плохой фантастикой». И это тоже дань времени.

Величайшие астрономические открытия прошлого века дали жизнь неукротимому литературному потоку, разлившемуся на наших глазах в полноводную реку космической фантастики. Забытые ныне авторы, живописуя обитателей других планет, словно соревновались между собой в изобретении существ нелепых и поразительных. Но примечательно, что во всей этой горе книг и брошюр не содержалось даже намека на возможности непосредственного контакта между землянином и очередным чудовищем с Марса или Луны. Да и с помощью чего можно было — пусть хотя бы в мечтах — преодолеть черную бездну пространства?

Но эра новых взрывчатых веществ близилась, и крупновские инженеры уже работали над отливкой сверхмощных оружейных стволов. Дело, таким образом, было только за Жюлем Верном, за его великолепной и одновременно такой тривиальной идеей: «Из пушки на Луну». Впрочем, к чести фантастики, надо сказать, что именно эту идею тут же включили в свой арсенал ученые. И лишь теория реактивного движения положила конец межпланетным расчетам, в которых фигурировали такие термины, как «сила заряда» и «длина ствола».

Первый аппарат, поднявший человека над землей, — аэростат, принес с собой и первое разочарование. И хотя Ганс Пфаль Эдгара По сумел добраться на нем до Луны, люди трезвого разума понимали, что надутый легким газом баллон не может покинуть атмосферу. Одним из след-

ствий такого разочарования и была идея послать инопланетным жителям сигнал.

Не досужий фантаст, не безответственный писатель, а сам великий Гаусс предложил начертить на земле достаточно большую геометрическую фигуру, из которой любой разумный инопланетянин смог бы понять, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Один венский профессор тут же посоветовал вырыть где-нибудь в Сахаре огромную траншею, наполнить ее керосином и поджечь. В научных журналах всерьез обсуждались проблемы вроде того, «смогут ли венериане увидеть свет наших ночных городов» или «сколько пороха нужно одновременно взорвать, чтобы вспышку могли заметить с Марса».

Мы знаем теперь, что обычный земной телескоп, установленный, скажем, на Луне, может уловить солнечные блики на застекленной стене здания ООН. Венериане поэтому могли любоваться огнями Токио, а марсиане — атомными взрывами. Конечно, в принципе, потому что некому любоваться, некому наблюдать за нами.

Высеянные в питательных средах образцы лунных пород продемонстрировали полное отсутствие всякой жизни. Прямые измерения температуры, давления и газового состава атмосферы планеты Венера не позволяют даже надеяться на существование там белковых тел. Снимки марсианской поверхности рисуют безрадостную картину холодной, покрытой кратерами пустыни. По-видимому, шансы найти разумную жизнь в пределах Солнечной системы близки к нулю.

Это, правда, не мешает некоторым современным фантастам создавать на соседних с нами планетах процве-

тающие города или, напротив, угасающие цивилизации. Но писатели вообще склонны к небылицам. Даже на карте Земли они ухитряются находить неизвестные доселе государства. Так поступали Свифт и Кампанелла, Томас Мор и Рабле. Так делают и их многочисленные преемники, живущие в нашу эпоху, когда новых географических открытий ждать не приходится. Зато ученые, настоящие серьезные ученые говорят о проблеме контакта лишь в масштабах звездных и галактических. Солнечная система в этом плане их уже не интересует. Еще в Бюроконе, на советско-американском научном симпозиуме «Связь с внеземными цивилизациями», они пришли к общему мнению, что наиболее целесообразно сосредоточить усилия на поисках цивилизаций, технический потенциал которых сравним с земным или превышает его.

Я специально выделил эти удивительные по смыслу слова, столь привычные, однако, на страницах научной фантастики. Как незаметно, как естественно, просто перетекает фантастика в реальность.

Порой фантастика переосмысливает привычные понятия, придавая им иной, более углубленный смысл. Таким стало, например, слово «пришелец», то есть носитель иного разума.

Каким же видится нам этот иной разум иных миров? Злым или добрым? Непостижимым, как океан Соляриса, или антропоморфным, как в «Туманности Андромеды»? Невидимым духом, подстерегающим нас на дне марсианского колодца, или могучим электронным мозгом, сотворенным из мертвой материи?

Фантастика и наука последних лет приучили нас к

мысли, что возможен разум, для которого мы, с нашими извечными проблемами, можем оказаться просто неинтересными. Член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский уверял, что подобная ситуация вполне реальна. Но так ли это на самом деле? Абстрагируясь от того, унижает ли это нас или нет, мы можем рассмотреть вопрос при помощи единственно возможного в данном случае метода аналогии. У человека есть определенные основания считать, что он стоит неизмеримо выше пчел или же муравьев. Однако это не мешает нам проявлять пристальный интерес к удивительным цивилизациям ульев и муравейников, обладающим своего рода коллективным, скажем так, подобием разума. Утратим ли мы этот интерес, когда узнаем о пчелах и муравьях все? Боюсь, что на этот вопрос трудно ответить определенно. Прежде всего потому, что вряд ли мы сможем узнать все хоть о чем-нибудь...

Возможно, высший интеллект потому и является высшим, что способен исчерпать любую сущность до конца. Тогда действительно мы не вызовем в нем никакого интереса. В крайнем случае этот непостижимый для нас разум проявит к нам сдержанное любопытство. Скорее всего бесстрастное, ибо бесцельное зло – защита слабоумных.

Так или иначе, но созданная Лемом модель представляется наиболее вероятной. В том-то и состоит магическая притягательность фантастики, что она позволяет нам взглянуть на одно и то же явление с разных сторон.

После «Марсианских хроник» Брэдли и «Соляриса» мы сравнительно легко переносим и фантомов, и зовущие голоса близких нам, но умерших людей. Не удивит нас также и то обстоятельство, что инопланетная жизнь, при-

чем жизнь разумная, может предстать в обличье зеркально-черных кристаллов, неподвижных механически, но весьма активных в диапазоне электромагнитных полей, даже в плесени.

Если бы автор хотел сообщить нам только это, то игра явно бы не стоила свеч. Наконец, такая попытка была бы просто-напросто отсечена «бритвой» Оккама. Идеи и образы научной фантастики, как известно, подвержены быстрой инфляции. Можно создавать фантастику ради самой фантастики, но подражать ей нельзя. Именно поэтому столь отчетливо и улавливаем мы на фоне традиционного фантастического набора очень нетривиальную мысль. Коротко ее можно сформулировать следующим образом: действия иного разума могут быть истолкованы нами как злые, не будучи таковыми на самом деле.

Разве зла змея, ужалившая наступившего на нее человека? Или зол сам этот человек, всего лишь не заметивший свернувшуюся в траве змею? Просто они живут в разных плоскостях, которые случайно пересеклись роковым для обеих сторон образом. У Океана, чьи вековые сны были нарушены потоком жестких гамма-квантов, была только одна возможность сделать так, чтобы его оставили в покое. И он постарался ее реализовать. Совершенно чуждые плоскости случайно пересеклись, и каждая сторона реагировала по-своему.

Весьма убедительная модель контакта человека с иным разумом. Или пусть даже не с разумом – жизнью. Земная по духу и сути, рожденная аналогией из окружающего нас мира, она тревожит воображение отраженным Землей галактическим светом. Именно отраженным, потому что ни-

кому не дано знать, каким он будет, этот галактический свет, этот иной разум.

Вряд ли космический сапиенс будет похож на те бесчисленные модели и карикатуры, которые создали фантасты Земли. Вряд ли поведение и эмоции иных биообъектов напомнят нам хотя бы одну из земных форм. Природа разнообразна, и нам не измерить ее возможности узкой меркой «заурядной» – или уникальной? – планеты. Но иных мерок мы не знаем, их у нас просто нет, а в центре фантастики – ибо фантастика прежде всего литература – изначально стоит человек. И в этом сила фантастического образа мысли, осознавшего присущие ему слабости.

Вновь обратимся к привычной земной аналогии. Мы знаем, что жизнь вездесуща. Она есть и на дне Марианской впадины, где давление океанской толщи 1100 атмосфер и куда не достигают лучи солнца. Она существует и в снегах Эвереста, в облаках, горячих источниках, во льдах вечной мерзлоты.

Мы знаем микробы, которые черпают необходимую для жизни энергию из радиоактивного распада, микробы, извлекающие рассеянные атомы различных металлов. Поставленные на фитотроне опыты показали, что семена тополя прорастают практически в любой газовой среде и при температурах – 80°C, то есть в условиях Марса. Жизнь неодолима. Это совершенный плод долгой эволюции, в ходе которой природа перепробовала все мыслимые и немыслимые варианты. Немыслимые либо были отвергнуты в самом начале великого эксперимента, либо вымерли, подобно динозаврам, мыслимые остались. Об этом наглядно свидетельствует поразительное разнообразие живых ви-

дов, в основе которого, однако, лежит единый генетический механизм. Это подвижная, необъятная, но в то же время жесткая схема. Ее нельзя дополнить новыми видами даже в ходе эксперимента. Ийон Тихий Лема, например, поведал нам об удивительных инопланетных вариантах воспроизведения потомства. Но насколько бедны они в сравнении с изощренным набором Земли, где партеногенез или вегетация, – лишь одни из многих возможностей реализации единого в своем химизме процесса воспроизводства белков и нуклеиновых кислот. И Лем, врач по образованию, это хорошо понимал. Лишь избранная им юмористическая форма спасала убогое воображение вселенского бродяги Ийона.

Обратимся в этой связи к рассказу Лема «Правда», в котором польский фантаст сделал попытку «изобрести» действительно новый вариант жизни, несводимый к геоморфным аналогам. Как всякое исключение, рассказ этот особенно подходит для окончательного подтверждения правила. Тем более что исключительность лемовской «пиробиологии» лишь кажущаяся.

С чисто философских позиций идея эволюции, протекающей со скоростью плазменных процессов, не выглядит чересчур сногшибательной. Вполне логично допустить, что эволюция сложных агрегаций, построенных из вырожденного ферми-газа, может протекать в доли секунды. Живые клетки существуют, как мы знаем, в привычных для нас временных отрезках. Естественно поэтому, что их развитие протекает в течение многих миллионов лет. Частицы же, участвующие в сильных и особенно слабых взаимодействиях, «живут» миллиардные доли секунды.

Фантаст вправе предположить (литературное произведение судят лишь по законам, созданным самим писателем, а не, скажем, по принципам термоядерного синтеза или вообще «здорового» смысла», что и эволюция на основе таких частиц будет протекать соответственно быстрее. Это, собственно, и сделал Лем. Он создал как будто бы новую, принципиально отличную от земной, белковой, форму жизни. Но так ли это на самом деле? Почему ослепительная взрывообразная жизнь солнечной капли столь напоминает нам и митоз простейших клеток в окуляре микроскопа, и метаболизм каких-то там глубоководных существ? Почему венцом этой прерванной катастрофой эволюции стал гигантский червяк? И вообще каким он мыслился, этот самый венец, физику, от лица которого ведется рассказ? В виде огненной саламандры средневековых магов и мистиков? В образе эдакого светозарного Люцифера? Или высшую форму плазменной эволюции он и в самом деле видит в том, что считает своей «правдой»: в жизни космоса и его светил? В таком случае уместно будет вспомнить, как профессор Челленджер в рассказе Конан Дойла «Когда земля вскрикнула» тоже нашел свою правду – доказал, что Земля и другие планеты – живые существа. Так от нетривиальной посылки Станислав Лем приходит к совершенно традиционным для научной фантастики решениям.

Иначе и быть не может. У научной фантастики своя, причем весьма конкретная, специфика. Вне ее нет, собственно, и научной фантастики, как нет реки вне берегов. Когда исчезают берега и разливается широкая, подобная морю, вода, размываются и жанровые ограничения. В та-

кой воде половодья одинаково тонет все то, что мы зовем сказкой, мифом и просто игрой фантазии.

В центре научно-фантастического произведения всегда стоит человек, причем человек-современник со всем комплексом волнующих его проблем. Научность же фантастики проявляется прежде всего в том, что она всегда находится на уровне свершений сегодняшнего дня. Фантастика очеловечивает и саму науку, и отдельные ее достижения.

Мы всегда слышим эхо науки в раковине искусства. В смутном шуме и рокоте нам не дано распознать отдельные слова, ибо наука говорит языком математики, но радость, тревогу и ожидание мы ощущаем в полной мере.

Творчество Лема нельзя вычленить из мирового литературного процесса. Он сам декларативно представляет своего героя:

«Знаменитый звездопроходец, капитан дальнего галактического плавания, охотник за метеоритами и кометами, неутомимый исследователь, открывший восемьдесят тысяч три мира, почетный доктор университетов Обеих Медведиц, член общества по опеке над малыми планетами и многих других обществ, кавалер орденов Галактики и туманностей, Ийон Тихий сам представится в этих «Дневниках», ставящих его наравне с такими неустрашимыми мужами древности, как Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, Павел Воскобойников, Лемюэль Гулливер или мэтр Алкофрибас».

Лем часто обращается к неопенимому опыту великих сатириков прошлого. Недаром его Ийон Тихий получил прозвище «космического Мюнхгаузена». Щедрин, Свифт,

Рабле – все они в той или иной мере оставили свой след и в «Дневниках», и в «Кибериаде». Вселенские бродяги Трурль и Клапауциус вполне под стать неутомимому Ий-ону Тихому.

«Слава тем и отличается, – говорится в грустной новелле «О том, как Трурля собственное совершенство к беде привело», – что обычно молчит о поражениях, даже если они порождены высочайшим совершенством».

«Безупречность нашего мастерства – это наше проклятие, которое отягощает непредвиденными последствиями любое наше создание, – вторит ему Клапауциус. – Неумелый подражатель, возжаждав пыток, сделал бы себе бесформенного идола из дерева и воска и, придав ему некоторое сходство с разумным существом, издевался бы над ним суррогатно и неестественно. Но подумай, к чему ведет дальнейшее совершенствование этого замысла! Представь себе, что другой сделает куклу с граммофоном в животе, чтобы она стонала под ударами, представь себе куклу, которая, если ее бить, будет молить о пощаде, куклу плачущую, истекающую кровью, куклу, которая боится смерти, хоть и прельщает ее ни с чем не сравнимое спокойствие смерти! Неужели ты не видишь, как мастерство подражателя приводит к тому, что видимость становится истиной, а подделка – действительностью? Ты отдал жестокому тирану в вечное владение неисчислимые массы существ, способных страдать, а значит, совершил позорный поступок...»

Так из сказки выкристаллизовывается крупнейшая этическая проблема. Лем-юморист вдруг вновь превращается в автора «Соляриса».

Повесть Лема «Непобедимый», целиком лежащая в сфере традиционной космической фантастики, интересна для нас тем, что в ней автор впервые серьезно задумывается над вопросом, что же все-таки ожидает человека в безграничном пространстве.

Вот что сам Лем пишет в коротком предисловии к журнальной публикации:

«Можно, например, считать «Непобедимый» повестью о космических приключениях, полной таинственных опасностей и стрельбы. И это будет в какой-то степени правдой. Можно также считать ее попыткой показать отдаленные этапы исследования Вселенной, когда человек, располагающий могучей техникой, будет познавать различные таинственные явления. Либо даже моделью – в понимании теории информации – стратегического поведения перед лицом явления, до сих пор исторически непознанного. В частности, стратегической игры, в которой само понятие «противник» подвергается постепенному изменению, что, в свою очередь, вызывает изменение применяемой человеком стратегии. Чтобы создать такую «модель», я пользовался, кроме всего прочего, некоторыми наиболее общими, а значит, пожалуй, наиболее важными выводами из теории эволюции (в ее кибернетической интерпретации)... Сначала испытанию подвергается автоматическая техника, а после ее поражения – творец этой техники, который выйдет из схватки непобежденным, и одно это будет значить многое. И тогда не гигантскому космическому кораблю, а безоружному человеку будет принадлежать имя, которое одновременно является названием повести».

Тут трудно что-либо добавить. Именно безоружный человек, вернее, вооруженный лишь разумом, стоит в центре внимания замечательного польского писателя. Астронавт Рохан, безоружный и непобедимый посланец светлого мира, покончившего с социальным неравенством и войной. Человек, который уже сегодня строит этот мир, друг, современник.

«В конечном счете я пишу для современников о современных проблемах...» – мысленно повторим авторское признание.

Еремей Парнов